

Союз краеведов России.
Псковское региональное отделение
Российская Международная академия туризма. Псковский филиал

**ШЕСТЫЕ
ПСКОВСКИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Книга II

Печоры
9—11 октября 2015 года

Псков — Москва
2016

ББК 63.3 (2Рос — 4Пск)

Редактор-составитель
Т.В. Вересова

Шестые Псковские региональные краеведческие чтения (Печоры. 9–11 октября 2015 г.)

Редактор-составитель Т.В. Вересова. Союз краеведов России. Псковское региональное отделение. Псков — Москва, 2016. Книга II, с. 448, ил.

ISBN 978-5-600-00062-9

Вторая книга сборника составлена на основе докладов, прочитанных в ходе VI Псковских Региональных краеведческих чтений, проходивших в Печорах на базе Свято-Успенского монастыря и Центральной районной библиотеки 9–11 октября 2015 года. Сюда вошли статьи, посвящённые 70-летию Великой Победы и людям, по разным причинам забытым, но сыгравшим немаловажную роль в истории края, России. Сборник вызовет несомненный интерес ещё и потому, что в нём о Псковской земле рассказывают не только местные исследователи, но и представители различных регионов России и Ближнего Зарубежья.

ББК 63.3 (2Рос — 4Пск)

ISBN 978-5-600-00062-9

© Вересова Т.В., составление, 2016

© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вересова Т.В.

Краеведение — это и наша память, и наша культура8

«ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ...»

Посвящается 70-летию Великой Победы

Айда А.Б.

Печорский край в годы Великой Отечественной войны.....12

Площук Г.И., Большакова Н.В.

Великая Отечественная война в зеркале псковской
народной речи и фольклора.....17

Конов Ю.Г.

Лётчики истребительной авиации — кавалеры ордена
Александра Невского23

Никитенко Н.В.

Виктор Павлович Обьедков:
страницы жизни и деятельности.....42

Дроздов Н.П.

Изборск в годы Великой Отечественной войны
(По страницам авторской книги «А это было так»).....48

Ермак Д.А.

Дмитрий Козьяков — рядовой Бессмертного полка.....59

Цветков Н.А.

Учащиеся Абренской гуманитарной гимназии
на фронтах Великой Отечественной66

Голубев А.С.

Валентина Скобелева — участница разминирования
Печорского района в 1945–1946 годах77

Фёдоров А.И.

Проблема захоронений времён Великой Отечественной войны
на территории Плюсского и Стругокрасненского районов87

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ —

«ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ...»

Фёдорова О.М.

Образ посланника Н.П. Резанова в дневниках его спутников
по кругосветному плаванию104

Левин Н.Ф, Шор Т.К.

Общественная деятельность Константина Врангеля,
управляющего Псковской Казённой палатой116

Витас А.Б.

Кругосветчики и «дебоширы» лейтенанты Хвостов и Давыдов128

Караулова И.Б.

Варвара Александровна Княжнина в семейном окружении.....139

Кругликова К.А.

Род Кругликовых на Псковской земле.....151

Трофимова Г.Т.

Дмитрий Михайлович Милютин об осаде Великих Лук
в 1580 году войсками Стефана Батория.....157

Невзорова И.М.

Род Кноррингов на Псковской земле164

Пономарёв А.Ю.

Архитектор Александр Владовский176

Сизинцева Л.И.

Выдающийся экскурсионист Арт Закс203

Митрофанова Н.А.

Бытописатель человеческой жизни: возвращение писателя
Виктора Муйжеля к читателям XXI века.....212

Аксельрод В.И. Забывтый писатель (Петербургские адреса Виктора Муйжеля).....	221
Малнач А.Д. Елена Александровна Евстифеева-Дзейвер: между Опочкой и Ригой	240
Валк Н.А. Иван Соколов и Николай Яснецкий: творческое содружество русских художников Эстонии	251
Банникова В.А. «В ненастный день взойдёт, как солнце, моя вселенская душа!» (К 110-летию творческой деятельности Игоря Северянина).....	274
Векшин А.П. Галерея портретов преподавателей и выпускников Псковской Учительской семинарии 1901 года	289
Петровская О.Н. Камера-обскура в военно-революционном Невеле. Дневник эмигранта, 1916–1917 годы	304
Васильев В.И. Секреты старого чемодана (Предварительные результаты изучения рабочего архива А.А. Подчекаева)	318
Кузнецова З.И. «Кому ж писать я буду оды?» (О поэтах Лавров 20-х — 30-х годов XX в.).....	333
Громова А.В. О контактах Леонида Зурова с жителями Печор (По печатным и архивным материалам).....	353
Разумовская А.Г. Печорский край в переписке Леонида Зурова и Николая Андреева.....	365
Жуковская Т.Н. Леонид Зуров — хранитель русской истории в Зарубежье.....	373

Кондратенко А.И. Пскович Тимофей Антропов — первый заведующий Отделением журналистики МГУ	383
Сергеев В.Н. Отец Иоанн Крестьянкин. 1946 год.....	390
Филимонов А.В. Архимандрит Пимен — наместник Псково-Печерского монастыря	395
Мокриковская Е.В. И корни и ветви в Печорском краю (К 100-летию со дня рождения М.В. Лашина)	408
Анитьева А.Н. Воин. Поэт. Библиотекарь (К 100-летию со дня рождения В.В. Воронкова).....	415
Вересова Т.В. Печорский край в творческой судьбе Елены Николаевны Морозкиной.....	421
ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ	437
УЧАСТНИКИ VI ПСКОВСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ	438

КРАЕВЕДЕНИЕ — ЭТО И НАША ПАМЯТЬ, И НАША КУЛЬТУРА

Вересова Т.В.

(Псков — Москва),

председатель Псковского регионального отделения СКР

Источник знания неистощим: какие успехи ни приобретаешь человечество на этом пути, всё людям будет оставаться искать, открывать и познавать.

Иван Гончаров

«Этот день мы приближали, как могли...» (70-летию Великой Победы) и «Имя в истории края, России» (100-летию со дня рождения краеведа Михаила Лашина и 135-летию — писателя Виктора Муйжеля) стали «юбилейными» темами нашей конференции, а «рабочей», по традиции, — культурно-историческое наследие Псковской земли, хотя то и другое вместе и одновременно нашим наследием и является. И, если говорить о военной теме, то для истории Печорского края открыты два имени — Виктора Обьедкова и Валентины Скобелевой. А два дня работы секции «Имя в истории края, России» вообще обернулись сплошными сюрпризами не только для псковичей, но и представителей Латвии и Эстонии. Случалось такое, что ответы на вопросы, «мучившие» кого-то в течение многолетних поисков, неожиданно находились прямо во время докладов. Особенно много тайн открыл старый чемодан архитектора Подчекаева: оказалось, что Анатолий Алексеевич связан не только с Псковом и Печорами, но и с Тарту и Таллином, Ригой. «Нашёлся» в этом чемодане и пропавший для исследователей в 1916 году псковский дворянин Владимир Назимов, а «нашли» его в имении Варвары Алексеевны Пушкиной Маркучай, под Вильно: был он здесь управляющим... — тайна, разгаданная и для пуш-

кинистов. На очередные наши Чтения архитектор Владимир Васильев, владелец этого чемодана, готовится раскрыть ещё не один секрет...

Событием в краеведении считаю то, что именно в Печорах сразу из уст четырёх докладчиков прозвучало имя Леонида Зурова. Активно «возводить в литературный чин» своего любимого писателя начал Александр Николаевич Стрижёв, подготовивший к печати в 1999 году его «Обитель» (Очерк о Псково-Печерском монастыре: Повести, рассказы, очерки, воспоминания. — М., Паломникъ). На основе этого же архива, привезённого А.И. Солженицыным из Великобритании, А.Н. Стрижёв составил и указатель «Л.Ф. Зуров. Материалы к библиографии»: Литературоведческий журнал № 32. — М., ИНИОН РАН. 2013, — с. 286 — 302. К сожалению, православный писатель Зуров, имя которого чаще упоминается в связи с биографией И.А. Бунина, мало знаком не только псковскому читателю. Однако для популяризации его творчества и личности много сделано И.З. Белобровцевой, доктором филологии из Таллина, — пожалуй, единственного человека, в полном объёме владеющего содержанием архивов И.А. Бунина и Л.Ф. Зурова, хранящихся во Франции и Великобритании. Благодаря Ирине Захаровне в 2005 году в журнале «Звезда» (№ 8, с. 61 — 113, и № 9, с. 99 — 145) была опубликована повесть Л.Ф. Зурова «Иван-да-Марья», а годом раньше совместно с Ричардом Дэвисом (Великобритания, Русский архив Лидского университета) — переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928 — 1929) «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость» (И.А. Бунин. Новые материалы. Выпуск I. — М.: Русский путь, 2004, — с.232 — 285), и вступительная статья И.З. Белобровцевой. В 2010 году во II выпуске этого же сборника, и вновь в содружестве с Р.Дэвисом, — 2-я часть переписки (1933 — 1953) И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым, и снова с комментариями Ирины Захаровны (И.А. Бунин. Новые материалы. Выпуск II. — М.: Русский путь, 2010. — с. 179 — 225). И особенно ценной для нас является вышедший в 2013 году в Таллине «Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. XIII» («Только Вы поймёте следующий текст...») — переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова, познакомившихся в Печорском крае, оказавшихся в эмиграции и подружившихся «на одной почве» — любви к Родине... И в появлении этой книги мы снова обязаны И.З. Белобровцевой. К 100-летию начала Первой мировой войны в питерском издательстве ЛИМБУС ПРЕСС впервые в книжном исполнении вышла повесть Зурова «Иван-да-Марья» (по публикации

2005 года И.З. Белобровцевой). И сейчас наша надежда на реконструкцию текстов Л.Ф. Зурова и их публикацию только на Ирину Захаровну Белобровцеву... Эпистолярное наследие Зурова теперь (думаю, за редким-редким исключением) полностью доступно нам: в издательстве «Русский путь» в 2014 году вышел из печати III выпуск сборника «И.А. Бунин. Новые материалы. "...Когда переписываются близкие люди". Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934 — 1961», и мы сможем знать об отношениях этих людей из первых уст — такими, каковы они были на самом деле.

Событием, праздником для нас, стало и издание А.Ю. Пономарёвым в серии «Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова» сборника «Л.Ф. Зуров. Статьи и письма». Андрей Юрьевич собрал тематический материал из всех зарубежных архивов; в его книге много иллюстраций, большая часть которых свет увидела впервые.

Говоря о богатстве услышанного о Леониде Зурове, ни в коей мере нельзя умалить содержания других докладов — буквально каждый интересен и обязательно несёт на себе не только новизну, но открытие новых страниц в истории Псковской земли, отсюда понятен и настрой участников конференции на очередные встречи, и их отзывы о наших Чтениях — приведу лишь некоторые из них.

Аида Разумовская, доктор филологии (ПсковГУ): «... У меня сложилось хорошее впечатление о том, как Чтения были организованы и проходили. Вам удалось собрать много заинтересованных людей, затронуть много важных тем, показать всё богатство истории и культуры края, да и России в целом. Спасибо Вам за это и за приглашение!».

Валк Надежда, магистр филологии и психологии (Тарту): «... большое спасибо Вам за замечательное мероприятие! Столько интересных докладов, столько серьёзных учёных! А как чудесно было всё организовано! Спасибо большое за всё! Если и можно о чём-то сожалеть, то только о том, что невозможно было разделить себя и слушать все 4 секции».

Ирина Невзорова (Москва), литературовед, член Союза писателей РФ: «... спасибо за тот праздник — чистый, искренний и душевный, — который Вы устроили всем участникам Чтений! ... Пребывание в Печорах и я, и Татьяна Жуковская вспоминаем как райские дни под Божьим присмотром, полные любви, дружелюбия, гостеприимства и красоты — природной и рукотворной».

**«Этот день
мы приближали,
как могли...»**

Посвящается 70-летию Великой Победы

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.Б. Айда

(Печоры),

главный библиотекарь Отдела информационных технологий

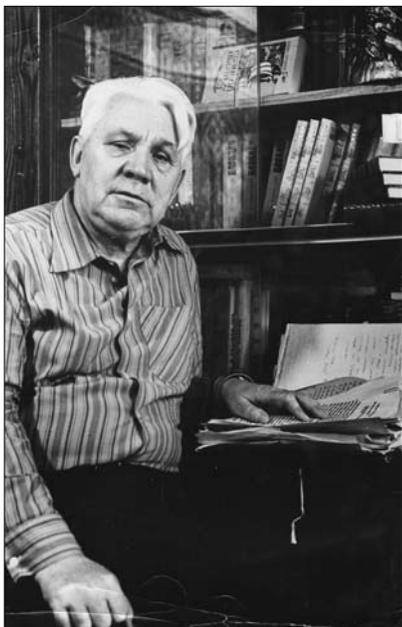
МБУК «Печорская ЦРБ»

В этом году мы отметили 70-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. У такой круглой даты много значений. Одно из них состоит в том, что война становится историей. Да, она стала ею сразу после завершения, но по-настоящему превращается в историю именно в наши дни. Ушли из жизни почти все участники и современники тех событий. Ещё пять-десять лет назад можно было успокаивать себя мыслью, что рядом есть люди, которые знают и помнят, хранят память. Сегодня мы всё ближе к черте, когда то, что удалось записать и сберечь, останется навсегда, а забытое — утеряно безвозвратно. Печорскому району сильно повезло: семь десятилетий сотни замечательных людей трудились над тем, чтобы сохранить нашу историю. Всех не назвать при всём желании, вспомним наиболее важные имена.

Михаил Васильевич Лашин, краевед. Будучи одним из организаторов комсомола в предвоенный год и став бойцом истребительного батальона с началом войны, он сделал также много и после неё. Статьи в газете, экскурсии, памятники, построенные благодаря его инициативе.

Пётр Алексеевич Дятлов, учитель. За пределами нашего района он известен по одной-единственной книге «День за днём», но на самом деле собранных им материалов хватило бы на десять томов.

Арсений Трофимович Таратушко, директор Печорского музея. У каждого архивного документа есть лист использования, где фикси-

Михаил Васильевич Лашин.
Фото из архива семьи

Борис Михайлович Костомаров.
Фото из архива жены Г.Ф.Костомаровой

руется — кто, когда и с какой целью его открывал. И какой документ печорской истории времён войны ни возьми — везде найдёшь фамилию Таратушко. Он не просто руководил музеем — он управлял изучением нашего края.

Борис Михайлович Костомаров, редактор областной Книги Памяти. Печорский журналист № 1, многолетний редактор «Печорской правды». Появление множества заметок и статей, сохранявших ценнейшие факты, стало возможным благодаря тому, что он возглавлял газету.

Названные товарищи и многие другие заложили прочный фундамент. И он не пропал. С девяностых годов краеведческим центром района является Печорская библиотека. На её базе действует Общество краеведов, ведётся издательская деятельность, организуются встречи с интересными людьми. Тема Великой Отечественной войны — одна из центральных. Слушая воспоминания старожилов, читая их статьи трудно не заинтересоваться родным краем. Когда я

впервые прочитал книгу «День за днём» Петра Алексеевича Дятлова, то испытал потрясение: о событиях рассказывается так, будто автор лично в них присутствовал.

Под впечатлением от прочитанного захотелось узнать больше. Дятлов пишет в основном о юге района, а Печоры-то находятся на севере. Я стал собирать факты, даты, отыскивать карты, составлять схемы. План был прост: 1) собрать максимум сведений, 2) обобщить и выстроить их в хронологическом порядке, 3) разместить получившийся текст в Интернете. Только всё оказалось сложнее, чем представлялось поначалу.

Избитое сравнение, но краевед-любитель — это разведчик, прокладывающий тропу, которой когда-нибудь пойдёт армия профессиональных историков. Ему в полной мере приходится сталкиваться с зыбкостью и ненадёжностью устных и отрывочностью письменных источников.

Для старшего поколения важнее всего были переживания людей, их личные ощущения. Печеряне, писавшие о войне в шестидесятых-семидесятых годах, многое сообщали парой слов или намёком. Например, часто встречается упоминание «трагедии у деревни Барабаново». Что это было и где, читателю должно быть, по мнению авторов, понятно без пояснений. А ведь даже деревни в настоящее время уже нет. Остался памятник на краю леса на том месте, где расстреляли активистов Советской власти.

С годами сказывается временное расстояние и источники начинают играть в «испорченный телефон». Допустим, есть у нас деревня Городище. В ней жила семья Укусовых. С возвращением в 1940 году Советской власти отец вступил в партию, сын и дочь — в комсомол. Потом началась война, они записались в истребительный батальон. Дальше пришли немцы и Анну схватили, привезли в Печоры, пытали и расстреляли. И вот в семидесятые появляется в газете заметка, где она называется Анной Константиновной Укусовой. Как? Почему? Стопроцентно известно, что отца звали Андрианом. Загадка. Со временем попал ко мне список членов ВЛСМК уезда. Там нашёлся ещё человек — тоже Анна Константиновна. Только фамилия Укусова. Она родом из деревни Кильск, что южнее Изборска. Разница в одну букву привела к тому, что стоило перепутать фамилии и из двух человек получился один.

Пётр Алексеевич Дятлов (слева).
Фото из архива его сына А.П.Дятлова

Простой план с треском провалился. Фактов накопилось — гора, но и противоречий между ними — не меньше. Шапкозакидательские настроения пришлось отставить и перейти к методичной работе. И здесь нужно сказать спасибо современным технологиям. Какой бы ни был энтузиазм, но знаний он не заменит. Интернет позволяет получить помощь от людей, чья эрудиция и опыт на порядок выше твоей. Удалось добыть фотографию. Изборская крепость, немец сидит в машине, рядом броневик. Что за броневик? Не знаю. Специалисты посмотрели на фотографию и слёту определили, что это артиллерийский тягач, назвали марку и модель. Такая помощь во многих случаях оказывается бесценной.

Петсерский уезд входил в состав Эстонской ССР на момент начала войны и вплоть до его освобождения. Как следствие, большинство письменных источников той поры на эстонском языке. Эстония до сих пор считает Печорский район частью своей территории, поэтому их историки ведут серьёзную исследовательскую деятельность. Изучая труды соседей, понимаешь, в чём отличие честных краеведов от пропагандистов на ставке. Наши люди пытаются докопаться до сути, установить истину. Эстонские «коллеги», увы, искажают факты, выстраивают стены лживых интерпретаций, обеляют нацизм.

В 2014 году Псковская областная библиотека объявила конкурс по Великой Отечественной войне. Мы приняли участие, отправив текст, получивший одобрение библиотекарей. В нынешнем году директор Печорской библиотеки Вера Александровна Шувалова предложила издать его на бумаге в рамках организуемых Администрацией Печорского района мероприятий по празднованию юбилея, что и было сделано в виде книги-хроники «Печорский край в годы Великой Отечественной войны».

Прошедшие полгода со времени выхода в свет позволяют объективно оценить результат. В книге много недосказанностей, хватает фактических ошибок и это, конечно, плохо. С другой стороны, удалось напомнить о людях, что оказались почти забытыми, опубликовать ранее не известные документы и фотографии. Публикация привела к неожиданной реакции. Читатели стали делиться воспоминаниями, присылать рассказы о жизни своих родственников в годы войны. Пишут не о героях, увешанных орденами, а о рядовых печерянах, рассказы о чьих судьбах редко попадают на страницы газет.

Что делать с подобными материалами? Решено создать электронную базу биографий «Печеряне военных лет» в виде интернет-сайта. Сейчас сайт находится на стадии первичного наполнения. Список из тысяч имён и фамилий людей, о которых известны годы жизни или немногим больше, впечатляет. Не знаю, сколько времени потребуется, чтобы превратить краткие записи базы данных в биографии, но можно не сомневаться, что эта необходимая работа будет выполнена.

Заканчивая, вернусь к тому, с чего начал. Семьдесят прошедших лет создают обманчивое впечатление, что мы знаем едва ли не всё или хотя бы многое. Это не так. Известно крайне мало. Какой темы ни коснись — вопросов больше, чем ответов. Печорская районная библиотека делает и будет делать всё для того, чтобы лозунг «никто не забыт, ничто не забыто» был не только словами.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ ПСКОВСКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ И ФОЛЬКЛОРА

Н.В. Большакова,

*кандидат филологических наук,
заведующая Научно-образовательной лабораторией
региональных филологических исследований ПсковГУ;*

Г.И. Площук,

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Научно-образовательной
лаборатории филологических исследований ПсковГУ*

Работа по собиранию, публикации и изучению фольклора Великой Отечественной войны началась уже в годы войны и с тех пор не прекращалась до настоящего времени¹.

Псковские диалектологи и фольклористы собиранием информации на тему Великой Отечественной войны специально не занимались. Но воспоминания о войне настолько значительны в коллективном сознании жителей псковских деревень, особенно старшего поколения, что эта тема всплывает почти в каждой экспедиции во время бесед с информантами.

В фондах Фольклорного архива Псковского государственного университета (ФА ПсковГУ) представлены материалы о Великой Отечественной войне в традиционных жанрах: устные рассказы, песни, частушки, собранные в 23-х из 24-х районов Псковской области. Они записаны в период с 1977 по 2014 г., то есть спустя 30–70 лет после войны, от информантов, начиная с 1899 (1 чел.) и по 1934 год рождения. Возраст информантов от 59 до 89 лет.

Работа с материалами о Великой Отечественной войне из фонда ФА ПсковГУ ведётся уже на протяжении ряда лет. Первый сборник

«Великая Отечественная война в зеркале народной псковской речи» был подготовлен и издан в 2010 году в рамках совместной деятельности Государственного учреждения культуры «Областной центр народного творчества» и Лаборатории региональных филологических исследований Псковского государственного педагогического университета. Этот сборник включал только устные рассказы о Великой Отечественной войне ².

Затем в Лаборатории ³ была создана электронная база данных «Устные рассказы о Великой Отечественной войне (по материалам псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива)», получившая Свидетельство о государственной регистрации в июне 2012 года ⁴.

В настоящее время работа над электронной базой данных продолжается. Кроме устных рассказов, в неё будут включены песни и частушки на военную тему. Войдут и вновь поступившие в наш архив тексты устных рассказов о Великой Отечественной войне. Все тексты — и прежде включённые в базу данных, и новые — выверяются по их аудиозаписям, и таким образом новые расшифровки более точно передают содержание и диалектные особенности речи информантов. В базе представлены не только выверенные по звукозаписям расшифровки текстов, но и сами аудиозаписи. Электронная база данных в обновлённом виде будет представлена на сайте Лаборатории «Язык и культура в коммуникативном пространстве Псковщины» (<http://pospskoviana.pskgu.ru/index.php>).

На основе электронной базы данных готовится издание нового сборника, который будет состоять из 2-х частей. В каждой из двух частей сборника материал будет организован с учётом его специфики и жанровой принадлежности.

Первая часть — устные рассказы о Великой Отечественной войне. В устных рассказах потрясающая своей трагичностью и силой народного духа история Псковской области в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы представлена в судьбах обычных людей, преимущественно сельских жителей: мужчин, женщин, стариков и детей. Тексты о войне пронзительны по своей правдивости. Достоверность фактических сведений усиливается благодаря живому языку, на котором «звучат» эти рассказы.

Так как содержание текстов не позволяет провести внутреннее тематическое деление, их группировка, как и прежде, проведена по фор-

мальному принципу — алфавитному порядку районов Псковской области, где были записаны тексты.

Эта, первая, часть сборника будет включать два подраздела: первый — рассказы, повествующие о событиях во время войны и о жизни после войны, записанные от информантов с соблюдением существующих требований (это такие показатели, как имя информанта, его возраст, пол, образование, национальная принадлежность и другие характеристики информанта); второй подраздел — также тексты рассказов, записанные в экспедициях от информантов, не являющихся местными уроженцами, но, тем не менее, представляющие собой правдивую картину тягот и трудностей военного времени.

Вторая часть сборника будет посвящена песенному фольклору Великой Отечественной войны и также включает два подраздела. Первый — песни о Великой Отечественной войне. Второй — частушки. Песни войны, представленные в ФА ПсковГУ и записанные, как уже говорилось, спустя 3–7 десятилетий после войны, посвящены не только и даже не столько подвигам бойцов и партизан. В них поётся о разлуках, страданиях, ранениях и гибели, о фашистской неволе, о муках военнопленных и угнанных в Германию, о повседневном подвиге санитаров и медицинских сестёр, о возвращении домой людей, искалеченных войной, о верности и предательстве любимых. Эти песни — «свидетельство высокой духовности нашего народа, не только героически сражавшегося с врагом, но и отстаивавшего моральные ценности: любовь, верность, честность, гуманное отношение к ближнему»⁵.

Народные песни о Великой Отечественной войне из фонда ФА ПсковГУ в большинстве своём почти точно воспроизводят или представляют собою варианты текстов, известных по публикациям фольклора Великой Отечественной войны. При этом варианты одних и тех же песен могут совпадать или отличаться по напеву как от записанных в других областях, так и от записанных экспедициями ФА ПсковГУ на территории Псковской области.

Источники песенного фольклора Великой Отечественной войны очень неоднородны. Народные песни на тему войны, как неоднократно указывали исследователи, создаются либо как переделки (от замены каких-либо деталей, реалий до существенных трансформаций), либо как новые тексты на основе мелодии и ритмики популярных

песен. Причём источником служат популярные песни разных времён: традиционные народные песни, песни на стихи известных, не очень известных и неизвестных авторов, песни Первой мировой войны, революции и гражданской войны, песни советских композиторов. Особенно популярна была в этом плане «Катюша». Оказали влияние на формирование песенного народного репертуара Великой Отечественной войны распространённые, особенно в сельской местности, так называемые жестокие романсы и романсы-баллады, а также частушки и даже блатной песенный фольклор. Всё это, естественно, сказалось на содержании, поэтике и прагматике (особенностях бытования) песен.

В основу подраздела, посвящённого песням, предполагается положить сюжетно- тематический принцип систематизации текстов: последние будут распределены по тематическим группам, внутри них — по сюжетам и вариантам. Вероятно, внутри подраздела в особые группы будут выделены песни, созданные на основе популярной песни «Катюша», и частушечные песни.

Второй подраздел второй части сборника — частушки о Великой Отечественной войне. Среди частушек из фонда ФА ПсковГУ имеются варианты известных по публикациям фольклора Великой Отечественной войны⁶, собранного в разных областях России, а также тексты, по публикациям не известные.

Компактная, мобильная, позволяющая мгновенно откликнуться на взволновавшие человека события или ситуацию, частушка возникла в своё время как молодёжный жанр и преимущественно таковой оставалась вплоть до 60-х годов XX века. В фольклорном архиве ПсковГУ частушки Великой Отечественной войны — это в большинстве своём частушки девичьи. *Мальчи* частушки (частушки парней) — главным образом партизанские, хотя партизанская тематика присутствует не только в *мальчи*х частушках.

Война и сам ход войны, победа, добытая неслыханной ценой, демографические последствия войны, тяготы послевоенной жизни — всё это предстаёт в частушках в настроениях и переживаниях сельской молодёжи, главным образом девушек, хотя, конечно, не только молодёжи.

В основу систематизации частушек Великой Отечественной войны, помещаемых в нашем сборнике, положен тематический и условно-хронологический принцип. Конечно, речь не идёт о точных датах.

Таковых в частушках практически нет. Но движение военного времени ощущается в деталях — в частности, в географических названиях, в образах, в событиях жизни человека и страны, к которым обращается частушка, в динамике отразившихся в ней народных настроений. В этой последовательности намечается некий сюжет: начало войны, её ход, окончание, первая послевоенная пора, что хорошо передаёт рубрикация материала, обозначенная цитатами из частушек: «На войну залётку/сыночка взяли, я осталась сиротой»; «Война всё разгорается»; «Партизаны, партизаны»; «Уносите, фрицы, ноги!»; «Проклятый косой Гитлер»; «На германской на границе»; «Санитарный поезд шёл»; «Наши годы молодые продолжают войной»; «Войне скоро конец»; «Вот и кончилась война»; «Работа лошадиная»; «Сколько Гитлер воевал, всё победа наша!»

Сборник будет снабжён звуковым приложением, в котором будут представлены как устные рассказы, так и песенный фольклор Великой Отечественной войны.

Примечания и источники:

1. Крупянская С., Миц С. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953; Русский фольклор Великой Отечественной войны / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Наука, 1964; Гончарова А.В. Устные рассказы Великой Отечественной войны. Калинин. гос. ун-т, 1974; «...И поёт мне в землянке гармонь...»: Фольклор Великой Отечественной войны / Сост., вступ. ст., примеч., слов. Б.П. Кирдана. М.: Просвещение, 1995. 288 с.; Белецкая Е.М. Частушки Великой Отечественной войны в записях 1944–1946 гг. (по материалам Государственного архива Тверской области // Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов) / Ред. О.Е. Лебедева, М.В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 104–118, 124–128; Белецкая Е.М. Фольклорное поле Великой Отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология»; Вып. 2, 2010. С. 99–108; Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / Автор и рук. проекта А.С. Каргин. Составители: А.В. Кулагина, Л.В. Миронихина, Г.А. Шепелев. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010 и др.

2. Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: сборник текстов устных рассказов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / Редактор-составитель Н.В. Большакова, составитель Н.Г. Савина. Псков, 2010.
3. С изменением статуса вуза изменилось название лаборатории: Научно-образовательная лаборатория региональных филологических исследований Псковского государственного университета.
4. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012620528 «Устные рассказы о Великой Отечественной войне (по материалам псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива)» / Федеральная служба по охране интеллектуальной собственности. Правообладатель: Образовательное учреждение высшего профессионального образования Псковский государственный университет. Зарегистрировано в Реестре баз данных 8 июня 2012 года. Электронную базу данных «Устные рассказы о Великой Отечественной войне (по материалам псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива)» можно найти на сайте Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований ПсковГУ «Язык и культура в коммуникативном пространстве Псковщины» по адресу: <http://nocpskoviana.pskgu.ru/war.php>. Ее можно найти также, перейдя по ссылкам: Сайт ПсковГУ — Полезные ссылки — Язык и культура в коммуникативном пространстве Псковщины — Псковский фольклор и народная речь — Фольклор Великой Отечественной войны.
5. Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / Автор и рук. проекта А.С. Каргин. Составители: А.В. Кулагина, Л.В. Миронихина, Г.А. Шепелев. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 348.
6. См., например: Чагушки в записях советского времени / Подгот. З.И. Власова и А.А. Горелов. М.; Л.: Наука, 1965; Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / Автор и рук. проекта А.С. Каргин. Составители: А.В. Кулагина, Л.В. Миронихина, Г.А. Шепелев. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 389–405.

ЛЁТЧИКИ ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ АВИАЦИИ — КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Ю.Г. Конов

(Псков),

старший научный сотрудник Музея-заповедника

В столь коротком формате невозможно осветить действия истребительной авиации в боях на Псковской земле с лета 1941 года по август 1944 года, поэтому цель этого моего исследования — рассказать о лётчиках-истребителях 315-й Рижской Истребительной авиационной дивизии (командир полковник Литвинов Виктор Яковлевич), награждённых полководческим орденом Александра Невского за бои на 2 и 3 Прибалтийском фронте с января по июль 1944 года. Согласно статуту, награждением орденом подлежали лица *«за командование авиаподразделением или частью, настойчиво и успешно совершившими ряд боевых вылетов, нанесшими жестокий урон живой силе и технике противника и без потерь вернувшимися на свою базу [1].*

С 1 января по 1 мая 1944 года 315-я Авиационная дивизия базировалась на аэродромном узле Великие Луки (Медведовка, Чупрово, Лемно, ст. Торопа, район Великие Луки, действуя на Новоскольническом направлении. 1 мая 1944 года дивизия перебазирована на аэродромный узел Выбор, Ашево, Палкино, Новоржев. С 10 июля по 16 июля 1944 года дивизия воевала на Идрицком направлении, базирываясь на аэродромах Усть-Дольссы, Идрица, Себеж. В состав дивизии входили следующие полки: 50-й Краснознамённый Истребительный авиационный полк (командир — майор, подполковник Винокуров Алексей Михайлович: 05.07.1943 — 18.05.1945), 431-й Краснознамённый Истребительный авиационный полк (командиры — майор, подполковник Кукушкин Андрей Андреевич: 29.06.1942 — 21.02.1944, подполковник Зайцев Александр Андреевич: 25.02.1944 — 09.05.1945),

Литвинов В.Я.

171-й Тульский Истребительный авиационный полк (командиры — майор Шевцов Александр Григорьевич (ВРИД): 24.01.1944 — 16.02.1944, подполковник Халутин Александр Иванович: 16.02.1944 — 18.05.1945), 832-й Истребительный авиационный полк (командир — подполковник С.А. Соколов) [2].

С началом наступления войск 2-го Прибалтийского фронта основные усилия 315-й истребительной авиационной дивизии были сосредоточены в полосе 22-й армии, которая вела упорные бои на направлениях Насвы и Новосokolьников. В ходе январско-мартовских боёв несколько лётчиков-истребителей были отмечены орденом Александра Невского. Читаем наградной лист капитана Ивана Алексеевича Вишнякова, командира эскадрильи 171 Тульского авиационного полка, вместе с майором Александром Григорьевичем Шевцовым награждённого орденом Александра Невского: *«18 января 1944 года, выполнял боевое задание на перехват самолета противника в районе*

Насва был наведен на самолет противника ФВ-189. Подойдя к самолету с дистанции 40–60 метров сбил его в районе Кривцы» [3]. Вот как этот эпизод описывает И.А. Вишняков в своей книге «На крутых виражах»: «Рама» попыталась уйти в облака, но Шевцов пушечно-пулеметным огнем отрезал ей путь. Тогда она резко развернулась влево на 180 градусов и взяла курс к линии фронта. Этот маневр мы предвидели еще при подготовке к полету. Когда Шевцов пошел в атаку, я, как было заранее условлено, держался чуть позади его. А теперь наступила моя очередь действовать. Я устремился противнику в лоб, штурман стал заходить ему сзади. Надо было ошеломить вражеский экипаж, подавить морально, распалить его внимание.

Фашистский разведчик — в перекрестии моего прицела. С дальности три тысячи метров он открывает огонь из всех пушек. Я выжидаю, когда расстояние между нами сократится до шестисот метров, и даю длинную очередь. Мотор «фокке-вульфа» моментально окутался дымом.

В тот же миг я услышал, как в фюзеляже моей машины разорвался снаряд. Но курса не изменил, продолжая идти «раме» в лоб. Первые фашистского летчика не выдержали, и он круто развернул самолет влево. Этого момента как раз и ждал Шевцов: очередь из пушек он в щепки разнес второй мотор «рамы». Клынув носом, она свалилась на крыло и врезалась в землю». Через несколько часов Шевцов и Вишняков сбили ещё один самолёт-разведчик ФВ-189. И ещё один фрагмент из книги «На крутых виражах». «...Однако «рама» прилетела одна. Она шла прямо на нас. На этот раз ведущим был Шевцов, ему предстояло ударить противника в лоб, а мне с задней полусферы. Рванувшись резко вперед, я отвернул чуть влево, затем на 180 градусов вправо и зашел «раме» в хвост. Мы почти одновременно открыли огонь из пушек, но атака оказалась не очень удачной. «Рама» лишь прекратила стрельбу; видимо, стрелок был убит. Шевцов проскочил стрелой мимо «фокке-вульфа» и начал разворачиваться на 180 градусов вправо. Гитлеровский летчик, вероятно, осознав свое положение, попытался уйти за линию фронта левым разворотом. Но огнем пушек я преградил ему путь и вынудил повернуть на восток.

Снова следует атака. Однако «раме» все же удалось уйти из-под удара. Она стала быстро уходить на свою территорию. «На полной скорости я понесся вдогонку. Оккупированная врагом территория

И.А. Вишняков

Вишняков И.А.

была уже совсем близко. Теперь вряд ли удастся повернуть «раму» обратно, надо действовать как-то иначе. Расстояние между мной и противником стремительно сокращалось. Когда до «фоккера» осталось не более пятидесяти метров, я нажал на гашетку. ФВ-189 вздрогнул, накренился на правую плоскость и полетел вниз. Подоспевший Шевцов тоже послал ему вслед очередь.

Через минуту вражеский корректировщик врезался в железнодорожную насыпь в трех километрах севернее станции Насва.

Мы зарулили с Шевцовым на стоянку и ахнули: под звуки духового оркестра нас встречал весь личный состав части. Четко печатая шаг, знаменосец торжественно вынес Знамя полка. В наступившей тишине далеко был слышен голос Орляхина. (командир полка) Поздравив с успешным выполнением боевого задания, он сообщил, что вышестоящее командование уже запросило на нас наградной материал. Вскоре нам с Александром Григорьевичем Шевцовым вручили орден Александра Невского». [13].

1. Вишняков Иван Алексеевич (1917–1992). За годы войны выполнил 268 боевых вылетов, участвовал в 52 воздушных боях, сбил 20 самолетов противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1948 года за мужество и отвагу, проявленные в годы Вели-

А.Г. Шевцов

Шевцов А.Г.

кой Отечественной войны, удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 8317) [10].

После окончания боевых действий продолжал служить в ВВС. В 1953 году окончил Военно-воздушную академию. Летал на реактивных и сверхзвуковых самолётах. С 1975 года генерал-майор авиации И.А. Вишняков — в запасе. Работал в авиационном отделе ЦК ДОСААФ.

2. Шевцов Александр Григорьевич (1919–1988). За годы войны выполнил 270 боевых вылетов, участвовал в 50 воздушных боях, сбил 13 самолетов противника лично и 4 в паре. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 года удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 1710). Участник войны в Корее. К 1976 году генерал-полковник авиации. 1-й заместитель Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения СССР [10].

В ходе наступления наших войск в феврале и марте 1944 года основные усилия 315-й истребительной авиационной дивизии были сосредоточены на направлении Пустошка — Идрица. В марте лётчики дивизии провели 18 воздушных боёв, в которых сбили 16 истребителей и 16 бомбардировщиков противника [13]. Приведу несколь-

ко эпизодов: 23 марта 1944 года капитан штурман 832-го авиаполка Н.А. Полушкин, будучи ведущим группы, вылетел с группой из 6 самолетов; в районе встретился с 15 самолетами Ю-87 и атаковал врага. Газета «Красная Звезда» 6 апреля 1944 года писала: *«Гитлеровцы не выдержали удар и беспорядочно сбросив бомбы бежали. Но уйти от удара наших истребителей немцам не удалось. В решительной схватке капитан Полушкин сбил два бомбардировщика. Шестерка наших истребителей сбила 5 немецких самолетов и без потерь вернулась на свой аэродром»* [8]. Свои два юнкерса Полушкин сбил у населённых пунктов Крюки и Овечкино-Суки. За этот бой Николай Архипович Полушкин был награждён орденом Александра Невского

3. Николай Архипович Полушкин родился в 1916 году. За годы войны выполнил более 170 боевых вылетов, участвовал в 20 воздушных боях, сбил 7 самолетов противника. После окончания войны продолжал служить в ВВС. В запас вышел в звании гвардии полковника [11].

18 марта 1944 года четверо лётчиков из 431-го полка во главе с капитаном Суравешкиным в воздушном бою против шести ФВ-190 сбили четыре машины, не потеряв ни одной своей. Командир эскадрильи был награждён орденом Александра Невского. Обратимся к описанию боя. Командир 3 авиаэскадрильи капитан Алексей Семёнович Суравешкин, прикрывая наземные войска, в составе 6 Як-9 встретился с 8 ФВ-190. В результате умелого управления своей группой было сбито 4 фоккера, один из них лично командиром эскадрильи в районе Васютино [4].

4. Суравешкин Алексей Семёнович. Родился в 1919 году. К концу войны — командир эскадрильи 431-го Истребительного авиационного. Майор А.С. Суравешкин выполнил более 200 успешных боевых вылетов (в том числе 150 — на Як-3). В воздушных боях сбил 10 самолётов противника лично и 6 — в составе группы. После войны работал в Саратовском авиационном училище [10].

Настоящий воздушным ассом в мартовских боях зарекомендовал себя **Василий Алексеевич Зайцев.** 26 марта В.А. Зайцев вылетел во главе группы из 8 самолётов Як-9 с задачей прикрывать наземные войска в районе Новый Путь — Горушка. Прибыв в этот район, он заметил на высоте 2500 метров 2 группы из 14 пикировщиков Ю-87, которых сопровождали 4 истребителя ФВ-190. Как только самолёты противника перешли в пикирование, истребители эскадрильи пара-

Полушкин Н.А.

Суравешкин А.С.

ми начали атаку. Сбив 4 «юнкера», они заставили остальных бомбардировщиков сбросить бомбы на расположение немецких войск. Наши лётчики в этом бою потерь не имели. В тот же день, во 2-м воздушном бою, группа Зайцева в составе 6 Як-9 сбила ещё 4 FW-190 (см информацию о Н.А. Полушкине). [14].

31 марта В.А. Зайцев, возглавляя четвёрку Як-9, прикрывавшую наземные войска, заметил на высоте 3000 метров самолёты противника. Пикировщики Ю-87 шли эшелонами по 10 — 12 самолётов. Их сопровождали 4 ФВ-190. Зайцев с ведомым младшим лейтенантом И.А. Зимаковым атаковал первый эшелон самолётов противника и сбил ведущего группы. Командир эскадрильи сбил два Ю-87. Старший лейтенант В.Н. Бородаевский и Лейтенант В.И. Соловьёв, пропустив второй эшелон, встретили 4 ФВ-190 и сбили по одному самолёту [12]. Затем Зайцев и Бородаевский сбили ещё по одному Ю-87 из третьего эшелона самолётов противника. Вот как об этих боях в своём дневнике писал В.А. Зайцев [12]:

- 26.03.44. Сделал три вылета со своей «эскадрильей» на прикрытие наших войск в районе Горушки. Штурмовали зенитную артиллерию противника. Вели ожесточённый бой с шестнадцатью Ю-87 и шестью ФВ-190. Сбил один «юнкерс».

Зайцев В.А., март 1944

- 27.03.44. Прикрывал войска с воздуха над Новым Путём. Сделали три вылета «шестёркой» и схватились с «мессерами». Два Ме-109 атаковали вдвоём с В. Архангельским. Один сбили, записали ему. Вылетал с ним на свободную охоту. В воздухе никого не встретили. Зато штурмовали автоколонну на шоссе Остров — Пустошка и уничтожили восемь машин фрицев. Над фашистским аэродромом в Опочке сильно потрепали нас зенитки.
- 28.03.44. Сначала полёт на разведку к Аллюю. Обстрел станции, занятой врагом. Затем два вылета на прикрытие наших наступающих войск. В воздушном бою сбил «Фокке-Вульф-190».
- 31.03.44. Прикрывали пехоту-матушку у Горушки, «шестёркой» вели воздушный бой с «юнкерсами» и «фокке-вульфами». Сбил два Ю-87. Подсчитал, что всего за март 1944-го сделал четырнадцать боевых вылетов и налетал 21 час 35 минут». Ещё из писем домой старшего лейтенанта Зайцева В.А.: *«Изменений за это время особых нет. Воюю, жив, здоров. Были, конечно, жаркие денечки, и*

В. Зайцев в апреле 1944

впереди их будет еще достаточно. С 26.03. по 07.04 с. г. я сбил пять фрицев, а моя эскадрилья — девятнадцать. За 04.04.44 г. в газете «Красная звезда» прошла статья «Воздушные бои над переправами». Прочитайте, там о моих орлах пишут. Вот коротко о себе. Можете поздравить меня с еще одним орденом Красного Знамени».

5. Зайцев Василий Алексеевич (1912–1944). В 1941–1943 году — испытатель, работающий в конструкторском бюро А.С. Яковлева. С 16 июля 1943 года по 2 июля 1944 года — старший лейтенант, командир авиаэскадрильи 832-го авиаполка. За год боёв сбил 12 самолётов противника. Не вернулся с боевого задания 2 июля 1944 года в районе деревни Пурино (предположительно, Пыталовского района) [10].

Интересна судьба ещё нескольких лётчиков, награждённых орденом Александра Невского за бои в январе-марте 1944 года над территорией Псковщины.

Симонов Николай Васильевич (1920 г.р.) — командир авиаэскадрильи 832-го авиаполка. Кавалер двух орденов Красного Знамени и

№ 1099
 Все графы заполнены полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество СИМОНОВ Николай Васильевич.
2. Звание Старший лейтенант
3. Должность, часть Командир 46,83-й Истребительного Авиационного Полка
- Представляется к ордену "Красное Знамя".
4. Год рождения 1920г.
5. Национальность Русский
6. Партийность чл. ВКП/С/
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) с 6.7.42г. Брянский фр. с 20.10.43г. 2-й Прибалт. фронт.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне. Имеет. Тяжелое.
9. С какого времени в Красной Армии. с 1938г. в
10. Каким РВК призван Водовольно - Борисоглебская ВА пилотов в 1938г.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) орден "Красного Знамени" 6.4.43г. приказ 16 ВА № 010/н.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи _____

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

За время боевой работы в полку на Брянском и 2-м Прибалт. фронтах показал себя боевым командиром и отличным летчиком-истребителем, выполнял боевые задания на сопровождение истребителей в р-ны боевых действий, разведку сил противника и штурмовку его наземных войск произвел 98 боевых вылетов с налетом 964,22 м. В воздушных боях соел 4 самолета противника с ИЛ-10 и 1 И-86. На выполнение боевых заданий летал всегда ведущим групп. При его сопровождении истребители не имели ни единой потери от самолетов противника, во время штурмовки наземных войск противника наносил большие потери в живой силе и технике. За время его командования 46 произвела боевых вылетов 372 с налетом 392 ч. 55 м. В воздушных боях соел 8 самолетов противника.

16.1.43 года при выполнении боевого задания потерпел аварию на своем аэродроме, в результате которой ампутирована голень правой ноги. После извлечения в госпитале, вернувшись в свою часть приступил к исполнению своих обязанностей командира авиаэскадрильи и продолжает летную работу, за это время имеет 29 тренировочных вылетов с налетом 421 мин. Свою работу любит и боевые задания выполняет с большим желанием. Среди личного состава пользуется деловым авторитетом.

Партии Ленина, Сталина и Социалистической Родине предан.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками достоин 2-й государственной награды ордена "Красное Знамя".

Командир 83-го ИАП
 КОСЛОВ /

18. Апрель 1947г.

Симонов Н.В., наградной лист

ордена Александра Невского. Участник военных действий с лета 1942 года. С июля 1942 по апрель 1944 года произвёл 136 успешных боевых вылетов, на сопровождение ИЛ-2 и прикрытие наших войск. На его боевом счету имеется 5 лично сбитых самолётов противника и два в группе [11].

16 января 1943 года при вылете на перехват самолёта противника, не имея кислородного оборудования, при потере сознания сорвался в штопор и потерпел аварию на своём аэродроме. В результате ему была ампутирована по колено правая нога. После излечения вернулся в свою часть. 30 апреля 1944 года Симонов Н.В. был награждён орденом Александра Невского. Как отмечалось в наградном листе, *«На выполнение заданий всегда летал ведущим группы. При его сопровождении штурмовики не имели ни одной потери от самолетов противника, во время штурмовки наземных войск противнику наносил большие потери в живой силе и технике. За время его командования эскадрилья произвела 372 боевых вылета. В воздушных боях сбито 8 самолетов противника. «Капитан Симонов, обладая исключительной волей... с протезом сел на боевой самолет ЯК-1, впоследствии на ЯК-9», преодолевая все трудности в неудобстве управления боевой машиной, выполняет боевые задания по прикрытию наших войск в районе Идрицы... Капитан сбил лично 1 самолет противника в районе Пушкинских Гор»* [5].

Колчков Виктор Гаврилович (1923–1944). Был командиром авиационной эскадрильи 431-го Истребительного авиационного Краснознамённого полка. 30 апреля 1944 года был награждён орденом Александра Невского. К моменту награждения совершил 520 вылетов и сбил 16 самолетов противника. *«В период с 1 сентября 1943 года по 31 марта 1944 года произвел 74 успешных боевых вылета, лично сбил 2 самолета противника и 1 аэростат заграждения, произвел 20 боевых вылетов на штурмовку живой силы и техники врага»* [4]. 17 июля 1944 года капитан Колчков В.Г. был сбит в окрестностях города Дагда Краславского района Латвийской ССР. На момент своего последнего вылета на боевое задание пилотировал самолёт Як-1. Содержался в Кёнигсберге — во 2-м лагере пленных лётчиков. 28.10.1944 предпринял неудачную попытку к бегству и был застрелен охраной. Похоронен гитлеровцами на кладбище Лейхенхалле города Кёнигсберга [9].

Бебенин Игорь Куприянович (1920–1977). Командир авиаэскадрильи 431-го авиаполка. Награждён двумя орденами Красногo Знамени (05.11.1941; 28.09.1943), орденами Александра Невского (30.04.1944), Отечественной войны 1-й степени (25.10.1944), Красной Звезды (30.05.1945). Совершил 483 боевых вылета на самолётах И-16, «Харрикейн» и Як-9, в воздушных боях сбил лично 5 и в составе группы 5 самолётов противника. После войны подполковник Бебенин И.К. — лётчик-испытатель 1 класса [10].

Представляя командира эскадрильи старшего лейтенанта Бебенина к награждению орденом Александра Невского, Герой Советского Союза подполковник Зайцев отмечал: *«За время командования авиационной эскадрилейей произведен 581 успешный боевой вылет на сопровождение штурмовиков, прикрытие наземных войск, на разведку, свободную охоту, сбито 12 самолетов противника и много другой техники»* [4].

Ивлев Стефан Трофимович (1917 г.р.) — капитан, командир эскадрильи 171-го Тульского истребительного полка. С апреля 1943-го по май 1945 года совершил около 150 успешных боевых вылетов. В воздушных боях лично сбил 10 самолётов противника. За мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, награждён орденами Красного Знамени (дважды), Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, медалями. 30 апреля 1944 года награждён орденом Александра Невского [10]. Привожу строки из фронтового приказа: *«Под его руководством эскадрилья произвела 348 боевых вылетов: из них 98 на сопровождение штурмовиков, 49 на разведку, на прикрытие своих войск — 189, на свободную охоту 12. При этом в воздушных боях сбито 25 самолетов противника* [4].

Об одном из таких воздушных боёв весной 1944 года рассказывает в своих мемуарах Иван Алексеевича Вишняков: *«Взяли курс к вражескому аэродрому, расположенному восточнее города Опочка. ...Набрав высоту три тысячи метров, мы увидели аэродром противника. Особенно хорошо просматривалась взлетная полоса, на которой не было ни одного самолета. Они, видимо, были замаскированы на опушке подступающего к ней леса. Когда до аэродрома осталось не более десяти километров, мы вдруг заметили у края леса темные полосы пыли. Значит, фашисты заметили нас и готовят поднять в воздух свои истребители.*

№ 01154

189

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество **БЕБЕНИН Игорь Куприянович**

2. Звание **Старший лейтенант** 3. Должность, часть **Командир Авиационной Эскадрильи 431 Истребительного Авиационного Полка**

Представляется к **Ордену "АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ"**

4. Год рождения **1920** 5. Национальность **Русский** 6. Партийность **чл. ВКП/б./-4г.**

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) **Участвует в отечественной войне с 22.6.41 по н.в.**

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне **Ранений и контузий не имеет.**

9. С какого времени в Красной Армии **1938г.** 10. Каким РВК призван **РВК г.ШАРЬЯ Горьковской Области**

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) **Дважды орденами "КРАСНОЕ ЗНАМЯ" Указ Президиума Верхов. Совета СССР в 4г, пр. 15 ВА № 69/н 28.9.43г.**

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Находясь на фронтах отечественной войны произвел 300 успешных боевых вылетов. После последней правительственной награды произвел 82 успешных боевых вылета на сопровождение штурмовиков, штурмовку переднего края обороны противника, 44 станций. За время его работы со штурмовиками не было случаев потери наших самолетов от истребителей противника.

Как командир ведущей группы умело управляет по радио группой прикрытия в результате чего добивается хорошего сопровождения и обеспечения боевой работы штурмовиков. Сам лично неоднократно отразил атаки истребителей противника от штурмовиков. В результате воздушных боев сохранил лично 1 ШВ-190 и один в группе.

За время командования Авиационной Эскадрильей произведено 581 успешный боевой вылет на сопровождение штурмовиков, прикрытие наземных войск, на разведку и свободную охоту, собито 12 самолетов противника и много другой техники. Личный состав эскадрильи сплочен и готов в любую минуту выполнить боевое задание.

В воздушных боях тов. Бебенин проявляет смелость и отвагу. Своей решительностью и смелостью воодушевляет на подвиги своих летчиков.

За отличную боевую работу и проявленные при этом смелость, мужество, отвагу, организованность и инициативу представляю Командира Авиационной Эскадрильи Старшего Лейтенанта БЕБЕНИНА Игоря Куприяновича к правительственной награде орденом "АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ".

**КОМАНДИР 431 ИАП ГЕВЕРЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПОДПОЛКОВНИК**

№ 12. **Апреля 1944г.** *Вашинг/Зайцев/*

Командир (начальник) _____ (звание)

Бебенин Игорь Куприянович. Наградной лист

Пикируя, мы разогнали предельную скорость, чтобы упредить взлет противника. Пара их истребителей вырулила на полосу и с ходу пошла на взлет. Но было поздно: наши машины неслись прямо на них.

Я взял в перекрестие ведущего, а Ивлев — ведомого. И в тот момент, когда истребитель противника должен был оторваться от земли, я нажал на гашетку. Длинная очередь из пушек прошла цель. Самолет подпрыгнул, клюнул носом и, объятый пламенем, врезался в лес, разбрызгивая струи огня.

Самолет, атакованный Ивлевым, тоже вспыхнул и уткнулся в кусты лесной опушки. Вторая пара, видя печальную участь первой, не посмела покинуть стоянку. Сильный огонь открыли вражеские зенитки. Повторять атаку стало слишком рискованно. Поэтому мы решили пройти над городом Опочка и огнем из пушек «поздравить» фашистов с воскресным днем.

Снизившись, мы прошли над городом, а потом резким полупереворотом атаковали скопление автомашин и живой силы на одной из улиц. Трудно судить, сколько мы уничтожили фашистов. В безумной панике заматались гитлеровские солдаты и офицеры, не ожидавшие такого дерзкого налета. Мы били их до тех пор, пока у нас остался лишь неприкосновенный запас снарядов на случай неожиданной встречи с вражескими истребителями [13].

Вновь обратимся к дневниковым записям Василия Алексеевича Зайцева. Скупые строки отражают воздушные бои, проведенные им и его товарищами в апреле-мае 1944 года.

– 08.04.44. Провёл сразу два воздушных боя за день. От моего огня уткнулся в землю ещё один “фоккер”. И в какую землю! Тут русский дух, тут Русью пахнет. Ведь недалеко святые Пушкинские горы. Даже одна мысль, что враг их гадит, противна. Записываю для памяти о характере Александра Сергеевича. Вспыльчивый, иногда до исступления, но в минуту опасности, словом, когда становился лицом к лицу со смертью, вполне, он обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей запальчивости. Когда дело дошло до барьера, он явился холодным, как лёд. Подобные натуры в таких случаях я встречал очень мало. Эти две крайности в той степени, как они соединились у Пушкина, должно быть, чрезвычайно редки.

- 05.05.44. Встал в 3.00. Веду шесть ИЛ-2 и четырнадцать ЯК-9 на фашистский аэродром. Взлетели ещё в темноте, в облачность и дождь. Я пришёл к цели, когда “горбатые” вышли из атаки. При подходе было мало огня. В северной части аэродрома сделали два круга. На удивление, огонь вдруг прекратился, видимо, фрицы приняли за своего. На высоте 30–40 метров и ниже прошёл вдоль бетонки, где по обеим сторонам стояли ФВ-190. Израсходовал на них почти весь боекомплект. Вот тогда-то все зенитки и переключились на нас с воздуха. Огненные трасы так и опоясывали “ястребки”. Трудно представить, но перед атакой вспомнил летучую фразу “смелого пуля боится”. А ведомый в конце, кажется, не выдержал напряжения, нервишки таки подвели, отвернул. Что с ним сделать за эту вообще-то в мирных условиях нормальную человеческую слабость? Но ведь тут бой и, как говорится, не до сантиментов и жалости.
- 06.05.44. В 8–30 повёл Ла-5 снимать результаты нашей работёнки в тылу врага.
- 12.05.44. Вылет по тревоге. Встретил пару ФВ-190. Одного сбил. Продолжительность полёта пятьдесят минут.
- 14.05.44. Полёт на охоту. По истечении лимита времени решил обстрелять автоколонну. При выходе из атаки увидел большую группу Ю-87 и ФВ-190, около тридцати. Моё положение было же не из выгодных, но, учитывая, что они уже у цели, решил идти на них в расчёте рассеять “тёплую кампанию”. Пошёл на сближение. К “юнкерсам” (я внизу догонял их с набором) всё же не успел, скорость маловата, а тем временем восемь ФВ-190 зашли сзади. Развернулся и в лобовой атаке открыл огонь, вёл его до самого сближения, когда казалось, вот-вот столкнёмся. “Фокке-Вульф” отвалил и должен быть подбитым. Но сходить за ним некогда. У меня же оказался пробитым маслорадиатор. Перетянул линию фронта и сел на брюхо. Спасибо В.И. Соловьёву. Не жить бы мне, если бы он не отсёк преследователей.
- 16.05.44. Четвёркой ЯК-9 провёл воздушный бой с 8 ФВ-190. Мой лучший друг В.К. Соловьёв сделал непонятный маневр. Вырвавшись из строя, на первую пару фрицев, он, видимо, не заметил остальных шесть, которые шли со снижением из-за солнца. Я было сперва хотел развернуться на 180°, “все вдруг”, только уйдя немного

- с набором высоты, но пришлось принять драку в невыгодных условиях. Сбил два ФВ-190, но и сам был подбит: отбит элерон, заднее бронестекло вышиблено, повреждены консольная часть крыла и мотор. Добивали меня три “фоккера”. Сел, где, кажется, невозможно, в восьми-десяти километрах от линии фронта, деревня Барсуки. По памяти делаю рисунок боя, счёт записал сразу же на земле. Он в нашу пользу. Но горько терять друзей, отрывать их от сердца.
- 18 мая. После тяжёлого испытания с жертвами командование категорически велело нам три дня отдыхать, а затем угодил с бала на корабль. Сбил два Ю-87. Дрался и с ФВ-190, но жаль, ведь израсходовал все боеприпасы на бомбардировщики.
 - 28 мая. Полёт на охоту. Высота 5500 метров. Сбил одного МЕ-109. Второй вылет был по вызову, но уже в воздухе получил отбой. А тот “мессер”, оказывается, упал у самой деревни [12].

А теперь дополним дневник Василия Зайцева другими источниками. Вот как о боях 16–18 мая откликнулась газета «На страже Родины»: *Четвёрка самолётов Як-9, ведомая командиром эскадрильи 832-го истребительного авиаполка Старшим лейтенантом Василием Зайцевым, атаковала над полем боя 3 группы немецких бомбардировщиков, шедших плотным строем. Чем закончилась эта атака, можно судить по числу сбитых «Юнкерсов»: 2 уничтожил ведущий, по одному — ведомые: старший лейтенант В. Бородаевский и лейтенант Соловьёв. Строй вражеских бомбардировщиков рассыпался, и они стали поспешно, куда попало сбрасывать свой груз».*

25 лет спустя представилась возможность продолжить этот рассказ, дополнив его новыми сведениями о лётчике-истребителе Василии Алексеевиче Зайцеве и его друзьях, о подвиге, совершённом ими в майские дни 1944 года. 16 Мая во главе четвёрки истребителей он был направлен на прикрытие наших войск в район Новый Путь, станция Русаки. Ведомый комэска — Старший лейтенант П.Н. Паршин. Вторую пару составили В.Н. Бородаевский и В.И. Соловьёв. В районе станции Русаки наши лётчики увидели 8 ФВ-190. Они вступили с ними в бой. Зайцев сбил вначале один, а затем и второй «Фоккер». По одному самолёту сбили Бородаевский и Соловьёв. Но истребителям противника удалось поджечь самолёт Соловьёва. Лётчик выпрыгнул из горящей машины на парашюте. Был подбит и самолёт Зайцева. Он стал тянуть на восток и в конце концов упал на своей территории.

Лётчик чудом остался жив. Вот тогда-то В.А. Зайцев и взял на память кусок бронестекла от разбитого самолёта и потом нацарапал на нём короткий отчёт о недавнем сражении.

16.5.1944. 4 ЯК-9, 8 ФВ-190. Я сбил 2 ФВ, 1 — Бородаевский, 1 — Соловьёв. Сгорел Соловьёв, сбит я. Ст. Русаки. 2-й Прибалтийский фронт».

Этот кусок бронестекла он подарил своим товарищам из конструкторского бюро А.С. Яковлева, где был создан Як-9. Ныне эта реликвия военных лет, свидетельствующая о нестигаемом мужестве советских лётчиков, является экспонатом ЦМВС России [10].

За бои в мае 1944 года Василий Алексеевич Зайцев был награждён вторым орденом Александра Невского. Вот справка из ЦАМО РФ (ф.832, оп. 39464, л.д. 895278, л.9): «Настоящим удостоверяется, что капитан В.А. Зайцев за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Александра Невского. Второй такой же, к коему был вновь представлен, получить не успел».

Мавренкин Иван Владимирович (1919 г.р.) — майор, командир эскадрильи 50-го Истребительно-авиационного полка. За годы Великой Отечественной войны совершил 488 боевых вылетов. Был награждён 6 боевыми орденами. За бои при освобождении Псковщины был награждён двумя орденами Александра Невского (Приказ по 15 Воздушной армии от 8.09.1944 и Приказ по ВВС Красной армии от 5.11.1944).

Приведём хронику боевых вылетов старшего лейтенанта Ивана Мавренкина в марте –июле 1944 года над территорией современной Псковской области. Будучи опытным разведчиком, он нередко не только обнаруживал передвижение живой силы и техники противника, но не раз вылетал на штурмовку автоколонн и войск противника.

29.03.1944. Возвращаясь с задания, был подбит огнём ЗА — на самолёте возник пожар; ликвидировав его, на сильно повреждённой машине мастерски совершил посадку на своём аэродроме, доставив ценные сведения.

3.05.1944. Сфотографировал с высоты 500 метров аэродром Пурино (нынешний Пыталовский район), на котором находилось 28 самолётов противника.

И.В. Мавренкин

15.05.1944. Провёл один воздушный бой в составе 6 самолетов ЛА-5, против 35 «юнкеров». Самолёты противника были рассеяны и сбросили бомбы на свои войска. Провёл воздушный бой с двумя ФВ-190, обратив их в бегство [7].

1.07. 1944. На дороге Остров — Касьяны обнаружил движение 50 автомашин и обстрелял колонну. На дороге Шенино — Опочка до 100 автомашин и 50 подвод.

10.07. 1944. На дороге Жадрицы — Опочка до 200 автомашин и 250 подвод. По дороге Кудеверь — Болгатово до 150 подвод, 150 автомашин и до 200 человек пехоты.

18.07. 1944. Обнаружил железнодорожный состав в движении от станции Пундури на Карсаву (Пыталовский район). На станции Яунтлатгале (Пыталово) обнаружил 5 ж-д эшелонов по 40 вагонов... [7].

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевых заданий и успешных вылетов на разведку войск противника, старший лейтенант Мавренкин был дважды награждён орденом Александра Невского.

Источники:

1. *Статут ордена Александра Невского // Орден Александра Невского. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_Александра_Невского_\(СССР\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_Александра_Невского_(СССР)) //*
2. Список командиров истребительно-авиационных полков 315-й истребительно-авиационной дивизии. // «Наша Победа». 315-я истребительная авиационная Рижская дивизия. <http://www.nashapobeda.lv/1111.html/>.
3. Наградные листы офицеров 315 истребительно-авиационной дивизии. // Фронтовой приказ № 6/н от 23.02.1944. Издан: ВС 15 ВА / ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, ед. хр. 4087
4. Наградные листы офицеров 315 истребительно-авиационной дивизии // Фронтовой приказ № 20/н от 30.04.1944. Издан: ВС 15 ВА / ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, ед. хр. 4120.
5. Наградные листы офицеров 315 истребительно-авиационной дивизии // Фронтовой приказ №: 59/н от 18.08.1944. Издан: ВС 15 ВА / ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, ед. хр. 7564
6. Наградные листы офицеров 315 истребительно-авиационной дивизии. // Фронтовой приказ №: 70/н от 8.09.1944. Издан: ВС 15 ВА / ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, ед. хр. 2346
7. Наградные листы офицеров 315 истребительно-авиационной дивизии. // Фронтовой приказ №: 68/н от 5.11.1944. Издан: ВС 15 ВА / ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, ед. хр. 3114
8. Мастерство советских истребителей. //Красная Звезда № 82 от 4 апреля 1944 г.
9. Выпускники Борисоглебской лётной школы 1941 года // <http://www.bvvaul.ru/>
10. Красные соколы. Советские лётчики. 1936–1953 годы. // <http://airaces.narod.ru/>.
11. Советские асы 1936–1953 годы. // <http://soviet-aces-1936-53.ru/>
12. Валентин Зайцев. «Последняя цель — секретный аэродром» // ж. «Урал». 2002, № 5
13. Вишняков И.А. «На крутых виражах». М., 1973.
14. Чечельницкий Г.А. «Лётчики на войне». М., 1974.

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ ОБЪЕДКОВ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.В. Никитенко

(Псков),

заместитель председателя

Псковского регионального отделения СКР

Исучая в Центральном Государственном архиве историко-политических документов (Санкт-Петербург) наградные материалы на участников партизанского движения Ленинградской области, составленные после завершения войны в тылу врага в первые месяцы 1944 года, обратил внимание на характеристику-представление к званию Героя Советского Союза Виктора Павловича Объедкова — командира 6-й Ленинградской бригады. Оформлена она была, как говорят, надлежащим образом: содержала подробное описание боевых заслуг и подвига, есть подпись начальника Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитина, печать, дата — 25 февраля 1944 года¹.

Но вот в Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза командирам партизанских соединений и партизанам Ленинградской области от 2 апреля 1944 года фамилии В.П. Объедкова не оказалось². Сейчас трудно сказать, по какой причине один из самых активных участников партизанской войны на территории Ленинградской области не был удостоен высокого звания. В таких случаях обычно говорят: видно, не судьба.

Но всей своей жизнью, в боевой и мирной обстановке, на всех участках, куда бы ни забрасывала его судьба, Виктор Павлович Объедков стремился отдавать всего себя служению людям, Родине — он был патриотом до конца своих дней. Несколько десятилетий его жизни связаны с древней Печорской землёй.

В.П.Обьедков. 1944 г.

Обьедков В.П. 1944 г.

Родился Виктор Обьедков 28 августа 1912 года в селе Ново-Троицкое Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Русский. В 1927 году окончил начальную школу, в 1932-м — техникум молочной промышленности по специальности «мастер молочного дела». Отдал этой профессии пять лет, работая на Глушковском маслозаводе Курской области. Возможно, работал бы и больше. Но пришла пора служить в Красной Армии. С ноября 1934 года по октябрь 1936-го — курсант Полковой школы младших командиров, командир отделения 164-й Стрелковой дивизии (г. Рыльск, Курская область). После увольнения в запас — инспектор раймаслотреста Глушковского района, слушатель областных курсов комсомольских работников, культработник свиновосхоза имени А.И. Микояна. И снова вернулся к своей профессии — эксперт базы маслопрома в Белгороде.

С 1938 года В.П. Обьедков — курсант Тамбовского пехотного училища. Служил в должности командира взвода в 415-м Стрелковом полку 185-й Стрелковой дивизии. В этой же должности участвовал в советско-финской войне 1939–1940 годов, но уже в составе 37-го Стрелкового полка 56-й Стрелковой дивизии, действовавшей на Петрозаводском направлении. Был контужен, ранен в руку и грудь.

«К началу Великой Отечественной войны я был в должности командира пулемётной роты 46-го полка 185-й стрелковой дивизии, — написал В.П. Объедков в автобиографии. Дивизия стояла в Опочке. Свыше трёх месяцев нам пришлось вести непрерывные бои, отступать, пробиваясь сквозь вражеский заслон к городу Холм. В октябре 1941 года в Поддорском районе судьба свела меня с местным партизанским отрядом «За власть Советов». Командовал вначале группой, вскоре — ротой, а с зимы — и отрядом. Здесь в Партизанском крае наш отряд вырос, окреп и позже был преобразован в первый полк, которым я командовал»³. К исходу лета 1943 года В.П. Объедкову довелось временно замещать начальника штаба 2-й Ленинградской партизанской бригады и даже её командира.

В конце октября 1943 года на оккупированной территории Плюсского района была создана 6-я Ленинградская партизанская бригада. Формировалась она главным образом на базе полка 2-й бригады, которым командовал В.П. Объедков. Он же был назначен командиром нового соединения.

Много лет спустя после войны, оценивая деятельность бригады, В.П. Объедков говорил: «Все мы были разными людьми, но измены, трусости, паники в бригаде никогда не было! Враг ни разу не застал нас врасплох. Не знала бригада поражений...» Уже на стадии формирования бригада по приказу Ленинградского штаба партизанского движения была брошена на Варшавскую железную дорогу с задачей — парализовать движение на участке Луга — Псков. Комбриг принял решение разгромить немецкий гарнизон в Плюссе и успешно его реализовал: внезапной ночной атакой партизаны захватили посёлок, уничтожили железнодорожный мост, освободили до тысячи советских граждан, подготовленных к угону в Германию. Движение по железной дороге было парализовано на несколько суток.

В ноябре 1943 года бригада провела ещё одну операцию, разгромив крупные силы карателей на берегу реки Чёрной. В декабре, разгромив немецкие гарнизоны в сёлах Любочажье и Черенск, что южнее райцентра Осьмино, партизаны стали контролировать большую территорию, восстановив более чем в ста деревнях советскую власть. Были спасены от уничтожения более 90 детей из Нежадовского приюта.

В период, когда Ленинградский фронт перешёл в наступление, партизаны 6-й бригады парализовали перевозки немцев по железной

В.П.Объедков (слева) с соратниками по партизанской борьбе. 1944 г.

дороге Луга — Сиверская, совершили одновременный налёт на станции Мшинская и Серебрянка. Всего лишь с 15 по 20 января 1944 года отряды бригады взорвали 11 эшелонов, 2 железнодорожных моста, около тысячи рельсов, вывели из строя до 1300 фашистов. Бои на важнейших участках продолжались днём и ночью. 18 февраля отряды бригады совместно с частями 46-й Стрелковой дивизии взяли Плюссу — на этот раз окончательно!

После завершения партизанской войны В.П. Объедков по решению Ленинградского обкома партии был направлен на советскую работу: в марте 1944 года назначен председателем горисполкома Пскова, ещё оккупированного немцами. С июля 1944-го, после изгнания захватчиков, он — заместитель, первый заместитель председателя горисполкома⁴.

В январе 1945 года В.П. Объедков уехал на шестимесячные курсы по переподготовке советских работников, после окончания которых получил новое назначение — на должность заместителя председателя исполкома райсовета по промышленности в недавно организованный Печорский район. Надо отдать должное: как и в боевой обстановке,

В.П.Объедков у гранитной стелы в честь 6-й Ленинградской партизанской бригады мемориального комплекса под Лугой. 1975 г.

в мирное время он действовал инициативно и напористо — буквально горел на работе. Его энтузиазм передавался подчинённым. В характеристике той поры отмечалось: «Работу знает, к своим обязанностям относится добросовестно... Уделяет большое внимание работе местной промышленности, оказывает практическую помощь руководителям предприятий. Печорский райком ВКП(б) положительно отзываясь о работе т. Объедкова В.П.»⁵ Более чем за пять лет, которые Объедков работал в этой должности, многое в Печорах менялось к лучшему.

Когда же партия бросила клич — лучшие кадры направить на подъём сельского хозяйства, Объедков поставил свою фамилию первой в списке желающих работать на селе: он не понимал, как можно отказаться от партийного задания. Так в апреле 1951 года он возглавил колхоз имени Мичурина Печорского района.⁶

Хозяйственником бывший партизанский комбриг оказался сильным: некогда отстающий колхоз вышел в передовики, не раз был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Получил медаль выставки за высокие урожаи льна и сам председатель.

На Печорской земле в семье Виктора Павловича и Екатерины Васильевны Обьедковых родились три дочери — Елизавета, Валентина, Татьяна. Здесь же глава семейства испытал проблемы со своим здоровьем: сказались ранения, полные лишения годы партизанской борьбы, напряжённая, на износ, работа по восстановлению разрушенного народного хозяйства. В конце 1958 года по состоянию здоровья он оставил работу председателя колхоза имени Мичурина — перешёл на пенсию по инвалидности.

В 1960-е годы работал директором заготконторы Райпотребсоюза. В начале 1970-х, будучи персональным пенсионером республиканского значения, проживал с семьёй в Печорах, в доме № 31 по улице Ленина. Затем переехал в Псков. Проводил большую военно-патриотическую работу, выезжал на встречи с боевыми товарищами-партизанами.

Вспоминая о боевом пути 6-й бригады, Обьедков говорил, выступая на собрании ветеранов партизанского движения 25 января 1971 года: «И пусть нет у нас в бригаде таких людей, которым бы было присвоено звание Героя, я, как бывший командир бригады, чистосердечно и со всей ответственностью заявляю, что герои у нас были и их боевые дела — поистине героические — заслуживают высочайшего уважения».

Такого же уважения заслуживает, безусловно, и сам комбриг — герой без золотой звезды Героя. Виктор Павлович Обьедков был награждён орденами Ленина, Богдана Хмельницкого 1 ст., Отечественной войны 1 ст., многими медалями, в том числе «За оборону Ленинграда», «Партизану Отечественной войны» 1 степени. Думается, имя его должно быть увековечено там, где он жил и работал, — на Печорской земле.

Источники:

1. ЦГАИПД. 0–116, оп. 4, ед. хр. 173, л. 50.
2. Газета «Ленинградский партизан», № 30, 15 апреля 1944 г.
3. ГАНИПО (Государственный архив новейшей истории Псковской области), Ф.9952, оп. 2, ед. хр. 59.
4. ГАНИПО. Ф. 1219, оп.1, ед. хр. 172, л. 12.
5. Там же, л. 12 об.
6. ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 2, ед. хр. 671, л. 149.

ИЗБОРСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(По страницам авторской книги «А это было так»)

Н.П. Дроздов

(Изборск),

краевед

Будучи с малолетства любознательным человеком, на протяжении всей жизни я собирал сведения о своих земляках — изборянах. Записывал разные истории о их нелёгкой судьбе. С выходом на пенсию, когда появилось свободное время, решил обобщить накопленный материал. Стал писать отдельные статьи и направлять их в газеты «Печорская Правда», «Изборская Крепость» и другие издания. Только в газете «Печорская Правда» было опубликовано более 30 статей о судьбах изборян.

В изданной в 2015 году книге «А это было так» опубликовал несколько рассказов об Изборске и его жителях в годы Великой Отечественной войны. Это тема меня всегда очень волновала и глубоко засела в памяти.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ЭТА ВОЙНА

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 7 лет. Я ходил в Изборске в детский сад, и вдруг нам воспитательница сообщила, что началась война. Мы, дети, не понимали, что это великая беда для всех людей нашей страны, — думали, что это просто игра в войну, ведь мы в садике играли в буржуев, белых и красных.

Придя в дом к дяде Лёше Городскому, первое, что я увидел, — на стене висит винтовка, он даже разрешил её потрогать. В доме говори-

Изборск в годы войны

ли, что нужно вылавливать каких-то парашютистов — диверсантов, вот поэтому и выдали оружие, создали истребительный батальон.

Мы жили на хуторе недалеко от Изборска. Мне и Жене, моей двоюродной сестре, было поручено пасти в поле коров. Вдруг начался какой-то грохот, вокруг громко стрекотало, около нас что-то свистело, на земле поднимались фонтанчики пыли.

Упала корова, мы стояли как вкопанные, не понимая, что это такое. С криком прибежала бабушка, громко кричала, старалась нас укрыть в канаве. Загорелся наш дом, но на пожар почему-то никто не прибе-

жал — видимо, боялись стрельбы. Родителей дома не было. Дедушка (он был болен) успел из дома вынести только иконы. Потом они с бабушкой стояли около этих икон — молились, благодарили Бога, что остались все живы. Всё — всё сгорело, убило коров, но они говорили: «Главное — все живы, как-нибудь проживём». Недалеко от нашего пожарища лежали два убитых человека — потом говорили, что это из-за них была стрельба и сгорел наш дом. Родители вырыли могилу и похоронили убитых. Мы перешли жить в Изборск, в дом дяди Лёши, — он ушёл на фронт, семья его эвакуировалась. Вскоре без боя Изборск заняли немцы.

Помню, как к нам в дом зашли два немецких офицера. Они между собой вели разговор. Дома были только мы с бабушкой. Она сказала: «Странно, я понимаю, о чём они говорят», — и вступила с ними в разговор. Вдруг немец вынул из кобуры пистолет и приказал нам, чтобы мы выходили на улицу. Бабушка им что-то объяснила на незнакомом мне языке. Немец сказал: «Ты — еврейка». Бабушка им сказала, что девушкой работала служанкой у немецких евреев и знает их язык. «Я — русская, и в деревне все это могут подтвердить». Тогда другой офицер сказал: «Брось, Курт, не расстреливай, в Изборске будет наша комендатура, и там выяснят, кто она», — и ушли. Потом мы встали перед иконой и молились за спасение. Бабушка молилась за немца, который предотвратил расстрел.

Наступила долгая оккупация, жили мы всё время в страхе и в ожидании, когда придут наши. Никаких весточек не получали с фронта. И об эвакуированных ничего не знали: где они и живы ли.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Шла война. Люди частенько прислушивались к еле слышным глухим взрывам на восточном направлении. Говорили: «Это приближается к нам фронт — значит, скоро придут наши», — и с нетерпением ждали этого дня.

С немецкого аэродрома, расположенного где-то между Утицким озером и деревней Лебеды, взлетали боевые самолёты, летели в направлении Пскова и Острова. Летали безнаказанно днём и ночью. Многие люди, видя это, крестьясь, говорили: «Господи, помоги и сохра-

ни наших», — и мечтали о том дне, когда прилетят русские и уничтожат этот аэродром.

Откуда взлетают самолёты, советское командование долгое время не знало, но, видимо, печорские подпольщики сообщили точные координаты аэродрома. Ночью его бомбили, слышны были глухие взрывы, что-то горело, освещая ночное небо.

Прошёл слух, что русские лётчики подлетели к аэродрому с западной стороны, и немецкие зенитчики не открыли огонь, думая, что это свои.

В дальнейшем за Утицким озером очень часто была слышна стрельба зениток — это наши лётчики пытались уничтожить этот аэродром, подлетая к нему со стороны Псковского озера. Их встречали немецкие истребители, завязывались воздушные бои. Немецкие самолёты продолжали взлетать с секретного запасного аэродрома, находящегося на опушке леса между деревнями Дубровка и Мотылино.

И вот над Изборском в небе появился первый за всю войну советский самолёт с красными звёздами на крыльях. Завязался воздушный бой с немецкими бомбардировщиками, которые летели почему-то без сопровождения своих истребителей, — прикрывать их было некому.

В небе был такой грохот от крупнокалиберных пулемётов и рёва самолётов, что люди, испугавшись, попрятались кто куда мог, а дед Жбан впоследствии рассказывал: «Я не стал прятаться, всё наблюдал, как один «Ястребок» налетел, не побоялся, на шесть немецких самолётов, стреляя по ним, а когда взлетел вверх, то стрельба была с его хвостовой части. Отстреливались и немецкие стрелки. Иногда снаряды долетали до земли, скашивая макушки деревьев, как косой. Наш лётчик так ловко атаковал немцев, что они в панике рассеялись и повернули назад к своей базе. Наверное, был повреждён командирский самолёт и другие. Советский самолёт продолжал преследовать врага, но, подлетая к их аэродрому, встретил плотный заградительный огонь зениток. Всё небо было плотно усеяно шаровидными облачками от разрыва снарядов, и он полетел обратно».

Немецкие самолёты сбрасывали бомбы в болото, освобождаясь от опасного груза перед посадкой. Так бомбы падали не на наших солдат, благодаря героическому экипажу штурмовика ИЛ-2, у которого в хвостовой части самолёта находился стрелок и этот самолёт один мог вести воздушный бой.

Немцы свой аэродром укрепили ещё одним кольцом зениток. Одну из них установили на западной окраине Изборска.

Через несколько дней на низкой высоте со стороны Острова летел наш самолёт вдоль всей оборонительной линии «Мариенбург» с целью разведать на этом участке обороны уязвимые места для успешного прорыва нашими войсками. Обрато он летел уже по западной стороне Изборска, и вот по нему открыла огонь зенитная батарея. Лётчик заметил её и начал вести ответный огонь, пытаясь уничтожить, но вдруг самолёт загорелся, он полетел на восток, медленно набирал высоту, пытаясь как-то долететь до своей территории, но это, видимо, сделать было невозможно: экипаж не стал покидать самолёт, внизу были немцы, а это означало плен. Лётчик вдруг развернул горящий самолёт на запад и направил его прямо на зенитную батарею. Очень трудно попасть в этот небольшой «пяточок». Самолёт упал вблизи немецкого зенитного расчёта, раздался мощный взрыв. После освобождения Изборска рядом с обломками самолёта лётчиками-однопольчанами погибшего экипажа был установлен красный обелиск со звёздочкой наверху, двумя фотокарточками с фамилиями погибших. Лётчик был без погон, воздушный стрелок — молоденький, улыбающийся солдатик с погонами.

КОЛОКОЛ НИКОЛЬСКОГО СОБОРА

Внутри Изборской крепости стоит церковь со звонницей, большим колоколом и малыми колоколами-подзвонками. Их звон оповещает прихожан о службе в храме.

Очень часто удары колокола извещали население о случившейся беде: так было, когда шла Великая Отечественная война. Среди населения ходили упорные слухи о том, что кто-то хочет снять большой колокол и отдать немцам, чтобы они переплавили его на патроны, и это будет помощь от населения в быстрейшем разгроме Красной Армии.

На одной из воскресных служб эту версию подтвердил и священник. У всех было единое мнение: «не позволим, не отдадим колокол». Было и другое предложение: чтобы не вступать в конфликт с немцами, собрать вместо колокола старые самовары и другую медную ут-

Николай Рюриков. Берлин, моторизованный полк, 25.08.1945 г.

варь, но это предложение сразу отвергли: «Чтобы этими патронами убивать наших солдат? Этому не бывать!»

Это была хитрая немецкая пропаганда. Немцы старались «обработать» население в свою пользу. Показать всему миру, что русские хотят помочь немецкой армии и заинтересованы в её победе. А получилось наоборот. Благодаря упорству наших людей, которые не боялись вступить в борьбу за колокол своих предков, он остался на своём месте.

Руководители немецкой пропаганды считали наш край частью буржуазной Эстонии и не осмелились вступать в конфликт с церковью и её прихожанами.

И наконец нами был услышан радостный звон колоколов, оповещающий о Великой Победе. В храме проходила служба во славу воинов и их оружия, во славу всего народа нашей страны, внесившего трудовой вклад в эту Победу. Приезжали люди из дальних мест, чтобы отслужить, помянуть погибших и умерших от ран. Во многих краях церкви были разрушены.

До сих пор по воскресеньям и престольным праздникам слышится всем знакомый приятный колокольный звон «бом-бом-бом», словно говорящий: «я веками служил людям и буду служить».

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗБОРСКА

На протяжении всей Великой Отечественной войны Изборск не был разрушен и сожжён, как другие города и посёлки. Об этом по сей день рассказывают различные легенды — версии. Тут священная земля, стоит старинная крепость с храмами, вокруг много часовен. В течение многих веков неведомая сила оберегала Изборск от разрухи.

Наши лётчики, получив боевое задание нанести удар по немецкому военному аэродрому «Парканово», взлетая, брали курс на Изборск. Подлетая к нему, они поворачивали в сторону Печор, перестраиваясь для захода на штурм аэродрома. В Изборске в это время было полно немцев и их техники. Что же случилось, почему лётчики полетели дальше, не стали бомбить наш посёлок? В связи с этим возникла легенда: лётчикам было Божье видение, указавшее другую цель.

Немцы считали, что Изборский край — это ворота в Прибалтику, и русские войска нужно остановить именно на этом рубеже, и начали строить оборонительные сооружения, именуемые «Мариенбург». У дороги Псков — Рига был построен бункер, от него в оба конца шли траншеи с огневыми точками. Всё было построено капитально: стены траншей оплетены хворостом (чтобы не осыпалась земля); перед траншеями все кусты были вырублены, даже катком были прикатаны рожь и трава. Всё было предусмотрено и сделано так, чтобы можно было вести прицельный огонь по нашим наступающим войскам. Это была первая оборонительная линия, вторая проходила за Изборском с востока на запад по Печорскому району до Алуксненского района Латвии.

Жители края с ужасом говорили: «Быть беде, здесь будут кровопролитные бои, вокруг деревни будут сожжены». Некоторые жители эвакуировались в дальние деревни, многие остались, решив: если придётся помирать, так лучше дома.

Александр Егорович Орехов был командиром пожарного общества, и его семья приняла решение не покидать родных мест, а как пожарнику быть на посту.

Послевоенная праздничная демонстрация в Изборске, 1945 г.

В ночь перед освобождением Изборска от сигнальной ракеты загорелась постройка на Псковской улице. А.Е. Орехов со своим сыном Василием организовал оставшихся людей спасать от огня соседние дома, поливая их крыши водой. В итоге пожар не распространился по посёлку. В это время вблизи были слышны выстрелы и разрывы, в ночном небе постоянно вспыхивали ракеты. Было жутковато.

Военные события стали проходить не так, как планировало немецкое командование. Для них было неожиданностью, что наши войска начали наступление не со стороны Пскова, а прорвав фронт возле Острова, пошли в сторону Латвии через Лавровский край. Там продолжались ожесточенные бои несколько дней, где нашими войсками было введено в бой большое количество танков, — и отборные немецкие части были брошены туда, а не в Изборск.

Освобождение пришло с боями с юго-запада (со стороны Острова) 30 июля 1944 года. Со стороны Пскова линию «Мариенбург» атаковали воины 291 и 376 стрелковых дивизий. Бои продолжались в соседних деревнях ещё сутки. И вот 31 июля Изборский край был полностью освобождён от немецких захватчиков.

Тяжёлые, изнуряющие, многодневные бои наших войск в районе Лавровского и Алуксненского края отвлекли удар от Изборска. Он остался невредим. Противник вынужден был отвести главные силы в северо-западном направлении на заранее подготовленные оборонительные рубежи между Изборском и Печорами.

Обстрелы Изборска прекратились. Одни говорили, что уничтожили немецкого наблюдателя-корректировщика, дающего по радио артиллеристам точные цели для стрельбы; другие — что это наши «катюши» дали залп по немецким батареям, заставив их замолчать навсегда.

В здание бывшей волости прибыли работники райвоенкомата, стали рассылать повестки мужчинам всех призывных возрастов для призыва в Армию. В повестке значилось: «Прибыть 12 августа». Намечалось отправить призывников в Новый Изборск (железнодорожная станция) для дальнейшего формирования полков. Работники военкомата спрашивали призывников, проходили ли они службу в эстонской армии или нет, если проходили, в их учётно-послужной карточке ставили отметку — одно слово «обучен», если нет — «не обучен». Таких призывников прежде, чем послать на фронт, нужно было обучить военному делу. Других, которые служили в буржуазной армии всего полгода, можно было послать сразу на пополнение поредевших наших полков. Многие из них попали сразу на передовую и им пришлось освобождать свой довоенный уезд за Печорами.

11 августа освободили город Печоры. 12 августа колонна первых призывников пешим строем направилась по дороге в город Печоры. Формировочный пункт находился в лесу за рекой Пижма у железнодорожной станции Петсери. 13 августа призывников переделали в военную форму и зачислили в стрелковые полки.

ПАМЯТЬ ЖИВА

В Изборске имеется два памятника, посвящённых освободителям Изборской волости от немецко-фашистских захватчиков и погибшим изборянам в годы Великой Отечественной войны. Оба памятника изготовлены по инициативе и на средства жителей Изборска.

На братском захоронении воинов-освободителей Изборска, фото 1970-х гг.

Ветераны у памятника погибшим изборянам, современное фото

Особо грандиозный и внушительный вид представляет собой памятник погибшим изборянам, который в виде огромного валуна установлен при подходе к древней крепости.

На памятнике выгравированы имена погибших в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) изборян: Башкевич А.А., Башкевич Н.А., Брысин И.В., Вишнев Н.А., Власов А.А., Власов Д.А., Власов М.А., Власов С.А., Волков И.И., Воронков Н.В., Головин С.И., Голубев А.А., Громов П.А., Городской А.А., Ершов И.С., Зызин Н.М., Камберг И.К., Клишко В.С., Клишко П.С., Кокорев В.Я., Кокорев Л.П., Кокорев Я.Н., Лебедева Е.В., Лебедев И.В., Лебедев М.В., Лукашова А.А., Лукашов М.В., Минин П.И., Мишин М.И., Моряков Н.И., Оловянкин В.Н., Орехов В.В., Орлов А.М., Петунова В.В., Печуркин А.Т., Печуркин Н.Т., Полторанов П.В., Полуянов А.В., Радецкий И.И., Радецкий П.И., Семёнов Н.С., Семёнова Т.Н., Семеновский И.И., Семеновский Н.И., Семеновский П.И., Синильников И.П., Сотников А.И., Тихомиров Н.С., Харькина З.П., Хорлунов В.Н., Хрустнёв С.Г., Чернов П.А., Черноморов В.В., Черноморова Н.Н., Шкворов А.С., Шкворов Г.С., Щербаков И.С., Щербаков С.С., Усов (Уланов) А.П.

Ежегодно в День Освобождения Изборска (30 июля) и День Победы над фашистской Германией у памятников проводятся митинги, чествование ветеранов, совершается панихида по погибшим воинам.

ДМИТРИЙ КОЗЬЯКОВ — РЯДОВОЙ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА

Д.А. Ермак

(Псков),

*студент 4 курса Псковского филиала
Российской Международной академии туризма*

Семидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне — повод для каждого человека задуматься о цене, заплаченной нашим народом за то, чтобы родная земля была свободной от фашистских захватчиков. Новые поколения россиян растут, учатся, дружат, выбирают свой путь во взрослой жизни, часто не осознавая, что это возможно лишь потому, что 27 миллионов воинов и мирных жителей нашей страны, в том числе детей, положили свои жизни на алтарь Отечества.

У моей бабушки, Нины Григорьевны Ермак (в девичестве Козьяковой), я увидел Книгу Памяти [1], которую она часто перелистывала с печальным выражением лица. Нина Григорьевна родилась в уникальном месте Псковского края — в селе Мелётово, что в 42 километрах к востоку от Пскова. Выйдя замуж, она более 40 лет прожила в другом чудесном уголке нашей земли — деревне Устье Логозовской волости Псковского района [2]. Несколько поколений детей она учила в начальной школе не только читать и писать, но и бережно, с любовью относиться ко всему живому, будь то дерево, птица, малая «букашка». Во время походов с учениками в лес, прогулок по живописному берегу Великой Нина Григорьевна прививала им, выражаясь современным языком, основы экологически грамотного поведения. Дети осваивали практические умения вести себя и в лесу, и на лугу, и на берегу реки так, чтобы беречь родную природу, не засорять её брошенными консервными банками, пластиковым мусором. Казалось бы, — мелочь.

Кронид Григорьевич Козьяков, 1950-е гг.

Но именно с таких «мелочей» и начинается формирование в детских душах чувства патриотизма — не показного, того, что только «на словах», а подлинного, который в тяжёлый час военной угрозы позволяет народу быть единым в стремлении одолеть врага.

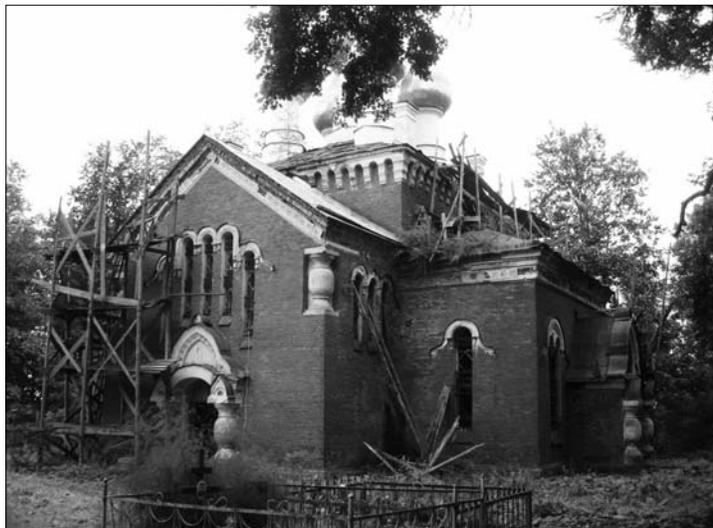
Бабушка была младшей сестрой в большой и дружной семье Козьяковых: у неё были два брата и три сестры. Брат Дмитрий был совсем немного старше её — именно о нём и ещё о нескольких своих близких и дальних родственниках читала Нина Григорьевна в скорбной Книге Памяти. О Дмитрии сведения оказались совсем краткими: «**Козьяков Дмитрий Григорьевич**, рядовой, погиб 2 марта 1945 г., захор. Силезия, г.Лигин, д. Роткирх» [1, с.131]. Год рождения не указан, и это не случайно: в момент гибели Дима Козьяков был ещё несовершеннолетним, хотя многие взрослые мужчины могли бы поучиться у этого юноши храбрости и самоотверженности.

Нина Григорьевна и Анатолий Михайлович Ермак, бывший малолетний узник фашистского концлагеря, с детьми Еленой и Алексеем. 1967 г.

Отец Дмитрия, Григорий Петрович Козьяков, всегда воспринимал окружающий мир по-хозяйски: прилежно крестьянствовал, во время Первой мировой войны храбро сражался, был серьёзно ранен в ногу. Главное, что он стремился воспитать в своих детях — трудолюбие и уважение к плодам человеческого труда. Свободный, добросовестный, осмысленный труд, в свою очередь, развивает в человеке такие качества, как ответственность, честность, рождает тягу к творчеству. Вместо «чтения морали» Григорий Петрович с супругой Марией Ивановной (в девичестве — Розовой) личным примером показывали детям, что семья должна быть единым целым, что вместо фарисейских разглагольствований можно просто пожертвовать часть заработанных денег на строительство нового храма в родном селе, непосредственно поучаствовать в этом строительстве. Согласно семейному преданию, вклад Григория Петровича Козьякова в строительство храма Святой Троицы в Мелётове, рядом с церковью Успения Богородицы (XV в.), что уже не вмещала многочисленных жителей села, был существенным.

Семье Григория Петровича и Марии Ивановны выпало на долю пережить раскулачивание. Маленькая Нина Козьякова на всю жизнь

Храм Святой Троицы в селе Мелётово
Фото Н.Б. Грошевой (Скобельцыной), 2012 г.

Храм Успения Богородицы в селе Мелётово
Фото Н.Б. Грошевой (Скобельцыной), 2012 г.

запомнила, как в их дом вошли «сердитые дядьки», сорвали с неё, лежащей в детской кроватке, одеяло и забрали его, вывернули доски из пола и тоже унесли с собой. При этом они заявили, что у многих жителей села в избах нет таких хороших одеял, а полы земляные — должно быть равенство. В ссылку семью сразу не отправили, но заставляли Григория Петровича с женой вступить в колхоз. Он некоторое время упорствовал, а когда его со слезами стала умолять Мария Ивановна, сокрушаясь о том, что маленькие дети — Женя, Дима, Нина — тоже окажутся где-нибудь в Сибири, сказал: «Но ведь я в этом их колхозе могу быть только председателем!» И действительно, несмотря на то, что ранение в ногу сильно подорвало его здоровье, Григорий Петрович в течение девяти лет был толковым председателем колхоза. При этом принципиально не брал плату за свои «менеджерские» функции. Ограничивался лишь тем, что являлось вознаграждением за обычный сельский труд: уход за скотом, сенокос и др. Получать же что-либо «за председательство» отказывался, сколько ни убеждала его это делать жена. Она считала, что муж «чудит», но повлиять на его решение на этот раз не смогла.

Накануне Великой Отечественной войны старшие дети из семьи Козьяковых уже приобрели профессии: Мария Григорьевна и Кронид Григорьевич начали работать учителями; Ольга Григорьевна, как и родители, трудилась в сельском хозяйстве. Евгения Григорьевна ещё только овладевала премудростями профессии медицинского работника. Дима и Нина ходили в школу, часто посещали избу-читальню. А ещё Дима освоил ремесло киномеханика и, будучи школьником, с увлечением показывал односельчанам фильмы «Чапаев», «Трактористы», «Волга — Волга» ...

Когда началась война, фашисты достаточно быстро заняли значительную часть территории Псковской области. Но советские люди уходили в леса, создавали партизанские отряды, наносили значительный урон захватчикам. Село Мелётово расположено в лесном краю, поэтому даже дряхлые старики и малые дети не оставались в нём, когда узнавали, что к селу приближаются фашисты.

Обычно все местные жители успевали спрятаться в лесу и укрывались там иногда подолгу, вплоть до ухода врагов. Фашисты, мстя за дерзкие налёты партизан, жгли жилища мирных жителей, уничтожали их имущество, убивали и угоняли оставшийся у крестьян скот,

Урок Мужества, посвященный Д.Г. Козьякову,
проводит Д. Ермак в музее истории Лицея №8 г. Пскова. 2015 г.
Фото М.В. Остапенко

еды поэтому катастрофически не хватало — мирные жители голодали. Нина Козьякова из-за пережитого стресса и голода на целых два года полностью ослепла. К счастью, позднее советские врачи сумели помочь девочке, частично восстановив зрение.

Дима Козьяков ушёл в партизаны, а как только линия фронта приблизилась к расположению их партизанского отряда, исправил свой возраст в документах и записался добровольцем в Советскую армию. Его родной брат Кронид был призван в регулярные войска в начале войны, стал танкистом, участвовал во многих боях. В сражении под Прохоровкой он был серьёзно контужен, но оставался в строю. Уже в Германии братья Козьяковы наладили переписку с помощью полевой почты, встретились. Кронид сказал: «Отправляйся, Дима, домой к маме! Если ты стесняешься признаться своему командиру, что приписал себе годы в документах, то, давай, я ему это скажу». Но Дима просил не раскрывать пред командиром его тайну: «Вот добьём фашиста и вместе вернёмся домой!» Кронид вернулся с войны, но больше не работал учителем, а остался служить в Советской армии. Смог поступить в Академию бронетанковых войск им. маршала Советского

Союза Р.Я. Малиновского. Успешно окончив её, жил с женой и двумя сыновьями в Москве, работал в военном конструкторском бюро. А Дмитрий Григорьевич Козьяков не дожил до Великой Победы чуть больше двух месяцев. Он погиб в бою, похоронен в чужой земле. Название населённого пункта, в котором находится его могила, в переводе с немецкого означает «Красная церковь».

Интерес к исследованию проблем патриотического воспитания молодых россиян на примерах из истории своей страны, своей семьи, привил мне кандидат педагогических наук, доцент Кафедры педагогики и социальной работы Псковского Государственного университета Борис Юрьевич Борисов, за что я хочу от души поблагодарить его. Моё обучение в Псковском филиале Российской Международной академии туризма только усилило этот интерес. И это не случайно: преподаватели Псковского филиала Российской Международной академии туризма во главе с директором — профессором Ольгой Анатольевной Козыревой — не только в совершенстве владеют профессиональным мастерством, но и учат студентов любить свой край, знать историю своих предков, помнить об их подвигах.

Источники:

1. Книга Памяти. Псковская область. Псковский район. Историко-документальная хроника . К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне / Под ред. Н.П. Корнеева, В.В. Савельева. — Псков, Изд-во организационно-методического центра, 1993.
2. Морозкина Е.Н. Церковное зодчество древнего Пскова, Зодчество Пскова как наследие. Том 1. — Москва, Изд-во «Северный Паломник», 2007. — С.91–97, 169–173.
3. Интернет: URL:<http://www.iluki.ru/news/studenty-proveli-suubbotnik-v-mieliotovo>

УЧАЩИЕСЯ АБРЕНСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ГИМНАЗИИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Н.А. Цветков

(Пыталово),

руководитель клуба «Поиск-97»

Почти все выпускники Абренской гимназии — как уроженцы Абренского уезда — были добровольцами 201-й Латышской Стрелковой дивизии. Это воинское соединение было сформировано 3 августа 1941 года в городе Горький. На 70 % она была укомплектована добровольцами. Из них граждане Латвийской ССР составили примерно 90 %: латышей — 51 %, русских — 26 %, евреев 17 %, поляков 3 %, других национальностей — 6 %. Дивизия стала первой советской дивизией, сформированной по национальному признаку. 3 декабря 1941 года она была переброшена на Западный фронт. В составе 10-й Гвардейской армии до 10 января 1942 года участвовала в боях в ходе контрнаступления во время Московской битвы. 2 февраля 1942 года вновь направлена на фронт и по 15 сентября 1942 года ведёт бои в районе Старой Руссы. После значительных потерь в ходе Демянской наступательной операции отведена на отдых и пополнение. 5 октября 1942 года преобразована в 43-ю Гвардейскую Стрелковую дивизию вновь с присвоением названия «Латышская», затем вновь до 1943 года участвует в боевых действиях в районе Демянска. В 1944 году в ходе Ленинградско-Новгородской операции вела бои на территории Новосokolьнического района. 18 июля 1944 года дивизия вступила на территорию Латвии, участвовала в Мадонской и Рижской операциях, вела тяжёлые бои в сентябре 1944 года на рубеже Лиепини — Лиелкалне — Рацени. После взятия Риги несла гарнизонную службу в городе. В 1944–45 годах участвует в боях по ликвидации Курляндской группировки фашистов.

Здание русской шестиклассной школы
1930-е годы

Абренская государственная гимназия.
1939 г.

Гимназисты во дворе гимназии

Приведу короткие биографические справки о выпускниках Абренской правительственной гимназии — участниках Великой Отечественной войны.

Василий Петрович Логинов (1914–1944). Родился в 1914 году в деревне Пуша Вышгородецкой волости Островского уезда в середняцкой крестьянской семье. В родной деревне он закончил начальную школу, затем — шестиклассную, после чего продолжил обучение в Абренской (Пыталовской) гуманитарной гимназии. Со второго класса Василий стал сотрудничать с революционно настроенными

учениками Александром Никоновым, Евгением Рябининым, Михаилом Баградом. В июле 1941 года Василий Логинов вместе с истребительным батальоном Абренского уезда отступает в советский тыл, где работает в Ивановском районном отделении НКВД. Оттуда добровольцем в 1942 году уходит в действующую армию. лейтенант Логинов — командир взвода, а затем роты 201-й Латышской Стрелковой дивизии — проявляет себя умелым и настойчивым командиром. Наградные листа дают представление о боевых буднях командира 50 мм миномётов 123-го Стрелкового полка. В ноябре 1942 года, командуя танковым десантом, ворвавшись в немецкую оборону с двумя танками, в течение нескольких часов вёл бой с превосходящими силами противника, обеспечив глубину прорыва подразделений дивизии. Награждён орденом Красной Звезды. Ещё раз орденом Красной Звезды гвардии лейтенант Логинов был удостоен за то, что «14 января 1944 года во время наступательных боёв, несмотря на сильный миномётно-артиллерийский огонь врага, продолжал вести огонь по противнику, чем способствовал прорыву вражеской обороны нашими стрелковыми подразделениями». Третий орден Отечественной войны 1 степени смелый командир пучил уже посмертно. Он погиб при освобождении Латвии. 2 августа 1944 года он получает задание пробить вражеский заслон. Определяет задачи отделению, пробивается вдоль опушки леса противнику в тыл, разбив его заслон на несколько частей. Бойцы вместе с командиром неоднократно вступали в рукопашный бой с противником. В ходе боя было уничтожено 33 гитлеровца, до роты было рассеяно по лесу и 3 фашиста взято в плен. Младший лейтенант Логинов лично уничтожил 5 гитлеровцев. Погиб 6 августа 1944 году в бою за Екабпилсский уезд Латвийской ССР.

Рейн Леонид Сергеевич (1922–1945). Родился в дер. Зайково Вышгородецкого уезда Островского уезда, в середняцкой крестьянской семье. После окончания шестиклассной школы поступает в Абренскую гимназию, где начинает работать в организации коммунистической направленности. В 1940 году, после восстановления Советской власти в уезде, Леонид становится комсоргом средней школы. Рекомендовали его на этот трудный участок работы старшие товарищи и земляки — первый секретарь Уездного Комитета комсомола Борис Фёдоров и заведующий Отделом пропаганды и агитации Уездного Комитета партии Александр Никонов.

В июле 1941 года он отступает в советский тыл. В сентябре 1941 года Леонид Рейн на фронте — он воюет в составе 122 сп. 201-й Стрелковой дивизии под Москвой. В начале 1943 года как умелого бойца с задатками командира его направляют на офицерские курсы. К марту 1944 года Леонид Рейн уже командует ротой в 125 Стрелковом полку 43 Гвардейской Латышской дивизии. Гвардии старший лейтенант Рейн вместе с бойцами своей роты участвует в боях под Старой Руссой, Насвой и Новосокольниками. За умелое руководство ротой в этих боях Александр Рейн награждён медалью «За боевые заслуги». Эта награда добавилась на грудь отважного офицера к медали «За оборону Москвы». В 1944 году он вместе с ротой освобождает Прибалтику. Особенно упорные бои в 1945 году развернулись в Курляндии. Здесь во время одного из боев командир роты Л. Рейн был смертельно ранен. Посмертно награждая гвардии старшего лейтенанта Рейна орденом Отечественной войны 1 степени, командование отмечало: «В наступательных боях при ликвидации Курляндской группировки немцев с 12 по 18 марта 1945 года в районе л. Инамуижа первым поднялся в атаку, увлёк за собой роту и несмотря на малую численность последней в короткой и ожесточённой схватке овладел населённым пунктом, продолжал преследование и погиб в бою за сильно укреплённую опушку леса». Похоронен: Латвийская ССР, Тукумский уезд, Блиденская волость, хутор Кеки.

Ещё один учащийся довоенных лет в Абренской гимназии **Полуйчик Григорий Яковлевич**, 1922 года рождения. Он, как и многие другие активисты, в июле 1941 года эвакуировался в советский тыл. Потом добровольцем ушёл на фронт и, как другие уроженцы уезда, воевал в 201-й Латышской Стрелковой дивизии. Погиб в бою в 1942 году. Первоначально похоронен в дер. Новая Постройка Нарофоминского района Новгородской области. Позднее его прах был перенесён в братскую могилу в дер. Сорокино.

Выпускник Абренской гимназии **Граховльский Пётр Петрович**, 1922 года рождения, к началу войны был на учительских курсах в городе Резекне, поэтому и был призван в действующую армию Резекненским РВК. Сержант Граховльский погиб в декабре 1941 года в боях под Москвой.

Попов Иван Иванович родился в 1916 году. В годы Гражданской войны вместе с семьёй переехал в Пыталово. Его отец работал резер-

Попов Иван Иванович

вным учителем в школах уезда и городской гимназии. Иван Попов закончил гимназию перед войной. 22 июня 1941 года вместе с несколькими молодыми парнями города Иван Попов был мобилизован для охраны Абренского уездного военкомата. В первых числах июля он вместе с активом уезда эвакуировался в советский тыл. С сентября 1941 года И.И. Попов становится командиром взвода, а затем командиром роты в 191-м полку 201-й Латышской Стрелковой дивизии. Дивизия в составе 20-й Армии обороняла Москву. 2 января 1942 года Иван Иванович был ранен в левое бедро. Долго лечился, а затем был признан инвалидом 3 группы. Указом Президиума Верховного Совета СССР №: 204/56 от 06.08.1946 года в числе участников Великой Отечественной войны, которые заняли активную позицию в мирной послевоенной жизни, был награждён медалью «За боевые заслуги». Через некоторое время И.И. Попов вернулся в Пыталово и прожил на улице Победы до конца своей жизни.

Пакленков Никандр Иванович родился в крестьянской семье в дер. Селиваны Вышгородецкой волости Островского уезда. В 1930-е годы обучался в Яунтлангальской (Пыталовской) гимназии.

Из-за материальных обстоятельств полного курса не закончил. Продолжил образование на курсах неполноправных учителей в Режице (Резекне). А 1940 году после восстановления Советской власти был назначен заведующим Гавровской семилетней школой. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, в уезде была возрождена Рабочая гвардия. Политруком Гавровской роты Абренского батальона Рабочей гвардии был назначен Никандр Пакленков. Вместе с батальоном он отступил в начале июля в советский тыл, где был направлен в эвакуацию в Татарскую АССР, а оттуда добровольцем ушёл в действующую армию. Он был в числе первых добровольцев, попавших в Гороховецкие лагеря, где формировалась 201-я Латышская дивизия, Сержант Пакленков как грамотный, с навыками административной работы, был назначен начальником продовольственного склада 50-го Отдельного медико-санитарного батальона дивизии. Командование отмечало его большую работу по организации приёма раненых и обеспечении всем необходимым в ходе наступательных боёв зимы 1942–43 года. 27 августа 1944 года он был награждён медалью «За боевые заслуги». Дальнейшая судьба Никандра Ивановича Пакленкова мне неизвестна.

Борис Фёдоров учился в гимназии во второй половине 1930-х годов. В 1940 году Борис Фёдоров начинает работать первым секретарём Абренского уездного Комитета комсомола. В июле 1941 года вместе с активом эвакуируется в советский тыл. Эвако-комиссия направляет его в Бутурлинский район Горьковской области. В августе 1941 года добровольцем уходит в действующую армию. Его направляют служить в артиллерийский полк 20-й1 Латышской Стрелковой дивизии. Вскоре он становится ответственным секретарём бюро ВЛКСМ полка. В этом качестве гвардии старший лейтенант Фёдоров в 1943 году представляется к награждению орденом Красной Звезды. Наградной лист подписывает командир 94-го Артполка гвардии подполковник Наватранов. В нём отмечается следующее: «С первых дней пребывания в полку приобрёл любовь и авторитет среди бойцов. Был выбран секретарём ВЛКСМ 94 гвардейского артполка, на посту которого находится по настоящее время. Неустанно воспитывая молодёжь в духе ненависти к врагам, бесстрашия и преданности Родине, сколачивая боевые активы в подразделениях, всемерно повышая их боевую подготовку в деле повышения успехов в боевой работе. Постоянно

Н.И. Пакленков —
политрук Рабочей гвардии

Баград Михаил Васильевич

проводит большую работу с бойцами на передовых позициях. Под его руководством был организован вывоз двух пушек с территории, занятой противником, которые были использованы в бою». После окончания войны Борис Фёдоров продолжал службу в Вооружённых Силах. После выхода в отставку гвардии полковник Фёдоров проживал в городе Риге.

Семёнов Иван Иванович (Ян Янович. 1916 — 1944). Родился в 1916 году в дер. Заводино Вышгородецкой волости Островского уезда. После окончания Яунлатгальской (Пыталовской) латышской шестиклассной школы появился Семёнов Ян Янович. Дальше продолжил обучение в Абренской гимназии. В 1940 году он становится командиром уездного батальона Рабочей гвардии. Воюет сначала в 201-й Стрелковой дивизии, а после ранения его направляют во вновь сформированную 308 Латышскую Стрелковую дивизию 130 корпуса командиром разведывательной роты. За отличие в боях он получает основные боевые награды — орден Александра Невского и орден

Отечественной войны 1 степени. Погибает Я.Я. Семёнов 26 августа 1944 года на территории Латвийской ССР. Указ о награждении его орденом Отечественной войны был подписан за сутки до его гибели. В нём отмечалось: «Возглавляя группу из 8 разведчиков, пробрался в тыл противника, устроил засаду для группы из 8 немецких разведчиков, уничтожил 6 немцев, остальных взял в плен, добыв ценные сведения». 6 сентября 1944 года был подписан Фронтовой приказ № 178 о награждении старшего лейтенанта Семёнова Ивана Ивановича орденом Александра Невского: «За то, что в результате под его руководством была выявлена линия обороны противника, огневые средства, количество подтянутой техники, захвачен пленный фельдфебель, уничтожена линия связи противника, захвачена кодированная карта противника и других ценных документов».

Баград Михаил Васильевич родился в крестьянской семье в дер. Максимково Качановской волости Абреного уезда. В 1932 году поступил в 1 класс Абреной правительственной гимназии (7 класс средней школы). В стенах гимназии занимался революционной деятельностью. В 1940 году он — начальник уездной народной милиции. В 1941 году эвакуируется в советский тыл. Добровольцем уходит на фронт. Политрук пулемётной роты принимает участие в боях под Боровском и Наро-Фоминском. Одним из первых в дивизии был награждён орденом Красного Знамени. В последние годы жизни он заведовал Кафедрой научного коммунизма в Латвийском Государственном институте имени П. Стучки. Он поддерживал постоянную связь с учащимися Пыталовской средней школы и сотрудниками Пыталовского музея.

Ябинин Евгений Павлович родился в дер. Афромеево Толковской волости Островского уезда. Закончил Бурковскую четырёхклассную основную школу. По совету И.Д. Фридриха поступил в Резекненскую правительственную гимназию, после окончания трёх классов которой в 1934 году переходит учиться в Абреноскую правительственную гимназию. В 1940 году становится председателем Линовского волостного исполкома, избирается членом Абреного Укома партии и начинает работать учителем истории и конституции СССР в родной школе. После эвакуации добровольцем уходит в действующую армию. Воюет политруком отдельной пулемётной роты 201-й Стрелковой дивизии в районах населённых пунктов Яхрома и

Рябинин Евгений Павлович

Храцевич Александр Михайлович

Наро-Фоминск. Был ранен. После излечения по ускоренной программе заканчивает Ленинградское Военно-политическое училище имени Ф. Энгельса. Назначается в политотдел 354-й Стрелковой дивизии. Воевал на Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Будучи старшим инструктором политотдела дивизии по работе среди населения и войск противника, капитан Рябинин был награждён орденом Красной Звезды — за то, что в бою за город Сольцы в марте 1944 года с его участием и организацией было захвачено 13 военнопленных. За участие в боях также награждён медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина». Летом 1945 года исполнял обязанности помощника коменданта немецких городков в советской зоне оккупации.

Александр Михайлович Храцевич родился в 1923 году в городе Яунлатгале (Абрене — Пыгалово) в семье торговца средней руки. Абренскую (Пыгаловскую) школу Александр Храцевич закончил в 1941 году. В 1942 году он едет в город в Режицу (ныне Резекне), где заканчивает курсы учителей для русских школ. Затем поступает в Латвийскую Сельскохозяйственную академию в Риге, где проучился

около года. В августе 1944 года работает секретарём комсомольской организации одной из волостей уезда. Поработав около месяца секретарём комсомольской ячейки, Храцевич был призван в действующую армию. Вместе с маршевой ротой он прибыл на пополнение 374-й Стрелковой Любанькой дивизии. Распределили его в 1242 полк, где он стал писарем-каптенармусом 4 стрелковой роты. Люди, вроде такой небоевой должности, при необходимости, при больших потерях, становились стрелками, отражали контратаки, бежали вперёд в атаку. Было это всё и в военной биографии Александра Храцевича. В середине октября 1944 года младший сержант А.М. Храцевич в боях в районе г. Добеле (Латвия) по приказу командира роты вместе с другими, оказавшимися под рукой солдатами, стал стрелком, которые бросились во фланг роты, куда была направлена немецкая контратака. В ходе скоротечного боя он из личного оружия уничтожил двух гитлеровцев и заменил пулемётчика, и огнём ручного пулемёта обратил немцев в бегство, сорвав контратаку фашистов. Несмотря на полученное в этом бою ранение, он продолжал вести огонь по врагу, до победного завершения боя. За это командир 1242 полка подполковник Осипов наградил его медалью «За отвагу». В ноябре 1945 года младшего сержанта Храцевича, в связи с двумя ранениями, демобилизовали из рядов действующей армии. Вернулся он на свою малую Родину в Пыталово и в течение 20 лет работал учителем физкультуры в Пыталовской средней школе.

В годы Великой Отечественной войны на фронтах и партизанских отрядах сражалось более 40 учащихся Абренской гуманитарной гимназии. 60 процентов погибли в боях.

ВАЛЕНТИНА СКОБЕЛЕВА — УЧАСТНИЦА РАЗМИНИРОВАНИЯ ПЕЧОРСКОГО РАЙОНА В 1945–1946 ГОДАХ

А.С. Голубев

(Псков),

*начальник Отдела научной информации ГКУ ПО
«Государственный архив новейшей истории Псковской области»*

Опасность и смерть нам грозила
каждую секунду...

В.И. Скобелева

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов мы обязаны вновь вспомнить о тех, кто совершал подвиги на фронте, приближал Победу в тылу, восстанавливал народное хозяйство после войны.

Валентина Ивановна Скобелева, уроженка Печорского района, была среди тех, чьим личным вкладом была обеспечена Великая Победа. Она родилась в 1919 году в деревне Мартышево, что на северо-западе нынешнего Печорского района. Валентина росла и воспитывалась в многодетной, но бедной семье. Её родители, а также шестеро братьев всё время работали.

В 1925 году по трагической случайности шестилетняя Валентина осталась без отца: Иван Лаврентьевич Скобелев скончался от побоев хозяина, на которого работал. Жизнь семьи Скобелевых стала ещё тяжелее. Как впоследствии вспоминала Валентина Ивановна: «Мать осталась с детьми... Земли имела полоску 5 соток и других доходов не было никаких. Все мы испытывали нищету и голод. Скота не имели. Жили всегда впроголодь».¹ Так продолжалось до осени 1939 года.

В.И. Скобелева

Не имея постоянной оплачиваемой работы Валентина Ивановна в конце 1939 года перешла государственную границу между Эстонией и СССР по Псковскому озеру и через некоторое время оказалась в городе Острове. Тогда же на севере Эстонии в г. Палдиски советское правительство стало расквартировывать военно-морскую базу и В.И. Скобелева была направлена кладовщиком в совхоз «Пылкюла», который значился при военфлотторге Балтийского флота.²

Здесь, помимо основных обязанностей, Валентина Ивановна занимала должность секретаря комсомольской организации совхоза, проводила большую общественную работу. Молодая комсомолка не пропускала ни одного мероприятия в городе, всегда находила время для беседы с молодёжью: «Мы вместе с молодёжью изучали, читали... Устав ВЛКСМ мы перечитывали по несколько раз. Разбирали каждый пункт, конечно, многое ещё и не понимали».³

На этой работе и застала В.И. Скобелеву война. Военная база в г. Палдиски считалась стратегически важным объектом, поэтому уже 23 июня 1941 года из рабочих и служащих совхоза был организован истребительный батальон. Всем им были розданы винтовки и автоматы, и бойцы батальона приступили к обучению владением оружием, минёрному делу и разведке. Они занимались днём и ночью, почти не спали. Валентина Ивановна вспоминала: «Я получила автомат, а позднее и пистолет и гранаты, и обучалась снайпером. Стреляла не плохо, дали мне даже значок снайпера... Меня все звали Ворошилов». ⁴

Тем временем немецко-фашистские войска продолжали наступление в Прибалтике. В связи с этим из Палдиски началась эвакуация детей на восток. На одной из железнодорожных станций около Ленинграда поезд с детьми подвергся нападению фашистов. Несмотря на то, что за эшелон с детьми шёл упорный бой, часть его вагонов досталась врагу. Фашисты беспощадно расстреляли всех детей этого эшелона. В их числе был и десятимесячный сын Валентины Ивановны. К счастью, другая часть вагонов железнодорожного эшелона, в которых находился второй сын, благополучно ушла в Среднюю Азию. Только спустя пять лет Валентина Ивановна смогла встретиться со своим спасшимся ребёнком. ⁵

Трагедия, связанная с потерей сына, не сломила И.В. Скобелеву. Она вместе с мужем и другими рабочими совхоза выполняла задания по минированию дорог и подходов к Палдиски.

12 августа 1941 года в составе группы разведчиков Валентина Ивановна была отправлена на задание. Группа прошла около 20 километров и стало понятно, что советские войска отступают, а немецкие — с хорошей техникой и большой силой — идут вперёд. В добавок ко всему, по округе ходили небольшие группы немцев. Патроны у разведчиков закончились, и они, мокрые и голодные, решили пробираться на один из хуторов, чтобы обогреться, но попали в засаду, устроенную противниками советской власти в Эстонии. Вот как это было: «...Нас схватили, всё отобрали, руки связали, рты заткнули, положили на лошадей как мешки...Привезли на этот хутор...бросили в сарай и закрыли... допрашивали поодиночке. После допроса раздели, поодиночке положили на скамейку, привязали и били ремнями. Без чувств опять бросали в сарай....И так мы в сарае прожили четверо суток.

Я (В.И. Скобелева — прим. автора) предложила бежать ночью и со мной согласились, всё равно смерть, а попробовать надо. Мы с вечера начали рыть руками яму под сарай, с сарая на улицу под брёвна. Мы руками выбрали отверстие, чтобы можно пролезть человеку. Я выползла благополучно... Нам пришлось как можно быстрее уползть дальше в лес, и стали осторожно пробираться к дому». ⁶

К этому времени значительное число рабочих совхоза и жителей Палдиски стали эвакуироваться морем в Ленинград, а сам город подвергся жесточайшим обстрелам с воздуха. Находившиеся на ближайших островах Большой Рогге (Суур-Пакри) и Малый Рогге (Вяйке-Пакри) советские береговые батареи с трудом сдерживали налёты вражеской авиации. Несмотря на это, Валентина Ивановна со своим мужем эвакуировалась из Палдиски одной из последних. Остров Малый Рогге они оставили 27 августа, а Палдиски был захвачен фашистскими войсками на следующий день — 28 августа 1941 года.

Единственный путь для эвакуации на Таллин-Кронштадт-Ленинград, пролежавший мимо неприятельских берегов, простреливался фашистской авиацией. Кроме этого, воды Финского залива были просто усеяны плавающими минами. В.И. Скобелева преодолела этот сложный путь на четырёх судах, чудом оставшись в живых. Поочерёдно корабли, на которых она эвакуировалась («Умари», «Балкаш», «Серп и Молот» и крейсер «Киров») были подбиты. Получив ранение и контузию, Валентина Ивановна всё-таки добралась до Кронштадта. Вот как об эвакуации в Ленинград она вспоминала: «... всё время то справа, то слева, то прямо по носу появлялись плавающие мины. Приходилось отводить мины от корабля вдоль бортов шестами, осторожно отталкивать мины и провожать их по бортам и отправлять за корму. Приходилось голыми руками проделывать эту работу. Закрепляясь ногами, свешивались в воду, руками останавливали мину и отталкивали от корабля, схватывались со смертью голыми руками и так проходили корабли метрами, а опытные матросы прыгали в воду и отталкивали дальше мины, чтоб мог пройти корабль». ⁷

С особой теплотой Валентина Ивановна отзывалась о капитане корабля «Умари»: «...этот человек огромного дела мастер, золотой мастер...как многие ему обязаны и благодарны...Только он так умел рулить на воде — видит, что бомба летит, а он раз в сторону корабль

и мимо, но ведь и мины на воде. В воде он так увёртывался, как будто с игрушкой».⁸

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда и семья Скобелевых вновь вынуждена была эвакуироваться. Таким образом Валентина Ивановна оказалась в Новосибирске. После лечения в местном госпитале она устроилась на работу на железнодорожную станцию почтальоном при Управлении военного строительства. Затем работала на заводе в фронтовой бригаде там же. Работа эта была не из лёгких, и работать приходилось много: «Домой приходила в час, два почти, а потом кое что поем и нет спать время, надо опять собираться ехать... Выходных дней никаких не было, да и думать об этом было невозможно, фронт ждал от нас оружия».⁹

В Новосибирске Валентина Ивановна проводила также общественную работу: была секретарём комсомольской организации, членом комитета воинской части, членом бюро Центрального района г. Новосибирска; избиралась делегатом на I конференцию молодых рабочих Центрального района г. Новосибирска, делегатом на I слёт комсомольско-молодёжных фронтовых бригад предприятий г. Новосибирска; была председателем и заместителем председателя Совета жён и матерей фронтовиков при Управлении военного строительства.

В ноябре 1944 года в связи с освобождением Эстонии от немецко-фашистских захватчиков по решению эстонского представителя, который находился в Новосибирске, и на основании постановления СНК СССР от 5 марта 1944 года № 245 Валентину Ивановну направили работать на родину — в Печорский райком комсомола. Здесь она проработала до 1949 года: сначала инструктором, а затем, с 1946 года, заведующей Отделом кадров и оргработы райкома.¹⁰

Следует отметить, что в послевоенное время комсомольские организации Печорского района создавались вновь и многие молодые люди даже не знали, что такое комсомолец. Валентине Ивановне, как инструктору, приходилось вести разъяснительную работу. Где только была возможность, она собирала молодёжь — в деревенской избе, школе, в помещении сельсовета, а то и на улице — и организовывала художественную самодеятельность, пионерские организации. Инструктор комсомола пользовалась уважением и доверием молодёжи района. Валентина Ивановна вспоминала: «Молодёжь очень любила

меня, я заключила это из того, что они делились со мной даже в личных делах».¹¹

Однако в освобождённом от фашистов Печорском районе было опасно жить и работать. Неосторожность или простая случайность могли оборвать чью-то жизнь. Дело в том, что при отступлении из Печор немецкое командование отдало приказ о заминировании мостов и дорог, ведущих из города, — таким образом, были заминированы Бутырский и Богдановский мосты, дорога на Залесье, Миллионный мост; заложены мины и взрывчатка кругом города и в самом городе: в парках и дорогах, а также кругом монастыря. Всё это было тщательно замаскировано и соединено сложной системой. В случае взрыва одновременно могли быть уничтожены подходы к городу, что усложнило бы вступление наших войск в Печоры, привело бы к большим жертвам населения и разрушениям в самом городе.

Но немецко-фашистские захватчики не успели выполнить свой план. Наши разведчики сумели предотвратить взрыв.¹²

Для того, чтобы печеряне могли спокойно жить и восстанавливать разрушенное войной хозяйство, в начале 1945 года Печорским райвоенкоматом и райсоветом ОСОВИАХИМа была сформирована команда разминёров Печорского района. Валентина Ивановна была направлена специалистом-инструктором в эту команду.

Вооружившись щупами, миноискателями, несмотря на непогоду, печорская молодёжь под началом инструктора В.И. Скобелевой трудилась на густозаминированных фашистами полях, дорогах, мостах. Команда собралась очень дружная, активная и смелая. В сложных ситуациях советовались, как лучше и правильнее обнаружить и обезвредить мину, бомбу, снаряд. Они старались как можно больше разминировать и проверить полей, для того чтобы дать возможность их засеять. Ребята работали с душой — не для себя жили, а для людей и будущего, поэтому сев проходил сразу после разминирования.

В свободное время, хотя его было мало, разминёры собирались в сараях или в поле, и инструктор В.И. Скобелева проводила беседы о героях войны, молодёжи, комсомоле, войне, о переходе советских кораблей по Финскому заливу в Ленинград. Молодёжь слушала внимательно и старалась хоть немного походить на фронтовиков.¹³

Весной 1945 года началась работа по разминированию наиболее сложных участков: Бутырского и Миллионного мостов, ручья Камен-

нец. Вот как об этом вспоминала Валентина Ивановна: «Осторожно руками сняли верхний слой грунта, любой, даже чуть слышный скрежет камешка заставлял в тревоге сжиматься сердце. Работали молча, а иногда говорили почему-то шёпотом, нам казалось, что шёпотом лучше. Невозможно описать эту работу, какая была напряжённая. Бросая работать, отдыхали немного, и говорили между собой громко, как-то не стовариваясь. Невольно за работой вели так себя странно, как будто нас кто подслушивал.

И вот показалась первая мина, это первая, а сколько их ещё — неизвестно, вот ещё одна, да ещё взрывчатка и тонны смертоносного груза лежит рядом с нами. Наконец-то сложная замаскированная схема найдена. Студёная вода иголками пронизывала тело, но нельзя было сделать ни одного неосторожного движения и бросить хоть на время работу. Каждому хотелось жить, а особенно тогда, когда уже приближалась победа».

Общими усилиями десятки обнаруженных мин, бомб и снарядов на участке дер. Бутырки — ручей Каменец — Миллионный мост — Печорский монастырь были обезврежены.

Ещё один тяжёлый участок для разминирования находился около деревень Затрубье — Лебеды. Здесь немецко-фашистскими захватчиками был заминирован аэродром. Кроме этого, на аэродроме было очень много неразорвавшихся бомб и снарядов. Эти боеприпасы глубоко ушли в землю, поэтому разминёрам группы В.И. Скобелевой в течение нескольких недель пришлось к ним подбираться.

Невзорвавшиеся бомбы крупного калибра, которых нельзя было обезвредить на месте (это грозило разрушению окружающих домов), вывозили и взрывали на полигоне в лесу.¹⁴

Однако не всё проходило так гладко. Трагический случай произошёл около деревни Затрубье. Здесь бомба большого калибра упала недалеко от хутора, ушла в землю и не взорвалась. В течение нескольких дней разминёры группы В.И. Скобелевой осторожно подбирались к этой бомбе. Но извлечь её не представилось возможным, поэтому было принято решение взрывать на месте. Разминёры спустились в котлован и на корпус бомбы положили заряд взрывчатки. Вспыхнул огонёк бикфордова шнура, но взрыва не последовало — помешала вода, проникшая в детонатор. И снова разминёрам пришлось повторить опасную операцию. Во второй раз запал рабо-

тал безотказно, но Валентина Ивановна не успела далеко отбежать и упала. Взрывной волной её зарыло землёй и грязью — она получила контузию.

После лечения в Печорской районной больнице В.И. Скобелева снова была направлена в команду разминёров, но теперь уже она находилась в должности заместителя начальника по политчасти.

Проводя такую работу, В.И. Скобелева многое повидала, многое пережила. Особенно памятен оказался День Победы, 9 мая 1945 года. Тогда по распоряжению Валентины Ивановны разминёры были разосланы по деревням для оповещения населения о победе. А в д. Бельско бывшего Веревского сельсовета организован многолюдный митинг, после которого, взрывами мин и снарядов, был дан салют. Позже она вспоминала: «Эта радость — я не могу подобрать слов и описать насколько она была велика у нас и у всего населения. Плакали люди от радости, оплакивали жёны, матери, сёстры своих родных и знакомых, кто не дождался победы и погиб за Родину. Когда я кончила говорить на митинге, меня подхватили на руки и бросали вверх и я даже потяряла на время сознание...».¹⁵

Активные работы по разминированию Печорского района проходили в 1945–1946 годах. Разминёры под руководством Валентины Ивановны сделали очень важное и нужное дело: только за 1945 год они обнаружили и уничтожили более 20 тысяч различных мин, снарядов, авиабомб, гранат. Сама Валентина Ивановна организовала более 500 докладов и бесед среди местного населения.¹⁶

В 1950-е годы, после работы в комсомоле, В.И. Скобелева занимала разные должности в Печорском районе: была председателем Сельсовета, заведующей кафе, налоговым агентом. В дальнейшем, из-за ухудшения состояния здоровья (сказались ранения и контузии, полученные во время эвакуации и при разминировании), длительное время не работала. В 1960-е годы занимала должность кладовщика Печорского механизированного отряда Псковской мехколонны треста «Псковсельстрой».¹⁷

Из документов ГАНИПО (Государственного архива новейшей истории Псковской области) известно также, что Валентина Ивановна была награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» (1946 г.), «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» (1948 г.),

«За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970 г.).¹⁸

В то же время следует отметить, что некоторые дополнительные сведения для данной публикации были представлены сотрудниками Печорской центральной районной библиотеки, за что автор выражает им огромную благодарность. Это фотография В.И. Скобелевой из фотоальбома «Книга памяти. Творцы Великой Победы. Ветераны войны Печорского района»; выдержка из книги «Печоры — порубежный край России», и статья Эдуарда Петренко «А до смерти оставалось мгновенье...». Данный материал позволяет утверждать, что пещеряне помнят своих героических земляков.

Кроме этого, 69-страничные рукописные воспоминания самой Валентины Ивановны были обнаружены и в Национальном архиве Эстонии. Эти воспоминания составлены в форме письма. Главный библиотекарь Отдела информационных технологий Печорской ЦРБ Андрей Борисович Айда предполагает, что письмо было составлено на имя известного таллинского журналиста и исследователя подпольного и партизанского движения Эстонии Н.Н. Белова. Машинописная копия данного письма-воспоминания о работе В.И. Скобелевой в тылу врага и о её участии в разминировании территории Печорского района в 1982 года была передана в бывший партийный архив Псковского обкома КПСС. Этот материал и составил основу данной публикации.

В заключении необходимо подчеркнуть, что В.И. Скобелева — удивительная, мужественная женщина с нелёгкой судьбой. Она, как и многие другие, вынесла на своих плечах тяжёлое бремя войны, многое сделала для того, чтобы в Печорах наладилась мирная жизнь. Поэтому сегодня мы преклоняемся перед такими людьми, подарившими мир и покой родной земле!

Источники:

1. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 3–4.
2. ГАНИПО. Ф. 3148. Оп. 1. Д. 211. Л. 20об.
3. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 5–6.
4. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 7–8.

5. Петренко Э. «А до смерти оставалось мгновенье...» // Печорская правда. 14 марта 1995 г. С.2.
6. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 13–14.
7. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 16.
8. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 18.
9. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 20.
10. ГАНИПО. Ф. 3148. Оп. 1. Д. 211. Л. 21–23.
11. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 21–22.
12. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 27.
13. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 24.
14. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 28–30.
15. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 32.
16. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 30.
17. ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 21. Ф.1219. Оп.75. Д.33. Л.124. Л.198. Л.199.
18. ГАНИПО. Ф. 424. Оп. 7. Д. 3. Л. 53. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 84. Л. 21.

ПРОБЛЕМЫ ЗАХОРОНЕНИЙ ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПЛЮССКОГО И СТРУГОКРАСНЕНСКОГО РАЙОНОВ

А.И. Фёдоров

(С.-Петербург — Струги Красные),

краевед

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу;
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

На огромной территории России, в странах Европы и Азии Вторая Мировая война оставила после себя не только грандиозные разрушения и шрамы на лице Земли, но ещё и многочисленные захоронения погибших солдат и офицеров, партизан и мирных жителей, оказавшихся жертвами этой войны. В данной статье я постараюсь рассмотреть основные проблемы, которые существуют в отношении захоронений времён Великой Отечественной войны, появившихся в период с июля 1941-го по март 1944 года на территории современных Плюского и Стругокрасненского районов.

В июле 1941 года массово отступающие части Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) пытались несколько раз организовать активную оборону на рассматриваемой территории. Так, уже 10 июля подразделения разбитой в боях под Островом 111-й Стрелковой дивизии (сд) организовали засаду на шоссе Псков — Луга в районе деревни Углы Новосельского района (по состоянию на 1941–1944 гг. территория современных Плюского и Стругокрасненского районов

Псковской области фактически совпадала с территорией Плюсского, Лядского, Новосельского и Стругокрасненского районов Ленинградской области) в связи с тем, что перейти к серьёзной обороне они не могли из-за отсутствия тяжёлого вооружения, времени для создания оборонительного рубежа и недостатка личного состава. Уничтожив во время боя несколько машин противника, под напором тяжёлой бронированной техники и танков бойцы 111-й сд неорганизованно отступили. Естественно, в данной боевой обстановке захоронение оставшихся на поле боя (вернее, в лесу вдоль шоссе) убитых провести было невозможно. 11 июля 1941 года на рубеже Комарино — Новоселье занял оборону 9-й Псковский погранотряд. Успев укрепиться для обороны шоссе Псков — Луга, приняв в середине дня поддержку в виде атаки танков 21-й танковой дивизии (тд), пограничники сутки сдерживали натиск мотоколонн 1-й тд вермахта. Но в связи с тем, что силы были явно неравны, к исходу дня пограничники оставили свои позиции. Опять же, в данной боевой обстановке похоронить большую часть убитых не было возможности. Танкисты 21-й тд, направлявшиеся по маршруту Луга — Николаево — Уторгош, провели

атаки в направлении на Комарино и Хредино, но, получив серьёзный отпор со стороны частей 1-й и 6-й тд вермахта, потеряв сгоревшими 8 танков и пропавших без вести, а также оставшихся на поле боя 9 танков, отступили и продолжили следование по ранее намеченному маршруту. В связи с тем, что танки остались на территории, занятой противником, то захоронением погибших танкистов частично занимались местные жители.

В период с 12 по 27 июля на рубеже Плюсса — Заполье удерживали передполье Лужского рубежа части 177-й сд и 24-й тд. В связи с тем, что здесь была построена эффективная схема обороны, захоронение погибших красноармейцев зачастую проводилось, как положено, в братские могилы с составлением необходимых документов, которые, к сожалению, частично были утеряны впоследствии в период окружения указанных частей под Лугой. После неудачных контратак многие погибшие остались на поле боя и захоронены не были.

К исходу июля вся рассматриваемая территория оказалась оккупированной немцами.

Немногочисленные местные и заброшенные разведывательные группы начали действовать фактически сразу же после начала оккупации. Крупные партизанские формирования прибыли на данную территорию уже в августе 1941 года, но в начале осени полностью покинули тыл врага, так как не были готовы к боевым действиям в условиях наступающих холодов, а также из-за отсутствия связи с командованием и пополнения боеприпасов. Погибшие в период с августа по сентябрь 1941 года партизаны были захоронены товарищами в основном без обозначения мест захоронения, зачастую в лесах возле расположения партизанского лагеря или на месте гибели. Погибшие партизаны из местных территориальных отрядов хоронились на местных кладбищах родственниками.

Крупные партизанские соединения возвратились на рассматриваемую территорию в июле 1942 года. 4-я Ленинградская партизанская бригада (ЛПБ) прибыла из Партизанского края — с территории современного Дедовичского района. В связи с тем, что данное партизанское соединение постоянно преследовали каратели, партизаны рейдировали вплоть до зимы 1942–1943 годов, разделившись на отряды. Большая часть партизан, в том числе командир бригады С.М. Глебов и комиссар М.К. Зубаков, погибла. Массовые захоронения пар-

тизан 4-й ЛПБ не установлены. Осенью 1942 года действовали 3-я и 1-я Особая ЛПБ. Весной 1943 года прибыли 2-я и 5-я ЛПБ. Осенью свою боевую деятельность развернули 2-я, 6-я, 7-я, 9-я Ленинградские партизанские бригады. Массовые захоронения партизан в период 1942–1943 гг. также большей частью не установлены. На рассматриваемую территорию забрасывались немногочисленные группы: разведывательные, партийные и др. с различными целями. Их члены также гибли в тылу врага: например, 18 апреля 1943 года в дер. Конторка погибла разведчица группы «Псковичи» Н.Н. Петрова, там же и похоронена; 25 мая 1943 года погибли сотрудники Лядского партийного центра, 28 декабря 1943 г. погибла разведчица Оперативного отряда сотрудников НКВД Л.С. Колмакова — она захоронена на кладбище в дер. Кубасово. Гибли и мирные жители, оказывающие помощь партизанам и подпольщикам: 27 декабря 1943 года была расстреляна в посёлке Струги Красные связная Т.А. Ершова.

Массовые захоронения мирных жителей, уничтоженных в период оккупации, образовались на месте сожжённых вместе с жителями деревень: так, 23 декабря 1943 года были сожжены 64 жителя дер. Ростково Новосельского района; 14 января 1944 г. — 107 жителей дер. Замошье Плюсского района.

В период оккупации на территории районов действовали несколько тюрем, концентрационные и трудовые лагеря, в которых также умирали или были убиты люди. Места таких захоронений, в массе своей, известны, хотя точно не локализованы, а вот выяснить личности убитых или даже их количество до сих пор не представляется возможным.

С января 1944 года началось массовое наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов по освобождению Ленинградской области. Партизанские бригады также начали поддержку наступления РККА, активизировав свои действия. Наступающие со стороны Ленинграда соединения 42-й и 67-й армий Ленинградского фронта, а также 8-й и 54-й армий Волховского фронта полностью освободили территорию современных Плюсского и Стругокрасненского районов к концу февраля 1944 года и понесли при освобождении серьёзные потери личного состава. Общие потери при освобождении данной территории составили не менее 6 000 человек убитыми, которые были захоронены в братские и одиночные могилы, а также частично оставлены на поле боя.

* * *

Каким образом проводились братские захоронения военнослужащих, какими документами руководствовались при этом?

Согласно «Положению о персональном учёте потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время», утверждённому приказом НКО СССР от 15.03.1941 г. № 138, списки захороненных должны были передаваться местным властям выделенными из состава воинской части командами для погребения погибших. Также на самих захоронениях должны были прикрепляться таблички с именами захороненных.

Освобождение рассматриваемой территории проходило снежной зимой 1944 года. Дивизионные похоронные команды выкапывали траншеи или использовали для могилы удобные воронки от разрыва снарядов, или подвалы выгоревших построек. Сверху устанавливали деревянную пирамидку. Изымали документы и оружие, составляли список погибших; вероятно, иногда крепили данный список к пирамидке. Списки, в связи с недолговечностью материала, не сохранились. Чтобы передать списки погибших местным властям, необходимо было эти самые власти найти, тем более на только что освобождённой территории зачастую никакой власти просто не существовало. Лишь в некоторых кустах деревень, которые активно оборонялись партизанами, работали сельсоветы, оргтройки, партийные и прочие органы власти. Местное население в период активных боевых действий уходило в леса.

Таким образом, часть братских и одиночных захоронений военнослужащих РККА осталась лишь обозначенными на местности деревянными пирамидками. В лучшем случае, местные жители окрестных деревень знали их расположение, а о количестве погребённых или их именах информация зачастую просто отсутствовала.

Санитарные захоронения, проведённые гражданским населением весной 1944 года, оставшихся на полях боёв погибших воинов РККА и противника, если и оформлялись документально, то пока данные документы не обнаружены. Существуют лишь списки обнаруженных при убитых документов. Поэтому, например, невозможно в данный момент точно указать количество захороненных в братской могиле, расположенной между деревнями Щир и Яблонец Стругокраснен-

ского района. Известно, что в районе деревень Игомель и Комарово Плюсского района мирные жители также проводили в 1944 году санитарные захоронения, но эти могилы никак не отмечались на местности и на сегодняшний день утрачены.

Исходя из вышесказанного, можно таким образом классифицировать захоронения:

- Оставшиеся незахороненными на поле боя военнослужащие РККА.
- Братские и одиночные захоронения военнослужащих РККА.
- Братские и одиночные захоронения партизан.
- Братские и одиночные захоронения расстрелянных, повешенных и сожжённых мирных жителей.
- Братские и одиночные захоронения умерших в тюрьмах и лагерях военнопленных.

Отгремела война на Плюсской и Стругокрасненской земле, провели разминирование территории, фронт продвинулся к Пскову, а летом 1944 года ещё далее. Началась мирная жизнь с восстановления народного хозяйства. Потери и разрушения были настолько велики, что их последствия можно обнаружить до сих пор, хотя прошло уже 70 лет.

Уход и учёт воинских захоронений не был первоочередной задачей восстановления народного хозяйства, хотя нельзя сказать, что данной проблемой никто не занимался. В 1944–1946 годах учёт воинских захоронений вёлся в Военном отделе райкома ВКП(б). Согласно архивным сведениям, по состоянию на сентябрь 1946 года, на учёте состояли:

- в Плюсском районе — 106 братских могил (в которых погребено 1384 человека) и 148 индивидуальных могил; в Лядском районе — 45 братских могил, 45 индивидуальных захоронений; в Новосельском районе — 57 воинских кладбищ и индивидуальных могил;
- в Стругокрасненском районе — 113 братских и 111 индивидуальных захоронений. Всего на территории Стругокрасненского района покоилось 2102 человека.

К сожалению, в документах конца 1940-х годов более детальной информации о захоронениях обнаружить пока не удалось.

В 1948 году были ликвидированы военные отделы при райкомах партии — функции учёта и благоустройства воинских захоронений

были переданы отделам коммунального хозяйства, у которых и без того было немало забот по восстановлению разрушенной войной экономики.

Недавно в архиве Отдела военного комиссариата Псковской области по Гдовскому, Плюсскому и Стругокрасненскому районам (далее — РВК) был обнаружен документ «Список индивидуальных и братских могил и кладбищ в/служащих, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками и похороненных в Новосельском районе Псковской области», с приложением плана. Данный документ можно датировать не позднее июня 1954 года. В нём достаточно подробно описано 47 захоронений с общим количеством захороненных 777 человек, расположенных в шести сельсоветах Новосельского района. Вот только на тот период в Новосельском районе было 11 сельсоветов, так что данный список, по меньшей мере, не полон, а исходя из современных проверенных сведений, — ещё и не точен.

В период 1950–1955 годов захоронения укрупнялись, проводилась эксгумация братских и одиночных могил, останки перезахоранивались в крупные населённые пункты, либо в братские могилы, где было большое количество захороненных. Документов о проведении данных работ до сих пор не обнаружено, кроме неточного списка населённых пунктов, откуда и куда проводились переносы. Определённо ответить на вопрос, какое количество останков откуда и куда было перенесено, пока невозможно. Вёлся ли в то время качественный учёт, также пока не известно.

В результате работ, проведённых поисковиками отряда «Поиск», на местах первоначальных захоронений возле деревень Остров, Щегли, Великое Поле и Каменье Стругокрасненского района, деревни Которск Плюсского района были обнаружены многочисленные останки советских воинов. Получается, что укрупнение захоронений проводилось, мягко скажем, некачественно. Это можно объяснить двумя причинами: сложным санитарным состоянием могилы (после захоронения прошло около 10 лет и тела разложились не полностью) и недостаточным количеством средств для переноса (банальной нехваткой гробов и ящиков). Возможно, были и иные причины.

Трудность в определении мест первоначальных захоронений, числящихся перенесёнными, заключается в том, что на сегодняшний день эти места никак не обозначены на местности. За исключением

упомянутого «Списка...», не обнаружено документов или карт расположения этих могил. Единственным источником информации для проведения такого рода поисковых работ зачастую служат лишь воспоминания местных жителей, которых с каждым годом становится всё меньше.

4 марта 1965 года вышла директива Генерального штаба № 322/10310, согласно которой военные комиссариаты СССР должны были завести и централизованно обменяться учётными карточками погибших военнослужащих и партизан. Упрощённо данная схема выглядела так: военкомат, который призывал погибшего военнослужащего, на основании хранившихся извещений о смерти оформлял карточку, в которой указывались фамилия, имя и отчество погибшего, воинское звание, наименование части, приславшей извещение о смерти; дата и год рождения; дата и причина выбытия из части; место похорон, а также сведения о родственниках. Карточка подписывалась военным комиссаром и заверялась печатью военкомата. Далее военкомат по команде пересылал эту карточку в военкомат, на территории которого находилось захоронение указанного военнослужащего. В связи с тем, что название населённого пункта в извещении о гибели и в учётной карточке писалось зачастую без чёткого указания местоположения, это приводило к путанице. Например, умерший от ран в дер. Сара-Гора Лужского района рядовой Галушко П.Я. записан в братскую могилу в дер. Высокое Стругоокрасненского района, а рядовой Землянский Ф.Я., погибший в дер. Кулотино Новгородской области, оказался в братской могиле в посёлке Плюсса. И таких ошибочных занесений в списки погибших достаточно много (до 15% от общего числа учётных). Кроме этого, существуют ещё несколько человек, информацию по которым, кроме имеющейся в учётной карточке военкомата, обнаружить в иных источниках не удалось. Например, в братской могиле в дер. Радонка Стругоокрасненского района числится единственным известным захороненным красноармеец Фомичёв В.И., погибший в дер. Прусово 8.03.1943 г., карточка на него заведена Стругоокрасненским райвоенкомом в 1985 году — вероятно, на основе информации от родственников погибшего. Более докумен-

тов о нём не обнаружено, никаких боевых действий частей РККА в районе дер. Прусово в марте 1943 года быть не могло. Возможно, это партизан, но документально это ни подтвердить, ни опровергнуть пока не удалось.

После обмена карточками в военкоматах были составлены списки погребённых в братских захоронениях, которые лишь изредка дополнялись вследствие предоставления документов о захоронении родственниками павших. Массив информации о захороненных в РВК крайне неполон по ряду различных причин.

В 1992 году на каждое захоронение в военкоматах были заведены учётные карточки, в которые заносилась информация о месте и дате захоронения, виде его, размерах и состоянии. Кроме того, помещалось краткое описание, информация о количестве захороненных, какая организация шефствует над захоронением, фотография, схема расположения. Учётная карточка заверялась подписями и печатями Военкома и Главы района, также прилагался список с персональными данными захороненных.

В учётные карточки захоронений вошла не вся информация, содержащаяся в карточках погибших, — согласно размещённым схемам найти захоронение или представить, где оно расположено несведущему человеку практически невозможно, но общую информацию относительно братских могил получить вполне реально.

В преддверии 70-летия со дня победы в Великой Отечественной войне паспорта захоронений, а также списки погибших необходимо было актуализировать. Сотрудники военкомата, районной и волостных администраций провели эту работу до весны 2015 года, взяв за основу, естественно, существующие документы и старые учётные карточки. Результаты этой работы, например, по Стругокрасненскому району были размещены на официальном сайте района — они превзошли все ожидания. Разумеется, в массе своей они повторяют сведения учётных карточек 1990-х годов, но появилось и нечто новое. В разряд воинских захоронений по какой-то причине попали памятные знаки, установленные в память о не вернувшихся с войны земляках, как, например, в деревнях Кебско, Молоди, Соседно. Оригинально смотрятся списки «захороненных» в таких «могилах», где у всех разные даты гибели с разбросом в несколько лет, — записаны даже пропавшие без вести. Эти паспорта воинских захоронений ещё

можно увидеть на официальном сайте района¹, хотя до руководства района информацию о несостоятельности сведений о таких «виртуальных» могилах я довёл.

Наиболее важным событием, скажу даже — прорывом, в деле увековечения имён павших стал Обобщённый банк данных «Мемориал»². На страницах указанного сайта опубликованы хранящиеся в ЦАМО и РГВА документы относительно погибших и пропавших без вести военнослужащих в период Великой Отечественной войны.

Фактически сразу после появления указанного сайта в 2004 году мною была предпринята попытка уточнения списков павших на Стругокрасненской земле. Исходными сведениями для поиска стали существующие списки и карточки захороненных, хранящиеся в РВК. Сначала мною выгружались списки погибших по подразделению, куда попал один или несколько военнослужащих из карточек РВК. Затем анализировались списки по подразделению на ближайшие даты и таким образом устанавливались временные рамки действий подразделений на территории района. После искались списки других подразделений, входивших в одно соединение с найденным за тот же период времени. Около пяти лет продолжалась работа по уточнению и дополнению списка погибших на Стругокрасненской земле, и в феврале 2009 года был издан информационный диск «Захоронения и памятные знаки Стругокрасненского района», в котором опубликованы сведения относительно всех захоронений, появившиеся во время Великой Отечественной войны, — как братских, так и одиночных; как учтённых, так и неучтённых. Также приведены фотографии памятных знаков, установленных в честь погибших воинов не только РККА и партизан, но и солдат вермахта. Кроме того, помещены уникальные фотографии захоронений разных лет на территории района, а также обширный материал публикаций о захоронениях, памятных знаках и работе отряда «Поиск». Но, естественно, важнейшей составляющей данного диска является уточнённый по архивным сведениям список погибших

¹ <http://strugikrasnye.reg60.ru/dokumenty/pasporta-voinskikh-zakhoroneni>

² <http://www.obd-memorial.ru>

военнослужащих РККА на территории современного Стругокрасненского района в период Великой Отечественной войны. По данным РВК, числилось лишь 1346 известных из более чем 3000 погибших на территории района. Удалось уточнить и дополнить данный список ещё более чем на 1300 фамилий. В уточнённом списке представлены фамилия, имя, отчество погибшего, год рождения, место рождения, дата и место призыва, номер соединения и подразделения военнослужащего, дата и место гибели, а также сведения о переносе захоронения.

Работа над списками погибших продолжилась по территории Плюсского района. И 5 апреля 2013 года в рамках VIII Межведомственной научно-практической конференции по краеведению «Наш край в истории России», которая ежегодно проводится в посёлке Струги Красные, командир отряда «Поиск» Андрей Иванович Фёдоров представил информационный диск «Захоронения и памятные знаки Плюсского района периода Великой Отечественной войны». Работа над данным диском велась с 2009-го по 2013 год. В данном издании представлены все известные братские захоронения времён войны на территории Плюсского района, уточнено количество захороненных. Также представлены памятные знаки и полный список погибших и захороненных на территории Плюсского района бойцов и командиров РККА, партизан и мирных жителей, погибших в период 1941–1944 годов.

После десяти лет поиска, составления списков погибших, уточнения их, широкой переписке с архивами удалось собрать обширную информацию не только о погибших, но и о боевых действиях на территории Плюсского и Стругокрасненского районов.

Хотя даже после большой проделанной работы остаётся немало вопросов и проблем. Например, после уточнения сведений о погибших, данные РВК по общему количеству захороненных в деревнях Большое и Малое Голубско, Зовка, Творожково, Узьмино, Щир, Щегли, села Новоселье и между деревнями Щир и Яблонец оказались явно завышены, а некоторые ещё и округлены. А в некоторых случаях ситуация противоположная — количество захороненных занижено по неясным причинам.

К тому же на учёте в РВК не состоят не крупные захоронения мирных жителей и партизан. Крупное партизанское захоронение в дер. Оклюжье Плюсского района поставлено на учёт лишь после предоставления документов и настоятельных требований со стороны командира отряда «Поиск» Андрея Фёдорова.

Существуют также несколько захоронений, по которым крайне мало информации: например, в дер. Могутово значатся захороненными (их фамилии даже занесены на памятник) бойцы 46-й Стрелковой дивизии, погибшие в дер. Усадище Лужского района (между этими населёнными пунктами около 70 километров по прямой), а вот кто в действительности похоронен в дер. Могутово — пока не ясно. Возможно, это могила воинов 224-й Стрелковой дивизии; возможно, здесь похоронены погибшие жители Дома инвалидов; есть информация о перезахоронении лётчика. Таким образом, на текущий момент даже приблизительно невозможно сказать о количестве захороненных в данной братской могиле, не говоря уже об их фамилиях. Похожая ситуация в дер. Радонка и дер. Новоселье (2-е отделение станции Новоселье) Стругоокрасненского района. В захоронении возле места церкви в селе Ляды Плюсского района числятся захороненными в братской могиле 130 безымянных бойцов, но не известно, сколько из них захоронено в период Великой Отечественной войны, так как это братское захоронение ещё времён Гражданской войны.

Сложная ситуация сложилась с небольшими захоронениями партизан и мирных жителей. Как правило, захоронения партизан в период Великой Отечественной войны не афишировались, зачастую проводились на уже существующих деревенских кладбищах, но в случае напряжённой обстановки, проводились такие захоронения и в лесах на месте дислокации партизан. Уничтоженные фашистами мирные жители, партизаны и подпольщики (расстрелянные, повешенные, сожжённые, умершие в лагерях и тюрьмах...), в связи с текущей обстановкой, хоронились, зачастую, на месте гибели. Но локализовать все такие места уже невозможно. К тому же братские захоронения мирных жителей, погибших в годы войны, на учёт в РВК не ставились и до сих пор никак не учтены. В лучшем случае, равнодушные сотрудники волостных администраций или школьники ухаживают за такими могилами.

Затрону ещё одну проблему захоронений: их художественное оформление. В конце 1950-х — начале 1960-х годов на братских захоронениях устанавливаются типовые памятники и обелиски, которые в массе своей простояли до 2000-х годов, а некоторые стоят до сих пор. Хочется отметить, что стилистически и композиционно данные памятники были исполнены на высоком уровне. На значимых и наиболее крупных захоронениях в те же 1960-е годы были установлены различные памятники в виде партизана с автоматом, женщины в военной форме с винтовкой и другие. В преддверии юбилеев 50, 60, 65, 70-летия со дня Победы регулярно проводится реконструкция захоронений, заменяются обветшавшие памятники, ставятся новые ограды, проводится мощение тротуарной плиткой и другие работы. Моё мнение, конечно, сугубо субъективное, но мне кажется, что художественное восприятие захоронения в большинстве случаев страдает после проведения таких работ. С целью экономии бюджетных денежных средств в проект реконструкции не вносится чёткая инструкция о том, как должно выглядеть захоронение после реконструкции, выигрывает конкурс, естественно, самый дешёвый проект. Поэтому пусть даже обветшалые типовые, но выдержанные в чётком художественном оформлении обелиски заменяются на массовые плиты из габбро чёрного цвета с надписями, иногда очень странными. Например, на братской могиле между деревнями Щир и Яблонец на массивной чёрной плите «красуется» такая надпись: «1941–1945 г.г. Вечная память героям В.О.В.». Поверьте, я ничего не сокращал, а представил надпись так, как она есть. Причём такие сокращения, отнюдь не из-за нехватки места на плите. И такие спорные художественные решения оформления братских могил теперь наблюдаются повсеместно.

Уже четверть века на территории Плюсского и Стругокрасненского районов проводится поисковая деятельность по обнаружению неизвестных могил погибших воинов. В Плюсском районе действует поисковая группа «Совесть». Плюсскими поисковиками перезахоронены останки более 30 военнослужащих. С 1990 года на территории

Стругокрасненского района действует отряд «Поиск» под руководством Андрея Фёдорова — членами отряда обнаружены и перезахоронены останки более 150 погибших.

В 2014 году мною закончена работа по описанию боевых действий на территории Плюсского и Стругокрасненского районов в 1941–1944 годах, а также составлению списков погибших на этой территории. В мае 2015 года вышло в свет двухтомное издание «Книга Памяти погибших на территории Плюсского и Струго-Красненского районов Псковской области».

Согласно сведениям РВК, на территории Плюсского района в братских захоронениях покоятся более 3300 человек, известны имена 1865 человек; на территории Стругокрасненского района покоятся более 3500 человек, известны имена 1462 человек. После проведения исследования, установлено, что имена 322 человек по Плюсскому району и 203 человек по Стругокрасненскому в списки занесены ошибочно. Общее количество погибших в период Великой Отечественной войны, захороненных на территории Плюсского района, — более 4000 человек, установлены имена более 3000 человек; на территории Стругокрасненского района покоятся также более 4000 человек, установлены имена более 3000 человек.

Немаловажную роль в воспитании подрастающего поколения и привитии чувства патриотизма должны играть и захоронения периода Великой Отечественной войны. Ежегодно на братских могилах 9 Мая возле захоронений проводятся торжественные митинги и возложение цветов. Проходит пробег на автомобилях и квадроциклах по маршруту братских захоронений Стругокрасненского района. В День Памяти и Скорби 22 июня проводится акция «Свеча Памяти». Ежегодно в торжественной обстановке предаются земле останки бойцов, обнаруженных поисковиками.

Но определённые перекосы в мероприятиях молодёжных движений всё же существуют. Несколько лет молодёжной организацией «Наш выбор» обустроивалось место расположения партизанского отряда из 2-й Ленинградской партизанской бригады возле дер. Княжицы, названное военно-мемориальной композицией партизанского лагеря

«Память поколений». На этом месте сооружены партизанские землянки, окопы, установлена памятная плита. Теперь данной композиции пытаются придать статус объекта культурного наследия, хотя на Стругокрасненской земле достаточно иных более значимых мест, связанных и с партизанским движением в том числе. Считаю, что делается это лишь для того, чтобы получить дополнительное финансирование для дальнейшего обустройства данной территории. Дело, конечно, не плохое, но не лучше ли было привлечь эти средства, например, на обеспечение доступности памятного знака в дер. Ростково — нашей местной Хатыни, да и памятный знак давно пора заменить на подобающий.

Необходимо сохранять память о прошедшей войне, проводить военно-патриотическую работу среди молодёжи и не только благоустраивать могилы защитников, ставить памятники героям войны.

В данный момент ведётся масштабная работа по составлению Книги Памяти «Солдаты Победы», в которую войдут биографии тех фронтовиков, которые вернулись с войны. Годы неумолимы, большая часть из них уже упокоилась на кладбищах. Не у каждого умершего ветерана войны есть родственники, которые ухаживают за его могилой. Скоро могилы ветеранов и участников войны просто исчезнут. Считаю, что бремя ухода за могилами ветеранов войны должно лечь на наши плечи и стать одним из результатов проекта «Солдаты Победы». Давайте сохраним память о них не только на бумаге, но и путём восстановления их могил.

Постараюсь обобщить основные проблемы захоронений воинов Великой Отечественной войны и наметить пути их решения:

Большое количество незахороненных останков военнослужащих, не перенесённых или частично перенесённых могил.

Необходимо последовательно вести поисковую работу по выявлению незахороненных останков военнослужащих и не перенесённых могил. В целом данная работа проводится, но не всегда в достаточном объёме и с необходимой поддержкой деятельности поисковиков.

Недостаточное благоустройство воинских могил.

Необходимо качественно ухаживать за существующими захоронениями, проводить их благоустройство. Данная работа проводится, но недофинансирование данной статьи расходов даёт о себе знать. Не везде ремонт проводится качественно и с подобающим художественным оформлением и вкусом.

Некорректные и неполные списки захороненных.

Необходимо уточнение списков захороненных по архивным сведениям. Существующие списки и в РВК, и на самих могилах не полны и не точны. Данную работу облегчит ОБД «Мемориал», но необходимо проводить поиск и с привлечением иных источников, — например, в ОБД практически не учтены погибшие партизаны Ленинградского Штаба партизанского движения, сведения о гибели которых хранятся в Центральном Государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, а архивы ФСБ хранят сведения о погибших мирных жителях.

Существование неучтённых, заброшенных могил.

Необходимо выявление заброшенных одиночных и братских захоронений времён Великой Отечественной войны, постановка их на учёт, проведение работ по переносу таких захоронений (а находятся они в основном в труднодоступных местах) или их благоустройству.

Существование заброшенных могил участников и ветеранов войны.

Необходима большая работа по установлению мест захоронений участников и ветеранов войны, их благоустройство и поддержание в надлежащем состоянии, привлечение родственников к данным работам.

Проблемы захоронений, описанные в данной статье на основании лишь местных сведений, характерны и для территории Псковской области и всей России. Возможно, где-то некоторые из этих проблем практически решены, где-то актуальны другие.

Давайте должным образом содержать могилы защитников Родины, отдавших свои силы и жизни ради будущих поколений. Давайте сохраним вещественную память о военном поколении.

История и личность — «времён связующая НИТЬ...»

ОБРАЗ ПОСЛАННИКА Н.П. РЕЗАНОВА В ДНЕВНИКАХ ЕГО СПУТНИКОВ ПО КРУГОСВЕТНОМУ ПЛАВАНИЮ

О.М. Фёдорова

(Санкт-Петербург),

кандидат педагогических наук,

заведующая Отделом комплектования и обработки

Центральной военно-морской библиотеки

В рок-опере «Юнона и Авось» романтический командор Резанов мечтал открыть новый мир, основать дело к пользе двух империй, устроить и просветить Американский край. Его влекла Муза Дальних странствий, воплотившаяся в испанской девушке Концепсион-Кончите, тридцать пять лет ждавшей его возвращения на бастионах Пресидио Сан-Франциско.

Один из самых известных штрихов истории первого российского кругосветного плавания (1803–1806) — длительный конфликт на борту корабля «Надежда» между капитаном И.Ф. Крузенштерном, руководителем экспедиции, и его пассажиром, посланником в Японию Н.П. Резановым. Уже больше 200 лет историки спорят о том, кто же из них реально возглавлял экспедицию. В печати мелькала даже такая абсурдная формулировка: «Крузенштерн — начальник первой русской кругосветной экспедиции, руководимой Н.П. Резановым». Сторонники Резанова пишут о бунте на борту «Надежды», неповиновении Крузенштерна и его издевательствах над непосредственным начальником. Сторонники Крузенштерна утверждают, что, наоборот, Резанов оскорблял капитана, собирався отдать его под суд, грозил эшафотом.

Однако подлинная причина конфликта может оказаться за пределами отношений Крузенштерна и Резанова. Кому из них было необходимо плыть?

Николай Петрович Резанов имеет непосредственное отношение к Псковскому краю. В 1784 году он вместе с матерью, сестрой и двумя братьями поселился в Пскове и около пяти лет служил в Палате гражданского суда в чине коллежского асессора. Впоследствии Николай Петрович сам обзавёлся имением из 6 деревень в Псковском уезде: Выставки, Бочкино, Подвишинье, Кузнечново, Горбово, Синцово. Всего 241 душа мужского пола.

Мать Н.П. Резанова — Александра Гавриловна, урождённая Окунева, принадлежала к роду, владевшему сельцом Щипачево на реке на Черёхе. Предполагается, что она была дочерью генерал-майора Гавриила Афанасьевича Окунева (1699–1781), одного из первых русских кораблестроителей.

Николай Петрович Резанов возвысился в царствование Павла I. К 1801 году он занимает высокую должность в системе государственного управления: он — обер-прокурор 1-го департамента Сената, управляет его канцелярией. Одновременно с государственной службой он ведёт коммерческие дела Российско-Американской компании. Резанов, женившийся на Анне Григорьевне Шелиховой, не входил в число директоров компании, но, как её «уполномоченный корреспондент», держатель и распространитель акций, лоббировал её интересы при императорском дворе.

В царствование Павла I Резанов получил свои первые награды: в 1797 году — орден Св. Анны 2 ст., а затем звание командора ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Пожалование в командоры было знаком личного благоволения императора. Таким образом, Резанов — лояльный и, возможно, даже лично преданный Павлу I крупный государственный чиновник и одновременно представитель торговой компании, созданной по образцу Голландской и Британской Ост-Индских компаний.

К концу 1802 года Резанов остался вдовцом с двумя маленькими детьми, сыном Петром и дочерью Ольгой. Жена его, Анна Григорьевна, умерла от родильной горячки.

Именно в это время начинается организация первой российской кругосветной экспедиции. «Мемуар» о назревшей для России необходимости выйти на океанские просторы подал капитан-лейтенант Иван Фёдорович Крузенштерн. Он видел, как «морские державы ведут торговлю по всему миру, а Россия исключена из оной». Ещё

Николай Резанов

Платон Зубов

неженатый, он был готов отправиться в новый путь согласно своему начертанию. Его первый проект лёг под сукно, он подал второй — ему тоже не сразу дали ход. Тем временем Крузенштерн женился, у него должен был родиться первенец, и тут его проектом заинтересовались министр коммерции граф Н.П. Румянцев и Главное Правление Российско-Американской Компании, которое 29 июля 1802 г. составило прошение Александру I о разрешении кругосветного плавания на основе проекта Крузенштерна. «В 1802 г., августа 7-го дня, определен я был начальником над двумя кораблями...», — начал Крузенштерн первую главу описания своего путешествия.

Первая мысль о посольстве в Японию для поддержки торговли прозвучала в докладе Н.П. Румянцева 20 февраля 1803 года, то есть через полгода после назначения Крузенштерна начальником экспедиции, когда на заседании Комитета министров он огласил предложения Резанова «назначить род некоторого к японскому двору посольства». Речи о том, чтобы Резанов сам возглавил посольство, ещё не шло. Кандидатура Резанова как посланника была утверждена только через 3 месяца, 29 мая 1803 года, а 10 июня император Александр I подписал «Рескрипт о назначении Н.П. Резанова руководителем по-

сольства в Японию», где весьма туманно определил его миссию посланника и организатора американских колоний.

Основной документ, ставший причиной разногласий на корабле — «Инструкция графа Н.П. Румянцева Н.П. Резанову в связи с плаванием его в Русскую Америку», — был тоже подписан 10 июля 1803 года Александром I и устанавливал двойственную власть на кораблях экспедиции. Капитаны кораблей и их офицеры эту инструкцию не видели и при отправлении считали Резанова только главой дипломатической миссии, которую они должны доставить до места назначения.

У Крузенштерна были морские инструкции, совершенно ясно и точно определявшие его обязанности капитана и командира экспедиции. Интересоваться содержанием посольских инструкций Резанова Крузенштерн не мог по должности. Ни император, ни товарищ Морского министра П.В. Чичагов, посещавшие «Надежду» перед отплытием, не представили Резанова экипажу как начальника экспедиции.

На Tenerife, через три месяца пути — в октябре 1803 года, — а потом и в Бразилии, через полгода плавания, Резанов секретно показал Крузенштерну инструкцию, где он назван начальником экспедиции, а затем так же секретно стал говорить с каждым из офицеров о своих полномочиях, — об этом писал в своём дневнике лейтенант Е.Е. Левенштерн.

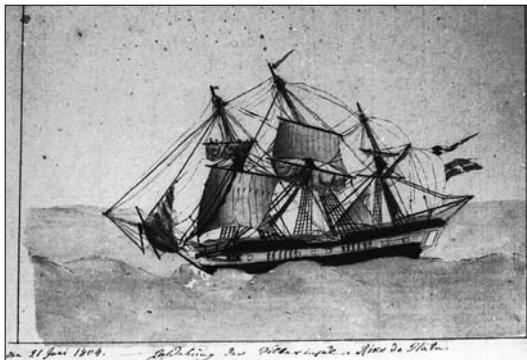
Первый лейтенант М.И. Ратманов отметил в своём журнале: «Посол пришел ко мне в каюту, и за секрет показал свою инструкцию; и я увидев Государев рескрипт — ужаснулся что в таком небрежении, и что его давно уже не объявил, но он мне сказал что еще будет время, с котораго время я осмелился взять подозрения, что действительная ли сия инструкция».

В глазах подчиненных Резанов выглядел самозванцем. Ю.Ф. Лисянский и офицеры «Невы» о полномочиях Резанова также не знали. Крузенштерн ответил Резанову: «...я признаю в лице Вашем Особу Уполномоченную от Его Императорскаго Величества, как для Посольства так и для разных распоряжений в Восточных Краях России; <...> Я не требую ничего, как с чем отправился из России, то есть быть командиром Экспедиции по Морской части».

Решающее объяснение между капитаном и послом состоялось на Маркизских островах 2/14 мая 1804 года, через 9 месяцев после отплытия. Офицеры обоих кораблей потребовали у Резанова публичного

Н. Резанов. Карикатура
Е.Е.Левенштерна

«Надежда».
Рис. ЕЕ Левенштерна

оглашения его инструкций. Резанов заявил, что Крузенштерн ещё перед отправлением из Кронштадта видел его инструкцию и точно знал, что именно Резанов — глава экспедиции. Кстати, Резанов в трёх разных документах по-разному освещал этот факт: в письме императору из Бразилии он пишет, что сам прочёл Крузенштерну свою инструкцию ещё на Кронштадтском рейде; из Петропавловска он сообщил, что давал инструкцию на прочтение Крузенштерну, а тот её почему-то не прочитал; а 9 июня 1805 года писал императору, что у него не было нужды вообще читать Крузенштерну инструкцию, так как «весь свет об ней известен был».

Ратманов пишет, что после объявления Резановым инструкций офицеры, несмотря на предубеждение против Резанова, их признали: «К сожалению нашол нестойщие новое началство. Но! инструкция подписана АЛЕКСАНДР, и мы з богоговением повинуемся».

Лисянский написал Крузенштерну на другой день после разбирательства: «До сего времени я щитал себя в команде вашей теперь же выходит что имею у себя другого начальника. <...> Ежели бы была воля Императора, чтоб мне находиться в команде у господина Резанова то она должна бы быть объявлена с самого вступления Его Превосходительства на корабли, а не в Маркизских островах...».

Действительно, почему Резанов не был представлен как глава экспедиции экипажу кораблей императором, министрами или не представился сам и не предъявил свой «мандат», вступив на корабль?

Формальное примирение состоялось 4/16 августа 1804 года на Камчатке, при участии губернатора Камчатки генерал-майора П.И. Кошелева. Во время плавания в Японию, вплоть до расставания с Резановым, новых дискуссий о начальстве не было.

Император не дал делу хода, и в июле 1805 года, после возвращения корабля из Японии, на Камчатку были доставлены от него: Крузенштерну — орден Св. Анны 2 ст., а Резанову — табакерка, осыпанная бриллиантами, и милостивый рескрипт как свидетельство его благорасположения к обоим.

Случайно или преднамеренно произошло это недопонимание? Можно предположить, что передача двум людям близких или взаимоисключающих полномочий была в традиции верховных властей тех времён и преследовала цель «разделяй и властвуй». Результатом, однако, стали взаимные наветы, обвинения в небрежении обязанностями и бунте, угроза срыва всей экспедиции.

Версия, в соответствии с которой Резанов всеми силами пытался подчеркнуть важность посольства и свой статус посланника, выглядит оправданной, если вспомнить об организации самого посольства и его первоначальной цели.

Нужна ли была в тот момент императору Александру I далёкая Япония с совершенно неясными перспективами торговли?

Все помыслы императора были сосредоточены тогда на Европе, замершей между двумя войнами: до 1802 года Франция воюет со Второй коалицией, в 1805 году начнутся войны с Третьей и Четвертой коалицией, завершившиеся в 1807 году Тильзитским миром. А пока «почти вся Европа вооружена», как пишет Крузенштерн. Отношения с Японией не входили в число государственных приоритетов России, и государь вряд ли рассчитывал на значимый результат посольства.

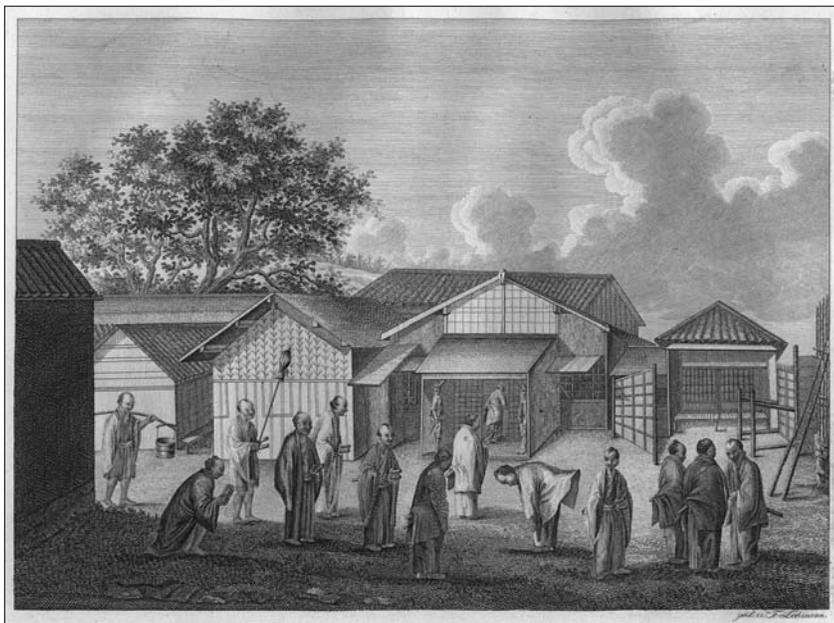
Ещё в конце XVIII века Екатерина II не оценила перспективы Японии, сочтя нестоящими лаковые вещи, подаренные японцами, потерпевшими крушение у русских берегов. Однако поручик А. Лаксман возвратил в Японию в 1792 году Д. Кодаю и его спутников.

Миссия Резанова была организована словно бы без расчёта на успех. Резанов — не профессиональный дипломат, он никогда ранее не покидал территории Российской империи, не имел особого опыта общения с иностранцами, не говоря уже о крупных иностранных чиновниках. В России с петровских времён существовала Иностранная

коллегия, в дипломатах недостатка не было, но Резанов не принадлежал к их числу. Да и министр иностранных дел граф А.Р. Воронцов, негативно относившийся к кругосветному плаванию вообще, не принимал активного участия и в подготовке посольства: он лишь подготовил грамоту к японскому императору.

К моменту отправления экспедиции личный статус Резанова был срочно повышен: он получил чин действительного камергера двора, титул чрезвычайного посланника и полномочного министра, орден Св. Анны 1 ст., был произведён в Почётные члены Петербургской Академии Наук. Однако семья Резанова не получила никаких гарантий. Он удовольствовался одними голословными обещаниями императора «покровительствовать сирот». Осиротевшие же после смерти матери дети Резанова остались с пожилой бабушкой, Александрой Гавриловной Окуневой-Резановой, которая умерла в тот же год, что и Николай Петрович. Сын Резанова умер в 12 лет, и его род по мужской линии прервался. В отличие от него, жене капитана Крузенштерна была пожалована рента (1000 руб.) на 12 лет, сын Крузенштерна оставался с матерью.

При отплытии из Петербурга Резанову дали совершенно непредставительную свиту — 22-летнего бездельника и буяна поручика Ф.И. Толстого, которого Резанов сам оставил на Камчатке; 25-летнего, ничем не примечательного майора Е.К. Фридрици и бывшего судебного чиновника Ф.И. Фоссе. Остальные члены свиты — доктор, живописец и приказчик — к дипломатическим представителям явно не относились. Резанову не дали почётного караула. Только на Камчатке ему удалось взять «на прокат» у губернатора П.И. Кошелева двух унтер-офицеров, барабанщика и пять солдат. Посольству не пошили даже новых мундиров. Посольские дары как объекты будущей торговли вряд ли могли заинтересовать японцев. Это были крайне неудобные для перевозки изделия из фарфора и стекла, зеркала, а также ткани, шкурки чёрных лисиц. В Японии был собственный фарфор и шёлк, а лисы там считались нечистыми животными, оборотнями, о чём знали и участники плавания. Никаких комфортных условий посольству предоставлено не было. Резанов, сухопутный человек, познал все прискорбности плавания на небольшом корабле, не предназначенном для удобства пассажиров. Двое начальников экспедиции — Крузенштерн и Резанов — не имели отдельных кают и юти-

Мегасаки. Гравюра по рис. Г.Г.Лангсдорфа

лись в одной капитанской каюте. Отсутствие элементарных бытовых удобств, дефицит пресной воды и провизии, шумные животные на палубе (свиньи, коровы, куры, утки, гуси), которых везли для пополнения рациона, — всё это после года путешествия истощило Резанова как физически, так и психически.

Ведя переговоры, Япония следовала давно проверенной тактике провололочек. Опасаясь могущественного соседа, но не желая вызвать его гнев резким отказом, японцы тянули время, не хотели давать Резанову разрешение сойти на берег. Только в декабре 1804 года он получил дом в Мегасаки, огороженный высоким бамбуковым частоколом, с замками и караульнями, что больше напоминал тюрьму. Резанова эти притеснения раздражали в высшей степени. Измученный невыполнением обещаний и вечными отсрочками, разозлённый невозможностью добиться аудиенции, Резанов постоянно ругался и со своей свитой и с переводчиками, записывавшими каждое его высказывание и доносившими о каждом его поступке начальству.

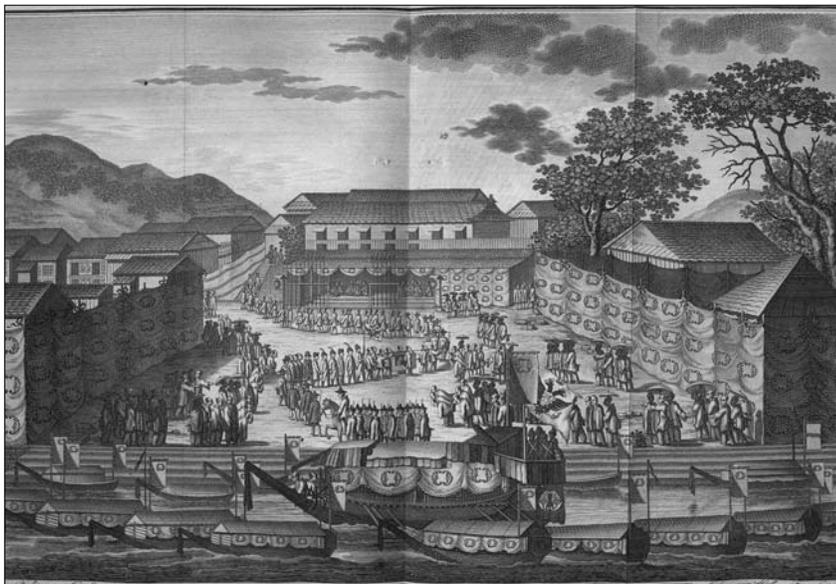
Ратманов отмечал: «В сие время бытности посла на берегу, совершенно он все испортил — безпрестанно угрожал что за ним сюда придут многа болших кораблей и с войсками — притворялся болным, ругал Японское провителство и губернатора».

Все действия Резанова противоречили стереотипу поведения высокого японского чиновника при исполнении им служебных дипломатических обязанностей. Поэтому губернаторы Нагасаки составили нелестный портрет посланника и могли посчитать его просто несерьёзным человеком, не соответствующим своей миссии.

Вряд ли недостатки организации посольства были результатом некомпетентности самого Резанова, правления Компании или государственных чинов. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, как Резанов вообще попал в посольство. По словам Левенштерна, Резанов «привлек к себе внимание, и граф Румянцев предложил его в качестве посланника в Японию». Какого рода было это внимание? С одной стороны, Резанов был авторитетным деятелем Российско-Американской компании. Александр I, стремясь править по заветам своей «царственной бабки», которая не жаловала «колумба русского» Шелихова и не поощряла монопольной торговли, мог и намеренно отослать из Петербурга одного из её главных руководителей.

Также выше говорилось, что Резанов был лояльным сторонником императора Павла I, возвысившимся при его правлении. Из дневника Левенштерна, два года тесно общавшегося с посланником на корабле, мы знаем, что Резанов вёл «смелые речи» против Александра, его брата и наследника великого князя Константина, интриговал против близкого к молодому императору Н.Н. Новосильцева. До 1797 года Резанов служил в штате князя Платона Александровича Зубова, последнего фаворита Екатерины II и одного из главных заговорщиков против Павла I. Резанов был связан и с главным организатором заговора против Павла I — с петербургским военным губернатором П.А. фон дер Паленом. В одном из писем к своей сестре Анна Григорьевна Резанова сообщала, что Николай Петрович желал бы выйти в отставку, но «в отставку его не пускают, а особливо граф Пален, то не за что не хочет с ним расстаться и любит его право как любовницу толь много и день ото дня больше к нему привязывается».

Молодой император не казнил никого из заговорщиков, но большинство из них (три графа Зубовы, графы Н.П. Панин, Пален, Л.Л. Бе-

Приём посла в Нагасаки. Гравюра по рис. Г.Г.Лангсдорфа

нигсен, князь В.М. Яшвиль) попали под тайный полицейский надзор, опалу и ссылки в свои имения и лишились влияния при дворе. Резанов, не принимавший никакого участия в убийстве императора, мог считаться сторонником Зубова и Палена, а также знать о заговоре и о роли в нём Александра I.

С другой стороны, если Резанов вёл смелые речи против Александра, будучи предан Павлу I, он мог мешать и как сторонник Павла, осуждающий его убийство. Тогда Александр видел в нём живой упрёк. В любом случае, Резанов попадал в трудную ситуацию.

Описанные выше условия, при которых осуществлялось посольство Резанова, больше напоминают ссылку, и даже не слишком почётную. Когда Румянцев 20 февраля 1803 года докладывал императору о желательности посольства в Японию, сам Резанов ещё не помышлял о том, что в Японию пошлют именно его. В своём письме И.И. Дмитриеву в апреле 1803 года он отмечает, что после смерти жены хотел выйти в отставку и заняться воспитанием детей. Мысль об отставке кажется разумной, если Резанов чувствовал, что тучи над ним сгуща-

ются и лучше переждать опасное время в деревне. Его дети были ещё малы для отцовского воспитания (сыну — 1 год, дочери — 5 месяцев), им пока нужны были няня и кормилица, а не отец. Перед отцом как раз стояла задача трудиться на благо семьи, преумножая состояние, и терять выгодную должность в Сенате было бы странно. Существует расхожее мнение, что Резанов был весьма богат, унаследовав часть состояния Шелихова. Однако он вложил деньги в покупку имения (Аннинское) в Шлиссельбургском уезде, остальное его состояние заключалось в акциях Российско-Американской компании и зависело от успеха промыслов и торговли пушниной. Даже если Резанов собирался, выйдя в отставку, посвятить себя деятельности Компании, на сенатской должности он и в этом качестве преуспел бы больше.

В письме Дмитриеву он рассказывает: «Государь вошел милостию в положение мое, сперва советовал мне разсеяться, наконец, предложил мне путешествие, потом, доведя меня постепенно к согласию, объявил мне волю, чтоб принял я на себя посольство в Японию. Долго отказывался я от сего труднаго подвига, милостивые его при всякой встрече со мною разговоры, наконец, призыв меня к себе в кабинет и настоятельные убеждения его, решили меня повиноваться».

Александр I развивал мысль по-сократовски постепенно, каждый раз получая от камергера разумное согласие. Сперва посоветовал «разсеяться», предложил средство для этого — путешествие, а когда Резанов, решив, что его отправят в Европу с поручением, которое продлится недолго, но принесёт славу и выгоду, согласился, император огоршил его командировкой на край света. Резанов долго отказывался, но деваться было уже некуда. Со стороны императора было достаточно жестоко отрывать отца от маленьких детей, именно ради воспитания которых он и хотел уйти в отставку.

Безвременная кончина настигла камергера в Красноярске, где его в течение двух недель не хоронили, ожидая распоряжений из столицы. Однако высшая власть не сочла необходимым озаботиться достойным погребением своего посланника, устроителя Американского края, и он был скромно похоронен в Красноярске, где первоначально могила была «кирпичом невысоко выкладенной и покрытой чугуном».

Крузенштерн и Лисянский вернулись в Петербург со славой первопроходцев, были награждены, а о Резанове надолго забыли.

Ссора капитана и посланника была спровоцирована не конфликтом двух амбициозных людей, а отчаянными попытками человека, без вины попавшего в опалу, поднять свою значимость в глазах спутников. Отсюда все странности поведения Резанова — заносчивость, надменность, хвастовство и истерические эмоциональные всплески. Крузенштерн — капитан, предложивший проект плавания и с удовольствием выполнявший его, — помимо своей воли оказался источником раздражения для Резанова. На одном корабле один исполнял своё предназначение, другой отправлялся в ссылку на край света.

Источники:

1. Вокруг света с Крузенштерном: Альбом /Сост. А.В. Крузенштерн, О.М. Фёдорова. СПб., 2005.
2. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Ч. I–III. СПб., 1809–1812.
3. Кушнарев Е.Г. Проект кругосветного плавания Крузенштерна (по новым архивным материалам) // Известия Всесоюзного Географического Общества. 1963. № 4. С. 339–347.
4. Левенштерн Е.Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном /Сост. А.В. Крузенштерн, О.М. Фёдорова, Т.К. Шафрановская. СПб., 2003.
5. Пасецкий В.М. Иван Фёдорович Крузенштерн. М., 1974.
6. Ратманов М.И. «Чтобы лучше цену дать своему Отечеству... : Первая русская кругосветная экспедиция 1803–1806 в дневниках Макара Ратманова». СПб., «Крига», 2015.
7. Резанов Н.П. Журнал путешествия двора его императорского величества действительного камергера Резанова из Камчатки в Японию и обратно в 1804, 1805 годах //Командор. Красноярск, 1995. С. 117–238.
8. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. Сб. док. М., 1994.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТАНТИНА ВРАНГЕЛЯ, УПРАВЛЯЮЩЕГО ПСКОВСКОЙ КАЗЁННОЙ ПАЛАТОЙ

Н.Ф. Левин

(Псков),

краевед, Почётный Гражданин города Пскова:

Т.К. Шор

(Тарту),

главный специалист Исторического архива Эстонии

Управляющий Псковской казённой палатой Константин Карлович Врангель был одним из представителей линии Толкс обширного рода баронов Врангелей. Такое название она получила потому, что с 1801 года к ним перешло имя Толкс, расположенное на берегу Финского залива, севернее уездного города Везенберг (Раквере) Эстляндской губернии. Наиболее известным среди них был генерал от кавалерии Карл Михаэль Георгиевич (Егорович) Врангель (1794–1874), отличившийся в Отечественной войне 1812 года, в подавлении польского восстания 1830–31 годов, в Крымской войне.

Пятый из семи его детей, Константин Карлович, родился в Новгороде 16 октября 1837 года. Это подтверждается надписью на могильном памятнике. Тогда его отец в чине генерал-майора командовал Лейб-гвардии Драгунским полком. Высокое положение позволило ему определить сына в самое привилегированное учебное заведение — Пажеский корпус. При выпуске 16 июня 1856 года Константин зачислили прапорщиком в полк, которым ранее командовал отец. Чин поручика ему пожаловали 30 августа 1859 года, штабс-капитана — 17 апреля 1863 года. Тогда же, с 25 марта по 1 ноября, он участвовал в походе против польских мятежников, во главе своего

Константин Карлович Врангель.
ЕАА. 1674.3.1407.1

полуэскадрона отличился в боях 23 и 31 мая, за храбрость и распорядительность был награждён орденом Святого Георгия 4 степени и 27 июня назначен квартирмейстером полка. С 11 марта 1866 года барон командовал эскадромом, 30 августа получил чин капитана и через два года был награждён орденом Святого Станислава 2 степени с Императорской короной.

В 1869 году, 5 апреля, Врангеля назначили командиром дивизиона, 20 апреля произвели в полковники, 12 мая поручили командовать эскадромом, а 30 августа 1870 года наградили орденом Святой Анны 2 степени. И вдруг, при такой блестящей карьере, 1 мая 1871 года барон уволился с военной службы «по домашним обстоятельствам для определения к статским делам, с переименованием в коллежские советники». 31 мая его причислили к Министерству финансов и 24 июня направили для занятий в Эстляндскую казённую палату, по сути для ознакомления с предстоящей новой службой. Затем он ознакомился с делами в Виленской и Московской казённых палатах, а Высочайшим приказом от 10 марта 1872 года был назначен управляющим Псковской казённой палатой.

Это было третье должностное лицо в губернии после губернатора и вице-губернатора. Они вместе заседали в руководящих органах губернии и в важнейших комитетах: в Общем присутствии губернского правления, в Губернском по городским делам присутствии, Губернском по крестьянским делам присутствии, Губернском по воинской повинности присутствии, Губернском попечительном комитете о тюрьмах, Губернском распорядительном комитете (там управляющий этой палатой заведовал делами Комитета) и в Губернском статистическом комитете. При одновременном отсутствии в Пскове губернатора и вице-губернатора управляющий Казённой палатой исполнял обязанности губернатора. Об этом сообщалось в «Псковских губернских ведомостях» и делалась запись в его формулярном списке о службе. У К.К. Врангеля за 18 лет было несколько таких записей: в 1872 году он замещал губернатора 24 дня, в 1873 году — 4 с половиной месяца, в 1882 году — дважды (16 и 11 дней), в 1884 году — 15 дней и в 1887 году — трижды (по 4, 5 и 3 дня).

Уже 4 апреля 1873 года министр финансов объявил новому управляющему Псковской казённой палатой благодарность «за отлично усердное выполнение возложенных обязанностей по наблюдению за успешным поступлением податей, выкупных платежей и других окладных сборов». Примерно такими же словами объяснялись основания для поощрений по службе Врангеля в 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1881 и 1885 годах. При этом пять раз выдавались денежные награды в тысячу рублей.

При этом в 1876 году такое поощрение стало следствием его письма к начальству от 12 апреля с просьбой разрешить вступление в первый законный брак с дочерью генерал-лейтенанта девицей Александрой Брин (Её отец Сергей Францевич фон Брин (13.08.1806–10.03.1876) до выхода в отставку командовал всеми резервными войсками Империи). 16 апреля по докладу министра финансов император разрешил выдачу Врангелю награды в тысячу рублей; 19 апреля послали и разрешение на брак. Их венчание состоялось не в Пскове, а в столичной церкви Пажеского корпуса во имя Рождества Иоанна Предтечи 25 апреля, то есть через полтора месяца после смерти её отца. К баронессе А.С. Врангель по наследству перешли 1100 десятин земли в Ярославской губернии. Тогда жениху шёл 39-й год, а невесте, родившейся в Нижнем Новгороде 4 июня 1847 года, — 30-й.

Этот брак нельзя назвать счастливым. В «Русском провинциальном некрополе» В. Шереметевского (т. 1, М., 1914) отмечено, что их первый сын Николай прожил лишь около года и скончался 27 июня 1878 года. Его похоронили на местном кладбище Иоанно-Предтеченского женского монастыря. Через три с половиной месяца, 13 октября, родился второй сын Сергей, но мать плохо перенесла роды и умерла через 11 дней, 24 октября. Её хоронили рядом с первенцем.

Но вернёмся к началу деятельности барона Врангеля в Пскове. Он приехал сюда и вступил в управление Казённой палатой 29 марта 1872 года. Через четыре месяца, 4 августа, как неперемный член Губернского статистического комитета, он присутствовал на первом заседании **Псковской Археологической комиссии**, созданной при этом комитете, и изъявил желание быть действительным членом комиссии. 10 марта следующего года «Псковские губернские ведомости» перечислили весь «Личный состав археологической комиссии», состоявший из 21 участника, — среди них был и Врангель. Одной из её главных задач стало создание местного музея. Две комнаты для него выделили на втором этаже Дома дворянского собрания, и на 7-м заседании Археологической комиссии 22 апреля 1874 года образовали особую комиссию по устройству музея. В неё вошли К.К. Врангель, учитель рисования реального училища Н.А. Соколов (статья об этом художнике опубликована в № 41 журнала «Псков» за 2014 г.) и секретарь Археологической комиссии, известный краевед К.Г. Евлентьев. Они сразу приступили к работе. В воскресенье 13 июля 1875 года музей был открыт для обозрения членами Археологической комиссии. Однако 5 декабря следующего года всё пришлось перевозить в две комнаты при Статистическом комитете, располагавшемся в Губернских Присутственных местах (В них, кстати, находилась и Казённая палата). Расставленные экспонаты музея члены Археологической комиссии осмотрели 9 апреля 1877 года.

22 октября 1879 года на экстренном заседании 25 членов этой комиссии, в том числе и барон Врангель, подписали проект устава **Псковского Археологического общества** (ПАО). Министр народного просвещения утвердил его 30 июля 1880 года. По уставу они считались основателями и действительными членами общества. На первом чрезвычайном собрании 26 октября председателем общества избрали губернатора М.Б. Прутченко, товарищем председателя — гу-

бернского предводителя дворянства А.Е. Зарина и казначеем — барона К.К. Врангеля (Кому, как не руководителю Казённой палатой, быть им?!). Его не раз переизбирали на эту общественную должность. После смерти (13 января 1886 г.) Прутченко, похороненного на упомянутом выше кладбище (что свидетельствует о его престижности), председателем ПАО стал губернатор А.А. Икскуль-фон-Гильденбандт. С переводом его в столицу на этот пост 11 сентября 1888 года избрали К.К. Врангеля. При нём в мае 1889 года ПАО издало альбом с видами Пскова; в члены-соревнователи общества 29 августа приняли академика В.В. Суслова, реставрировавшего Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря; по настоянию ПАО Городская дума запретила земляные работы в Довмонтовом городе возле обнаруженных стен храма...

По «Памятной книжке Псковской губернии на 1874 год», составленной по состоянию на 1 марта того года, К.К. Врангель состоял ещё не менее чем в пяти общественных организациях, в том числе и членом Совета **Братства во имя святого благоверного великого князя Александра Невского**, созданного в 1869 году при одноимённой церкви Губернской мужской гимназии для оказания помощи нуждающимся учащимся. В конце 1874 года его избрали председателем Совета, а на годовом собрании 4 декабря 1883 года, при очередном переизбрании в председатели Совета, Врангеля выбрали и почётным членом Братства. «Псковский городской листок» отметил тогда: «Нельзя не радоваться этому, вполне заслуженному выбору. Константин Карлович с самого учреждения общества принимал самое искреннее и тёплое участие в учреждении и процветании братства; его заслугам братство обязано возрастанием основного фонда, обеспечивающего дальнейшую деятельность этого поистине благотворительного общества». И действительно, в 1874 году основной капитал Братства составлял менее 3 тысяч рублей, и в пособие было выдано около 1300 рублей, а к концу его службы, через 15 лет, основной капитал достиг 18 тысяч рублей, и это позволило распределить более 2 тысяч рублей. Интересные цифры были приведены немного раньше, на годовом собрании братчиков 3 ноября 1886 года: с начала действия Братства пособия получили 1634 ученика на общую сумму в 27399 рублей.

Столь же продолжительным было и участие барона в деятельности **Псковского Вольного пожарного общества**, впервые собравше-

Немецкое кладбище в Раквере. Некрополь рода Врангелей.
Фото Уно Трумма, октябрь 2015

гося в 1871 году, то есть за год до его приезда в Псков. Уже в следующем году он был избран членом Совета общества и начальником над охотниками, а в 1875 году назван и непременным членом Совета. 6 июня 1877 года, в связи с отказом первого председателя Совета Н.А. Ваганова, на общем годичном собрании Врангеля избрали на этот пост, и почти 13 лет он бессменно возглавлял эту общественную организацию, члены которой бескорыстно оберегали город от пожаров. Большим событием стало сооружение на Запсковье, неподалёку от Богоявленской церкви, гимнастического городка с трёхэтажным сооружением для тренировки в лазании. Освящение его 7 марта 1882 года прошло торжественно, с проходом по городу под музыку и товарищеским обедом, на котором барон Врангель осветил 10-летнюю историю общества. В феврале 1890 года, узнав, что он по болезни уходит со службы и покидает город, его избрали почётным членом пожарного общества.

Фрагмент памятника Карла Врангеля

10 ноября 1869 года, то есть тоже до приезда Врангеля в Псков, члены Статистического комитета во главе с губернатором М.С. Кахановым после шестилетнего перерыва возобновили заседания **Библиотечного комитета Псковской публичной библиотеки**. Ему удалось собрать необходимые средства, и с Нового года библиотеку открыли в здании Присутственных мест. Сначала комитет состоял из председателя (губернатора) и 6 членов; в 1874 году он увеличился до 9 членов, в него включили и Врангеля. С 1881 года состав Библиотечного комитета перестали печатать в «Памятных книжках Псковской губернии», поскольку заведование библиотекой передали судье, коренному псковичу, выпускнику столичного университета Н.В. Кирпичникову.

В начале 1870-х годов активно стали создаваться местные кредитные организации. Они старались привлечь к своей работе и управляющего Казённой палатой, как главного финансиста губернии. Устав **Псковского Ссудо-сберегательного товарищества** был утверждён 21 сентября 1871 года, и уже 24 октября оно приступило к работе «с целью доставить своим членам возможность помещать их денежные сбережения и получать денежные ссуды». Его членами могли быть жители Пскова, Псковоградской, Логазовской и Торошинской волостей. К.К. Врангеля избрали во второй состав Совета товарищества.

Фрагмент памятника К.К. Врангеля

Намогильный памятник
Константина Врангеля

Общество взаимного кредита Псковского уездного земства, называемое часто Земским банком, открылось 21 мая 1873 года. Барон Врангель стал членом первого состава его правления, а при выборах в 1874 году вошёл в состав ревизионной комиссии. Очевидно, когда обе эти кредитные организации окрепли, необходимость его непосредственного участия в их делах отпала.

О том, что Константин Карлович состоял и в **Псковском Музыкальном обществе**, стало известно из «Памятных книжек Псковской губернии». Его устав утвердили 11 декабря 1867 года, и управлялось оно коллегиально пятью директорами. В 1874 и 1875 годах первым из них был назван барон Врангель, и под его руководством общество стало Псковским отделением русского Императорского Музыкального общества. К 1877 году Врангеля избрали его председателем и почётным членом. Общественных организаций в Пскове становилось всё больше, и в «Памятных книжках» сведения о составе некоторых из них перестали печатать, как позднее и об **Обществе любителей хорового пения**, работавшем с 1882 года. «Псковский городской листок» подробно рассказал, как 8 мая следующего года в зале Дворянского собрания губернатор объявил об официальном открытии этого общества. На том собрании 16 лиц, помогавших его созданию, стали

Фрагмент памятника Николая Врангеля

Памятник на могиле
Николая Врангеля

почётными членами общества, в том числе Врангель, которого избрали и в правление общества.

Местное Управление Российского общества попечения о раненых и больных воинах было сформировано ещё в декабре 1870 года. После объявления русско-турецкой войны, на общем собрании 19 апреля 1877 года избрали его новый состав во главе с губернатором М.Б. Прутченко. Товарищем (заместителем) председателя Управления на все последующие годы своей службы в Пскове состоял управляющий Казённой палатой К.К. Врангель. В сентябре 1879 года при общей реорганизации Местное управление стало одним из подразделений Российского общества Красного Креста.

Константин Карлович не мог оставаться в стороне и от работы такой полезной для губернии общественной организации, как создаваемое **Псковское общество сельского хозяйства**. На его первом, организационном общем собрании 22 октября 1876 года было избрано правление общества, а на втором собрании приняли новых действительных членов — среди них был и барон Врангель. Как руководитель Казённой палаты, он понимал значение производства льна в увеличении доходов населения губернии и вошёл в состав устроенной этим обществом в 1885 году Земской льняной комиссии. Его высказывания

Фрагмент памятника Эмилии Красовской, рожд. Врангель

на заседаниях этой комиссии приводятся в «Вестнике Псковского губернского земства». А на общем собрании членов общества 10 декабря 1887 года Врангель возбудил вопрос о двух имеющихся в Пскове «музеях, археологическом и сельскохозяйственном, весьма стеснённых помещением, мало посещаемых публикой». Решили просить уездное земство поместить их в предполагаемой пристройке к земскому дому на Ивановской улице. Но проблема решилась лишь через 15 лет, после передачи ПАО известных Поганкиных палат.

Из публикаций в «Псковском городском листке» видно, что барон Врангель участвовал и в деятельности **Общественного собрания**, устав которого МВД утвердило 9 февраля 1877 года. Он председательствовал на экстренном собрании этого местного клуба 10 ноября 1882 года при рассмотрении вопроса о переводе его в другое помещение. **Женское благотворительное общества святой Марии** содержало в Пскове приют для старушек и девочек. В отчёте, зачитанном на общем собрании 7 мая 1889 года, Врангель назван среди пяти его почётных членов, сделавших значительное пожертвование в пользу общества.

По решению Псковской городской думы от 8 декабря 1884 года были открыты **Рисовально-технические классы**. Председателем Ко-

митета, руководившего их делами, стал городской голова П.П. Калашников. В следующем году, 25 ноября, почётными попечителями классов Дума утвердила губернатора Прутченко, управляющего Казённой палатой Врангеля и действительного статского советника Лукашевича. На заседании Городской думы 4 февраля 1886 года отмечалось, что барон Врангель подарил классам коллекцию моделей железного производства и альбом рисунков цветов. В первых числах 1887 года, после истечения срока полномочий, П.П. Калашников отказался избираться вновь, а затем — возглавлять Комитет рисовально-технические классы. 23 сентября Дума избрала Врангеля председателем Комитета. В мае 1888 года Комитет устроил первую выставку ученических работ.

Серьёзное заболевание вынудило Константина Карловича просить об отставке. Высочайшим приказом по Министерству финансов от 23 февраля 1890 года его уволили от службы «с мундиром, сей должности присвоенным». Не дожидаясь приказа, 9 февраля он прощался с сослуживцами в Казённой палате, а с псковичами — 18 февраля в зале Дворянского собрания. Указанная газета отметила, как, задыхаясь, ему пришлось подниматься по лестнице на второй этаж. Он уехал из Пскова 21 февраля. А 25-го, сожалея о нём, на общем годовичном собрании в здании гимназии его избрали почётным попечителем Александро-Невского братства. Мы упоминали, что так же сделали и члены Пожарного общества. На обратном пути, после заграничного отдыха, в августе Врангель посетил Псков, выглядел бодрым и здоровым, и сообщил, что собирается поселиться в Петербурге...

Через 12 лет, в последних числах ноября 1902 года, в газетах появилось сообщение о кончине Константина Карловича Врангеля. Однако псковская пресса объявлять об этом не стала, поскольку оставалось неизвестным, о ком идёт речь. Дело в том, что в июне 1898 года управляющим Псковским соединённым отделением дворянского и крестьянского банков был назначен барон, имевший то же имя, отчество и фамилию. Он проработал здесь около двух лет и ничем особенно не отличился. Разобравшись, 8 декабря 1902 года «Псковский городской листок» известил, что за границей, во время поездки в Тироль, умер бывший «управляющий казённой палатой — популярнейший, любимый и энергичный общественный деятель». Его тело привезли в

Эстляндскую губернию и похоронили 4 декабря вблизи имения сына барона Врангеля...

Поскольку во всех трёх формулярных списках о службе К.К. Врангеля в Казённой палате, хранящихся в ГАПО, отмечено, что он владений не имел, объясним, как оно оказалось у его сына. После кончины в Толксе генерала Карла Врангеля хозяином имения стал четвёртый ребёнок Николай Якоб фон Врангель (25.08.1836–22.09.1892). Он взялся за переустройство усадьбы и по проекту архитектора Фридриха Модига возвёл новые здания, но погиб при пожаре в соседнем крестьянском селе Соал. Детей у него не было, и его пожилой брат Константин Карлович передал свои наследственные права своему сыну Сергею, родившемуся в Пскове 13 октября 1878 года.

Наш земляк уже после смерти отца учился на сельскохозяйственном факультете старинного немецкого университета в городе Галле; арестованный большевиками в 1918 году, находился в тюрьме уездного города Везенберга (Раквере), а умер в Дрездене 26 октября 1926 года. Рыбацкий посёлок на берегу Финского залива, возле его имения Толкс, обозначался на советских картах русскими буквами как Тоольсе, а сейчас в Эстонской республике именуется Кохала. Живших там баронов Врангелей хоронили на немецком кладбище Везенберга. Снимки захоронений, сделанные там по нашей просьбе сотрудником Вирумааского музея Уно Трумма, свидетельствуют, что, в частности, надгробия на могилах генерала Карла Врангеля и его сыновей Николая и Константина сохранились. Оказалось также, что сюда в своё время привезли и тело родившегося в Пскове Сергея Врангеля.

КРУГОСВЕТЧИКИ И «ДЕБОШИРЫ» ЛЕЙТЕНАНТЫ ХВОСТОВ И ДАВИДОВ

А.Б. Витас

(Санкт-Петербург),

научный сотрудник Центральной военно-морской библиотеки

Николай Александрович Хвостов и Гавриил Иванович Давыдов. Кто сейчас помнит имена двух лихих лейтенантов, ходивших в кругосветку с самим Николаем Петровичем Резановым?! Разве что специалисты да страстные любители рок-оперы «Юнона и Авось». Да и то, последние — лишь отчасти...

28 июля 1776 года в семье статского советника Александра Ивановича Хвостова и Катерины Алексеевны Хвостовой, урождённой Шельтинг, родился мальчик, которого крестили под именем Николай. Маленький Николенька имел весьма именитых родственников: адмирал Александр Семёнович Шишков, государственный секретарь и министр народного просвещения, а также первый директор библиотеки при Адмиралтейств-коллегии, приходился ему дядей.

В 1786 году Николай поступает в Морской кадетский корпус, который оканчивает в 1792 году в чине мичмана. В 1797 году Хвостов произведён в лейтенанты. До 1801 года плавал на различных судах в Финском заливе, Атлантическом океане и Средиземном море, а в 1802 году поступил на службу в Российско-американскую компанию.

Гавриил Давыдов родился в 1784 году в городе Пскове. К сожалению, не удалось пока выяснить, кто были родители будущего кругосветчика. В возрасте одиннадцати лет поступил в Морской кадетский корпус и в следующем, 1796 году, произведён был в гардемарины. В этом чине ходил на транспорте «Цвей-Брудер» от Кронштадта до берегов Англии. В возрасте 14 лет получил звание мичмана и выпущен был из Морского кадетского корпуса. На корабле «Иона» повто-

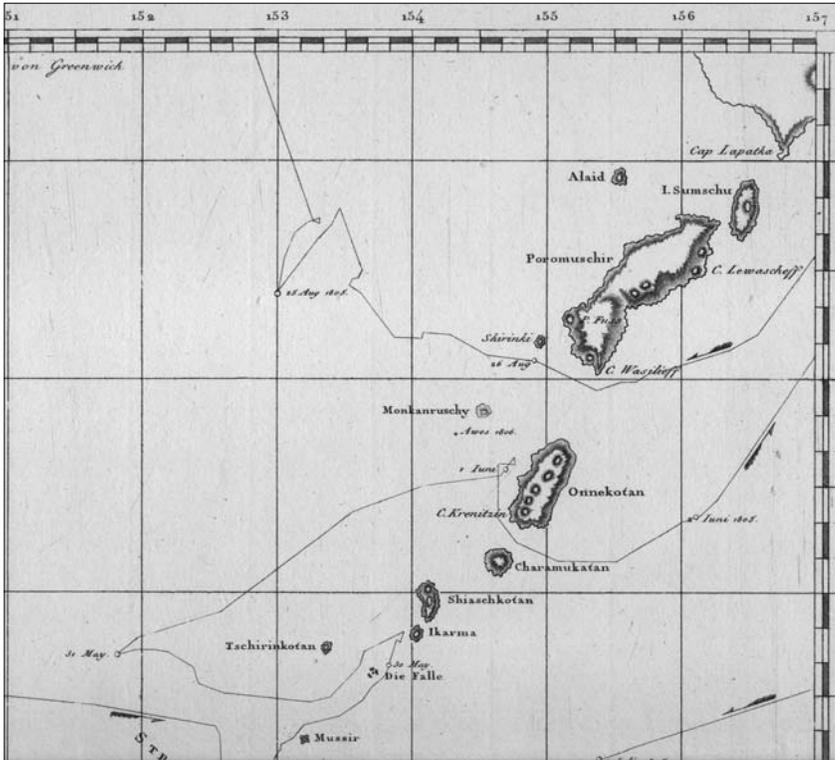

Гавриил Иванович Давыдов

рил своё путешествие из Кронштадта в Англию, зайдя по пути в Немецкое (Северное) море. Так же, как и его будущий друг Хвостов, в 1802 году поступает на службу в Российско-американскую компанию. Посуху они переправились из Петербурга в Охотск, откуда на шхуне «Святая Елизавета» перешли к острову Кадьяк, в гавань Святого Павла, где в то время было главное управление русскими колониями в Америке. Проходя мимо островов Курильской гряды, Хвостов и Давыдов описали Алаид, Парамушир, Онекотан, их проливы, быт и нравы айнов, русских подданных, хорошо говоривших по-русски.

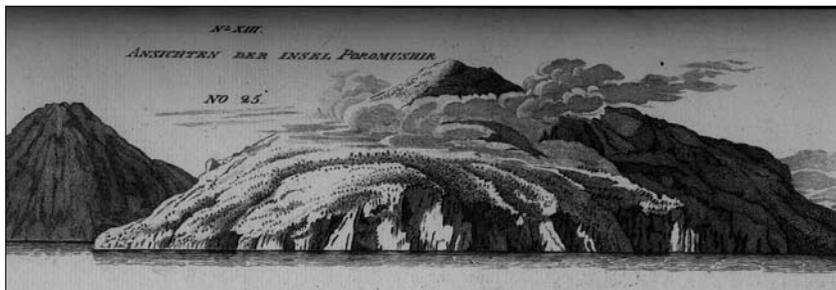
29 октября корабли прибыли в Кадьяк, и 1 ноября лейтенанты сошли на берег, где были встречены с огромной радостью правителем Русской Америки А.А. Барановым, который не видел новых лиц аж с 1797 года! Перезимовали Хвостов и Давыдов в Русской Америке. Без дела не сидели: за зиму описали Кадьяк и окрестности, население (коренное и вновь прибывшее), природу и уклад.

В 1803 году, в июне, загрузив своё судно рухлядью (шкурами пушных зверей) на два миллиона рублей, отправились в Охотск, прибыв в порт в августе того же года. И опять по дороге описали острова Парамушир, Онекотан, Ширинки, Маканруши.

АР33-1 Курилы. Из Атласа адмирала И.Ф. Крузенштерна

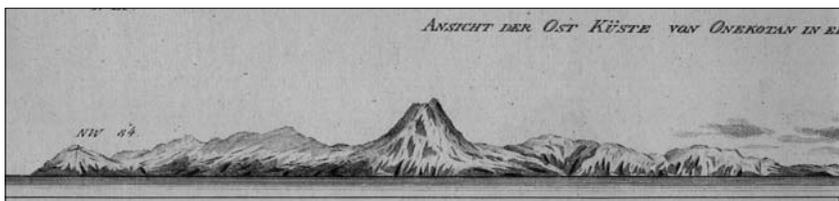
В мае 1805 года в Петропавловск с экспедицией И.Ф. Крузенштерна прибыл камергер Н.П. Резанов, а 14 июня вместе с Хвостовым и Давыдовым он отправился в Русскую Америку для инспекции. Находясь на Аляске, Резанов решил отправить лейтенантов на Курилы и Сахалин, и в Японию, о чём и выдал секретное предписание 29 августа 1805 года. За зиму 1805–1806 гг. были построены бриг «Юнона» и тендер «Авось!», а весной 1806-го оба корабля вышли в рейс. Задача офицеров была проста: произвести осмотр местности, проследить, не проникли ли туда японцы и не притесняют ли местных, проверить слухи о проникновении японцев на южный Сахалин и об обращении с русскими подданными «как с рабами, весьма жестоко», прогнать японцев с островов, если слухи подтвердятся.

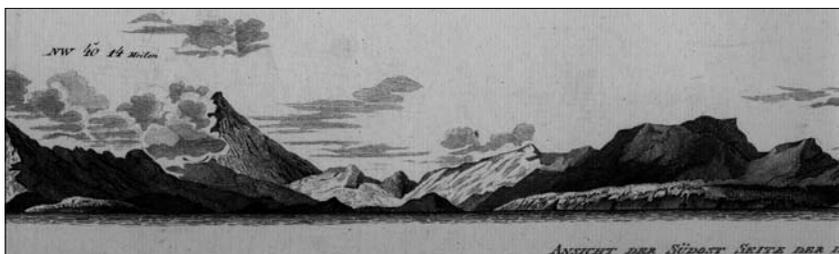
AP37 Парамушир. Из Атласа адмирала И.Ф. Крузенштерна

Н.П. Резанов слышал, что восемь лет назад на юге Сахалина японцы создали временные торговые поселения и, что самое неприятное, распространяют японское влияние на южные Курильские острова путём создания на них нескольких новых поселений. Это вызывало тревогу, так как Сахалин, хоть и не принадлежавший ещё официально России, находился в близости от российских берегов и открыт был русскими казаками-землепроходцами в XVII веке. Россия всегда рассматривала Сахалин, как важный стратегический объект и считала, что имеет право претендовать если не на весь остров, то на большую его часть. С Курилами тоже было всё не так просто: в XVIII веке считалось, что весь архипелаг вместе с южными островами — часть Российской империи и это закреплено было в «Атласе Российской империи», изданном в 1796 году.

Так как принадлежность Курил и Сахалина была, всё-таки, закреплена за Россией, то создание на её территориях японских поселений явилось вторжением Японии на чужие земли, без особого на то разрешения государства, с которым у Страны восходящего солнца не было даже дипломатических отношений. Резанов получил приказ Петербурга «удалить японскую промышленность» и попытаться наладить если не дипломатические, то хотя бы торговые связи. Возможность установления торговых отношений с Японией давала шанс дальневосточным и американским русским владениям самостоятельно и качественно улучшить продовольственное снабжение. Импорт продуктов питания из Японии гораздо ускорила бы процесс развития регионов Дальнего Востока и Русской Америки. К тому же контракты, естественно, были бы взаимовыгодные: Россия поставля-

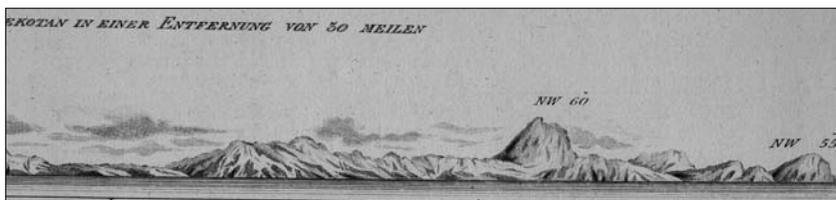
AP35-1 Онекотан. Из Атласа адмирала И.Ф. Крузенштерна

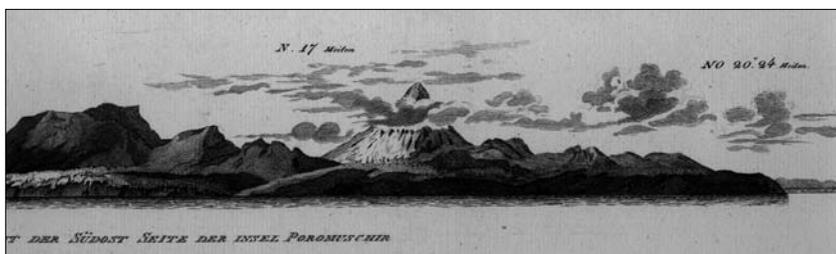
AP37-1 Юго-вост. Парамушир. Из Атласа адмирала И.Ф. Крузенштерна

ла бы рыбу, пушнину, морского зверя, а Япония — продовольствие, ткани, посуду, предметы быта, в которых остро нуждались жители Русской Америки. Перед отплытием Николай Петрович выдал лейтенантам секретную инструкцию: «Осмотрев 16-й и 18-й Курильские острова (Симушир и Уруп), из которых на первом, было известно, хорошая гавань, а на втором ещё в 1795 году сделано поселение (русское).., идти к о. Сахалину.., освободить тамошних жителей айнов из-под японской власти [Выделено мной — А.В.], обласкав и одарив их разными вещами и медалями; истребить все японские суда и магазины (склады) [Выделено мной — А.В.].., захватить несколько японцев.., а всех остальных отправить в их землю, объявив им, чтоб никогда они Сахалина, как российского владения, посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга, к которому всегда россияне готовы будут».

27 июля «Юнона» и «Авось!» покинули порт Ново-Архангельск (Ситка). Задумка была такая: Давыдов на тендере «Авось!», пройдя через южные Курилы к Сахалину, станет в заливе Анива, осмотрит поселения и будет ждать Хвостова на «Юноне» до 29 сентября. Хвостов же должен был отвезти Резанова в Охотск и оттуда отправить-

AP35-2 Онекотан. Из Атласа адмирала И.Ф. Крузенштерна

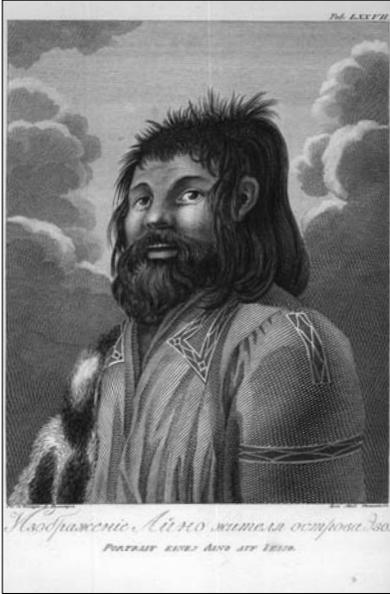

AP37-2 Юго-вост. Из Атласа адмирала И.Ф. Крузенштерна

ся на Сахалин. Случились непредвиденные обстоятельства: «Авось!» получил повреждение, и Давыдов встал в Петропавловске-на-Камчатке на зиму на ремонт, Хвостов же прибыл в Охотск 15 сентября 1806 года, а к 26 сентября был готов отбыть на Сахалин. Неожиданно Резанов внёс изменения в собственную инструкцию офицерам: идти в Русскую Америку, минуя Сахалин, но, если ветры принудят Хвостова зайти в залив Анива, то необходимо сделать всё то, что он приказал выше! [Выделено мной — А.В.]

Умный Хвостов понял, что камергер не хочет брать на себя ответственность за последствия этой противоречивой экспедиции. «Юнона» отбыла к Сахалину...

6 октября Хвостов вошёл в Аниву. 7 октября Хвостов с двумя членами экипажа сошёл на берег, но Давыдова не нашёл. Айны встретили русских очень радостно, справедливо полагая, что те помогут им избавиться от проникших в поселение японцев. На следующий день, 8 октября, Хвостов вместе с айнами водрузил российский флаг, как знак того, что земля эта принадлежит Российской империи. В судовом журнале «Юноны» рукой Хвостова записано: «В восьмом часу пополуночи отправились на двух судах я, лейтенант Карпинский и

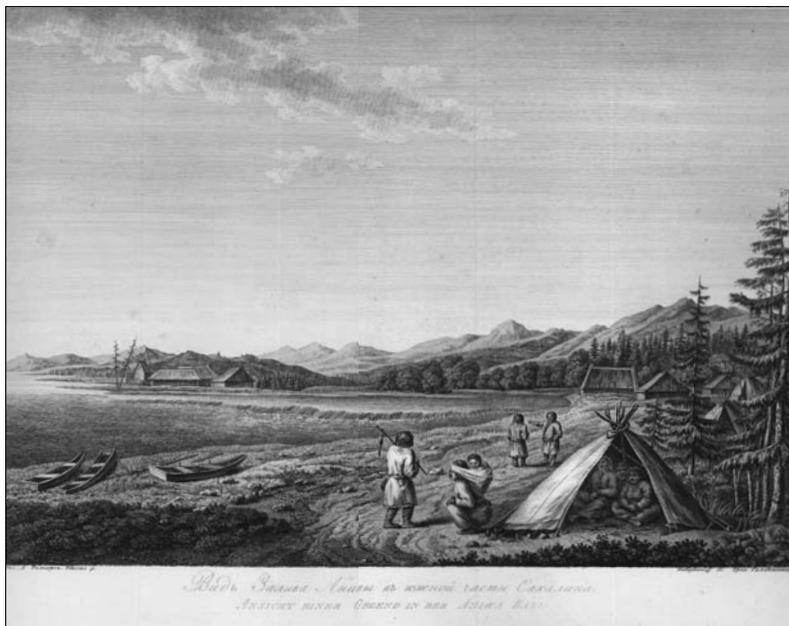
AP77. Из Атласа адмирала
И.Ф. Крузенштерна

AP78. Из Атласа адмирала
И.Ф. Крузенштерна

корабельный подмастерье Корекин к тому же селению. Подъезжая к берегу, подняли на шлюпке военный, а на барказе — купецкой флаг. Добрые айны встретили суда...и присели на колени, когда мы трое вышли на берег, стремясь объяснить некими словами, что мы россияне и друзья их; я приказал на берегу поставить флашток, на котором поднял оба флага...» После церемонии Хвостов выдал айнскому старшине грамоту о том, что отныне земля эта присоединяется к России. После присоединения Сахалина четыре дня русские моряки объезжали айнские поселения и везде объявляли, что Сахалин — российская территория, а айны находятся под покровительством Императора Российского.

11 октября команда «Юноны» высадилась в селении Томари-Анива (г. Корсаков). Хвостов назвал его Любопытством. Здесь-то и были обнаружены новые постройки японцев и они сами. Выполняя приказ Резанова [Выделено мной — А.В.], Хвостов приказал уничтожить магазины, забрав из них зерно, соль, вещи. Всё это раздали айнам. Айны

AP80. Из Атласа адмирала И.Ф. Крузенштерна

в Томари-Аниве жаловались лейтенанту на притеснения японцев, на то, что японцы «их бьют больно» и обирают. Японцам было приказано немедленно покинуть Сахалин и никогда сюда не возвращаться, кроме как торговать. Надо отметить, что японцы оказались только в Томари-Аниве, нигде больше лейтенант Хвостов их не нашёл.

«Юнона» ушла с Сахалина 17 октября на зимовку в Петропавловск. 4 мая 1807 года оба корабля покинули порт зимовки и двинулись вдоль Курил по разные стороны от островов, чтобы их подробнее описать.

19 мая русские высадились на Итуруп (19-м острове), здесь Хвостов и Давыдов обнаружили японцев, которые, прослышав о богатствах островов, уничтожили на Кунашире и Итуруп государственные знаки России, убили русских зверопромышленников, притесняли айнов. Доблестные лейтенанты с горсткой добровольцев прогнали целый гарнизон, численностью до 300 солдат. Командир отряда Тода сделал себе сеппуку, а солдаты спаслись бегством. Найденные на

японских складах рыбу, соль, сакэ русские моряки отдали айнам, а сами склады сожгли.

11 июня Хвостов и Давыдов прибыли в Аниву. Айны рассказали, что с момента изгнания Хвостовым японцев в прошлом году они больше не появлялись на Сахалине. Местные очень просили русских остаться в Томари-Аниве для защиты и покровительства, однако Хвостов не мог этого сделать без указания на то своего начальства, к тому же он собирался привезти сюда переселенцев из Охотска. Уйдя с Сахалина и став на якорь у о. Рисири, лейтенанты высадили вывезенных с Итурупа японцев и отправили губернатору Хоккайдо письмо: «Лейтенанта Хвостова бумаги Матмайскому губернатору. Соседство России с Япониею заставило желать дружеских связей и торговли, к истинному благополучию подданных сей последней Империи, для чего и было отправлено посольство в Нангасаки (посольство Резанова); но отказ оному, оскорбительный для России и распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владениям Российской империи [Выделено мной — А.В.], принудили, наконец, сию державу употребить другие меры...»

Шесть месяцев Резанов ждал ответа императора, однако японцы категорически отвергли посольство Н.П. Резанова. Своей энергичностью и знаниями Хвостов и Давыдов принесли компании много пользы, так как штурманы её были зачастую весьма несведущи и неопытны в мореплавании, а бравые лейтенанты могли и умели всё.

После Курильской эпопеи 30 июня 1807 года Хвостов вернулся в Охотск, где вместе со своим закадычным приятелем Давыдовым был арестован капитаном 2 ранга Бухариным под тем предлогом, что корабли привезли золото и другие богатства и что, дескать, экспедиция совершена самовольно [Выделено мной — А.В.] Оба капитана были разоружены, их лишили личных вещей, одежды и обуви и посадили в одиночные карцеры. Два месяца их буквально мучили, ведь они не знали об участии друг друга! Естественно, они думали о побеге... Но как? Куда??? Без денег, еды и одежды им не протянуть долго: ближайший город — Якутск, а до него тысяча вёрст... И, тем не менее, доблестные офицеры бежали, подкупив свою охрану.

...Итак, 17 сентября Хвостов и Давыдов ушли из Охотска, скитались почти месяц, пробирались по нехоженным тропам, голодные, больные. Наконец, 11 октября они добрались до Якутска. Но на этом

их мытарства не закончились! Из Охотска было дано предписание изловить их и осмотреть на предмет поиска у них золота (!): Бухарину, видимо, не давало покоя, что беглые лейтенанты могли унести сокровище... Распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири Хвостов и Давыдов переправлены в Иркутск, о чём было доложено государю и Морскому министру. Из Петербурга прибыл приказ, чтобы лейтенантам нигде не чинили препятствий. Они были отправлены в Петербург, куда и прибыли в начале 1808 года. Патриоты, подтвердившие права и притязания России на Сахалин и Курилы, попали под следствие, которое приняло постановление предать офицеров суду Адмиралтейств-коллегии за самоволие и самоуправство. «Каждый из нас, — доказывали Хвостов и Давыдов, — принимал сие дело государственным, а иначе бы не осмелился инструкции взять». Адмиралтейств-коллегия 13 ноября 1808 года предложила Морскому министру «предать лейтенантов Хвостова и Давыдова военному суду». Тем не менее, в то же время оба друга были командированы лично государём в Финляндию в распоряжение главнокомандующего Фёдора Фёдоровича Буксгевдена и, командуя лодками, принимали участие в военных действиях против шведов, где показали себя с наилучшей стороны: их беспримерная храбрость была отмечена главнокомандующим, который представил обоих к наградам. Хвостов должен был получить орден Святого Георгия 4 степени, а Давыдов — орден Святого Владимира 4 степени. На ходатайстве главнокомандующего Его Императорское Величество государь Александр Павлович собственноручно начертал: «Не получение награждения в Финляндии послужит сим офицерам в наказание за своевольства противу японцев».

Похоже, наши герои расстроились: как же так?! Боевые офицеры, brave моряки и без орденов!

В октябре 1809 года в Петербург прибыл американский корабельщик Вульф, с которым Хвостов и Давыдов были дружны. Наверное, именно это послужило тому, что друзья, изрядно выпив в квартире (на Васильевском острове) академика Г.Г. Лангсдорфа, их общего друга и соратника, бывшего с ними и Резановым в Русской Америке. Они увидели, что Исаакиевский понтонный мост разъединён и пытались перейти Неву по проходившей мимо барке. Но, увы, не судьба... Они упали в воду и утонули, а тела двух великих «дебоширов» так и не были найдены...

Прошло время... Дела и деяния лейтенантов Николая Александровича Хвостова и Гавриила Ивановича Давыдова давно оценены по достоинству. Их подвигу, говоря словами Державина, «удивлялись три света»: Европа, Азия и Америка. Благодаря А.С. Шишкову, дяде Хвостова, их имена не канули в Лету, — он издал бумаги, записи и дневники Г.И. Давыдова в 1810–1812 годах под названием «Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним».

Беззаветным Патриотам России, верным сынам её — ВЕЧНАЯ И НЕМОЛЧНАЯ СЛАВА!

Источники:

1. *Давыдов, Г.И.* Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последнимъ. — Т.1–2. — СПб, 1810/1812.
2. Записки гидрографического департамента Морского министерства. — Ч. 10. — СПб, 1852.
3. *Магидович, И.П.* Русские мореплаватели. — М., 1953.
4. *Сенченко, И.А.* Исследователи Сахалина и Курил. Ю-Сахалинск, 1961.
5. *Тихменёв, П.* Историческое обзорёние образования Россійско-Американской компани и дёйстви ей до настоящаго времени. — Ч.1–2. — СПб: въ тип. Э. Веймара, 1861.
6. *Чистяков, В.Н.* Под самым прекрасным флагом: Сб. миниатюр. — М.: Рус. Панорама, 2004.

ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА КНЯЖНИНА В СЕМЕЙНОМ ОКРУЖЕНИИ

И.Б. Караулова

(Санкт-Петербург),

кандидат химических наук, доцент

Государственного университета технологии и дизайна

Варвара Александровна Княжнина, рождённая Караулова (9 сентября 1774 — 23 января 1842), — писательница и переводчица с французского языка [1]. В Московском журнале «Иппокрена» (1800 г., часть 6) Варвара Александровна опубликовала стихотворение «Разговор матери с маленьким сыном», подражание французскому [2]. Это стихотворение представляет собой размышления любящей женщины, которая страдает от чёрствости мужа. В «Дамском журнале» отмечалось, что все стихотворения Карауловой, «помещённые в разных журналах <...> имеют особое достоинство глубокой чувствительности» [3]. Варварой Александровной была переведена с французского языка повесть «Строцциева пещера», в которой осуждаются чрезмерные страсти и снисходительность к злодеям и утверждается, что преступник рано или поздно бывает наказан. Эта повесть, опубликованная в Петербурге в 1802 году, имеется в фондах Российской Национальной библиотеки (РНБ). Стихи В.А. Княжниной можно прочитать в журналах, хранящихся, в частности, в РНБ и в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Варвара Александровна родилась в семье Александра Семёновича Караулова, сына генерал-поручика Семёна Юрьевича Караулова (ок. 1700 — 1764). Александр Семёнович (ок. 1742 — ок.1812) служил в Великолуцком пехотном полку с 4 ноября 1751 года, был в походах 1761 года при взятии города Трентова и при осаде Зелёной батареи; чин капитана получил в 1762 году. При отставке от военной службы,

полученной на основании Указа о вольности дворянства 12 декабря 1767 года, награждён чином секунд-майора за беспорочную службу. После выхода в отставку «на своё пропитание» служил в I Департаменте Псковского наместничества в Верхнем земском суде заседателем. 2 апреля 1781 года ему был жалован чин надворного советника, как написано в Указе, подписанном Екатериной Великой, за долговременную и добропорядочную службу [4]. В Торопецком уезде Псковской губернии в родовой усадьбе Успенское на месте сторевшей деревянной им была построена в 1801 году каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы, которую можно видеть и сегодня [5].

Матерью Варвары Александровны была сестра известного драматурга Якова Борисовича Княжнина, Анна Борисовна (ок. 1745 — до 1813). «Анна Борисовна была воспитана дома при матери и в последствие отличалась в обществе красотой и образованием. Она была в замужестве за псковским помещиком, надворным советником Александром Семеновичем Карауловым» [6]. Её зять, муж дочери Карауловых Екатерины, Роман Максимович Цебриков, вспоминает о ней в своих записках, как о доброй, покойной теще [7]. Анна Борисовна стала крёстной матерью старшей дочери Якова Борисовича Княжнина, Анны [8].

Дядя Варвары Александровны, младший брат её отца, Василий Семёнович Караулов (ок. 1755 — после 1820), — русский композитор конца XVIII века. В вариационных циклах Василия Семёновича в полной мере получила отражение эстетика сентиментализма, что проявляется в первую очередь в мелодии. Проживая в Петербурге, Василий Семёнович был близок к кружку Львова. С 1808 по 1812 год В.С. Караулов в чине надворного советника служил в должности советника Псковского губернского правления, позднее служил Директором псковских гимназий. Василий Семёнович был прихожанином церкви Николая со Усохи города Пскова [9].

Варвара Александровна — друг детства Надежды Осиповны Пушкиной (1775 — 1836), матери поэта [10]. Эта дружба сохранялась на протяжении всей их жизни. В письмах С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлицевой имя В.А. Княжнинной упоминается Надеждой Осиповной практически в каждом третьем письме. Рассказывается о её визитах к Пушкиным, встречах с нею в домах общих знакомых, разговорах подруг, их заботах и хлопотах. Из писем Надежды Осиповны

А.Я. Княжнин, портрет работы Дж. Доу

Б.Я. Княжнин, мастерская Доу

узнаём о подготовке к свадьбе дочери Варвары Александровны, Веры, и князя А.П. Хованского в 1833 году. Когда осенью 1835 года Надежда Осиповна приехала в Петербург из Павловска искать квартиру, она остановилась в доме Варвары Александровны, занемогла и слегла в доме у Княжниной в первых приступах своей предсмертной болезни. В это время Варвара Александровна жила на Надеждинской улице. Во время последней болезни Надежды Осиповны Варвара Александровна не покидала подругу, оставалась с нею до конца [11].

Варвара Александровна была псковской помещицей, владелицей имения Иваньково Новоржевского уезда.

Варвара Александровна вышла замуж за старшего сына Якова Борисовича Княжнина, Александра Яковлевича (1771 — 31 марта 1829). Александр Яковлевич воспитывался дома, ещё в малолетстве был записан в лейб-гвардии Преображенский полк, а в 1785 году, четырнадцати лет, был переведён в Измайловский полк, в кадетскую роту которого и поступил для окончательного образования. Десять лет обучения в кадетской роте сделали Княжнина образованным офицером и всесторонне развитым человеком. Он был вполне подготовлен для продолжения и военной, и статской службы [12].

В 1795 году Александр Яковлевич выпущен капитаном в армию. В 1807 году отличился в сражениях с армией Наполеона при Гейль-

сберге, Гутштадте и Фридланде (ранен в голову) и был награждён орденом Святого Георгия 4-го класса. В 1808 году получил назначение полковым командиром Кексгольмского мушкетёрского полка. В 1810 году произведён в полковники, в 1811-м назначен командиром 1-й бригады сформировавшейся 27-й пехотной дивизии; в 1812 году сражался под Красным, Смоленском. При схватке с французами за Шевардинский редут на Бородинском поле во время контратаки был «жестоко ранен в обе ноги пулями». 21 ноября 1812 года за проявленное мужество получил чин генерал-майора, но из-за ран в боевых действиях участия больше не принимал. Варвара Александровна в своём письме к Максиму Романовичу Цебрикову, мужу сестры, писала о тяжёлом ранении мужа и его трудном и долгом выздоровлении [13]. С 1816 по 1823 год Княжнин 1-й исполнял обязанности вице-директора Инспекторского департамента Военного министерства, затем являлся членом Совета Военного министерства. 1 января 1826 года Александр Яковлевич удостоен производства в генерал-лейтенанты. Портрет А.Я. Княжнина работы Джорджа Доу находится в Галерее 1812 года Зимнего дворца [14].

Наряду со служебными занятиями А.Я. Княжнин занимался и литературой: свою литературную деятельность он начал сотрудничеством в «С.-Петербургском Меркурии» 1793 года, в «Приятном и полезном препровождении времени» 1796 года и в «Новостях русской литературы» 1802 года.

В 1790—1816 годах поставлено на сцене 16 пьес А.Я. Княжнина. Из них напечатаны драмы с хорами и балетами: «Андромаха и Персей» (СПб., 1802) и «Цирцея и Улисс» (СПб., 1803); комедии «Неудачный примиритель, или Без обеда домой не поеду» («Российский Феатр», 1790, XXXIII), «Жених трёх невест» (СПб., 1807) и «Мужья женихи своих жён» (СПб., 1825); оперы «Амур-судья, или Спор трёх граций» (СПб., 1820) и комические оперы «Ям» (СПб. 1809), «Посиделки, следствие Яма» (СПб., 1809 и 1826), «Девышник, или Филаткина свадьба, следствие Яма и Посиделок» (СПб., 1809 и 1824).

Комические оперы Княжнина пользовались большим успехом, музыку к ним писал А.Н. Титов. Наиболее популярными были оперы «Ям», «Посиделки» и «Девышник», связанные между собой главным действующим лицом крестьянином Филаткой. Исполненные патриотизма и идеализации солдатской жизни, эти оперы содержат настоя-

Я.Б. Княжнин

щий народный элемент в виде нескольких русских песен. Эти оперы несколько лубочны, в них идиллически изображены сельская жизнь, отношения помещиков и крестьян, рекрутчина. Горячим поклонником трилогии был Александр I: по его желанию «Ям» и «Посиделки» исполнялись в Эрмитажном театре [15].

В семье Варвары Александровны и Александра Яковлевича было двое детей: сын Виктор и дочь Вера.

Виктор Александрович Княжнин служил в Министерстве иностранных дел и владел сельцом Городище с деревнями. Вера Александровна Княжнина (1816 — 1887) с июля 1833 года была счастливо замужем за князем Алексеем Петровичем Хованским [16].

Александр Яковлевич родился в семье Якова Борисовича Княжнина и Екатерины Александровны, рождённой Сумароковой.

Яков Борисович Княжнин (23 октября 1742 (40) — 14 января 1791) — известный русский писатель и драматург, член Российской академии (1783), представитель русского классицизма.

Яков Борисович родился в семье новгородского вице-губернатора Бориса Ивановича Княжнина (1712 — 1776). До 15 лет воспитывался дома. Как вспоминал его сын Борис, Яков Борисович учился музыке и играл на скрипке. Мать Якова Борисовича, псковская помещица Акулина Осиповна Нелединская, жила с детьми в своём имении и уделяла большое внимание их образованию [17]. Затем Яков Борисович поступил в гимназию при Академии Наук, выучил французский, немец-

кий и итальянский языки. Ещё в гимназии читал Метастазия, Расина, Галлера, Геснера и написал оду. По окончании гимназии поступил в Коллегию иностранных дел, служил переводчиком, затем перешёл на военную службу и был адъютантом при дежурных генералах, получил чин капитана.

В 1769 году сначала в Москве, а затем и в Петербурге с успехом была поставлена его первая трагедия «Дидона», не сходившая потом с репертуара в течение 40 лет. Лестный отзыв об этой трагедии дала императрица Екатерина II, видевшая «Дидону» в придворном театре. При постановке этой трагедии в Москве Княжнин сблизился с первым русским драматургом Александром Петровичем Сумароковым и женился на его старшей дочери Екатерине.

До 1773 года, когда Княжнин вышел в отставку, им были написаны трагедия «Владимир и Ярополк», комедия «Скупой» и комическая опера «Несчастье от кареты». После отставки Яков Борисович занимался переводами Вольтера, Корнея, Кребильона, идиллий Геснера. В 1778 году Княжнин вернулся на гражданскую службу и получил место секретаря И.И. Бецкова, среди многочисленных обязанностей которого было и управление Смольным институтом, поэтому устав Воспитательного общества благородных девиц отредактирован Я.Б. Княжнинным [18].

С 1781 года Княжнин преподавал русскую словесность в Сухопутном кадетском шляхетском корпусе. В своих интересных воспоминаниях Сергей Николаевич Глинка, его ученик, характеризует Якова Борисовича как хорошего преподавателя [19].

В 1784 году с громадным успехом была поставлена вторая, знаменитая в своё время, трагедия Княжнина «Рослав», участие в которой принимал выдающийся русский актёр И.А. Дмитриевский. Затем последовали трагедия «Владисан», популярные комедии «Хвостун», «Чудаки», комическая опера «Сбитенщик». В восьмидесятые годы XVIII века Я.Б. Княжнин пользовался славой «русского Расина». Яков Борисович писал басни, сказки, стихи.

Последняя его трагедия «Вадим Новгородский» была в 1789 году представлена в Дирекцию императорских театров — уже были распределены роли, но автор забрал её из Дирекции. После публикации драмы в 1793 году напуганное французской революцией правительство усмотрело в ней политическую неблагонадёжность. Пьеса не по-

лучила официального распространения. Некоторые литературоведы считают «Вадима», наряду с «Недорослем» Д.И. Фонвизина замечательной политической пьесой XVIII века.

Патриотический дух трагедий Княжнина, сюжеты из отечественной истории, тираноборческие мотивы, герои, пылающие благородством и в своих сентенциях отражающие философию века просвещения, создали пьесам Я.Б. Княжнина успех у современников [20].

Современники высоко ценили Княжнина как талантливого драматурга, человека широкой культуры и преданности литературному делу. Яков Борисович заслужил вместе с тем «уважение их и как человек честных правил, доброго сердца, чуждый кичливости, зависти и искательства» [21]. Ещё при жизни Я.Б. Княжнина в 1787 году было напечатано на казённый счёт его собрание сочинений.

Екатерина Александровна Княжнина (1746 — 6 июня 1797) — первая русская писательница, печатавшая свои произведения, дочь первого русского драматурга Александра Петровича Сумарокова. Отец сам занимался её образованием и покровительствовал проявлявшемуся у дочери интересу к литературе, но не одобрял её склонности к писанию стихов, опасаясь, что в них войдут неприличные для девушки «полюбовные изъяснения». Екатерина Александровна начала печатать свои стихи ещё девушкой в «Трудолюбивой пчеле» в 1759 году. Большая их часть (преимущественно интимная лирика) написана от мужского лица и печаталась без подписи [22].

Незаурядная образованность, острый ум и талант Княжниной обратили на неё внимание при дворе Елизаветы. Придворные дамы, едва умевшие подписывать своё имя, боялись при ней сказать лишнее слово, зато М.В. Ломоносов любил поговорить с ней и не раз в восхищении восклицал: «Вот умница барышня!» [23].

Яков Борисович Княжнин дорожил мнением жены и всегда прислушивался к ее замечаниям об его произведениях. Стихи Екатерины Александровны старомодные, но милые и трогательные, их можно прочитать в журналах её времени, хранящихся в российских библиотеках.

Младший брат Александра Яковлевича, Борис Яковлевич — Княжнин 2-й (21 августа 1777 — 29 марта 1854), — известный генерал, участник наполеоновских войн, герой Бородина, военный губернатор Киева (1829 — 1832), позднее сенатор. Его портрет также находится

Памятник Я.Б. и Е.А. Княжниным
на Лазаревском кладбище
Александро-Невской лавры

Памятник А.Я. Княжнину
на Смоленском православном кладбище

в Военной галерее Зимнего Дворца. В его формулярном списке читаем: «...26 августа, в генеральном сражении при Бородине, за которое в воздаяние ревностной службы и отличной храбрости и за подавание собою примера неустрашимости взятием неприятеля во фланг и отбитие решительного нападения на промежуток старой Смоленской дороги и левого фланга 2 армии, 1812 г., 5 ноября, награжден орденом Св. Владимира 3 ст.» [24].

Воспоминаниями Бориса Яковлевича о семье пользовался В. Стоюнин, опубликовавший в журнале «Русский вестник» за 1890 год материал о Я.Б. Княжнине. Борис Яковлевич принимал участие в судьбе своего племянника Виктора Александровича Княжнина после смерти отца последнего.

Живой портрет Б.Я. Княжнина возникает в «Воспоминаниях» поэта Владимира Ивановича Панаева (он, молодой человек, в 1814 году мечтал поступить в военную службу и как вариант — в полк Княжнина по рекомендации генерала П.Ф. Желтухина). «Борис Яковлевич Княжнин, — пишет Панаев, — впоследствии генерал от инфантерии,

сын известного стихотворца, был очень умный, образованный человек, отличавшийся вежливостью прежних времён. Говорили, что он слишком строг по службе и даже зол, но из обращения его ничего подобного заключить было нельзя. Я любил с ним побеседовать...» [25].

Б.Я. Княжнин написал книги «Биографии штаб- и обер-офицеров Гренадерского графа Аракчеева полка, положивших жизнь свою, защищая Государя и Отечество в сражениях 1812, 1813 и 1814 годов» и «Краткое начертание истории Гренадерского Графа Аракчеева полка с 1808 по 1815 гг.», изданные в Петербурге в 1816. Княжнин 2-й командовал этим полком с 1809 по 1814 годы. Борис Яковлевич стихи писал, но не публиковал, — известна только написанная им в 1815 году ода «Его Императорскому величеству Александру I» [26].

Александр и Борис Яковлевичи родились в имении Барута в Новоржевском уезде, часто бывали в нём.

Ещё два сына Я.Б. Княжнина, Константин и Владимир, тоже сотрудничали в литературных журналах. Константин — поэт, сотрудник «Улея», погиб при Прейсш-Эйлау в 1807 году. Владимир (ок. 1784 — до 1836) — поэт, сотрудник журналов «Музы», «Мадригал», «С.-Петербургский Меркурий», новоржевский помещик, подпоручик и кавалер — служил в Кексгольмском полку, участник наполеоновских войн [27].

Княжнины Яков Борисович, его жена Екатерина Александровна, Александр Яковлевич с женою Варварой Александровной и дочерью Верой, Борис Яковлевич были похоронены в Петербурге на Смоленском православном кладбище. Это кладбище сильно пострадало от наводнения 1824 года, поэтому памятники на могиле родителей были возобновлены в 1832 году Борисом Яковлевичем. Памятники старшим Княжниним представляют собой полуколонны с рустом на прямоугольном плинте. На западной стороне камня на месте захоронения Якова Борисовича с трудом в настоящее время читается надпись: «Творенья Княжнина Россия не забудет. Он был и нет его: он есть и вечно будет». На могильном камне Екатерины Александровны была надпись: «Любезной матери от преданного сына». Могильные камни и прах старших Княжниных в 1939 году были перенесены на Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры. Могильный памятник А.Я. Княжнина и его семьи сохранён на месте захоронения. О могиле Бориса Яковлевича Княжнина сведений в настоящее время нет [28].

Источники:

1. Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. — М., 1991. — Т. 27. — С. 464.
2. Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. — СПб, тип-я В.С. Балашева, 1889. — С. 130.
3. Макаров М.Н. Материалы для истории русских женщин авторов. // Дамский журнал. 1830. Ч. XXXI. № 27. Л. 4 — 6.
4. РГИА. — Ф. 1343. — Оп. 23. — Ед.хр. 1350 (О внесении рода Карауловых в дворянские родословные книги). — Л. 125 — 127 об.; ГАПО. — Ф. 74. — Оп. 1. — Ед.хр. 216 (Формулярные списки о службе разных чиновников и канцелярских служащих Псковского наместничества 1785 — 1786 гг.). — Л. 335 об.
5. ГАПО. — Ф. 39. — Оп. 1. — Ед.хр. 1303 (Клировые ведомости церковей погостов Торопецкого уезда 1900 г.). — Л. 250.
6. Стоюнин В. Ещё о Княжнине и его трагедии «Вадим» // Русский вестник. 1890. Т. 24. — С. 107.
7. ОР РНБ. — Ф. 830 (Архив Цебрикова Романа Максимовича). — Т. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга в Харьков. — С. 202.
8. ЦГИА СПб. — Ф. 2. — Оп. 1. — Ед.хр. 353 (Опись объявлениям, поданным от разных особ, по которым принять представленных ими детей и свойственников в «4» прием 1773 года). — Л. 84.
9. РГИА. — Ф. 1349. — Оп. 3. — Ед.хр. 971 (Формулярные списки о службе чинов Гражданского ведомства). — Л. 112 — 113; ГАПО. — Ф. 39. — Оп. 1. — Ед.хр. 3918 (Исповедные росписи церковей г. Пскова и погостов Псковского уезда на 1819 г.). — Л. 112; ЦГИА СПб. — Ф. 139. — Оп. 1. — Ед.хр. 686 (Дело об определении надворного советника Караулова в Директоры училищ Псковской губернии). — Л. 1 — 18.
10. Семейные бумаги Пушкиных — Ганнибалов. Т. 2. Письма О.С. Павлицевой к мужу и отцу: 1831 — 1837 г. — СПб, «Пушкинский фонд», 1994. — С. 123.
11. Семейные бумаги Пушкиных — Ганнибалов. Т. 1. Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлицевой: 1828 — 1835 . — СПб, изд-во «Пушкинский фонд», 1993. — С. 37, 149 и др.
12. РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Ед.хр. 7961 (Формулярный список о службе генерал-майора Княжнина 1ого на 1816 г.) — Л. 1-2.
13. ОР РНБ. — Ф. 830 (Архив Цебрикова Романа Максимовича). — Т. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга в Харьков. — С. 254.

14. *Глинка В.М.* Военная галерея Зимнего дворца : [альбом] / В.М. Глинка, А.В. Помарнацкий. — 3-е изд., доп. — Ленинград, Искусство, Ленинградское отделение, 1981. — 239 с.
15. Русские писатели 1800 — 1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. — М., Большая российская энциклопедия, ФИАНИТ, 1992 г. — С. 568 — 569; История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. / Сост.: В.П. Степанов, Ю.В. Стенник, под ред. П.Н. Беркова. — Л., изд-во Наука, Лен. отд., 1968. — С. 2184.
16. ГАПО. — Ф. 110. — Оп. 1. — Ед.хр. 410 (О внесении в дворянскую родословную книгу дворян Княжнинных с выдачей документов на дворянство). — С. 17 — 20, 29 — 30.
17. Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. — М., 1991. — Т. 29. — С. 470 — 471; Азбучный указатель имен Русских деятелей для Русского Биографического словаря ч. 1 А — Л. — СПб., тип-я Императорской Академии Наук, 1887 г. — С. 411
18. Краткое начертание жизни Якова Борисовича Княжнина. Сочинения Якова Княжнина в 6-ти томах. — Т. 1. — СПб., тип-я Ив. Глазунова, 1817. — С. 3 — 13; Стоюнов Я. Княжнин — писатель. // Исторический вестник. 1881. № 7. — С. 425 — 454.
19. *Стоюнов Я.* Княжнин — писатель. // Исторический вестник. 1881. № 8. — С. 751 — 753; Глинка С.Н. Записки. — М.: «Захаров», 2004. — 464 с.
20. *Евгений (митрополит) (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России в 2-х томах. — Т. 1. — М., 1845. — С. 287 — 294.
21. *Лонгинов М.Н.* Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. IV. Яков Борисович Княжнин и его трагедия Вадим. // Русский вестник. 1860. Т. 25. № 4. — М.: тип-я Каткова. — С. 631 — 650.
22. *Голицын Н.Н.* Библиографический словарь русских писательниц. — СПб., тип-я В.С. Балашева, 1889. — С. 239.
23. *Макаров М.Н.* Материалы для истории русских женщин авторов. // Дамский журнал. 1830. Ч. XXIX. № 1. — Л. 2 — 3.
24. Русский биографический словарь, том Кнаппе — Кюхельбекер. — СПб., тип-я Главного управления уделов, 1903. — С. 13 — 14; РГИА — Ф. 1349. — Оп. 3.— Ед.хр. 1044 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства). — Л. 124 — 145.

25. Панаев В.И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3. отд.1 — С. 235.
26. Русские писатели 1800 — 1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. — М., Большая российская энциклопедия, ФИАНИТ, 1992 г. — С. 569.
27. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. III (Карамышев-Ломоносов). — Петроград, 1914. — С. 108; История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель / Сост.: В.П. Степанов, Ю.В. Стенник, под ред. П.Н. Беркова. — Л., изд-во Наука, Лен. отд., 1968. — С. 139, 3037; ГАПО — Ф. 110. — Оп. 1. — Ед.хр. 410. — Л. 1 — 3.
28. Саитов В.И. Петербургский некрополь. Т.2. — СПб., 1912–1913. — С. 404; Исторические кладбища Петербурга: справочник-путеводитель. / Сост.: А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. — М.: Центрполиграф, 2011. — С. 220.

РОД КРУГЛИКОВЫХ НА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

К.А. Кругликова

(Москва)

Дворянский род Кругликовых ведёт своё начало от «степенного» ключника Петра Алексеевича, которому царь Алексей Михайлович по Грамоте от 31 июля 1668 года жаловал вотчины «в вечное и потомственное владение»... «за многую службу, за храбрость и верность царю и отечеству». Четверо его сыновей тоже служили при царском дворе ключниками, стольниками, стряпчими.

Род был внесён в 6-ю часть Дворянской родословной книги Московской, Псковской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Ярославской губерний.

«Псковская ветвь» рода Кругликовых появилась благодаря тому, что мой прапрадед Александр Иванович Кругликов (16.11.1801 — 24.12.1841), служивший в Первом учебном карабинерном полку в Ярославле, был переведён в Лейб-гвардии кирасирский полк в чине подпоручика, и в 1824 году прибыл в Псков для дальнейшего прохождения воинской службы.

В 1827 году в церкви погоста Карачунцы Порховского уезда Псковской губернии Александр Иванович венчался с Анной Зариной, дочерью надворного советника Андрея Ивановича Зарина, владелицей имений в Опочецком и Новоржевском уездах (с. Фомино).

Сам Александр Иванович владел родовыми имениями в 390 душ в Даниловском, Ростовском и Романово-Борисоглебском уездах Ярославской губернии, а также «благоприобрёл» 110 десятин земли в Псковском уезде и губернии и деревянный дом в Пскове.

После отставки 12 декабря 1828 года в чине штаб-ротмистра проживал в Псковской губернии как опочецкий помещик. Умер Алек-

сандр Иванович на сорок первом году жизни, оставив безутешную вдову и малолетних сыновей.

Благодаря открытым интернет-источникам удалось проследить судьбу трёх братьев — Александра и близнецов Петра и Павла. В списках окончивших Псковскую мужскую гимназию числятся Кругликов Александр — выпуск 15, 1852 год и Кругликов Пётр — выпуск 24, 1861 год (*Говорливый П.А.* «Историческая записка пятидесятилетия Псковской губернской гимназии и состоящего при ней пансиона». СПб, 1884 г.).

В Памятных книжках Псковской губернии за 1875, 1880, 1889 и 1901 годы нашли своё отражение послужные списки братьев Кругликовых, и через них можно понять, какое активное участие принимали представители рода Кругликовых в жизни Псковщины.

Александр Александрович (10.10.1831 — 23.11.1886) родился в С.-Петербурге. Похоронен в г. Новоржеве на городском кладбище.

1852 — 1855 гг — чиновник контрольного отдела Псковской палаты гос. имущества;

1855 — 1869 гг — почётный смотритель Порховского училища;

Карачуницы

1867 — 1868 гг — участковый мировой судья Новоржевского уезда;
1869 — 1872 гг — почётный смотритель Опочецкого уездного училища;

1871 г. — депутат дворянства от Новоржевского уезда;

1872 г. — исполняющий должность предводителя дворянства Новоржевского уезда;

1875 — 1880 гг — неперенный член Новоржевского съезда мировых судей; мировой судья 1-го участка; гласный Новоржевского уездного земского собрания; директор Новоржевского тюремного отдела; Статский советник (после 1880г); Кавалер ордена Анны 3 ст. (1869 г.), почётный член Братства во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского.

При разделе имущества после смерти матери в 1863 году унаследовал 1313 десятин земли и 165 душ временнообязанных крестьян в Псковской и Ярославской губерниях.

В Псковской губернии владел деревнями Шестово, Хорево и Апросово Жадрицкой волости; Мелихово Барановской волости Новоржевского уезда, сельцом Кожухово Опочецкого уезда.

Павел Александрович Кругликов (близнец Петра) родился 4 октября 1841 года в городе Острове Псковской губернии. Умер не ранее 1907 года.

1869 — 1879 гг — почётный смотритель Можайского, Островского и Опочецкого уездных училищ (в разные годы);

1872 — 1886 гг — почётный мировой судья Опочецкого уезда; заседатель Опочецкой дворянской опеки; коллежский ассессор; кавалер ордена Станислава 3-й степени (31.12.1876 г).

Почётный член Братства во имя Св. Благоверного Великого князя Александра Невского.

По разделу имущества в 1863 году унаследовал 1706 десятин земли в Псковской и Ярославской губерниях. В Псковской губернии владел деревнями Раково, Тарасово, Попова Гора и Пузакино Старицкой волости Опочецкого уезда.

Пётр Александрович (близнец Павла) родился 4 октября 1841 года в г. Острове Псковской губернии. Умер не ранее 1905 года.

При разделе имущества в 1863 году унаследовал дом в Пскове и 1362 десятины земли в Псковской и Ярославской губерниях. В Псковской губернии и уезде владел деревнями Дешкино и Зеньково Виделебской (?) волости, а также приобрёл деревню Семеново Псковского уезда.

1867 — 1888 гг — чиновник в Московской судебной палате, в Министерстве финансов; титулярный советник; почётный член Братства во имя Св. Благоверного Великого князя Александра Невского. Переехав в Москву, Пётр Александрович 20 лет сдавал в аренду отчий дом в Пскове для размещения Реального училища, а затем дом был училищем выкуплен.

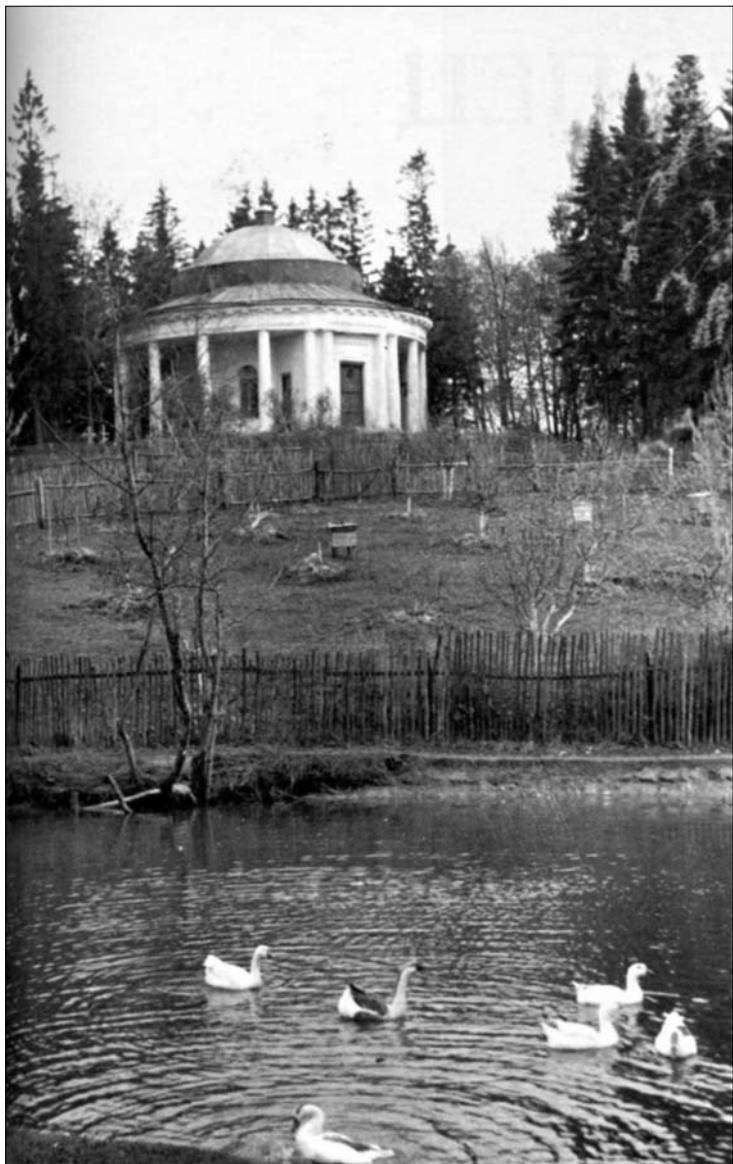
В Памятных книжках Псковской губернии за 1911, 1912 годы Кругликовых нет.

О пребывании на Псковской земле следующего поколения дворянского рода Кругликовых (8-е колено) известно не слишком много.

Пётр Александрович был женат 2 раза. Своего единственного сына Александра (моего деда) после смерти первой жены отдал на воспитание его бабушке в город Скопин Рязанской губернии.

Павел Александрович не имел ни жены, ни детей.

Имеется информация о детях Александра Александровича и Марии Петровны Трофимовой, дочери подполковника Коперского егеря

Александрово. Церковь Всемилового Спаса.
Фото Б. Скобельцына, 1963

ского полка Петра Трофимова. Все дети — пятеро сыновей и одна дочь — родились в Пскове.

Василий Александрович родился 17 июля 1858 года. Морской офицер, с 1883 года плавал на коммерческих судах; преподавал в Нижегородском речном училище; кавалер ордена Анны 3 ст., Станислава 3 степени. В 1904 году проживал в Царицыне Саратовской губернии.

Венчался 26 октября 1883 года на погосте Ашево Новоржевского уезда с Екатериной Густавовной фон Витте, владелицей сельца Симона Гора Новоржевского уезда.

Гавриил Александрович (близнец Георгия) родился 7 марта 1860 года. Землемер Варшавской губернии, губернский секретарь; венчался в Варшаве с Еленой Фёдоровной Зильке, дочерью варшавского купца 1-й гильдии.

Георгий Александрович — близнец Гавриила (7.03.1860). Скончался 18 ноября 1895 года, похоронен в селе Александрово Порховского уезда. Учёный-лесовод, в разные годы служил в лесничествах в Петроковской губернии, в Шидловском лесничестве Келецкой губернии, в Зволинском лесничестве Радомской губернии. Титулярный советник.

Пётр Александрович (19.06.1862 — 30.09.1914) похоронен в Пскове на Дмитриевском кладбище. На военной службе с 1880 года. Подполковник, кавалер орденов Станислава 2-й и 3-й степеней, Анны 3 степени.

Екатерина Александровна (11.10.1867 — 29.09.1916) владела 596 десятинами земли при селе Веретье Порховского уезда. Венчалась 27 января 1893 года в селе Александрово Порховского уезда с Андреем Павловичем Нагиным, сыном порховского помещика.

Александр Александрович родился 1 марта 1871 года — других сведений о нём нет.

В архивных документах имеются данные о переписи населения Пскова за 1911 год. В них упоминается домовладелец Кругликов Гавриил Александрович, проживавший на Нарвской улице (ныне Леона Поземского). Это последнее упоминание о Кругликовых на Псковщине.

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МИЛЮТИН ОБ ОСАДЕ ВЕЛИКИХ ЛУК В 1580 ГОДУ ВОЙСКАМИ СТЕФАНА БАТОРИЯ

Г.Т. Трофимова

(Великие Луки),

кандидат философских наук, профессор

Кафедры гуманитарных и социологических дисциплин

Великолукской Государственной академии физической культуры

Ливонская война (1558 — 1583 гг.) кровавым колесом прокатилась с юга на север Псковского края. Войска Стефана Батория, польского короля, не встречая сильного сопротивления со стороны русского воинства и приграничных крепостей Усвяты, Невель, Себеж, практически без больших потерь дошли до Великих Лук, разоряя по пути местное население. И только у стен древней Великолукской крепости они встретили ожесточённое сопротивление незначительного по численности гарнизона и укрывшихся за крепостными стенами горожан. Это событие в той или иной степени отражалось в работах российских историков В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьёва и других, но самое подробное описание этих событий дают нам дневники самого Стефана Батория и его ближайшего окружения, в частности, Яна Замойского и Луки Дзялынського.

Несмотря на то, что ряд великолукских краеведов уже обращался к этой проблеме, но учитывая, что в сентябре 2015 года исполнилось 435 лет со дня тех трагических страниц нашей истории, данное сообщение посвящается не столько описанию обороны Великолукской крепости, сколько Дмитрию Михайловичу Милютину, автору работы «Осада Великих Лук Стефаном Баторием в 1580 году и её последствия».

Цели этого сообщения:

1. Отдать дань памяти этому замечательному краеведу.
2. Обратит внимание на значимость выводов, которые сделал Д.М. Милютин, описывая поведение великолучан и поляков под предводительством своего короля.
3. Показать, что его выводы актуальны и сегодня.

В 1903 году в губернской типографии города Гродно была опубликована работа великолукского краеведа Дмитрия Михайловича Милютина, посвящённая трагическим дням осады Великих Лук Стефаном Баторием в 1580 году, которая сразу привлекла к себе внимание читателей. На неё ссылались, её неоднократно пересказывали,¹ но полностью эта работа никогда не переиздавалась. И только сейчас она подготовлена к переизданию в рамках проекта «Великолукская книга», который осуществляется в плане подготовки города к своему 850-летнему юбилею.

Считаем необходимым не только полностью переиздать работу Дмитрия Михайловича Милютина, изменяя лишь старорусскую орфографию и поясняя для современного читателя сведения о некоторых исторических личностях, участниках тех далёких событий, непонятные современникам слова и выражения, но и ещё раз обратиться к биографии автора, которая достаточно давно освещалась в отдельных работах наших краеведов.² Обращение великолукских краеведов к некоторым сведениям из жизни и деятельности Д.М. Милютина не позволяют осознать, что мы имеем дело не просто с любителем истории местного края. Это серьёзный исследователь, который концентрирует внимание не только на отдельных фактах Ливонской войны конца XVI столетия, но пытается дать философское обоснование последствий этих событий вплоть до начала XX века, а некоторые его выводы актуальны и в настоящее время.

Д.М. Милютин родился в 1838 году в семье Михаила Карповича Милютина, пономаря Богоявленского собора Великих Лук, происходившего из семьи дьяка. Не имея возможности учиться, все свои начальные знания Михаил Карпович получил от отца. В 1817 году в возрасте 16 лет он уезжает в Санкт-Петербург, где находит работу в типографии библейского общества. Именно здесь М.К. Милютин получает основательные знания о христианстве и православии. В 1824 году возвращается в Великие Луки, где определяется на дол-

Стефан Баторий осматривает Великолуцкую крепость

жность стихаря при втором Богоявленском соборе, а в 1824 году — на должность пономаря этого же собора. Если об отце Дмитрия Михайловича нам кое-что известно, то о его матери, Анне Михайловне, мы не знаем практически ничего, кроме того, что к 37 годам она осталась вдовой с пятью детьми: тремя сыновьями и двумя дочерьми.

Семья Милютиных была не богата, но родители стремились дать своим детям хорошее образование. Оба брата Дмитрия Михайловича, окончив Великолуцкое Духовное училище с неполным курсом обучения, уезжают в Торопец, где продолжают учёбу в Духовном училище. Брат Дмитрия Семён сумел получить высшее образование, в 1870 году вернуться в Великие Луки, где учительствовал в Городском училище, затем в Михайловском земском училище. Сёстры Ольга и Мария остались жить с матерью, учились на разных курсах при учебных заведениях города. Особенно трудно образование досталось старшему сыну Дмитрию, которому пришлось сочетать учёбу с тяжёлым трудом по хозяйству, пока жил дома или приезжал на лето из Пскова.

Своё начальное образование Дмитрий получил дома, в Великолукском уездном Духовном училище, а после успешного его окончания поступает на казённый счёт в Псковскую губернскую Духовную семинарию. И Великолукское уездное Духовное училище, и тем более Псковская Духовная семинария давали своим учащимся хорошие знания и по духовной, и по гражданской истории, особенно по истории Псковского края. Достаточно сказать, что из стен Псковского Духовного училища вышло много любителей истории родного края, краеведов, среди них следует назвать протоиерея Ивана Михайловича Пульхерова, автора нескольких работ, посвящённых истории великолукских церквей³; Ивана Петровича Бутырского, автора публикации по истории Великих Лук, напечатанных в «Псковских губернских ведомостях» в 1838 году⁴; Ивана Ивановича Василёва⁵; Александра Сергеевича Князева⁶, Константина Алексеевича Иеропольского.⁷ Вот почему, получив направление в Торопецкое Духовное училище на должность учителя, Дмитрий Михайлович увлечённо занимается историей России, и прежде всего — историей своего родного города Великие Луки. Его особенно привлекают события Средневековой Руси, эпохи правления Ивана Грозного и Ливонская война, особенно поход Стефана Батория на Великие Луки. Во многом этому помогли публикации дневников Яна Замойского и Луки Дзялынского, участников осады Великих Лук в 1580 году, которые в 1897 году публикуются в «Чтениях Общества истории и древностей Российских при Московском университете», — книга I в переводах Ореста Милевского. Обращение к публикациям О.Н. Милевского, на наш взгляд, для Милютина оказалось не случайным не только из-за событий, связанных с Великими Луками, но и с тем, что Дмитрий Михайлович не мог не знать работ псковича Милевского.

Орест Николаевич Милевский — педагог, переводчик, краевед — родился в Пскове в 1836 году, окончил мужскую гимназию, затем Главный Педагогический институт в Санкт-Петербурге, преподавал в гимназиях Петрозаводска, Пскова, Риги, получил звание заслуженного преподавателя. Статьи Ореста Николаевича по истории Прибалтики публиковались в рижских издательствах конца XIX века, а в 1882 году он переводит с польского «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова), который печатается в «Псковских губернских ведомостях», а также «Дневники второго

похода Стефана Батория на Россию (1580 г.)», изданные Императорским обществом истории и древностей Российских при Московском университете в 1897 году. Орест Николаевич был действительным членом Псковского Археологического общества⁸. Всё это даёт нам основания полагать не случайность обращения Д.М. Милютина к переводам Милевского об истории похода Стефана Батория на Великие Луки.

Излагая события начала Ливонской войны и осады Великих Лук в 1580 году, Д.М. Милютин не ограничивается пересказом исторических фактов. Он пытается осмыслить поведение Ивана Грозного на первом этапе войны, подчёркивает вероломство захватчиков, их жестокость и алчность, жажду наживы. Автор много размышляет над последствиями разорения Великих Лук, обращает внимание на то, как заселение разорённой земли новыми поселенцами влияет не только на этнографическую картину, но и пагубно сказывается на сохранении сложившихся здесь ранее обычаев, традициях, исторической памяти. Много внимания Дмитрий Михайлович уделяет и проблемам

прогресса, начиная с XVIII в., эпохи Петра Великого, и кончая развитием железнодорожного транспорта начала XX века, когда со строительством железной дороги в Великие Луки вновь хлынул поток новых поселенцев. Новые транспортные пути привели к исчезновению многих старых деревень и сёл, переселению местного крестьянства в другие места, размыванию исконных местных традиций, культуры, проникновением в наш край новых капиталистических отношений. Можно не соглашаться с автором, но нельзя не обратить внимания на заключительные слова его работы: «Пусть будет позволено мне сделать некоторую аналогию между нашествием Батория и Лисовского с их полчищами в XVI и XVII веке и теперешним временем... Тогда воевали огнём и мечом, и этим способом народы водворяли своё господство и расширяли свои границы, теперь же воюют рублём и завоёвывают народ и области с их доходными статьями и естественными богатствами. Нынешняя война может быть так же опустошительна, как и в старину; но она имеет вид законности, она теперь называется не войною, а эксплуатацией наших земель, вод, лесов, садов, нашего мускульного и умственного труда. В те периоды, когда чужеродный прибор стремится залить и поглотить наши исторические становища, дружная деятельность сословий и общая заботливость об охране и процветании своих родных центров становится одною из главных наших обязанностей. Железные дороги, проведение которых так страстно добиваются наши города и сёла, самым пагубным образом влияют на местную старину и предания, на бытовые особенности областей, по которым они проходят. Прибывает масса людей, для ума и сердца которых наши памятники старины, наша история ничего не говорят, а наши обычаи кажутся странными и непонятными. Появляясь только для наживы, эти пришельцы пробуждают и в нас самих меркантильный дух, который не любит вопросов высшего порядка и видит лишь мелкий факт, но не умеет возвыситься до прозрения будущего в его исторической связи с настоящим и прошедшим».

Надеемся, что познакомившись с этими во многом пророческими словами Дмитрия Михайловича Милютина, читатель по-новому будет относиться к славной истории нашей Великолукской земли, по-новому посмотрит на древние валы Великолукской крепости,- поймёт, что нам оставлен бесценный дар, который мы должны хранить и преумножать.

Источники:

1. Великие Луки. 800 лет. — Великие Луки, 1966; *Иванова П.Е.* Великие Луки: путеводитель. — Лениздат, 1978; *Карпов К.И.* Улицы Великих Лук. — Лениздат, 1980; Великие Луки — Город воинской славы. — Великие Луки, 2014.
2. *Шлепетинский А.* История забытых краеведов. — Великолукская правда. — 1998. — 9 июля. — С. 3; *Карпицкая В.С.* Великолукские краеведы // Великолукский вестник: краеведческий альманах. — 2013. — № 3. С. 15; История забытых краеведов // <http://www.vluki.ru/news/2002/03/30/0333.html>.
3. *Пульхеров А.И.* Великолукское городское общественное управление 1785–1891 гг.: историческое обозрение. Образование и образовательные средства в г. Великие Луки и его уезде: историко-статистический очерк. — Великие Луки, 2012. — С. 247.
4. Псковская энциклопедия. — Псков, 2007. — С.122.
5. Псковская энциклопедия. — Псков, 2007. — С.128.
6. Псковская энциклопедия. — Псков, 2007. — С.375.
7. Псковский биографический словарь. — Псков, 2002. — С. 202.
8. Псковская энциклопедия. — Псков, 2007. — С.483.

РОД КНОРРИНГОВ НА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

И.М. Невзорова

(Москва),

литературовед, член Союза писателей России

Необходимость изучения родословной Кноррингов возникла при подготовке к изданию дневников Ирины Кнорринг¹. Вскоре история рода Кнорринг обозначилась отдельной темой, появились единомышленники в лице наследников (хранителей семейных архивов), земляков писателей (уроженцев Самарской области), потомков шведской и финской ветвей рода Кнорринг.

Данная статья основана на материалах семейного архива Кноррингов и государственных фондов — РГАДА (Российского Государственного архива древних актов), РГВИА (Российского Государственного Военно-исторического архива) и РГИА (Российского Государственного Исторического архива).

На родине писателей-Кноррингов, в селе Елшанка состоялось два литературно-краеведческих семинара «Кнорринги и современность: потенциал традиции» (2012, 2013) с участием профессоров и студентов Самарского Государственного университета.

Речь идёт в первую очередь о поэтессе *Ирине Кнорринг*, её отце — историке, педагоге и писателе *Николае Николаевиче Кнорринге*, и её кузине, переводчице и мемуаристе *Нине Кнорринг*. Все они покинули Россию, но на протяжении долгих лет эмиграции возвращались на свою родину, об этом свидетельствует их творчество — стихи, письма, дневники, записки, воспоминания.

Писатели Кнорринги принадлежали к дворянскому роду, они родились в небольшой фамильной усадьбе, в селе Елшанка Сергиевско-

Слева направо: Николай, Нина и Ирина Кнорринги. 1931 г.
Медонский лес. Франция (архив Софиевых-Кноррингов)

го уезда Самарской губернии. Вот краткие сведения о писателях, которые привели нас на Псковскую землю:

Николай Николаевич Кнорринг (1880, Елшанка — 1967, Алма-Ата) — историк, педагог, писатель, деятель культуры. В 1907 году окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Преподавал в Харьковской гимназии «Общества Второй группы преподавателей в Харькове», в сентябре 1911 года назначен её директором. Член-учредитель Профессионального союза учителей в Харькове, председатель Педагогического отдела историко-филологического общества при Харьковском университете, основатель и редактор харьковского журнала «Наука и школа». В ноябре 1919 года выехал с семьёй на Кавказ, затем в Крым. В ноябре 1920 года зачислен преподавателем истории в Морской кадетский корпус в Севастополе, в составе которого 29 ноября/12 декабря 1920 года эвакуировался с семьёй в Бизерту (Тунис). В 1921–1925 годах читал курс истории в Морском корпусе, а также лекции по истории культуры для широкой аудитории Русской эскадры. Сотрудник парижской газеты «Последние Новости» (музыкальный и литературный критик) и пражского «Русского исторического архива за границей». В мае 1925 года переехал с семьёй в Париж. Многолетний сотрудник Турге-

невской библиотеки в Париже, член Административного совета этой библиотеки, член Правления Русского литературного архива (создан при библиотеке в 1938 г.), председатель Книжной комиссии по возрождению уничтоженной фашистами библиотеки (образована в 1946 г.). Преподавал в Русском народном университете. Член Русского педагогического общества, Харьковского землячества, Общества бывших воспитанников Императорского Московского университета, Республиканско-демократического объединения. Участник камерных концертов (скрипач). Член Союза русских писателей и журналистов во Франции. Печатался в изданиях «Звено», «Былое», «На чужой стороне», «Встречи». В 1947 году — директор Русской школы при Союзе советских патриотов в Париже. В 1949–1954 годах жил с женой в Русском старческом доме в Нуази-ле-Гран (под Парижем). В конце 1955 года вернулся в СССР, жил в Алма-Ате. Основные труды: «Очерки по истории Тульского Совестного суда в екатерининское время» (Харьков, 1916), «Сфаят: Очерки из жизни Морского корпуса в Африке» (Париж, 1935), «Генерал М.Д. Скобелев: исторический этюд» (в 2-х т., Париж, 1939–1940), «Книга о моей дочери» (Алма-Ата, 1993), «Записки историка, педагога и музыканта о России» (М., 2014)².

Ирина Николаевна Кнорринг (в браке Софиева) (1906, Елшанка — 1943, Париж) — поэт, мемуарист, дочь Н.Н. Кнорринга. В эмиграции с 1920 года в Бизерте (Тунис). В феврале 1925 года получила аттестат о среднем образовании в Морском кадетском корпусе (4 рота). С мая 1925 года жила во Франции. Член Союза молодых поэтов и писателей в Париже. Стихи опубликованы в русских зарубежных периодических изданиях, в антологиях русской зарубежной поэзии («Якорь», «Муза Диаспоры», «На Западе»). Автор книг: «Стихи о себе» (Париж, 1931), «Окна на север» (Париж, 1939), «После всего»: Третья книга стихов (Париж, 1949), «Новые стихи» (Алма-Ата, 1967), «После всего: Стихи 1920–1942» (Алма-Ата, 1993), «Повесть из собственной жизни: Дневник» (М., 2009, 2013), «О чём поют воды Салгира: Беженский дневник. Стихи о России» (М., 2012). Зарабатывала на жизнь вышиванием и изготовлением одежды для кукол. Много лет страдала «сахарной болезнью». Была захоронена на кладбище Иври. 7 декабря 1965 года состоялось перезахоронение праха на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Муж — поэт Юрий Борисович Софиев (1899–1975), сын — Игорь (1929–2005).

Село Дубна на реке Западная Двина. Фотография XIX в.
(из фонда Андреапольского краеведческого музея)

Нина Борисовна Кнорринг (в браке Шмидт) (1905, Елшанка — 1997, Копенгаген) — переводчик, мемуарист, племянница Н.Н. Кнорринга. В 1914–1918 годах училась в женской гимназии (с 1917 г. в «школе») в Самаре. Осенью 1918 года бежала с матерью и братом Олегом из усадьбы в Елшанке на Восток. Жила в Омске, с 1922 года — в Иркутске. В 1925 году вышла замуж за Гуннара Шмидта, инженера-связиста, сотрудника Большого Северного телеграфного общества (Дания), в 1924–1931 годах работавшего в Иркутске. В 1932 году, после окончания контракта мужа, получила датское гражданство, в 1934 году выехала в Копенгаген. Брак распался в 1939 году. Второй (гражданский) муж — художник-карикатурист и переводчик Арвид Мёллёр. В эмиграции занималась переводами, освоила профессию гида и мастерство художественного переплёта книг. Будучи меломаном, была дружна с деятелями музыкальной культуры, участвовала в общественной и культурной жизни русской колонии в Дании. В годы Второй мировой войны укрывала в своей квартире от преследований гестапо еврейскую семью. Автор книги воспоминаний «Ближе к сердцу: мой русский дом» (Копенгаген, 1988, на датском языке; «Простор», Алматы, 2010, № 10–12, на русском языке³).

Пять поколений Кноррингов прожили в заволжской родовой усадьбе, покинув её в 1918 году. Семья брата Н.Н. Кнорринга, Бориса Николаевича (именно она проживала в усадьбе вплоть до включения Елшанки в события Гражданской войны), бежала на Восток. Впоследствии Б.Н. Кнорринг и его сын Игорь были расстреляны⁴.

В Заволжье Кнорринги появились в 1820-х годах, приехав из *Псковской губернии, из села Дубна Топорецкого уезда*. Здесь семья Кнорринг жила с 1799 года. Вот как это было.

«Мой прадед был лютеранин и масон, — писал в своих «Записках» Н.Н. Кнорринг⁵. Речь идёт о *Фёдоре Ивановиче Кнорринге* (1755–1817). Именно так он назван в «Деле о дворянстве рода Кнорринг»⁶. Ф.И. Кнорринг происходил из ливонских шляхтичей (дворян) и был крещён в лютеранской церкви как *Рейнхольд Фридрих фон Кнорринг*⁷. Дата рождения Рейнхольда Фридриха (Фёдора Ивановича) — 20 сентября 1755 года. Место рождения — мыза Пантен, Рижское наместничество, Вольмарский уезд⁸.

В семье Рейнхольду Кноррингу была уготована, как и всем мальчикам рода, военная карьера: в русской Императорской армии служило большое число Кноррингов — так они зарабатывали деньги на содержание семьи, так они добывали победы и составляли славу Русской армии. О подробностях военной карьеры «Фёдора Ивановича» можно узнать в «Деле бывшей Государственной Военной коллегии 1785 г. об отставке в сем году секунд-майора Ф.И. Кнорринга»⁹. Там же есть сведения и о его происхождении: «Показан из Ливонских дворян Люторского закона, за отцом его три Гака»¹⁰. Гак — мера земли, используемая в прибалтийских губерниях, равна примерно 1 гектару.

Далее в «Деле» приведён перечень военных батальонов, в которых участвовал Ф.И. Кнорринг¹¹: «Поступил в Артиллерийский Инженерный Шляхетной кадетский корпус кадетом 14-го апреля 1771, из оного выпущен 26 мая 1777 Подпоручиком в бывший Сибирской Пехотный Полк; потом был произведен 22 сентября 1779 в Поручики; 25 декабря 1783 в Капитаны, в 26 мая 1785 годов по прошению его по домашним обстоятельствам отставлен от службы с награждением Секунд Майорского чина».

Но вскоре Ф.И. Кнорринг вновь поступает на военную службу: «11 июня 1789 г. <записан> Во Второй Эстляндский Егерский Батальон в комплект». В это время в разгаре Русско-шведская война

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Дубна
(реконструкция, из фонда Андреапольского краеведческого музея)

1788–1790 годов. В апреле 1790 года Ф.И. Кнорринг «был ранен двумя контузиями». 13 декабря 1794 года «тем же чином переведен по желанию в Нашебургский мушкетерский полк сверх комплект» (в 1794 г. Нашебургский пехотный полк стоит в Курляндии и Литве с целью подавления восстаний польских «конфедератов»). Возможно, его позвал в свой полк «сверх комплекта» его друг по Второму сухопутному шляхетскому кадетскому корпусу, уроженец Ревеля (Таллина) в то время полковник Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен (заметим, что позднее под его началом служил сын Ф.И. Кнорринга).

Наконец 25 апреля 1795 года Ф.И. Кнорринг покидает военную службу. Служит при земских должностях в Ковенской губернии (ныне Литва. — *И.Н.*) — в городах Ковно и Тельши. В 1795–1796 году он назначен городничим уездного города Тельши. Сохранился «Аттестат» Ф.И. Кнорринга о работе в Тельшах, где его характеризуют так: «Находясь... в своей настоящей должности, исправлял оныя с усердием, расторопностью и успехом таковыми, коих от исправного Штаб Офицера требовать и ожидать было можно, и которыми по всякой справедливости заслуживает похвалу и воздаяние»¹².

В 1799 году Ф.И. Кнорринг вышел на пенсию и переехал вместе с семьёй в Псковскую губернию, на берег Западной Двины. Он поступает на службу к генерал-майору Сергею Андреевичу Кушелеву (1766–1845) в качестве управляющего. Кушелевым принадлежали

сёла Дубна Псковской губернии, сельцо Мачихино (на другой стороне Западной Двины) и ещё ряд сёл (сейчас они вошли в состав города Андреаполя). С.А. Кушелева и Ф.И. Кнорринга связывала служба в Русской Императорской армии, взаимное доверие, принадлежность к масонству.

20 мая 1802 года у Ф.И. Кнорринга и его жены Софии Ивановны (урожденной Грюнер) родился сын Георгий (Егор). Его крестили 25 мая 1802 года в церкви Рождества Пресвятой Богородицы погоста Дубна Торопецкого уезда Псковской губернии. Этот документ — Свидетельство Псковской Духовной консистории — очень важен для нас. Он стал ключевым, связующим звеном между Лифляндией и Елшанкой.

«По Указу Его Императорского Величества, из Псковской духовной консистории по определению оной, на основании 9-го тома Св<ода> законов (издания 1842 г.) статьи 1426-й и примечания под оною, дано сие за подписанием и с приложением казенной печати, (выдано) по прошению из дворян коллежской асессорши Софьи Ивановой Кнорринг о рождении и крещении сына ее Егора для представления оного в Симбирское Дворянское депутатское собрание в том, что по метрической книге Торопецкого уезда погоста Дубны Рождества Богородицкой церкви рождение от законного брака и крещение <сына> Егора тысяча восемьсот второго года под № 15-м записано так:

Мая двадцать четвертого числа сельца Андреяполь Его Превосходительства генерал-майора Сергея Андреевича Кушелева живущего при нем управителя коллежского асессора Федора Иванова сына Кнорринга <и> матери Софьи Ивановой родился сын, ему же имя наречено Георгий, крещен двадцать пятого, восприемники были вышеозначенный Сергей Кушелев и Санкт-Петербургская помещица Аграфена Яковлева, дочь Чертова.

Метрика сия за подписанием того погоста священников — Матфея Гаврилова и Николая Тимофеева, диакона Петра Игнатьева, дьячков Михаила Михайлова и Семена Гордиева и пономаря Петра Иванова.

Псков. Мая девятнадцатого дня 1844 года. Подлинное Свидетельство подписали: член Консистории священник Николай Миловский, скрепил секретарь Сварин, справил в должности столоначальника В.Протопопов и приложена Псковской духовной консистории печать...»¹³

Как видим, крестным отцом Егора Кнорринга был С.А. Кушелев, крестной матерью — родня жены С.А. Кушелева (Екатерины Ивановны Кушелевой, урожденной Чертовой. — *И.Н.*).

В 1801 году, после выхода в отставку, С.А. Кушелев начал заниматься созданием и благоустройением курорта. Ценные исследования и публикации, иллюстрирующие деятельность курорта и свидетельствующие о серьёзном и грамотном подходе к делу основателя курорта, С.А. Кушелева, можно найти в юбилейном сборнике «Курорт в русской культуре»¹⁴. Среди них: К. Фридебург. «Описание вновь открытых Андреапольских минеральных вод»¹⁵ (СПб, 1811), Г. Эллизен. «Краткий ответ на многие изустные и письменные вопросы касательно Андреапольских минеральных вод»¹⁶ (СПб, 1822), «Книга посетителей Андрея-Польских минеральных вод»¹⁷.

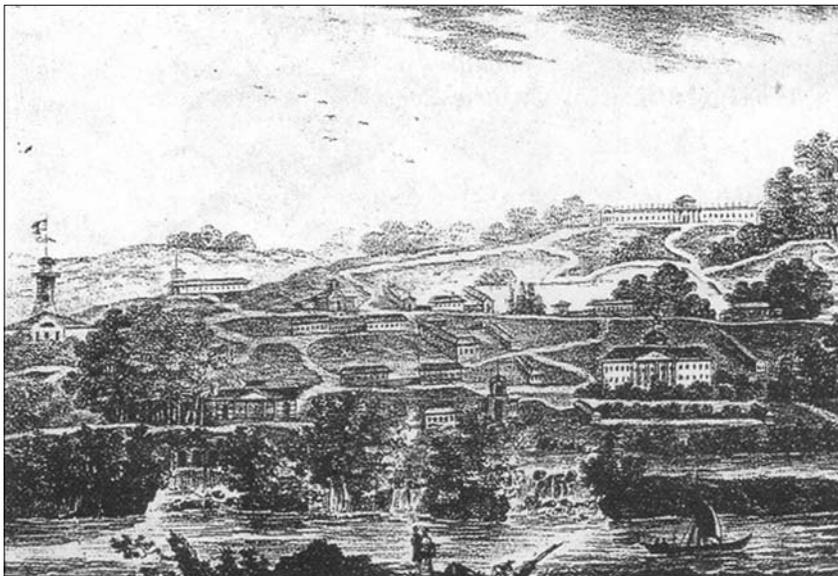
20 июня 1810 года его стараниями курорт «Андреапольские минеральные воды» был открыт¹⁸.

Финансовую помощь и поддержку проекта на высоком административном уровне С.А. Кушелеву оказывал его брат, Егор Андреевич Кушелев (1763–1826), — генерал-лейтенант, в 1796 году комендант Москвы, в 1820 году сенатор, масон, руководитель ложи «Астрей»¹⁹. Ф.И. Кнорринг, управляющий С.А. Кушелева, был в центре всех хозяйственных вопросов по созданию курорта.

Становление курорта совпало с Отечественной войной 1812 года. С.А. Кушелев оказывал помощь в формировании ополчения. После окончания войны в Андреапольских минеральных водах восстанавливали своё здоровье раненые офицеры и солдаты.

Курорт действовал около тридцати лет и прекратил свою деятельность из-за недостатка средств. Когда же курорт перестал действовать? Последняя запись в «Книгу посетителей Андрея-Польских минеральных вод» была сделана 31 июля 1841 года.²⁰ Заметим, что среди посетителей значится «майорша Елизавета Крестьяновна Кноренкова, дети их Федор Владимирович, Констанция Владимировна малолетние»²¹. Видимо, речь идёт о семье майора Вольдемара (Владимира) Александера Кнорринга (1784–1829), о его жены Элизабет и детях Теодоре и Констанции²².

По сведениям, взятым из сборника «Курорт в русской культуре», курорт «Андреапольские минеральные воды» был закрыт в 1843 г. в связи со смертью владельца С.А. Кушелева и финансовыми труд-

Курорт «Андреапольские минеральные воды». Гравюры XIX в.

ностями его наследников»²³. Согласно другим данным — переписке С.А. Кушелева с управляющими своих вотчин²⁴ — он умер не ранее мая 1845 года.

Когда же семья Ф.И. Кнорринга покинула Псковскую губернию? В фондах РГАДА хранятся документы о вотчинах Кушелева в Симбирской губернии, в том числе — о состоянии «Симбирских экономий» в 1805–1810 годах.²⁵ Как следует из семейной переписки²⁶, после смерти в 1810 году матери С.А. Кушелева, Прасковье Ерьевны (Юрьевны) Кушелевой, весьма практичной помещицы и крепостницы, её дети (Сергей, Егор, Елизавета и Софья) продали часть земель, в том числе в Симбирской губернии.

Одну из таких усадеб приобрёл Ф.И. Кнорринг, куда и переехал с семьёй на постоянное жительство. Известно, что в начале XIX века недалеко от Самары (в то время Самара была уездным городом *Симбирской* губернии) формируется другой курорт — «Сергиевские минеральные воды». Ф.И. Кнорринг, как управляющий Кушелева, ездил по поручению последнего в Симбирскую губернию, и эта далёкая Заволжская земля была для него не такой уж далёкой. Видимо, он считал покупку усадьбы делом перспективным.

Несколько слов о сегодняшнем состоянии курорта «Андреапольские минеральные воды». Об этом курорте на много лет забыли. О былом величии здешних мест и их жителей напоминают каменный крест и памятный знак, установленные на берегу Западной Двины (Даугавы). Стелу венчает силуэт парусного корабля и надпись: «По Западной Двине проходил путь из варяг в греки. В лета 1489 здесь стояло сельцо Дубна».

Историю курорта начали восстанавливать лишь в последнее двадцатилетие силами Андреапольского районного Краеведческого музея им. Э.Э. Шимкевича (директор В.В. Линкевич), Всероссийского Историко-этнографического музея города Торжка и других. К 200-летию курорта в Андреаполе была проведена конференция «Курорт в русской культуре» и выпущен одноимённый сборник статей, о котором упоминалось выше. В 2014 году в Андреапольском музее состоялся семинар «Родовое древо», где были представлены новые материалы, — в частности, по андреапольскому краеведению.

В настоящее время вместе с директором Андреапольского музея начата работа в фонде Кушелевых в РГАДА; продолжается изучение

Памятный знак на берегу р. Западная Двина в г. Андреаполе.
Фотография И.М. Невзоровой, 2014

деятельности Ф.И. Кнорринга на Псковской земле, запланирована работа в Государственном архиве Псковской области. Убеждена, что предстоящие исследования вознаградят нас новыми открытиями и обогатят псковское краеведение.

Примечания:

1. *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: [дневник] в 2-х т. / подгот. текста Н.Н. Кнорринга и Н.М. Черновой; вступ. ст., коммент., аннотир. указ. имен И.М. Невзоровой. М., 2009, 2013.
2. *Кнорринг Н.Н.* Записки историка, педагога и музыканта о России / вступ. ст., примеч., указ. имен И.М. Невзоровой. М., 2014.
3. *Кнорринг Н.Б.* Ближе к сердцу: мой русский дом [воспоминания] / Публ. И.М. Невзоровой // Простор. Алма-Аты, 2010. № 10. С. 139–157; № 11. С. 154–181; № 12. С. 142–162.
4. Об истории рода Кноррингов в Елшанке см.: *Невзорова И.М.* Елшанка: мост из прошлого в будущее // Сергиевская трибуна. 2010. 9 июня. С. 3; *она же.* Елшанская сага о Кноррингах // Самарская Лука. № 23. Самара, 2012. С. 57–68; *она же.* Елшанка. Кнорринги // Самарские судьбы. 2012. № 9. С. 120–125.

5. *Кнорринг Н.Н.* Записки историка, педагога и музыканта о России. С. 19.
6. РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 4135.
7. Присоединение елшанской ветви к общему древу рода Кнорринг — результат кропотливой работы. Три года мы, совместно со шведским исследователем, автором публикаций и книг Харальдом Кноррингом, проводили комплексное исследование биографий шведских (точнее, лифляндских) Кноррингов, по различным параметрам: даты и место рождения, происхождение, детали военной карьеры, количество браков и детей, даты рождения детей и пр.
8. Pontus Möller, Karl Johann Paulsen, Gotthard von Knorring. «*Ätterna Knorring*». Helsingfors. 2000. Tab. 196, p. 118 («Семья Кнорринг», швед. яз.)
9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 4135. Л. 5 об. — 6.
10. Там же.
11. Там же. Л. 7 об. — 8 (здесь и далее сведения из сводного военного досье Ф.И. Кнорринга).
12. Там же. Л. 9–9 об.
13. Там же. Л. 13–13 об.
14. Курорт в русской культуре: к 200-летию Андреапольских минеральных вод. Статьи и материалы. Торжок, 2010.
15. Там же. С. 17–66.
16. Там же. С. 67–89.
17. Там же. С. 107–156.
18. Там же. С. 25.
19. Там же. С. 94.
20. Там же. С. 156.
21. Там же. С. 118.
22. «*Ätterna Knorring*». Р. 94.
23. Курорт в русской культуре. С. 14.
24. РГАДА. Ф. 1377. Д. 1133. Л. 87–88. Д. 1155. Л. 81–82.
25. Там же. Д. 746–748.
26. Там же. Д. 745–756 и др.

АРХИТЕКТОР АЛЕКСАНДР ВЛАДОВСКИЙ

А.Ю. Пономарёв

(Москва),

культуролог

Среди архитекторов XX века находится большое количество имён малоизвестных, а подчас и вообще забытых. К сожалению, среди них и Александр Игнатьевич Владовский — фигура, возможно, не первой величины, но вполне достойная отдельной монографии. Более ста реализованных и нереализованных проектов, его обширное эпистолярное наследие позволяют говорить о нём не только как о состоявшемся архитекторе, но и мастере, который внёс значительный вклад в развитие культуры XX века. Среди архитекторов первой половины XX века Владовский выделяется продолжительностью своей творческой жизни. Постройки по его проектам возводились в царской России, первой Эстонской Республике, Эстонской ССР. После событий 1917 года он не только не отошёл от архитектурной практики, но как представитель петербургской художественной школы принял активное участие в застройке Таллинна — столицы независимой Эстонской Республики. Выдержав мощный напор критиков, он продолжал много и продуктивно работать. Стороной мимо него прошли репрессии, несмотря на его происхождение и выполнение заказов, порученных ему лично президентом Эстонии Константином Пятсом, среди которых перестройка Екатерининского дворца в Кадрiorге и участие в застройке одного из парадных проспектов Таллинна — Пярнуского шоссе. Оставаясь по природе очень русским человеком, принадлежавшим к традиции петербургской академической архитектурной школы, он вместе с другими крупными зодчими формировал традиции эстонской национальной школы. Порой может показаться, что А.И. Владовский был «баловнем судьбы», но это лишь видимость.

Зодчий работал практически во всех стилевых направлениях современной ему архитектуры, но среди его построек нет таких, что искусствоведы посчитали бы шедеврами. Это в определённой степени и отодвинуло личность Владовского на второй план. Искусствоведам он был неинтересен. Несмотря на значительное количество статей в периодических изданиях и попытки создать образ зодчего прошлого в романе «Вавилон», не воспринимался А.И. Владовский и как публицист. Время и обстоятельства словно играли против него, обрекая на забвение несомненно яркую и самобытную личность, в одинаковой степени принадлежащую русской и эстонской культурам. Именно это ему и не могли простить: эстонцы — что он был слишком русским, а русские (и советские) критики — что он всегда оставался собой и подчас нелицеприятные слова звучали из его уст и в адрес недостойных наследников русской культуры, среди которых видел он и авторов революционных преобразований в Советской России. Его острый язык задевал, и задевал очень больно. По публикациям А.И. Владовского можно смело составлять хронику культурной жизни Таллинна. Он мало кого хвалил. Мог высказать едкое замечание, сравнить архитектурное новшество с корчмой, тюрьмой и будуаром, или, говоря о новом здании Рийгикогу, написать, что его фасад «среди вышгородской симфонии бьёт так же, как большой турецкий барабан, выбивающий джац-банд»¹. Немногие могли удостоиться похвалы мастера: он неподдельно восхищался работами художника Н.П. Богданова-Бельского, высоко ценил творчество молодого эстонского архитектора Алара Котли.

Из работ о творчестве Владовского стоит отметить статьи эстонских искусствоведов Лео Генса и Марта Калма, которыми практически и исчерпывается список исследований². Несколько статей было посвящено отдельным постройкам по проектам А.И. Владовского³. Вместе с тем отметим, что его имя появлялось на страницах энциклопедических изданий, начиная с «Эстонской советской энциклопедии» (*Eesti nõukogude entsüklopeedia*), увидевшей свет в конце 1960-х годов.

Начало творческого пути Александра Владовского связано с Санкт-Петербургом. Он родился 27 февраля 1876 года. В выписке из метрической книги Петропавловской церкви при Санкт-Петербургском Коммерческом училище читаем: «Родители его: служащий в Санкт-Петербургском Коммерческом училище преподавателем

Портрет А.И. Владовского
(«Последние известия», Таллинн, 15 мая 1923)

химии коллежский секретарь Игнатий Игнатьевич Владовский, римско-католического вероисповедания, и законная его жена Елизавета Ивановна, православного вероисповедания, оба первым браком»⁴. Информация о его родителях крайне скудна. «Предки А.И. Владовского — старинного польского рода дворяне, участники ряда польских восстаний и конфедераций»⁵. Его отец, Игнатий Игнатьевич Владовский (ок. 1838—1913), родившийся в России, — известный химик, инженер-технолог, член Русского Химического общества. В 1870 году И.И. Владовский окончил Санкт-Петербургский Технологический институт, с 1871 года состоял винокуром при институте. В 1873 году построил смолокурный завод с дисциплинационным отделением, принадлежащий товариществу «Лесопромышленник» в имении Остров (близ станции Крупки, Московско-Брестской железной дороги)⁶. С 1874 года работал преподавателем технологии строительных материалов и технической химии в Санкт-Петербургском Коммерческом училище и Императорской Академии художеств. Как преподаватель Коммерческого училища И.И. Владовский числился служащим по Ведомству учреждений императрицы Марии. В 1880 году за диссертацию «О писчебумажной массе, приготовляемой химическим

способом» удостоен звания инженера-технолога⁷. В 1885 году составил руководство по технологии строительных материалов, изданное Императорской Академией художеств⁸. К 1893 году И.И. Владовский дослужился до чина статского советника, что зафиксировано в адресных книгах Санкт-Петербурга. Известно ещё несколько печатных трудов И.И. Владовского — «Конспект по минеральной химии» (СПб, 1893), «Лекции [по] геологии и минералогии, читанные И. Владовским» (СПб, без года)⁹. О Елизавете Ивановне Владовской (в дев. — Анкудиновой), матери архитектора, биографических сведений обнаружить не удалось. В адресных книгах Санкт-Петербурга Е.И. Владовская упоминается последний раз в 1909 году. С 1910 года женой статского советника И.И. Владовского значится Лариса Евграфовна Владовская, последний раз упоминающаяся в адресной книге за 1914 год как «вдова статского советника».

Адресные книги донесли до нас и петербургский адрес А.И. Владовского — доходный дом у «Пяти углов» (Загородный проспект, 13). До нашего времени дом, где родился и провёл детские годы Владовский, не сохранился. На его месте в начале XX века был построен новый доходный дом Коммерческого училища, где, судя по адресным книгам Санкт-Петербурга, Владовские также занимали отдельную квартиру.

В 1894 году Александр Владовский окончил Коммерческое училище, в 1896-м он поступил в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств сначала как вольнослушатель, а с 1897 года — как полноправный ученик. С начала обучения Владовский обратил на себя внимание архитектора Л.Н. Бенуа своими способностями к живописи. В письме, адресованном вице-президенту Императорской Академии художеств графу И.И. Толстому, Л.Н. Бенуа писал: «К крайнему моему сожалению, должен пропустить приёмный рисовальный экзамен. Моя просьба к Совету Высшего художественного училища заключается в том, чтобы как можно строже принимались бы в ученики молодые люди, попавшие на экзамен в Академию. ... Из моих учеников-вольнослушателей я прошу обратить внимание на следующих: ... Владовский, очень недурно рисует, имеет способности, желательно его принять. ... О сих пятерых я ходатайствую перед Советом о их принятии в число учеников. Леонтий Бенуа. 25.09.1897 г.»¹⁰. После окончания классов, в 1901 году, он поступил в

В мастерской профессора Л.Н. Бенуа в Академии художеств. Слева направо стоят: Н.Лансере, А.Таманян, Л.Шретер, Н.Васильев, К.Бобровский; сидят: А.Владовский, С.Чернышёв, В.Щуко, З.Левинский. Фото ок. 1903 г.

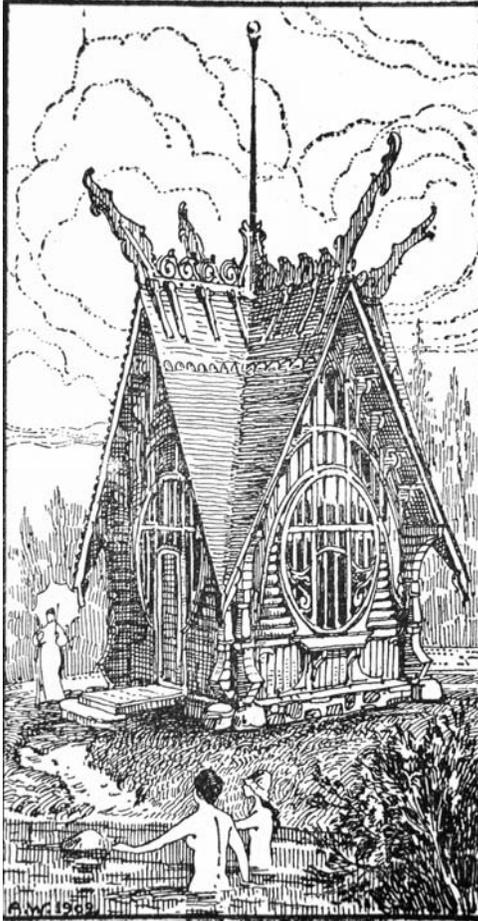
мастерскую архитектора Л.Н. Бенуа. Уже первые учебные работы Владовского показывают, что он не просто хорошо рисовал, но и владел композицией, знал систему архитектурного ордера и умело использовал её в своих ученических проектах. Дипломный проект А.И. Владовского 1903 года — «Концертный зал в столице на 2500 мест», по мнению критиков, был менее интересен, чем его студенческие работы. По окончании Высшего художественного училища Императорской Академии художеств со званием «архитектора-художника» Владовский получил право на пансионерство, которое было наградой лучшим выпускникам.

Разрешение на право осуществления строительных работ было получено А.И. Владовским ещё в годы обучения, в 1901 году. С этого времени и следует отсчитывать его профессиональную деятельность. Вот здесь мы и вступаем в наименее изученный но, несомненно, очень важный период жизни и творчества мастера. В статьях, посвящённых

жизни и творчеству Владовского, его первой крупной постройкой считается особняк Н.В. Безобразовой в Санкт-Петербурге на Моховой улице. К этому зданию мы ещё вернемся, а пока следует посмотреть на более ранние работы.

Первой постройкой, вернее — первым комплексом построек — Александра Владовского следует считать деревянные раздевальню (купальню) и баню в имении присяжного поверенного Ф.М. фон Крузе «Песчанка» на берегу реки Оредеж в 1902 году. Об авторстве Владовского позволяет говорить его рисунок, опубликованный в 1923 году в таллиннской газете «Последние известия»¹¹ и несколько фотографий имения «Песчанка», сделанных в 1902 году. В одном из дореволюционных путеводителей об имении «Песчанка» — правда, без указания имени архитектора, — сообщалось: «На крутом песчаном берегу Оредежи среди леса находится усадьба владельца с господским домом, представляющая из себя в архитектурном отношении большую художественную ценность. Особенно замечательны фасады, дом в древнерусском, вполне выдержанном стиле, с прекрасными архитектурными линиями, затейливыми башнями и переходами. В таком же выдержанном стиле возведены и остальные хозяйственные постройки. Чтобы составить себе понятие о степени роскоши упомянутой усадьбы фон Крузе, достаточно сказать, что оборудование усадьбы обошлось ему в 300.000 руб., одна купальня на берегу Оредежа стоит 11.000 руб.»¹².

Раздевальня (купальня) и баня были спроектированы Владовским в норвежском стиле. Особый облик норвежских поселений отличается неповторимостью и своими яркими красками. Наличие высококачественной древесины много столетий назад обусловило появление национальных традиций строительства. Сложная ломаная крыша, отсутствие обшивки с демонстрацией основных особенностей конструкции, прочтение особенностей композиции интерьера, исходя из особенностей фасада, — всё это хорошо прослеживается в хозяйственных постройках «Песчанки». Высокие крыши с причудливыми украшениями коньков с сильно вынесенными декоративными резными элементами позволяют говорить, что вдохновение для их создания архитектор черпал в древних норвежских ставкирках (каркасных церквях). О его путешествиях по России и за рубеж до 1904 года нам не известно, но в качестве образцов он мог пользоваться изданиями

Раздевальня (купальня) в имени Ф.М. фон Крузе.
Рис. А. Владовского.

по деревянному зодчеству, которые начали появляться на рубеже веков¹³. Традиционные приёмы деревянного зодчества облакаются Владовским в формы модерна. Так явно модерново выглядит огромное круглое окно с изогнутыми декоративными деревянными вставками и несколько рядов небольших окон в верхней части под скатами кровли. Не менее интересна и баня, где деревянный резной

Раздевальня (купальня)
в имени Ф.М. фон Крузе.
Фото 1910-х гг.

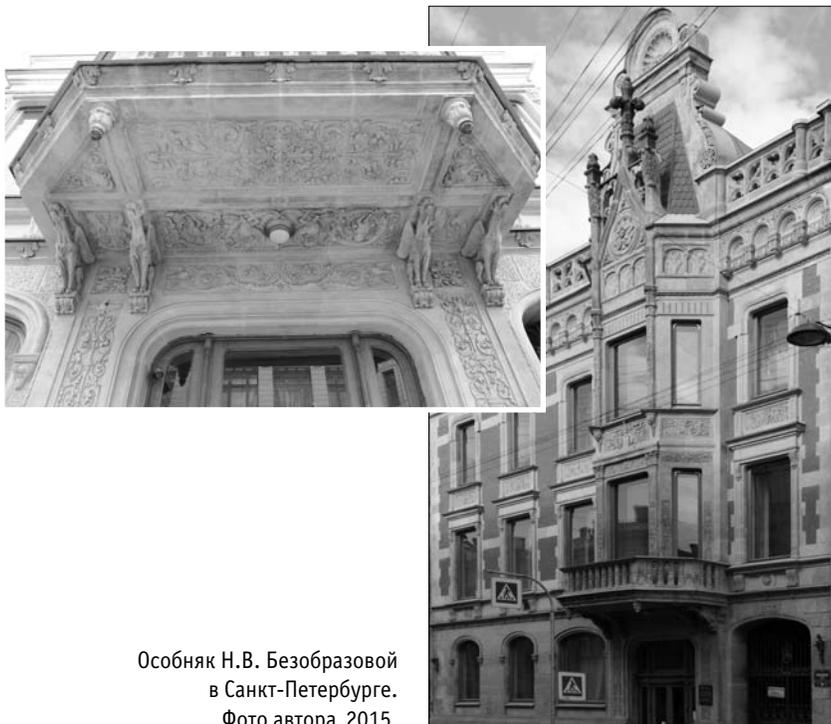

Баня в имени Ф.М. фон Крузе.
Фото 1910-х гг.

декор практически полностью заполняет пространство между скатами кровли, а декор коньков, вытянутый на значительное расстояние, сходен со стилизованными головами драконов. Комплекс построек имени «Песчанка», не сохранившийся до нашего времени, позволяет говорить о Владовском как о самобытном художнике, который творчески перерабатывает наследие древности. Серьёзность в обращении его к наследию древнерусского и норвежского деревянного зодчества показывает и его академический курсовой проект 1902 года — деревянный жилой дом в норвежском стиле¹⁴.

Первой работой, осуществлённой архитектором в Санкт-Петербурге, исследователи традиционно считают особняк Н.В. Безобразовой (Моховая ул., 34). С этой постройкой до сих пор связано большое количество вопросов. Авторство (или соавторство) А.И. Владовского никем не отрицается. Но попробуем выстроить хронологию событий, связанных с постройкой особняка. Авторы путеводителя «Моховая улица» А. Дубин и Л. Бройтман сообщают: «В 1902 году было начато строительство нового дома вместо существовавшего. Проект с очень красивым фасадом составил архитектор А.И. Владовский. При строительстве дома произошёл обвал бетонных сводов, несколько рабочих получили увечья. Комиссия по расследованию обвинила в случившемся архитектора и отстранила его от работ, недостроенные части

здания снесли. Заканчивали строительство дома (по проекту Владовского) академик архитектуры Ю.Ю. Бенуа и гражданский инженер К.И. Стрегулин»¹⁵. К сожалению, авторы не приводят ссылок на источники. Подобную информацию повторяют, практически слово в слово, и некоторые другие издания по истории Моховой улицы. Данная информация противоречит опубликованной в журнале «Зодчий» за 1902 год «Ведомости ходатайствам о постройках, поступивших в Санкт-Петербургскую Городскую Управу с 8 по 15 июля 1902 года», где под номером 919 значится каменная трёхэтажная постройка по адресу Моховая улица, дом 34, владелец — Безобразова, архитектор Бенуа¹⁶. Это сообщение подтверждает, что Ю.Ю. Бенуа изначально имел отношение к проекту особняка Н.В. Безобразовой. В 1905 году в том же журнале «Зодчий» был опубликован проект «Дом Н.В. Безобразовой по Моховой улице в Санкт-Петербурге. Проектировал академик Ю.Ю. Бенуа»¹⁷. Над аркой входа во двор явно читается дата «1902», которая указывает на время создания проекта. А как же Владовский? В проектировании особняка Н.В. Безобразовой он мог выступать как помощник архитектора. Правда, по-прежнему остаётся загадкой: откуда могла появиться информация об обрушении дома в процессе строительства. Быть может, в будущем удастся найти ответ на этот вопрос. А пока же хочется пожелать исследователям, чтобы важные сообщения они обязательно снабжали ссылками на источники. Но на этом вопросы об авторстве особняка не заканчиваются. Ещё одна метаморфоза по поводу авторства произошла в 1913 году, когда фотография особняка была опубликована с подписью: «Дом № 34 по Моховой улице. Санкт-Петербург. Проектировал А.И. Владовский, архитектор-художник»¹⁸. И снова непонятно: почему из авторов проекта теперь загадочно исчез Ю.Ю. Бенуа, а остался только А.И. Владовский? Вряд ли это можно объяснить какой-либо технической ошибкой, так как в редколлегию «Ежегодника Общества архитекторов художников» входил Л.Н. Бенуа, который просто не мог не знать построек своего двоюродного брата. К сожалению, продолжить исследование на данном этапе мешает отсутствие в архивах Санкт-Петербурга подписанных чертежей особняка на Моховой улице, которые могли бы поставить точку в споре (по крайней мере, автору обнаружить их пока не удалось, как и материалов расследования обрушения особняка при строительстве).

Особняк Н.В. Безобразовой
в Санкт-Петербурге.
Фото автора, 2015.

Наиболее справедливо считать особняк Н.В. Безобразовой совместным проектом Ю.Ю. Бенуа, А.И. Владовского и присоединившегося к ним в 1904 году гражданского инженера К.И. Стрегулина¹⁹. Выбор в качестве основного архитектора Ю.Ю. Бенуа не случаен: в 1903—1905 годах он был представителем Н.В. Безобразовой при проведении конкурса на постройку её доходного дома на Сенной площади и по результатам конкурса стал его архитектором.

Сложно сказать, что в проекте особняка Н.В. Безобразовой принадлежит Ю.Ю. Бенуа, а что — А.И. Владовскому. Проект был выполнен в псевдогоthicеском стиле с элементами ренессанса. В определении стиля среди искусствоведов нет единства: большинство исследователей относят особняк к эклектике; вместе с тем текучесть форм и особенности стилистического решения позволяют с осторожностью отнести его и к раннему модерну. В отделке особняка

Дом Товарищества по устройству жилищ
Санкт-Петербургского коммерческого училища.
Фото автора, 2015.

Н.В. Безобразовой использованы светло-серый радомский песчаник и красный кирпич. Из песчаника выполнены облицовка стен первого этажа, эркер, резной карниз, наличники окон. На эркере изображён фамильный герб Безобразовых, над одним из окон вырезан вензель «НБ». В нижней части эркер поддерживают четыре грифона с сильно вытянутыми шеями. Венчается же эркер каменным цветком, словно устремлённым ввысь. Фасадная резьба не кажется мелкой и не теряется на фоне масштаба постройки. Обилие резного камня, орнаменты сложного рисунка придают дому необычную и очень выразительную пластику. Значительная часть резьбы сосредоточена у входа. Среди резных фигур — люди, черти, звери, птицы, растения, мифологические существа. Особняк содержит фасадную датировку «1902», выполненную над аркой ворот, ведущих во внутренний двор. Традиция «подписывать» постройки станет одним из приметных элементов в дальнейшем творчестве Владовского — на некоторых домах будет помещаться датировка и даже подпись зодчего.

Трехэтажное здание особняка Н.В. Безобразовой очень тактично вписано в застройку Моховой улицы, но не теряется в ней, создавая за счёт эркера и аттика определённую вертикальную доминанту.

Ещё одним совместным проектом Ю.Ю. Бенуа и А.И. Владовского считается дача и лесная ферма Ю.Ю. Бенуа в Лесном. В 1890-х годах эта территория между Мичуринским ручьём и Санкт-Петербургом была взята Ю.Ю. Бенуа в аренду на 50 лет. Здесь он построил свою ферму, которую составляли многочисленные хозяйственные постройки и дача. Проект дачи был разработан самим Бенуа, фасады здания украшены резьбой, выполненной по проекту Владовского²⁰. В краеведческой литературе постройка датируется 1900-ми годами. Петербургские краеведы, как правило, не указывают А.И. Владовского среди соавторов постройки. Так, в работах краеведа С.Е. Глезерова, подробно рассматривающего историю Лесного, автором дачи назван только Ю.Ю. Бенуа²¹. В 1993 году Малым советом Санкт-Петербургского горсовета дача Ю.Ю. Бенуа была поставлена на государственную охрану как памятник регионального значения, однако это не спасло её от беды. В 2000 году деревянная дача Ю.Ю. Бенуа сгорела. По сохранившимся фотографиям невозможно судить об украшавшей дачу фасадной резьбе. Чертежей декоративных элементов, выполненных Владовским, обнаружить пока не удалось.

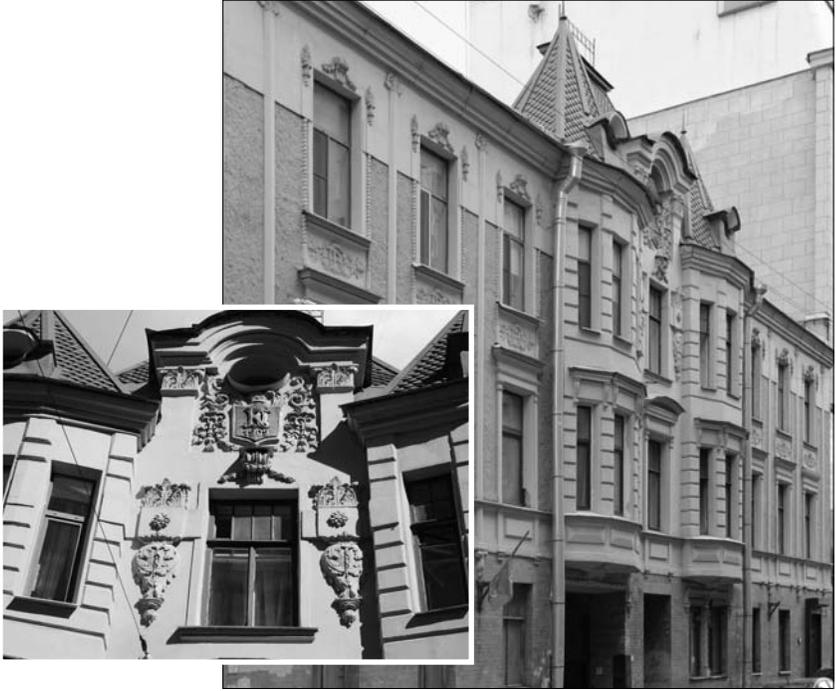
В годы пансионерства (1904 — 1906) Владовский совершает несколько путешествий по России и Западной Европе, выполняет зарисовки древних церквей и памятников архитектуры, которые публикуются журналом «Зодчий», «Ежегодником общества архитекторов-художников». Пансионерские работы Владовского интересны не только как живописные произведения, но и как материал, который лёг в основу творчества мастера. Интересны выполненные им в этот период конкурсные проекты здания Государственной думы на Марсовом поле в Санкт-Петербурге (1906, проект под девизом «Поросёнок в круге», IV премия), надгробного памятника профессору А.Р. Шуляченко на Волковском кладбище (1906, проект под девизом «Васюта», III премия), перестройки Николаевского железнодорожного вокзала в Санкт-Петербурге (1907, проект под девизом «Сфинкс», III премия). Все конкурсные проекты вписываются в традиции академической школы и выполнены в стиле неоклассицизма. Несмотря на отсутствие видимых результатов и реализованных построек, учас-

тие в конкурсах было важной страницей в творческой биографии Владовского. Уже на уровне конкурсных проектов, его работы были наделены своеобразным творческим почерком: он не просто возвращался в эпоху классицизма и ампира, показывая себя мастером неоклассицизма. В проекте здания вокзала интерес вызывает сочетание арочного и ордерного мотивов — сопоставление колоннад с арками. Приём не новый, но в значительной степени творчески переработанный. Проекты Владовского не оторваны от исторической застройки. И выпускной проект — своеобразная реплика российской Александринки: не копия, а именно своеобразно преподнесённая реплика. «Петербург Владовского» сформировался, к сожалению, лишь в проектных работах и не дошёл до зримого воплощения. Наверное, поэтому мало кто из петербургских исследователей обращался к творческому наследию архитектора²².

В отличие от конкурсных проектов, где архитектором предлагаются монументальные сооружения, выполненные в традициях академической школы, более интересны проекты и зарисовки Владовского этого времени, выполненные в национально-романтическом стиле, где тесно переплелись мотивы русского деревянного зодчества и каменной архитектуры. Возможно, навеяны они были поездками по России. Проект дома доктора Кобзаренко в Нижегородской губернии датируется 1906 годом. Сложная композиция напоминает богатые деревянные жилые постройки XVII века с отсылкой к крепостной архитектуре. Проект деревянного дома, выполненный А.И. Владовским, скорее можно отнести к жанру архитектурных фантазий на тему, несмотря на оригинальность композиции и присущее автору умение спаивать воедино детали разных архитектурных стилей.

Ещё более фантастично выглядит эскиз усадьбы Безобразовой близ Киева, выполненный в 1910 году в неорусском стиле. Здесь мастер сочетает каменную архитектуру и деревянное зодчество, что было характерным при возведении жилых построек, когда нижняя часть здания складывалась из камня, а верхние этажи — из дерева. Но и здесь решение Владовского очень оригинально. Сложно сказать, что преобладает в эскизе — решение жилой постройки или оформление парадного входа в монастырь в стиле архитектуры XVII века.

В 1909 году Владовским был выполнен проект гостиницы «Астория». Однако ожидаемого конкурса на постройку гостиницы объяв-

Санкт-Петербург. Церковная улица 11.
Доходный дом Князь-Владимирского собора. Фото автора, 2015.

лено не было. Заказ на разработку проекта получил от лондонского акционерного общества «Палас-Отель» архитектор Ф.И. Лидваль. Проект Владовского был опубликован в журнале «Зодчий»²³, но в жизнь он так и не был воплощён.

Как и проекты, петербургские постройки А.И. Владовского разные. В первую очередь это связано с функциональным назначением здания и общим силуэтом застройки улицы. Дом Товарищества по устройству жилищ Санкт-Петербургского Коммерческого училища по Малому проспекту, 32, Петроградской стороны, был построен по проекту Владовского в 1907/08 годах. В «Ведомости ходатайствам о постройках, поступивших в Санкт-Петербургскую городскую управу с 9 по 16 апреля 1907 года» под номером 237 значится каменная пятиэтажная постройка по Малому проспекту (дом 32), владелец —

Доходный дом А.Т. Муста. Фото автора, 2015.

Товарищество по устройству жилищ на паях, архитектор — Владовский²⁴. Товарищество на паях для устройства жилищ было учреждено Обществом для пособия воспитанникам Императорского Санкт-Петербургского коммерческого училища и их семьям, выпускником которого был и Александр Владовский. Товарищество было одним из первых жилищных кооперативов Санкт-Петербурга. За разработку проекта А.И. Владовский «запросил только тысячу рублей за все чертежи и дальнейший надзор за постройкой дома»²⁵. При застройке участка предполагалось возведение углового дома, который своими парадными фасадами выходил на две улицы. В проект пятиэтажного

дома были заложены магазин, 19 квартир по 2 — 4 комнаты, 44 отдельных комнаты. Товарищество выделило 9 комнат для неимущих семей и бывших воспитанников училища (7 комнат бесплатно и 2 — за уменьшенную плату)²⁶. Чертёж фасада и поэтажные планы доходного дома были опубликованы в «Памятной книжке воспитанников Императорского Санкт-Петербургского коммерческого училища, окончивших курс в 1850 — 1913 гг.²⁷, фотография — в журнале «Зодчий»²⁸. Эта петербургская постройка архитектора вошла во многие книги по истории модерна в России. Строгость и сдержанность декора северного модерна хорошо сочетается с пластикой текучих линий. В отделке фасада использована гладкая и шероховатая штукатурка.

Балконов на фасаде всего два, но они очень выразительно играют на пластику дома, как бы подчёркивая важные смысловые доминанты. В центре фасада, на уровне третьего этажа, помещено скульптурное изображение стоящей на шаре молодой девушки с распростёртыми крыльями и венками в руках, которую исследователи трактуют как Гений Славы. Гирлянда, объединяющая венки, композиционно подчёркивает меньшие по размеру гирлянды, расположенные под изображением сов на скульптурном фризе. В первоначальном проекте Гений Славы был изображён без шара, с лентой, где на латинском языке было написано «Рах» (мир)²⁹. Историк архитектуры Б.М. Кириков отмечал, что барельефное изображение Гения Славы, выполненное по проекту Владовского, вызывает ассоциацию с работами знаменитого французского мастера-бронзовщика стиля ампир Пьера Филиппа Томира³⁰. Между окнами второго этажа центральной части фасада выполнена имитация гладкой закладной доски, где, возможно, планировалось указать дату постройки. Под ней — декоративная композиция с изображением головы бога Гермеса в поле лаврового венка.

Всё декоративное убранство фасада подчинено единой смысловой линии. Двойственный и противоречивый символ совы, столь свойственный северному модерну, сопряжён в скульптурном фризе с изображением медузы Горгоны на щите — атрибутом богини Афины (богини военной стратегии и мудрости, знаний, искусств и ремёсел). Гермес — символ торговли, олицетворяющий богатство. Центральное место занимает, конечно, Гений Славы с лавровыми венками (символами славы, победы и мира). Дом Александра Игнатьевича Владовско-

Больница для рабочих в Кренгольме.
Фото 1910-х годов (Нарвский городской музей).

Больница для рабочих в Кренгольме. Фото автора, 2015

го на Петроградской стороне полюбился петербуржцам — в обиходе его называют не иначе, как «домом с ангелом», а крылатое изображение Гения Славы считают ангелом-хранителем этих мест. Дом полюбился и архитектору. До революции 1917 года в этом доме за Владовским числилась квартира

№ 1, где он всегда останавливался во время пребывания в Петербурге, когда его постоянным местом жительства значилась уже Нарва. По этому же адресу в адресных книгах Санкт-Петербурга в 1913—1917 годах отмечается и его жена Елена Евстигнеевна Владовская (в девичестве Бродина), о которой мне никакой информации найти не удалось. Её могила находится рядом с могилой А.И. Владовского на таллинском кладбище Метсакалмисту. На надгробной плите высечены даты: 22.V.1876 — 4.V.1957. Супруги были одногодками, но Елена Евстигнеевна пережила мужа на 7 лет.

В 1908 году Владовским был выполнен проект надстройки мансарды доходного дома Л.А. Нелидовой (Волковой) по Офицерской (совр. Декабристов), 31. Проект обнаружить не удалось, как не установлен и сам факт произведённой перестройки, так как в 1912 году по проекту гражданского инженера И.В. Экскузовича дом был полностью перестроен. В «Ведомости ходатайствам о постройках, поступившим в С.-Петербургскую городскую управу с 16 по 21 апреля 1908 года» под № 207 следует описание: «улица Офицерская, 31. Владелец — Волков. Подпись на проекте — Владовский. Род постройки — надстройка мансарды»³¹. Подтверждением тому, что Л.А. Нелидова могла быть заказчицей А.И. Владовского является его работа в усадьбе Моква Курской губернии, принадлежавшей сыну Л.А. Нелидовой — шталмейстеру П.П. Волкову, однако усадебный комплекс значительно пострадал в XX веке, интерьеры не сохранились.

В 1908 году в жизни А.И. Владовского происходит событие, которое во многом определит и его дальнейшее творчество. Молодой, но уже известный в Санкт-Петербурге архитектор-художник назначается архитектором Кренгольмской мануфактуры. В Кренгольме он сменяет П. Алиша, много лет проработавшего здесь, автора проектов Георгиевской фабрики, Воскресенского собора, жилых домов в рабочем посёлке. Впрочем, новое назначение не отрывает Владовского от родного Петербурга — он продолжает проектировать и строить для столичных заказчиков.

Доходный дом по Церковной (совр. Блохина) улице, 11 был возведён по проекту Владовского в 1909 году. Заказчиком выступил Орест Порфирьевич Кмита — инженер-механик флота, тайный советник, староста Князь-Владимирского собора. Среди ходатайств о постройках, поступивших в Санкт-Петербургскую городскую управу с 23 марта по 6 апреля 1909 года под номером 142 значится каменная четырёхэтажная постройка по Церковной улице, 11, владелец — Кмит (так в оригинале), подпись на проекте (архитектор) — Владовский³². Неизвестно, на каком этапе произошла переработка проекта, но дом был возведён трёхэтажным.

В доходном доме легко угадывается почерк архитектора. Интересна центральная часть фасада, увенчанная аттиком с люкарной, над которой помещён карниз, опирающийся на пилястры, завершённые лепниной, стилизованной под капители коринфского ордера. Под люкарной в окружении растительного орнамента помещён герб с монограммой «ОК» (Орест Кмита) и датой постройки — «1909». В нижней части герб поддерживается декоративным кронштейном, «перевязанным» гирляндой. Вообще растительный орнамент преобладает в декоративном оформлении фасада: лавровые венки, гирлянды, листья пальмы и аканта.

Богатство декора доходного дома нарастает к верхним этажам, а единство композиционного решения достигается, прежде всего, за счёт уравновешенности объёмов, симметричности построения фасада. Выразительность фасада определяется, в немалой степени, сочетанием разных типов его обработки — декоративный облицовочный кирпич на уровне первого этажа и сочетания гладкой и шероховатой штукатурки на уровне второго-третьего этажей. Используя элементы разных архитектурных стилей, Владовский умело комбинирует их в единое целое.

Доходный дом А.Т. Муста по Малому проспекту, 76, Петроградской стороны, — постройка спорная. Петербургские краеведы определяют разных архитекторов и даты постройки. Среди авторов называют техников В.В. Гейне и Н.М. Аристова, архитектора А.И. Владовского. Постройка датируется интервалом 1907—1911 годов. Подписанных чертежей дома в архивах обнаружить не удалось. Первый исследователь творчества А.И. Владовского Л. Генс в его авторстве не сомневался³³. Подтверждается авторство Владовского и опублико-

Владовский А. Проект перестройки Николаевского вокзала в СПб, 1907

ванной в журнале «Зодчий» «Ведомостью ходатайствам о постройках, поступивших в С.-Петербургскую городскую управу с 22 по 29 марта 1910 года»: «Малый проспект и Подрезова, 76—17. Владелец — Муста. Подпись на проекте — Владовский. Род постройки — каменная 5-ти-этажная постройка»³⁴. Но, пока не обнаружены чертежи постройки с подписями автора, можно лишь предполагать наличие в этом доме авторства А.И. Владовского. Впрочем, как это часто случалось, авторов могло быть и несколько — архитектор и гражданский инженер (или техник).

Ещё одна петербургская постройка Владовского, установленная по косвенным данным, — доходный дом Кондакова по Глазовской (совр. Константина Заслонова) улице, 40. По данным «Ведомости ходатайствам о постройках, поступившим в С.-Петербургскую городскую управу с 31 мая по 6 июня 1911» под номером 392 значится: «улица Глазовская, 40. Владелец — Кондаков. Подпись на проекте — Владовский. Род постройки — каменная 6-ти этажная постройка»³⁵. Доходный пятиэтажный дом, существующий сейчас, достаточно эклектичен. Первые два этажа украшены рустовкой, главный фасад украшен аттиком, другой декор отсутствует. По архитектурным формам постройка скорее может быть отнесена к концу XIX века. Это частично подтверждается сведениями Проектно-инвентаризационного бюро Центрального района, согласно которым постройка датируется 1873 годом³⁶. По данным справочника «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века», доходный дом построен в 1912 году по проекту гражданского инженера В.И. Бахминского³⁷. Подписанные чертежи в архивах обнаружить не удалось.

В юбилейной статье, посвящённой творчеству А.И. Владовского, упоминаются и другие постройки этого времени, атрибутировать которые пока не удалось: «В Тамбовской губернии им построен дом князей Енгальчевых, и в Царском Селе перестроен дом-особняк одного из представителей этой же фамилии, командира лейб-гвардии гусарского полка. Молодой талантливый строитель входит в моду, и избранные круги старого высшего петербургского общества поручают ему самые ответственные задания. Им построен в Петербурге ряд стильных особняков»³⁸.

Кренгольмская больница, спроектированная в 1911-м и построенная к 1913 году, юбилейному году 300-летия царствования Дома Романовых, показывает А.И. Владовского как зрелого архитектора. Двухэтажное здание выполнено в причудливых формах, соединяющих элементы модерна и русского зодчества разных эпох. Наверяно это было посвящением больницы 300-летию царствования Дома Романовых. Больница представляет собой симметричное прямоугольное здание с двумя угловыми крыльями, похожее в плане на букву Ш, поставленное на нежилом подвале. Часть здания имеет третий этаж, где располагались кухни, подсобные помещения для персонала больницы, хранилища. Центральный ризалит по сторонам фланкирован двумя декоративными башнями, выходящими за его плоскость. Главный вход оформлен как полуциркульный портал, прорезанный в верхней части стилизованным изображением герба, с ажурным орнаментом в его поле — «1913» (год завершения постройки). Аналогичное оформление имеют расположенные по бокам от входа и на боковых ризалитах большие окна.

В оформлении фасадов использованы известняк, цементная штукатурка и облицовочный кирпич.

Как отмечал сам Владовский, при проектировании здания были учтены все достижения отечественного и зарубежного опыта проектирования и строительства медицинских учреждений. Больница предназначалась для одновременного размещения 140 больных. Для отопления помещений использовался самый дорогой на тот момент его тип — паро-водяное центральное отопление. Проветривалось здание с помощью различных систем вентиляции (центральная, приточная и вытяжная, побудительная, с подогреванием батареями). Северная стена и часть потолка главной операционной были

выполнены из зеркального стекла. Стены и пол операционной были отделаны фарфоровыми плитками. Между этажами больные могли перемещаться на электрическом подъёмнике (лифте), для прогулок были спланированы несколько садов, открытые балконы и веранды. При больнице была оборудована водолечебница с ваннами и душами Шарко, лаборатории, библиотека для врачей, ортопедический кабинет³⁹. Стоимость постройки (без внутреннего оборудования) составила очень внушительную сумму — 450.000 рублей. Наблюдение за строительством осуществлял лично А.И. Владовский. Кренгольмской больнице посвятил передовицу ведущий архитектурный журнал «Зодчий». Эта публикация — первое признание А.И. Владовского как состоявшегося архитектора.

К сожалению, построенную по передовым технологиям Кренгольмскую больницу, как и саму мануфактуру, постигла горькая участь: в годы первой Эстонской Республики, в связи с потерей значительной части рынка, Кренгольмская мануфактура была закрыта, пустовала и больница. Вновь больница была открыта лишь в 1939 году после капитального ремонта. В годы Второй мировой войны здание больницы было сильно разрушено. Её восстановление, начатое в 1949 году, заняло около 20 лет — она полностью вступила в строй лишь в 1969 году. На здании больницы в 1960-е годы была помещена табличка с именем архитектора, но вскоре она загадочным образом исчезла. В 2004 году, восстанавливая справедливость, по инициативе работников больницы перед главным входом была открыта новая

мемориальная доска с портретом архитектора и надписью «Архитектор Владовский Александр Игнатьевич 1876—1950». Сейчас это единственная мемориальная доска архитектору в Эстонии. В России до сих пор нет ни одной...

1910-е годы открывают новую страницу в жизни и творчестве Владовского и неразрывно связывают его сначала с Эстляндской губернией, а после революции — с Эстонской Республикой. Это была не просто связь на всю жизнь. Александр Игнатьевич Владовский стал одним из творцов новой эстонской архитектуры, привнося в неё частички великосветской жизни старой России. В Эстонии он был любим и ненавидим, здесь у него было много заказчиков, один из которых — президент Константин Пятс.

Здесь он проявил себя не только как талантливый архитектор, художник, но и как яркий публицист, общественный деятель. Но это уже совсем другая история...

Проекты и постройки А.И. Владовского 1903—1918 годов:

- 1898 — Павильон в парке (ученический проект).
- 1900 — Проект охотничьего дома во французском стиле (ученический проект).
- 1901 — Эскиз занавеса для Киевского городского театра (конкурсный проект).
- 1902 — Баня в имени фон Крузе «Песчанка».
- 1902 — Раздевальня (купальня) в имени фон Крузе «Песчанка».
- 1902 — Проект загородного ресторана в индийском стиле (ученический проект).
- 1902 — Проект деревянной дачи в норвежском стиле (ученический проект).
- 1900-е гг. — Главный дом лесной фермы Ю.Ю. Бенуа близ Санкт-Петербурга (совместно с Ю.Ю. Бенуа).
- 1902—1904 — Особняк Н.В. Безобразовой на Моховой улице в Санкт-Петербурге (совместно с Ю.Ю. Бенуа).
- 1903 — Проект загородной дачи (ученический проект).
- 1903 — Проект театра на 2500 мест (дипломный проект).
- 1903 — Проект деревянного двухэтажного дома (конкурсный проект).
- 1904 — Проект доходного дома с театральным залом (конкурсный проект).

- 1906 — Проект Государственной Думы на Марсовом поле (конкурсный проект).
- 1906 — Проект дома доктора Кобзаренко в Нижегородской губернии.
- 1906 — Проект надгробного памятника А.Р. Шуляченко (конкурсный проект).
- 1907—1908 — Дом товарищества по устройству жилищ Санкт-Петербургского Коммерческого училища по Малому проспекту Петроградской стороны.
- 1907 — Проект здания станции Санкт-Петербург (конкурсный проект).
- 1908 — Перестройка доходного дома Л.А. Нелидовой в Санкт-Петербурге (предполагаемая постройка).
- 1909 — Доходный дом Князь-Владимирского собора по Церковной улице в Санкт-Петербурге.
- 1909 — Проект здания восьмиклассной школы в Нарве.
- 1909 — Проект гостиницы «Астория» в Санкт-Петербурге.
- 1909 — Оформление интерьера библиотеки в имени П.П. Волкова Моква в Курской губернии.
- 1910-е гг. — Надгробие на могиле Е.И. Владовской.
- 1910-е гг. — Перестройка Народного дома в Кренгольме.
- 1910 — Доходный дом А.Т. Муста по Малому проспекту Петроградской стороны (предполагаемая постройка).
- 1910 — Проект усадьбы Безобразовой близ Киева.
- 1910 — Проект церкви в неорусском стиле.
- 1911 — Доходный дом Кондакова по Глазовской улице в Санкт-Петербурге (предполагаемая постройка).
- 1911—1913 — Больница для рабочих Кренгольмской мануфактуры в Кренгольме.
- 1912 — Перестройка магазина Новожилова на Ново-Александровском рынке в Санкт-Петербурге (предполагаемая постройка).
- 1913 — Проект перестройки женской гимназии в Нарве.
- 1916 — Перестройка дома барона фон Велио (Мужской гимназии) в Нарве.
- 1916 — Проект дома-особняка со службами для города в центральной полосе России (конкурсный проект).
- 1917 — Проект санатория в Койтърве (конкурсный проект).
- 1918 — Проект колокольни православного храма.

Источники:

1. Владовский А. «Профиль» Вышгорода // Вести дня. Таллинн, 1928. 15 октября.
2. Генс Л. Вечно живая традиция. О творческом пути А. Владовского // Таллинн. Таллинн, 1990. № 1. С. 56—68; *Gens L. Arhitekt-kunstnik Aleksander Vladovski // Linnaehitus ja arhitektuur = Градостроительство и архитектура. ETUI ehitusala sed uurimused.* Tallinn, 1991. Lk. 109—140; *Генс Л. Архитектура // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918—1940).* Тарту—Санкт-Петербург, 2001. С. 401—412; *Kalm M. Aleksandr Wladovsky — akademismist art déco'sse // Eesti 20. sajandi arhitektuur = Estonian 20th century architecture.* Tallinn, 2002. Lk. 220—225; *Kalm M. Akademismi viimased kantsid. Amandus Adamson ja Aleksandr Wladovsky // Eesti kunsti ajalugu. 5, 1900—1940 = History of Estonian art. 5, 1900—1940.* Tallinn, 2010. Lk. 83—94, 645—646.
3. *Kalm M. Stalinism kohtab gootikat. Sõjajärgsest arhitektuurist Tallinna vanalinnas // Kunstiteaduslikke uurimusi = Studies on art and architecture. 9. osa.* Tallinn, 1998. Lk. 229—256; *Ю.М. Здания, построенные архитектором А.Владовским в Эстонии // Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710—2010).* Рига, 2010. С. 549—551; *Kalm M. Muuseum või Residents? Kadrioru loss Eesti ajal // Kadriorg. Lossi lugu = Kadriorg. Palace's story.* Tallinn, 2010. Lk. 219—320; *Грушина Л.Е. История создания часовни Корсунской Божией Матери в Изборске // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва—Владимир, 27—28 мая 2011 г.).* С. 357—362.
4. РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 36-и, л. 3.
5. *Сарматов В. А.И. Владовский. К его 20-летнему юбилею // Последние известия.* Таллинн, 1923. 15 мая.
6. На территории современной Белоруссии.
7. «Рассуждение о писчебумажной массе, приготовляемой химическим способом, представленное в Учебный комитет Технологического института в 1880 году для соискания степени инженера-технолога» (СПб, 1880).
8. «Технология строительных материалов» (СПб, 1885).
9. Данные об И.И. Владовском получены из следующих изданий: «Пятидесятилетний юбилей Санкт-Петербургского Практического Технологического института. 28-го Ноября 1878 г.» СПб, 1879; «Семи-

- десятипятилетний юбилей Санкт-Петербургского Практического Технологического института ныне Императора Николая I. 28-го Ноября 1903 г.» СПб, 1903 и адресных книг Санкт-Петербурга, Петрограда за 1892—1915 годы.
10. Во главе Императорской Академии художеств... Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889—1898. М., 2009. С. 543.
 11. *Сарматов В. А.И. Владовский. К его 20-летнему юбилею // Последние известия. Таллинн, 1923. 15 мая.*
 12. *Д-ръ А.А. Лучинскій и инженеръ Н.В. Никитинъ. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. С.-Петербургъ: издание Сиверскаго Добровольнаго Пожарнаго Общества, 1910. С. 38.*
 13. В частности, книга В.В. Суслова «Путевые заметки о Севере России и Норвегии», изданная в 1888 году.
 14. Опубликовано в плохом качестве: *Gens L. Arhitekt-kunstnik Aleksander Vladovski // Linnaehitus ja arhitektuur = Градостроительство и архитектура. ETUI ehitusalased uurimused. Tallinn, 1991. Lk. 112.*
 15. *Дубин А., Бройтман Л. Моховая улица. М—СПб, 2004. С. 266—267.*
 16. Зодчий. СПб, 1902. № 29. С. 334
 17. Зодчий. СПб, 1905. № 34. Лист 42.
 18. Дом № 34 по Моховой улице. Санкт-Петербург. Проектировал А.И. Владовский, архитектор-художник // Ежегодник общества архитекторов-художников. СПб, 1913. Вып. 8. Стр. 64.
 19. Чертежи дома на участке, принадлежавшем наследникам Чуркиной, Веловзор, Квашнину-Самарину, Зубову, В.А. Стенбок-Фермору по Моховой ул., 34 // ЦГИА СПб, ф. 513, оп. 102, д. 4275, лл. 30 об.—41.
 20. Архитектурные ландшафты России. Чёрная книга. Утраты. Книга 2. М., 2003. С. 446
 21. Подробнее см.: *Глезеров С.Е. Северные окраины Петербурга. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная. М., 2013; Глезеров С.Е. Лесной. Исчезнувший мир. Очерки петербургского предместья. М., 2011.*
 22. В монографии В.Г. Лисовского «Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов», где подробно говорится о многих выпускниках его мастерской, А.И. Владовскому не посвящено ни строчки, разве только в подписи к фотографии: «Ученики мастерских Высшего художественного училища. Н. Лансере, А. Тамаян, Л. Шретер, Н. Васильев, К. Бобровский, А. Владовский, С. Чернышёв, В. Щуко, З. Левинский. Фотография около 1903 года» (*Лисовский В.Г. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. СПб, 2006. С. 333*).

23. Зодчий. СПб, 1913. № 24. Таб. 37.
24. Зодчий. СПб, 1907. № 16. С. 168.
25. *Сапрыкина Л.Ю.* Многое о... Малом проспекте Петроградской стороны // http://institutspb.ru/pdf/hearings/14-05_Saprikina.pdf. Дата обращения: 14.10.2015
26. Памятная книжка воспитанников Санкт-Петербургского коммерческого училища, окончивших курс в 1850—1913 гг. СПб, 1913. Стр. IX.
27. Памятная книжка воспитанников Санкт-Петербургского коммерческого училища, окончивших курс в 1850—1913 гг. СПб, 1913. Стр. XI—XIII.
28. Зодчий. СПб, 1913. № 24. Таб. 36.
29. *Сапрыкина Л.Ю.* Многое о... Малом проспекте Петроградской стороны // http://institutspb.ru/pdf/hearings/14-05_Saprikina.pdf. Дата обращения: 14.10.2015
30. Петербургский модерн // *Кириков Б.М.* Архитектура Петербурга конца XIX — начала XX века. Эkleктика. Модерн. Неоклассицизм. СПб, 2006. Стр. 213.
31. Зодчий. СПб, 1908. № 17. С. 154.
32. Зодчий. СПб, 1909. № 15. С. 158.
33. *Генс Л.* Вечно живая традиция // Таллинн. Таллинн, 1990. С. 58.
34. Зодчий. СПб, 1910. № 14. С. 153.
35. Зодчий. СПб, 1911. № 24. С. 272.
36. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. <http://www.citywalls.ru/house8749.html>. Дата обращения: 14.10.2015.
37. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. СПб, 1996. С. 36.
38. *Сарматов В. А.И.* Владовский. К его 20-летнему юбилею // Последние известия. Таллинн, 1923. 15 мая.
39. Подробнее см.: Зодчий. СПб, 1913. № 24. С. 267—268.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКСКУРСИОНИСТ АРТ ЗАКС

Л.И. Сизинцева

(Кострома),

*кандидат культурологии, доцент Кафедры
социально-культурного сервиса и туризма*

Костромского Государственного технологического университета

Есть поговорка: таланты рождаются в провинции, а умирают в столице. В полной мере это имеет отношение к Арту Яковлевичу Заксу.

Он родился в Порхове, уездном городе Псковской губернии, 15 мая 1878 года.¹ Его отец, Яков Григорьевич Закс, впервые упоминается в Памятной книжке Псковской губернии на 1879 год как врач порховской городской земской больницы². Сведения для этих изданий подавались в предыдущем году, так что можно предположить, что семья переехала в Порхов незадолго до рождения сына. Он не был первенцем — в семье к этому времени уже была дочь 1872 г.р.³

В графе «национальность» Арт Яковлевич всегда писал «русский», однако можно предположить, что отец (а, может быть, и мать, Феодора Христиановна⁴) принял православие незадолго до его рождения, так как иногда в тех же книжках Яков Григорьевич упоминался Яковом Гершевичем⁵.

Семья прирастала детьми: 30 сентября 1883 года родился сын Борис⁶, 21 июня 1885 г. — Владимир⁷, за год до него — дочь, имя которой пока не удалось установить. Вероятно, именно это обстоятельство заставило Я.Г. Закса в 1882 году сменить спокойную должность больницы доктора на место уездного врача, связанную с многочисленными разъездами и хлопотами, но дававшую право на присвоение чина. С этого года он числится титулярным советником и за время службы поднялся до чина коллежского советника, что соответствовало чину полковника по табели о рангах и давало право на потомственное дворянство.

В 1894 году Я.Г. Закс последний раз упоминается порховским уездным врачом⁸. Старшему сыну исполнилось уже шестнадцать, и необходимо было думать о достойном образовании. Арт (а, возможно, и другие члены семьи) переехал в Петербург, где в 1896 году окончил 6-ю гимназию и поступил в университет на историко-филологический факультет. Всё это время ему приходилось давать уроки, что позволило позже в графе «практический стаж» указывать дату начала педагогической деятельности с 1891 года — «давал уроки непрерывно»⁹.

По окончании университета в 1901 году он поступил преподавателем истории в Тенишевское училище. В это же время там преподавал и И.М. Гревс, только что, 21 мая 1900 года, защитивший магистерскую диссертацию. Именно на заседании Попечительского совета этого учебного заведения им 13 февраля 1901 года был сделан доклад «К вопросу об организации исторических экскурсий»¹⁰, и экскурсии плотно вошли в образовательный процесс училища — об этом свидетельствует сборник «Образовательные поездки в средней школе»¹¹. И.М. Гревс через некоторое время вернулся в университет, а А.Я. Закс остался преподавать вместо него историю, оказывая немалое влияние на умы молодых людей¹². Это продолжалось до 1905–1906 годов, когда молодой преподаватель с головой окунулся в деятельность Всероссийского Союза учителей.

Позже в графах, требующих указать партийную принадлежность, А.Я. Закс указывал: «К партиям не принадлежал и не принадлежу», но охотно упоминал о своей принадлежности к профессиональным союзам. Он даже пострадал за эту деятельность: «В 1906 г. просидел несколько месяцев в доме предвар[ительного] заключения в П[етербурге] по обвинению в противоправительственной деятельности»¹³.

К этому времени ещё одним из центров развития школьных экскурсий стало восьмиклассное коммерческое училище в Лесном. Оно было открыто 14 сентября 1904 года на северной окраине Санкт-Петербурга, первоначально — как мужское, в составе трёх классов, а с 1906 года туда стали принимать и девочек¹⁴. Историю там тоже какое-то время преподавал И.М. Гревс, а после выхода из заключения туда же перешёл и А.Я. Закс. Вместе с ними экскурсионную деятельность в училище вели Б.Е. Райков, Г.Н. Боч, В.А. Герд и другие. Позже они стали сотрудниками Петроградского экскурсионного института, видными экскурсионистами.

А.Я. Закс

Ежегодник СПб. коммерческого училища в Лесном

Арест не остудил пылкого темперамента А.Я. Закса (его иногда называли «Азартом Яковлевичем»¹⁵). В июне 1907 года он снова значился в числе организаторов второго съезда учителей средней школы и снова (вместе с коллегами по училищу в Лесном) пропагандировал экскурсии как неотъемлемую часть учебного процесса. Некоторые тезисы его доклада показывают, насколько рано сложились его взгляды, сформировались методы, которые он будет последовательно проводить до конца 1920-х годов.

А.Я. Закс был убеждён, что «курс истории, который проходит в школе по книгам, остаётся висеть в воздухе. Ученики усваивают слова, сочетания слов, но за этими сочетаниями не всегда улавливают конкретную действительность. Они поймут предлагаемый им материал, дадут хорошие ответы, но при столкновении с жизнью не сумеют уловить отдельных явлений и подвести их под общие понятия; у них нет чутья к такому охватыванию жизненных явлений. Ученики познакомились с каким-нибудь фактом в книге, а потом встречаются тот же факт в жизни — во время экскурсий — и приходят в недоумение: в книге всё казалось иначе. Широкое применение и надлежащая постановка экскурсий должны помочь развитию наблюдательности и конкретно-богатого воображения, это — одна из важных задач на всех ступенях школы»¹⁶.

СПб. Тенишевское училище. Моховая улица. открытка

Текст выступления на съезде свидетельствует о том, что А.Я. Закс, составляя маршруты дальних экскурсий, не забывал и родных мест: «Напр[имер] важен технический вопрос о порядке осмотра тех или других исторических мест, — рассказывал он коллегам-учителям; — Тенишевским училищем было организовано две экскурсии: первая — в Новгород и Псков прямо из Петербурга — была неудачна, так как ученики сравнивали Псков и Новгород с нынешним Петербургом — и у них исчезала историческая перспектива; во второй раз их повезли сперва в Псково-Печерский монастырь и Изборск, а потом уже в Псков и Новгород, тогда им стало понятно, что эти города могли быть центром большого края»¹⁷.

Эти экскурсии никак не походили на современные. Тогда представлялось важным организовать активное восприятие экскурсантов. А.Я. Закс утверждал: «Много объяснений давать не надо, — иначе ученики перестанут наблюдать и будут только слушать [...], следует приучать и самих учеников ориентироваться в чужом городе, давая им в руки план и предоставляя им самим намечать интересные для осмотра пункты и пр.»¹⁸.

Вероятно, именно в Лесном впервые пересеклись пути А.Я. Закса и Юлии Ивановны Менжинской (1875–1947), которая оставила своего мужа, будущего преемника Ф.Э. Дзержинского на посту председателя ВЧК, и с двумя детьми, Георгием и Екатериной, ушла к «Азарту Яков-

левичу». А.Я. Закс служил в Лесном с 1907 по 1915 год, был учителем истории, воспитателем, заведующим учебной частью, а Ю.И. Менжинская — с 1908 по 1917 год служила там же в качестве преподавательницы географии и воспитательницы¹⁹.

В то же самое время (1908–1915 гг.) А.Я. Закс «был преподавателем по вопросам экскурсионного дела и наглядности в Педагогической академии в Ленинграде»²⁰. Вероятно, речь идёт о высшем педагогическом учебном заведении и научно-педагогическом учреждении, которое было создано в Петербурге на базе Педологических курсов по инициативе Совета курсов и Петербургской лиги образования²¹. Первые слушатели заняли аудитории в доме на Владимирском проспекте 1 октября 1908 года, а это значит, что А.Я. был в числе первых преподавателей этого учебного и научного заведения, почти до самой его реорганизации в 1916 году.

Незадолго до этого педагог с семьёй переехал в Тверь, где с 1915 года читал педагогику и методику преподавания в начальной школе в земской женской учительской школе им. П.П. Максимовича. В 1919 году она была реорганизована в Тверской Учительский институт, и Арт Яковлевич до 1923 года вёл там курс педагогики и экскурсионного дела²².

Это не помешало Заксу в 1920 году (по другим данным — в 1919-м²³) появиться в Москве и стать сотрудником Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины²⁴, а 5 октября 1920 года было рассмотрено заявление о зачислении его сотрудником по научно-методической части в Бюро школьных экскурсий²⁵. О том, как удавалось совмещать службу в Москве и Твери, рассказывает мандат, выданный Управлением Социального воспитания Наркомпроса (Соцвосом) в том, что «т. Арт Яковлевич Закс командировается в г. Тверь для чтения лекций», в силу чего «все советские учреждения и должностные лица приглашаются оказывать т. Заксу всемерное содействие»²⁶.

Двадцатые годы оказались необычайно плодотворными в жизни Арта Яковлевича. Экскурсионная деятельность была признана одной из основ школьного и внешкольного воспитания «нового человека». В этих условиях в 1921 году А.Я. Закс возглавил Центральный музейно-экскурсионный институт (ЦМЭИ)²⁷, а с 1 октября 1923 года — созданный на основе ЦМЭИ и ещё нескольких организаций Институт методов внешкольной работы (ИМВР)²⁸, одновременно руководя Центральной опытно-показательной экскурсионной базой²⁹.

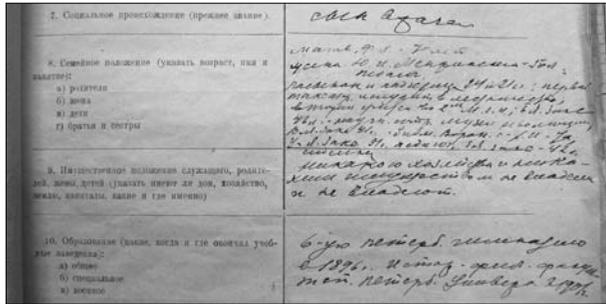
Любопытно, что траектория перемещений Ю.И. Менжинской не совпала с маршрутами супруга. В то время, когда он устраивался в Москве, она в 1919 года уехала в Саратовскую губернию, где учительствовала в Ковалёвской школе, в 1920-м вернулась в Тверь и преподавала там в Педагогическом институте до 1923 года, когда заняла в ИМВР сначала должность научного сотрудника, а с 1924 года — учёного секретаря³⁰.

Сохранилось свидетельство, оставленное его однофамилицей, Анной Борисовной Закс: «А.Я. Закс был человеком незаурядным. Даже внешность его не могла не привлечь внимания. Среднего роста, худощавый. Прозрачные голубые глаза, в которых постоянно отражалась быстрая смена настроения, движение мысли. Очень высокий лоб с глубокой морщиной между бровями. Лицо болезненно-бледное [...]. Он поражал какой-то динамической энергией. Ни минуты спокойствия. Казалось, что длинная чёрная с проседью борода сделалась волнистой и растрёпанной именно из-за этого постоянного движения, выразительной жестикуляции. И смех был у него беспокойный, залихватый, прерывистый»³¹.

В 1928 году началась массированная подготовка к «году великого перелома». Пошли чистки и проверки, сопровождавшиеся унижительными разборками и придирками. По мнению Л. Занкова, проверявшего Институт методов внешкольной работы в 1928 году, учреждению не хватало помещений и денег³². Экскурсионному отделу был адресован упрёк в том, что при подготовке литературных экскурсий «социологический анализ, марксистский подход к литературному произведению отсутствует»³³. В целом структура Института была признана громоздкой, работа неудовлетворительной...

Организационные выводы не заставили себя долго ждать. 8 октября 1928 года А.Я. Закс был уволен с поста директора и переведён на место заместителя, а ИМВР возглавил Роман Иванович Млиник, математик, член ВКПб, вызванный с руководящей работы из Ростова-на-Дону³⁴. Однако можно предположить, что и новое руководство не смогло соответствовать ожиданиям вышестоящих товарищей, потому что 30 ноября 1931 года пришло распоряжение из коллегии Наркомпроса «о расформировании к 1 января 1931 г. И[нститу]та как самостоятельного учреждения»³⁵.

В этот же период начались чистки на Экскурсбазе³⁶. Менялось отношение власти к экскурсионистике — так же, как оно менялось к краеведению, к исторической науке — к любой работе, предполагав-

Архив РАО. Ф.5. Оп.1. Д.18. л.23

шей исследовательское начало. На повестке дня стояли нужды пропаганды. Заканчивалось «золотое десятилетие» краеведения и тесно связанной с ним экскурсионистики.

У А.Я. Закса, по воспоминаниям А.Б. Закса, «была тяжёлая хроническая болезнь — периодически повторявшиеся микроинсульты, которые, по счастью, поддавались быстрой ликвидации»³⁷. Однако, легко перенося огромные нагрузки, организм не справился с валом неприятностей, обрушившихся в одночасье, и неутомимый организатор снова пережил инсульт³⁸. В начале 1930-х годов он ещё возглавлял факультет внешкольного образования 2-го МГУ³⁹, но продолжалось это недолго, — люди, которыми двигали собственные идеи, власти не были нужны. Одно можно сказать определённо: репрессий ему удалось избежать, — возможно, именно в силу его болезни.

В 1938 году Арт Яковлевич Закс, объединивший петербургскую, московскую и провинциальную традиции экскурсионистики, умер — его прах покоится в колумбарии Донского крематория⁴⁰. Хочется, чтобы о его яркой судьбе знали и на его родине.

Источники:

1. Степанов С.Г. Закс А.Я. [Электронный ресурс] // Педагогическая энциклопедия. URL : <http://www.otrok.ru/teach/enc/index.php?n=8&f=14>. Дата обращения 23.11. 2012.
2. Памятная книжка Псковской губернии на 1879 год. Псков : тип. губерн. правления, 1879. С. 129.

3. Научный архив Российской академии образования (НА РАО). Оп.1. Ф.5. Д. 18. Л.23. **Благодарю Надежду Юрьевну Муравейникову за содействие в работе с материалами фонда.**
4. *Рощупкина Е.В.* Первые сотрудники Научной библиотеки ВСХИ (ВГАУ) // Современная библиотека: от разработки проектов к их внедрению : материалы научно-практической конференции, Воронеж, 2–3 октября 2013 г. / ФГБОУ ВПО Воронеж. ГАУ, Науч. б-ка ; [отв. за вып. О.Ф. Зайцева]. Воронеж : Воронежский государственный аграрный университет, 2014. С.12.
5. Памятная книжка Псковской губернии на 1883 год и др.
6. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 191.
7. *Рощупкина Е.В.* Указ. соч. С.12.
8. *Ушакова В.М.* Чиновники г. Порхова во второй половине XIX — начале XX века. По изд. «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц...» за 1868–1916 годы // Краеведческие чтения Порхов — Холмки : материалы научной конференции 20–21 дек. 2002 г. Псков : ПОИПКРО, 2003. С.82.
9. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 18.Л.19.
10. Архив Петербургского отделения Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 726. Оп.1. Ед.хр.171.
11. Образовательные поездки в средней школе / Тенишевское училище. Изд., 2-е, переработ. и доп. СПб., 1912.
12. *Жирмунский В.М.* Начальная пора : дневники, переписка. М. : НЛО, 2013 и др.
13. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 18. Л.23 об.
14. Ежегодник С.-Петербургского восьмиклассного коммерческого училища в Лесном. 1908 год. СПб., 1908. (Паг. 2-я). С.10.
15. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом : воспоминания. М.: Феникс : Культ. инициатива, 1992. С.400.
16. [*Закс А.Я.*] Доклад А.Я. Закса «Об усилении элемента конкретности в преподавании истории в средней школе (в частности об экскурсиях)» // Труды курсов для учителей средней школы (II год) 5–25 июня 1907 г. / под общ. редакцией А.Я. Закса и С.Ф. Знаменского. — СПб. : Типо-лит. *Б.Я. Авидона*, 1908. С.167–168.
17. Там же. С. 168.
18. Там же.
19. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 18. Л. 32.

20. Там же. Л.19.
21. Педагогическая академия [Электронный ресурс] // Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992. — URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_sp/1921/%D0%9F%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F . Дата обращения 15.04.2015.
22. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 18. Л. 19.
23. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 8. Л.62 об.-63.
24. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 18. Л.л. 37, 39, 40 и т.д.
25. Там же. Л.41.
26. Там же. Л. 42.
27. *Смирнова А.Г.* Центральный музейно-экскурсионный институт: из истории организации экскурсионного дела в Москве в начале 1920-х гг. (по документам ГАРФ) // Археографический ежегодник. 2006 год. М.: Наука, 2011. С. 351.
28. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 1. Л.1.
29. *Смирнова А.Г.* Экскурсионные традиции Арбата 1920-х годов. // Арбатский архив: Историко- краеведческий альманах. Вып. 2. М.: Наука, 2009. С.340–347.
30. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д. 18. Л.62 об. — 63.
31. *Закс А.Б.* Три портрета // Краеведы Москвы. Вып.1. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 265.
32. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д.10. Л.2.
33. Там же. Л.7.
34. Там же. Д.18. Л.62 об.-63..
35. НА РАО. Оп.1. Ф.5. Д.18. Л.20.
36. *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая жизнь... Воспоминания в двух книгах. Кн.1. М. : ГИМ, 2000. С.264–266.
37. *Закс А.Б.* Три портрета // Краеведы Москвы. Вып.1. М. : Моск. рабочий, 1991. С. 265.
38. *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая жизнь... С. 266.
39. *Степанов С.Г., Закс А.Я.* [Электронный ресурс] // Педагогическая энциклопедия. URL : <http://www.otrok.ru/teach/enc/index.php?n=8&f=14>. Дата обращения 23.11. 2012.
40. Всероссийское генеалогическое древо [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vgd.ru/Z/zakirov.htm> Дата обращения 20.12. 2014.

БЫТОПИСАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ ВИКТОРА МУЙЖЕЛЯ К ЧИТАТЕЛЯМ XXI ВЕКА

Н.А. Митрофанова

(Псков),

заведующая Международным центром

Областной универсальной научной библиотеки

2015 год, объявленный в России Годом литературы, вызвал в свет проект Псковской областной универсальной научной библиотеки «2015 год — год Псковской литературы». Он посвящён писателям — уроженцам Псковской области, чьи юбилеи пришлись на текущий год. В число авторов, личностям и творчеству которых уделяется первостепенное внимание, вошёл и Виктор Муйжель. 135-летие со дня его рождения стало поводом ещё раз акцентировать внимание читателей Псковской области на его незаслуженно мало читаемом наследии.

Псковская областная научная библиотека прикладывает немало усилий, чтобы поддерживать интерес псковичей разных поколений к этому неординарному человеку. Виктор Муйжель попал в наше поле зрения ещё в 2012 году. Именно тогда был реализован инновационный проект «Бытописатель человеческой жизни: Возвращение писателя Виктора Муйжеля к читателям XXI века» (российско-эстонское исследование-библиография как новая форма международного сотрудничества). Он осуществлён при финансовой поддержке Государственного комитета Псковской области по культуре в рамках областной долгосрочной целевой программы «Культура Псковского региона в 2011–2015 годах».

Целью проекта было вернуть в круг псковского литературного краеведения имя Виктора Васильевича Муйжеля, русского писателя

Карманный календарик

и художника (1880 — 1924), через создание нового типа современного информационного продукта — исследования-библиографии. Уроженец Порховского уезда, Муйжель провёл некоторую часть своей жизни в Печорах, Гдовском уезде, выезжал в Остров, Причудье и другие места Псковщины.

Поскольку на момент реализации проекта ни одна библиотека Псковской области не имела у себя текстов произведений Муйжеля, практически не переиздававшегося в советское время, то одной из главных задач проекта стала оцифровка произведений Муйжеля на основе экземпляров из фондов Российской национальной библиотеки для последующего размещения полнотекстовых произведений писателя в электронной библиотеке «Псковiana» (доступ — через сайт ПОУНБ www.pskovlib.ru). В ходе процесса оцифровки от Российской национальной библиотеки было получено в формате tiff 17 томов документов. Таким образом было обеспечено долгосрочное использование и хранение электронной оцифрованной коллекции текстов произведений В. Муйжеля для будущих поколений псковских читателей и пользователей.

Задачу расширить собой формы международного культурного сотрудничества между Псковской областью и Эстонской Республикой выполнила прикладная часть проекта, реализованная через литературно-биографическое исследование жизни и творчества В. Муйжеля.

Эту часть работы выполнила выпускница Тартуского университета, филолог, журналист Н.Н. Веебер (Таллинн, Эстонская Республика). Цитируемые ею архивные источники, подлинники писем Муйжеля позволили по новому показать потенциал и актуальность наследия писателя, открыть читателям многообразие произведений В. Муйжеля, из которых отдельные, особенно написанные для детей, претендуют на место лучших в русской литературе XX века. Далее, говоря о Муйжеле, автор статьи будет ссылаться на материалы, найденные Н.Н. Веебер.

Третьей частью проекта стала разработка электронного издания «Бытописатель человеческой жизни: Возвращение писателя Виктора Муйжеля к читателям XXI века» (на CD-ROM-носителе). Он включил в себя вышеупомянутое литературно-биографическое исследование Н.Н. Веебер, указатель произведений В.В. Муйжеля и тематическую библиографию «В.В. Муйжель и Псковский край», выполненную на основе публикаций из фондов Псковской областной научной библиотеки (исполнитель — Отдел краеведческой литературы); электронные версии трёх произведений писателя в формате djvu — «В непогоду», «Проклятие», «Дом на площади». Несомненное дарование Муйжеля как художника подтверждают 4 картины, написанные им и помещённые на диске в разделе «Галерея»: «Смерть Владимира Мономаха», «Свидание Дмитрия Шемяки с князем Василием Вторым Тёмным», «Примирение Василия Второго Тёмного с Шемякой», «Посол Иван Фрязин вручает Ивану Третьему портрет его невесты Софьи Палеолог» (ныне хранятся в Новгородском Государственном музее).

Безусловно, вся проделанная работа была бы бессмысленной без продвижения имени писателя к читателям. В 2012 году состоялось несколько встреч с читательскими активами библиотек Пскова и Печор. Актуальность проекта подтвердил интерес средств массовой информации к международному проекту посредством интервью с Н. Веебер для ВГТРК «Псков» (канала «Россия-1»), размещением пресс-релизов о проекте в электронных СМИ — ПЛН, ПАИ. Внимание и многочисленные вопросы жителей и читателей Печорской библиотеки к Н. Веебер, посещаемость мероприятий вдохновили авторов проекта на продолжение работы в выбранном направлении.

Любовь и внимание печерян к персоне Муйжеля закономерны — в ряде произведений с первых строк узнаются печорские уголки,

Писатели земли Псковской. Обложка календаря

дома, объекты, как в повести «Дом на площади» — Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь Псковской Епархии Русской Православной Церкви. «Муйжель любил Печоры. Местный сосновый воздух был для его больных лёгких целительным. Именно сюда он приезжал ежегодно летом на дачу в течение нескольких лет, жил в деревянном доме на Базарной площади (дом не сохранился), позже — в Старых Бутырках (ныне ул. Международная, 11). Одноэтажный деревянный дом с небольшой крытой верандой и мезонином сохранился без существенных изменений. С 1912 года Муйжель с семьёй переехал в Печоры на постоянное жительство, где, по одним данным, прожил два года, по другим — дольше. Семья писателя проживала на втором этаже каменного особняка с пирамидальной башенкой на улице Псковской, 31 (архитектор — техник-художник В.А. Воротилов), дом построен в 1905 году, сохранился и поныне» (цитируется по изысканиям Н.Н. Веебер).

На поддержание интереса к писателю направлена и рекламно-издательская продукция Псковской областной универсальной научной библиотеки. Сведения о Муйжеле и краткая информация о прожи-

вании писателя в Печорах, приведённая выше, размещены на июльской странице памятного календаря, выпущенного библиотекой в 2015 году, — «Писатели земли Псковской. Юбиляры». Также постоянным напоминанием о Муйжеле для псковичей служат карманные календари с его портретом на текущий год, периодически издаваемые большими тиражами и распространяемые на литературно-художественных мероприятиях, посвящённых писателям первой трети XX века. Изображения описываемых материалов сопровождают данную статью.

В настоящее время Н.Н. Веебер накапливает материал для следующего этапа проекта, который носит рабочее название «А. Куприн — Эстония — Печоры — В. Муйжель»: российско-эстонская литературная карта». В становлении Виктора Васильевича Муйжеля как писателя Александр Иванович Куприн (1870–1938) сыграл немалую роль. Их обоих связывали годы сотрудничества и дружбы, и это не случайно. В книге Ю. Александровича «После Чехова. Очерк молодой литературы десятилетия 1898 — 1907 гг.» автор высоко оценивает писателя, считая его хорошим наблюдателем и психологом; отмечает, что рассказы Муйжеля — это возвращение к теме маленького человека, а стало быть, продолжение линии Чехова и раннего Куприна. О Муйжеле и Куприне автор говорит: «Кисть у них одна, но Куприн, конечно, лучше ею владеет».

Н.Н. Веебер установила, что, согласно архивным данным, переписка Муйжеля с Куприным велась примерно в течение 1900 — 1911 годов; часть писем хранится в архиве Муйжеля в РГАЛИ — Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва).

Муйжель печатался в популярных журналах «Русское богатство» и «Мир божий», в которых работали и публиковались Горький, Короленко, Андреев, Бунин, Куприн. Первый рассказ Муйжеля «В непогоду» был опубликован в 1904 году в журнале «Мир божий» по инициативе Куприна. Куприн оказывал помощь и поддержку Муйжелю, редактировал его рукописи, ходатайствовал об их публикации и своевременной выплате гонораров.

В одном из писем Куприну от 9 сентября 1909 года Муйжель пишет: «Вы самый чудесный петербургский друг мой, которому я напедаю своими делами, на что Вы и не сердитесь», в другом письме он пишет: «Как с «Землёй»? Рассказ у меня почти кончен, задержался

только вот этой историей с болезнью жены — кончу его на той неделе обязательно. Что с ним делать? Посылать Вам или уже нет?».

В завершающей части выступления автор взял на себя смелость процитировать одно из произведений В. Муйжеля, подчёркивающее актуальность его творчества и в XXI веке. 2014 год прошёл под эгидой 100-летия со дня начала Первой мировой войны. В творчестве Муйжеля этот период мировой истории также нашёл своё отражение: он являлся военным корреспондентом газеты «Биржевые ведомости» и в 1914 — 1915 годах выезжал на передовые позиции в Польшу и Галицию. В рассказах этого периода («Путешествие», «Возвращение») Муйжель затрагивает тему отношения народа к войне. В мирную обстановку деревенской жизни он вводит трагические моменты, связанные с войной. Произведения Муйжеля этого периода продолжают реалистические традиции русской литературы.

В разделе «Коллекции» электронной библиотеки «Псковяна», в тематической главе «Первая мировая война» (<http://pskovbook.ru/collections/142-world-war>) размещена цифровая копия брошюры, выпущенной в серии «Дешёвая народная библиотека» и включающая три военных рассказа В. Муйжеля: «Батарея смерти», «Вахмистр Пеклеванный», «Светлые души» (Петроград: Скобелев. ком., [1916]).

На страницах этих рассказов угадываются события, характеры, психология поведение русских людей и более позднего исторического периода, отражаются и в событиях XXI века. Так, в рассказе «Батарея смерти», рассказывающем о подвиге удержания «доминирующей высоты» расчётом из 3 человек последнего из артиллерийской батареи орудия, участники Великой Отечественной войны легко увидят поступки, не раз совершённые их сослуживцами.

Рассказ «Светлые души», к несчастью, очень созвучен с ситуацией, которую переживают в XXI веке мирные жители разорённой Украины. Многим беженцам служат кровом неприиспособленные для этого здания, как в рассказе — подвал храма.

Рассказ, из которого будет приведён фрагмент, «Вахмистр Пеклеванный», повествует о типичном военном событии. Казачий разъезд наткнулся на немецкий конный эскадрон, двое погибли, а оставшийся в живых вахмистр сквозь бред ранения слышит звуки перемещающихся значительных сил противника и понимает, что без донесения об этих силах русские военные части будут разбиты. Ему во что бы

г. Псков, Дом писателя Муйжеля

Виктор Васильевич Муйжель
1850–1924

Проект «2015 год – год Псковской литературы»

2015						
Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

2015

© Псковская областная универсальная научная библиотека, 2014. 180000, г. Псков, ул. Профсоюзная, д. 2, Тел. /Факс: 8312372-84-01, e-mail: info@pskovlib.ru, Сайт: www.pskovlib.ru.

Страничка календаря

то ни стало надо добраться до своих и сообщить эти сведения. В тех немногих строках, которые Муйжель отводит на описание подвига преодоления смерти, отразилась глубинная суть натуры русского человека, поднявшись до глобальных обобщений. Александр Матросов, Алексей Маресьев, Дмитрий Карбышев — эти и многие другие имена героев России вырастают из образа вахмистра Пеклеванного. Прочитайте нижеследующие строки — вряд ли они оставят равнодушными самых стойких скептиков.

«Не меньше двух, а то и трёх эскадронов, — соображал Пеклеванный, — никак не меньше!.. Вот опять пошли. Это уже сверх трёх... гляди, полк целый. Безпременно надо доложить! Как же так? Ежели они во фланг, а после развёрнутым строем в тыл, да лавой».

Не думая о том, хватит ли у него силы доползти, Пеклеванный вытаскил из-за пазухи полотенце и, судорожно морщась, обвязал им голову. «Покуда кровь-то засохши, — думал он, — а как тронешься ползти, так и она потекёт!»

Потом он сдвинул брови и пополз.

Так началась страшная, похожая на дикий сон, борьба человека со смертью.

... Кроме раны в голову, болело невыносимо плечо; скользящий удар палаша обжёт его — и ползти было невыносимо больно. Вахмистр сжимал зубы до того, что они хрустели, кусал до крови губы, но полз. Наконец он миновал ржаное поле, перелез через канаву, изрытую артиллерийскими снарядами, и только тогда попробовал встать на ноги. Он чуть не упал, когда выпрямился: тяжёлый, глухой звон стоял в ушах и перед глазами кружились радужные спирали, но он всё-таки пошёл, опираясь на винтовку. Когда силы совсем оставляли его, Пеклеванный опускался на четвереньки и полз на руках и на коленях, обрывая ногти и судорожно дыша. Кровь, как он и ожидал, опять пошла; она ползла тоненькими струйками из-под полотенца, пробираясь под бровь и застилала глаза.

Иногда вахмистр падал изнемождённый и лежал несколько минут в тёмном забытьи. Тогда прошлое вдруг вспыхивало в воспалённом мозгу яркой картиной, и он видел себя в далёкой молодости среди просторного поля. Мерными взмахами режет острая коса высокую, сочную траву; солнце палит усталую спину и плечо уже болит нестерпимо, и пора бросить косьбу; изнемогало тело и солёный пот застилал глаза. И готов плакать молодой парень от боли, а косить ещё много, трава всё сильнее — нет конца её зелёному царству.

И вдруг, словно сверкающей молнией, вспыхивает мысль: «Идти!»

С трудом, задыхаясь от боли, поднимается — сначала на руки, потом на колена, затем выпрямляется раненый драгунский вахмистр и, качаясь, как пьяный, идёт вперед. Месяц насмешливо мигает ему, ломанная тень беззвучно колеблется около ног на побелевшей под инеем траве, а кровь ползёт в глаза, щекочет лицо и липкой, солоноватой струёй лезет в рот. И нет конца этим пологим буграм, безмолвным, опустошённым войною полям, тёмным перелескам.

Раз Пеклеванный набрёл на вырытую снарядом яму, с криком полетел в неё и много сил потратил на то, чтобы выкарабкаться слабевшими руками наверх. Раз он споткнулся на что-то чёрное, длинное и повалился на него, и лежал так, зажмурившись от невыносимой боли. Потом он приподнялся и оглядел то, на что споткнулся. Подобрал руки под себя и повернув лицо к месяцу, лежал мёртвый солдат;

короткие светлые усы чуждо торчали на молодом лице, — и что-то знакомое было в пухлых, полных губах.

«Груздевь! — тускло подумал Пеклеванный, узнав солдата, — значит, правильно ползу... Лошадь евоная к своим подалась, она — животная умная... Верно!»

Он встал и опять пошёл. Но уже не было сил. Остановилось время; казалось, оно идёт целую вечность — и ноги не слушаются, стопудовые гири привязаны к ним, а идти надо, ах, как надо!.. Только дойти, доползти, только сказать, а там и конец, ничего больше не надо! Когда силы совсем изсякли, когда казалось, что боль разорвёт череп и огненные спирали сожгут воспалённый мозг — пожилой, суровый вахмистр Пеклеванный сел на пригорке и беспомощно, горько заплакал.

Уже светало, и месяц стал бледным и высоким; голубое небо бездонным куполом опрокинулось над мелкими кустами, окружившими одинокого человека, и лёгкие розовые облака остановились в нём, как корабли в безветрии.

— Господи! — плакал изнемогший от боли, от потери крови и от приближения смерти человек, — дойти бы, Господи!.. Как собаке, доползти и сдохнуть... Только сказать, сказать! Господи, не попусти тяжкому делу, не дай помереть зря, Господи!.. Доползти, крикнуть, сохранить, Господи!

И, уже не удерживаясь, стеная от скручивающей огненным кольцом боли, пополз дальше плачущий солдат. Он падал лицом в холодную, мокрую от изморози землю, поднимался и опять полз, и страстным напряжением удерживал уходящую жизнь: доползти! А когда непослушные руки уже гнулись и ноги тащились сзади, как перебитые, когда надежда последней искоркой вспыхнула и погасла в душе, когда смерть чёрным кольцом распростёрлась над ним, громкий свистящий шёпот ударил слабеющий слух:

— Стой, кто идет?».

Вахмистр доползёт, сообщит нужную информацию и умрёт с лёгким сердцем — он сделал всё, что мог...

Псковская областная научная библиотека и её партнёры, в числе которых и Печорская центральная районная библиотека, будут и впредь прилагать все возможные усилия, чтобы имя Виктора Муйже-ля и далее пребывало в круге псковского литературного краеведения.

ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ

(Петербургские адреса Виктора Муйжеля)

В.И. Аксельрод

(Санкт-Петербург),

кандидат педагогических наук,

*декан Юношеского университета Санкт-Петербургского
городского Дворца творчества юных, заместитель председателя
правления С.-Петербургского отделения СКР*

В 1926 году в кратком биографическом очерке, посвящённом покойному В.В. Муйжелю, литературный критик Пётр Медведев писал: «Для читателя, выросшего за годы революции, В. Муйжель — незнакомец. Может быть, даже — иностранный автор.

В лучшем случае он вспомнит несколько мелких рассказов покойного писателя, появившихся за последние годы в наших журналах и газетах да, пожалуй, ещё кое-что из тех двух томов — «Хутор № 16» и «Опустошение», которые вышли в 1916—1917 гг.

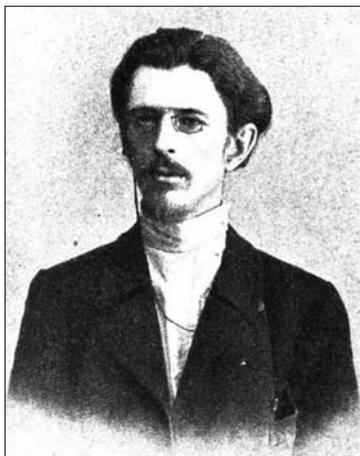
Новые времена — новые интересы — новые песни»¹.

К сожалению, эти слова остаются актуальными и в наши дни, когда произведения писателя не переиздаются², а имя Виктора Васильевича Муйжеля известно лишь узкому кругу специалистов. А между тем, в своё время, в последние предреволюционные годы, В. Муйжель занимал в русской литературе если и не первостепенное, то всё же прочное и достаточно заметное место.

Так получилось, что его жизнь практически поровну была поделена на «псковский» и «петербургский» периоды. Данная статья, не претендуя на полноту анализа творчества писателя, посвящена петербургским адресам В.В. Муйжеля.

Напомним вкратце основные факты биографии писателя.

Виктор Васильевич Муйжель родился 18 июля 1880 года в деревне Уза Порховского уезда Псковской губернии. Отец писате-

Виктор Муйжель

ля — крестьянин, по одним данным — белорус, по другим — латыш, служил старшим работником в имении И.В. Петрусевича, амнистированного к тому времени участника польского восстания. Дочь последнего — Елена Ивановна Петрусевич — была матерью писателя. Таким образом, в нём скрестились две родовые линии: отцовская — крестьянская, трудовая, крепкая, сильная, трезвая; и материнская — более утончённая, интеллигентская, несколько романтическая.

В семье отца Виктор был вторым ребёнком. Старший брат его Эдуард стал впоследствии художником, младший Евгений умер трёх лет.

Кочевая жизнь отца, переезжавшего из имения в имение, а затем заведовавшего в различных местностях винными складами, дала ребёнку массу самых разнообразных впечатлений. Из них наиболее сильными были трёхлетнее пребывание в Туркестане и переезды по морю, очень остро повлиявшие на воображение будущего писателя. Эта же кочевая жизнь была причиной частых переводов Виктора из одного учебного заведения в другие, из которых ни одного ему не удалось окончить³.

Как отмечал в своей автобиографии сам Муйжель, он «был последовательно исключён из Псковской гимназии и 8-й Санкт-Петербургской»⁴.

Восьмая Санкт-Петербургская мужская гимназия, в которой Виктор проучился меньше года, располагалась на 9-й линии Васильевско-

9-я линия В.О., д. 8

го острова в доме № 8⁵. Это первый выявленный нами петербургский адрес В.В. Муйжеля. Неизвестно, какую роль в судьбе будущего писателя могла бы сыграть эта гимназия, задержись он здесь хотя бы на несколько лет. Дело в том, что в 1893–1896 годах её директором был известный поэт И.Ф. Анненский, впоследствии директор Царско-сельской Николаевской гимназии, из стен которой вышел его ученик Н.С. Гумилёв⁶. В 1894 году Виктор Муйжель закончил 4-й класс Великолукского реального училища, и на этом закончилось его официальное образование⁷.

В 17 лет Виктор Муйжель ушёл из дома, и, как он пишет в своей автобиографии, в поисках себя поменял множество мест работы: «служил: в акцизном управлении писцом за 10 руб. в месяц, писцом у земского начальника тоже за 10 руб. «на хозяйских хорчах», лесным приказчиком на рубке и сплаве леса, канцеляристом в канцелярии Министерства Финансов (тогда Витте), в страховом отделе земской управы, и последней службой была служба земским статистиком в Псковском Бюро»⁸.

Место в канцелярии министра финансов д.т.с., статс-секретаря С.Ю. Витте Муйжель получает в 1898 году после тяжёлых, голодных мытарств в столице: тогда ему приходилось снимать дешёвые комнаты или «углы» в доходных домах. В адресных книгах «Весь Петербург»

Соляной переулок, д.15

с 1894-го по 1915 год в алфавитном указателе жителей С-Петербурга имя В. Муйжеля отсутствует⁹. Здание же Министерства финансов располагалось на Дворцовой площади, 8 и входило в ансамбль Главного Штаба и министерств, созданный К.И. Росси¹⁰.

В возрасте 20 лет Виктор Муйжель оставляет службу и поступает вольнослушателем в Центральное училище технического рисования барона Штиглица¹¹, что в Соляном переулке, 9 (современный адрес — дом 12.)¹². О несомненном таланте Муйжеля — художника свидетельствуют не только его учебные работы, но и литографии, которые он во множестве изготавливал для издательства П.П. Сойкина¹³, одного из крупнейших в Петербурге. Этими литографиями он зарабатывал себе на жизнь. Адрес издательства с 1892 по 1917 гг. — Стремянная улица, д. 12. Издательство, основанное в 1885 году Почётным гражданином действительным членом Русского технического общества Петром Петровичем Сойкиным, выпускало естественнонаучные труды, многотомные собрания сочинений русских и зарубежных писателей, также свыше десяти журналом научно-просветительского характера: «Мир приключений», «Природа и люди», «Родина» и др.¹⁴ Вот для этих-то журналов свои рисунки и литографии создавал В. Муйжель.

Здание на Стремянной улице, д. 12

Казалось бы, что он после всех мытарств вышел на более спокойную и торную дорогу, но в 1900 году, заподозренный в крамоле, Муйжель в качестве «неблагонадёжного элемента» высылается в Псков. Начинается новая, не слишком приятная жизнь поднадзорного¹⁵. В Пскове Муйжель работает в земском Статистическом бюро и, как отмечает его биограф, «вся эта беспокойная, пёстрая жизнь имела одно достоинство: она давала будущему писателю массу живых впечатлений, сталкивала его с разнообразными людьми, увеличивала его жизненный опыт и приближала его к «недрам» — к простому народу, с которым он всегда поддерживал непосредственную тесную связь, в особенности через семью своего дяди-крестьянина»¹⁶.

Наконец, в 1902 году В.В. Муйжель возвращается в Петербург, где и начинается его литературная деятельность. По свидетельству самого писателя, «пробовать перо» он начал рано — с четырнадцатилетнего возраста. Писал только рассказы и печатал их сначала под псевдонимом. Главным образом в журнале «Родина»¹⁷. Однако началом своей литературной деятельности сам Муйжель считал рассказ «В непогоду», которой за его фамилией был напечатан в 1904 году в журнале «Мир Божий»¹⁸. Отобрал его для публикации А.И. Куприн, жена

А.И.Куприн в своём кабинете в доме на Разъезжей ул., 7

1) А. Каменский, 2) Г. М. Арцыбашевъ, 3) Л. Андурсонъ. 4) В. Муйжель,
5) Борисъ Лазаревский. (съ фотогр. Д. Зубкова).

Дом на Разъезжей, 7

которого М.К. Куприна (рожденная Давыдова) по завещанию своей матери А.А. Давыдовой унаследовала право на издание «Мира Божьего», а сам Курин вошёл в редакцию журнала¹⁹. В то время редакция «Мира Божьего» размещалась у Пяти Углов, на Разъезжей улице, 7, в трёхэтажном доме. «Внизу, как вспоминал А.И. Куприн, в первом этаже помещалась аптека, во втором — редакция, а третий занимал владелец аптеки. В квартире № 2 редакция и приёмная разместились в больших комнатах, оклеенных светлыми обоями, с окнами, выходящими на Разъезжую»²⁰. Вот сюда-то и принёс рукопись своего первого рассказа В.В. Муйжель.

Первая публикация окрыляет начинающего писателя и открывает ему двери в редакции других больших журналов. За 10 лет, с 1904 по 1914 год, В.В. Муйжель, по собственным подсчётам, написал 16 томов по 10,5 листа, о чём он сообщил в письме одному из своих издателей В.Д. Бонч-Бруевичу²¹. Все эти годы он живёт между Псковом и Петербургом, привозя в столицу свои новые рассказы. Печатался он в журналах «Русское богатство», «Журнал для всех», «Современный мир», «Литературные приложения к «Ниве», «Новое слово». Наиболее же близки ему по духу были два первых — «Русское богатство»

Дом 1/9 на углу Спасской (ныне Рылеева) и Басковой (ныне Короленко) улиц

и «Журнал для всех». Редакцию «Русского богатства», ежемесячно литературного, научного и политического журнала, возглавляли К.Н. Михайловский и В.Г. Короленко, придавшие ему последовательно-народническую ориентацию. Эта позиция была близка и В.В. Муйжелю. Размещался журнал в «ампирном» здании с монументальным портиком на углу Спасской (ныне Рылеева) и Басковой (ныне Короленко) улиц, 1/9, близ Спасо-Преображенского собора²².

По воспоминаниям А.И. Куприна, на одном из «четвергов» «Русского богатства», вечерних товарищеских чаепитиях, он «познакомился с Д.Н. Маминым-Сибиряком, крестьянином литератором С.П. Подъячевым, писателями — казаком с Дона Ф.Д. Крюковым, псковичом В.В. Муйжелем, поэтессой Г.А. Галиной и писательницей О.Н. Ольнем²³...». Этот перечень авторов «Русского богатства» даёт представление о той писательской среде, в которой вращался В.В. Муйжель в начале своей литературной деятельности.

Редакция «Журнала для всех» в 1905–1907 годах размещалась на Лиговской улице (современный Лиговский пр.), д. 21²⁴. В.В. Муйжель близко сошёлся с редактором журнала Виктором Сергеевичем Миролюбовым, человеком колоссального роста, прозванным за это в кружке «Среда» «Каланчёвской площадью». Миролюбов некогда обладал

Угол Гороховой и Малой Морской улиц, д. 8/13

прекрасным басом, учился в Италии и целых пять лет пел в Большом театре под фамилией Маров. Но в середине 1890-х годов у него открылся туберкулёз, и с оперной карьерой было навсегда покончено. И тогда-то он и посвятил себя журналистской деятельности со всей страстностью нерастрченных сил и демократических убеждений²⁵. Приезжая из Пскова в Петербург, В.В. Муйжель неизменно встречался с кружком писателей-реалистов «Среда», группировавшихся вокруг «Журнала для всех».

С появлением в 1908–1910 годах четырёхтомного издания «Рассказов» В. Муйжеля у критиков складывается устойчивая репутация о нём как добротном бытописателе, бытовике, с ясно выраженной народнической симпатией.

В то же время резкое неприятие одних критиков (А. Крайний, З.Н. Гиппиус) вызывают натурализм, страшные сцены насилия, встречающиеся в его рассказах («Аренда», «Грех», «Кошмар»), у других, в целом благожелательно писавших о В.В. Муйжеле, неудовлетворенность вызвала громоздкость, грузность, многословие и растянутость его прозы (Ю.И. Айхенвальд, А.Г. Горинфельд). В то же время критики находили в произведениях В. Муйжеля гуманизм, «искание правды»²⁶. Писатель тем временем упорно трудился, совершенствуя

Галерная ул., д.40

стиль; в журналах и альманахах появляются всё новые и новые его произведения. В 1911–1912 годах «Просвещение» выпускает 12-томное собрание сочинений Муйжеля, в которое, однако, вошло далеко не всё написанное им²⁷. В эти годы он дружит и сотрудничает с М.П. Арцыбашевым, автором скандально известного романа «Саннин», вызвавшего резкое неприятие демократически настроенных писателей²⁸. Однако круг литераторов, с которыми встречается и переписывается В.В. Муйжель, значительно шире.

Приезжая из Пскова в Петербург, В. Муйжель обязательно заходил в ресторан «Вена», в то время самое известное место встреч писателей. Располагался он на углу Гороховой улицы, 8 и Малой Морской, 13²⁹. Постоянными посетителями ресторана были писатели А.Г. Аверченко, Л.Н. Андреев, М. Горький, А.И. Куприн, А.Н. Толстой, поэты А.А. Блок, С.Н. Городецкий, певец Ф.И. Шаляпин. «Вена» занимала бельэтаж окнами на Гороховую улицу. Здесь были устроены 19 отдельных кабинетов. В буфетной по стенам были развешены рисунки и автографы знаменитых писателей. Каждый день в «Вене» завтракали до 500 и обедали до 600 человек³⁰.

Мировая война превращает Муйжеля в военного корреспондента газеты «Биржевые ведомости». Его письма из Галиции и Польши

Дом на Херсонской ул., 5-7

(1915–1917 гг.) «нередко полны той жуткой правды и того смертного ужаса всемирной дикой бойни, которых никогда не забудут свидетели этих страшных лет»³¹. Адрес редакции газеты «Биржевые ведомости» — Галерная улица, д. 40³².

Военные корреспонденции В.В. Муйжеля составили его сборник «С железом в руках, с крестом в сердце»³³. Вернувшись с фронта, Муйжель выпускает короткие «гуманные» рассказы на военные темы в «Дешёвой народной библиотеке», издаваемой Скобелевским комитетом³⁴. Его адрес: Знаменская улица (ныне Восстания), д. 41. Это издание поддерживала председатель комитета княгиня Н.Д. Белосельская-Белозерская³⁵.

В 1914 году Муйжель составил четыре тома новых своих рассказов и продал их издательству «Жизнь и знание». Возглавлял его литератор и книгоиздатель В.Д. Бонч-Бруевич. Владимир Дмитриевич жил в большом доходном доме на Херсонской улице, 5–7³⁶. Само же издательство размещалось по адресу Поварской переулок, д. 2³⁷. Дом не сохранился. На месте снесённого здания в начале XXI века возведено современное здание банка. Первая мировая война разрушила планы издания четырёхтомника В.В. Муйжеля. Вышел лишь один том «Опустошение»³⁸. Другие тома только проанонсированы в нём.

Дом на 9-й Советской (б. Рождественской), 10-12

В 1915–1917 годах писатель, за исключением поездок на фронт в качестве военного корреспондента, живёт в Петрограде. По адресным книгам «Весь Петроград» за 1915–1917 гг. удалось установить адреса домов, где жил В.В. Муйжель в предреволюционные годы. В 1915 году он проживал в доходном доме на 9-й Рождественской (ныне 9-й Советской) улице, 10–12³⁹. Возведён он был в 1900–1901 годах по проекту архитекторов П.Н. Батуева и Б.Я. Зони⁴⁰.

Через два года Муйжель переезжает в новый доходный дом К.М. Соколовского, построенный в 1910–1911 годах архитектором С.С. Корвин-Круковским⁴¹ на Большом проспекте Петроградской стороны, д. 79 и Петропавловской улице, 4⁴².

Оба этих дома в престижных районах с дорогими квартирами, что свидетельствует о достаточно устойчивом финансовом положении В.В. Муйжеля в предреволюционные годы. В то же время он уже много лет болел чахоткой, силы его были на исходе, и в этот момент он оказывается в гуще революционных событий.

Муйжель принял Октябрьскую революцию. Его деятельность в Петрограде в первые послереволюционные годы очень разнообразна.

Он сотрудничает в одном из первых постреволюционных журналов — «Пламя», некоторое время его и редактирует. Читает лекции

Дом на Большом проспекте Петроградской стороны, 79

красноармейцам и морякам по истории русской литературы. Деятельно работает в комиссии по улучшению быта учёных. И, как всегда, много пишет.

«В качестве журналиста, отмечает его биограф, он выступает с фельетонами в «Новом Пути» и «Новом Мире», где снова и опять доказывает и наглядно показывает, что Россия не гибнет, не погибла, а возрождается и процветёт в будущем — в новых условиях, на новых началах»⁴³.

Как писатель-беллетрист, Муйжель в эти годы старается захватить в поле своего зрения новые явления, типы и предметы, выдвинутые дореволюционной эпохой.

Темой его рассказов становится конфликт «нового со старым», работников со своими старыми хозяевами, отца с сыном, нашедшим своё место в новой жизни⁴⁴.

В эти же годы писатель пробует свои силы и на поприще драматурга. Он пишет пьесы «Вешний ветер» и специальную пьесу для деревенского театра — «Питерский жених».

Деревенскому театру он уделяет в последние годы своей жизни много дум и забот. Сборник пьес «Деревенский театр», изданный «Прибоем» в 1924 году, — его любимое детище⁴⁵.

Б. Морская, д. 37

Однако материальное положение В.В. Муйжеля в послереволюционные годы сильно пошатнулось. Он вынужден был продавать своё имущество, чтобы сводить концы с концами и содержать семью. Муйжель, живший многие годы исключительно литературным трудом, должен был поступить на службу чиновником в «Главлеском»⁴⁶. Из адресной книги «Весь Петроград» на 1922 год известно, что «Северное управление Главлескома по сплаву, транспорту и судостроению» (такое его полное название) располагалось на улице Герцена (ныне Большая Морская, 37)⁴⁷. По иронии судьбы, это здание правления страхового общества «Россия», возведённое по проекту Л.Н. Бенуа⁴⁸, — своего рода символ дореволюционного благополучия и процветания. Спасти же жизнь тяжело больного писателя было уже невозможно.

3 февраля 1924 года В.В. Муйжель умер в возрасте 43 лет от роду⁴⁹ и был похоронен в восточной части площадки народовольцев на Литераторских мостках Волкова кладбища⁵⁰. В справочнике-путеводителе «Исторические кладбища Петербурга» его захоронение указано как существующее. Однако автор этой статьи, исследуя надгробие за надгробием этой площадки, обнаружил на месте захоронения писателя лишь разбитую раковину.

Церковь Воскресения Словущего на Литераторских мостках Волкова кладбища

Участок площадки народовольцев на Литераторских мостках Волкова кладбища

Место захоронения В.В. Муйжеля

Как и в начале статьи, в её завершении хочется вновь процитировать автора предисловия к посмертному сборнику рассказов В. Муйжеля Петра Медведева: «Всю свою жизнь, более двадцати лет своего литературного труда Муйжель посвятил русскому народу и интересам передовой русской общественности. Он сделал всё, что мог, для торжества социальной правды и справедливости.

То общественное служение, которым так прекрасна русская литература, тот нравственный долг перед народом, выполнение которого русский писатель всегда считал своей священной обязанностью, имели в лице Муйжеля стойкого последователя, своего верного рыцаря.

И в этом служении гармонично сочетались произведения Муйжеля с его жизнью, писатель с человеком, слово с делом»⁵¹.

Остаётся только выразить удовлетворение от инициативы Псковской Областной универсальной научной библиотеки, выступившей с проектом возвращения литературного наследия писателя-псковича к читателям XXI века⁵², вместе с Российской Национальной библиотекой, издавшей для читателей диск с рядом отсканированных рассказов Виктора Васильевича Муйжеля.

Источники и примечания:

1. *П.М. (Пётр Медведев) В.В. Муйжель* (Краткий биографический очерк) // Муйжель В. Возвращение. Последние рассказы. — М. : Государственное издательство, 1926, с. 3.
2. Выше указанное издание 1926 года оказалось последним за весь советский период.
3. *П.М. (Пётр Медведев). В.В. Муйжель* (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 3.
4. *Муйжель Виктор. Автобиография* // Литературный календарь — альманах. — СПб, 1908. С. 41–42.
5. Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге XIX — начало XX века. Сборник документов. — СПб. : Лики России, с. 336. Адресная книга г. С-Петербурга на 1892 г., с. 400. В это время директором гимназии был д.с.с. Я.Г. Мор, а инспектором К.В. Фохт.
6. *Г.Ю. Никитенко, В.Д. Соболев. Василеостровский район. Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга.* — СПб. : Белое и чёрное, 1999, с. 235
7. *П.М. (Пётр Медведев). В.В. Муйжель* (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 4–5
8. *Муйжель Виктор. Автобиография.* Указ. изд., с. 41
9. «Весь Петербург». Адресно-справочная книга на 1894–1902 гг. — СПб. : Издательство А.С. Суворина. Алфавитный указатель жителей города С-Петербурга. В 1907 году в Адресной книге значится имя Муйжеля Виктора Вильгельмовича, художника, проживавшего в Гусевом пер., 8. (с. 48)
10. «Весь Петербург» на 1900 год., с. 179. См. также «Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной». Справочник. — СПб. :Альт-софт, 2005, с. 736
11. *Муйжель Виктор. Автобиография.* Указ. изд., с. 42
12. «Весь Петербург» на 1900 год, с. 487. См. также «Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной». Указ. изд., с. 776. Здание училища было возведено в 1878–1881, по проекту архитекторов А.И. Кракау и Р.А. Гедике. Директором училища в 1906 году был к.с. Г.И. Котов, а инспектором с.с. А.А. Курганович.
13. «Весь Петербург» на 1900 год, с. 713.
14. Санкт-Петербург. Энциклопедия. — М. — СПб. : Российское издательство (РОСПЭН), 2004, с. 817, «Весь Петербург» на 1900 год, с. 585. Алфавитный указатель жителей города С-Петербурга.

15. П.М. (Пётр Медведев). В.В. Муйжель (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 5.
16. Там же.
17. Муйжель В. Автобиография. Указ. изд., с. 42.
18. Там же. См. также П.М. (Пётр Медведев) В.В. Муйжель (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 5, А.А. Носов Муйжель Виктор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. — Т. 3 — М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1990, с. 147.
19. Н.Н. Фоякова. Куприн в Петербурге — Ленинграде. — Л. : «Лениздат», 1986, с. 34.
20. Там же, с. 35–36.
21. А.А. Носов. Муйжель Виктор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Указ. изд., с. 147.
22. «Весь Петербург» на 1904 год, с. 740. См. также Санкт-Петербург. Энциклопедия. Указ. изд., с. 762.
23. Н.Н. Фоякова. Куприн в Петербурге — Ленинграде. Указ. изд., с. 27.
24. «Весь Петербург» на 1903 год, с. 707. «Журнал для всех» часто менял свои адреса: В 1905 г. он размещался по адресу Лиговская ул., д. 21 (с. 730), в 1907 — Лиговская ул., д. 25 и др.
25. Н.Н. Фоякова. Куприн в Петербурге — Ленинграде. Указ. изд., с. 22–23
26. А.А. Носов. Муйжель Виктор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Указ. изд. Т. 3, с. 147
27. Там же
28. М.П. Лепехин, А.В. Чанцев. Арцыбашев Михаил Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Указ. изд. Т.1, с. 113–115
29. «Весь Петербург» на 1910 год, с. 1418. Владельцем ресторана был И.С. Соколов.
30. Юрий Алянский. Увеселительные заведения Старого Петербурга. — СПб, : АОЗГ «ПФ», 1996, с. 54–55. См. также Санкт-Петербург. Энциклопедия. Указ. изд., с. 132
31. П.М. (Пётр Медведев). В.В. Муйжель (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 6
32. «Весь Петроград» на 1915 г., с. 448
33. А.А. Носов. Муйжель Виктор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Указ. изд. Т. 3. С. 148
34. Там же

35. «Весь Петроград» на 1917 г., с. 948
36. «Весь Петроград» на 1917 г., с. 74. Дом этот был построен в 1903 г. по проекту архитектора А.П. Соскова. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX вв. Справочник. Под общ. Ред. Б.М. Кирикова. — СПб. : Пилигрим, 1996, с. 285–286
37. Адрес редакции установлен нами по анонсу книг В.Муйжеля, помещенному в приложении к сборнику его рассказов «Опустошение» — Пг: Книгоиздательство «Жизнь и знание», 1917.
38. А.А. Носов. Муйжель Виктор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Указ. изд., с. 148
39. «Весь Петроград» на 1915 г.
40. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX вв. Справочник. Указ. изд., с. 34–35, 139
41. Там же, с. 169
42. «Весь Петроград» на 1917 г., с. 468
43. П.М. (Пётр Медведев). В.В. Муйжель (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 7.
44. Там же. С. 7–8. А.А. Носов. Муйжель Виктор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Указ. изд., с. 148.
45. А.А. Носов. Муйжель Виктор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Указ. изд., с. 148.
46. Там же.
47. «Весь Петроград» на 1922 г., с. 278.
48. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX вв. Справочник. Указ. изд., с. 41.
49. П.М. (Пётр Медведев). В.В. Муйжель (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 8.
50. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. — С — СПб. : Центрополиграф, 2009, с. 429.
51. П.М. (Пётр Медведев). В.В. Муйжель (Краткий биографический очерк). Указ. изд., с. 8.
52. Н.А. Митрофанова. Бытописатель человеческой жизни : возвращение писателя Виктора к читателям XXI века // Материалы VI Псковских международных краеведческих чтений

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЕВСТИФЕЕВА-ДЗЕЙВЕР: МЕЖДУ ОПОЧКОЙ И РИГОЙ

А.Д. Малнач
(Рига, Латвия),
магистр истории

Елена Александровна Евстифеева-Дзейвер — человек на удивление цельного характера и интересной судьбы. Первые 20 лет своей жизни она провела на Псковщине, а последние 20 лет — в Латвии.

Елена Александровна Евстифеева родилась 26 февраля 1881 года в городе Опочка Псковской губернии в семье нотариуса Александра Евстифеева и его жены Надежды, происходившей из дворянского рода Прозоровых. Елена была младшим ребёнком в семье, у неё был старший брат и три сестры.

«Зиму всегда проводили в Опочке вместе с мамой, бабушкой и сёстрами. Папа всегда живёт в небольшом имении Самохвалове, туда и мы ездим каждое лето. Брат живёт далеко, в Польше, в Калише, служит в Казённой палате с 1892 года», — читаем мы в девическом дневнике Лены.

Весной 1895 года Лена окончила Опочецкую прогимназию, где учительствовала её старшая сестра. «Окончила с первой наградой. Получила сочинения Гоголя», — записано в дневнике. И, конечно, заслужила отдых. Популярным местом развлечения для жителей Псковской губернии служили Талабские острова, в то время густо заселённые.

«Летом 1895 года ездили в Александровское к Васильевым гостить. Мне было там очень, очень весело. — Катанье на лодке! Да, было славно. В Александровском был спектакль, но он не оставил особых впечатлений. Гораздо с большим удовольствием я вспоминаю спектакль дома на масленице; играли мы — прогимназистки — славно», — гласит запись в дневнике от 4 октября 1895 года.

Елена Евстифеева в юности.
Публикуется впервые

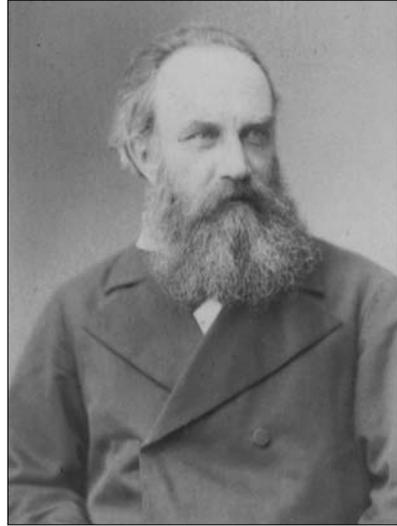
Елена Евстифеева в студенческие годы.
Публикуется впервые

В это время Елена Евстифеева посещала Псковскую гимназию. Узы родства и дружбы связывали её с семейством Заборовских, в котором она проживала в период своего обучения в гимназии. «Живу на квартире у Заборовских», — писала она осенью 1895 года.

Не исключено, что определённое влияние на формирование личности Елены Александровны оказал Александр Александрович Заборовский (1863 — 1911), в то время служивший секретарём Псковского губернского по городским и земским делам присутствия. Человек широких интересов, вне своих служебных обязанностей он отдавался общественной деятельности, был попечителем 10-го участка Псковской городской санитарной комиссии, членом Совета и секретарём Псковской общины сестёр милосердия Красного Креста (1897 — 1903), секретарём правления Псковского отдела Российского общества садоводства. Подвизался он и в Археологическом обществе, с 1897 года был хранителем музея общества, многое для него сделал, и это далеко не полный перечень взятых им на себя общественных обязанностей. Отметим также левые убеждения А.А. Заборовского: он активно участвовал в первой русской революции (1905 — 1907),

Надежда Евстифеева
(в девичестве Прозорова), мать Елены.
Публикуется впервые

Александр Евстифеев,
отец Елены.
Публикуется впервые

трижды привлекался к ответственности, и, наконец, под его руководством печаталась газета Псковского комитета РСДРП «Пчела».

В 15 лет Елена задумала стать врачом. «Вот женщина врач, которой во многом я хотела бы следовать. Я бы желала идти на медицинские курсы. Не знаю, удастся ли это. ... Скоро во Псков. Надо будет хорошенько учиться и побольше читать. Это необходимо. ... Теперь я знаю, что цель жизни есть исполнение долга, и поэтому действовать надо решительнее», — отмечает она в дневнике в августе 1896 года.

И это не только слова. Гимназию в Пскове в 1899 году она закончила с золотой медалью, хотя в последний год ей пришлось обеспечивать себе питание и кров частными уроками. «На будущий год надо остаться во Пскове и давать уроки, копить деньги, чтобы не зависеть, по крайней мере, от родных», — поверяла Елена дневнику свои планы осенью 1898 года. И снова: сказано — сделано.

После смерти отца и матери материальные обстоятельства ещё более ухудшились. Два года Елена проработала домашней учительницей в помещицкой семье, чтобы накопить денег на продолжение образования.

Артур Яковлевич Дзейвер
(около 1914 г.).
Публикуется впервые

Артур и Елена Дзейверы
с дочерью Ниной (Нине около 6 лет).
Публикуется впервые

«Русские помещики средней руки относились к своим домашним учителям не так, как немецкие бароны. Я была равноправным членом семьи и всё шло хорошо. Девочки были очень симпатичные и сильно меня любили. ... Только с самим помещиком у нас не совпадали взгляды, и мы горячо спорили, поскольку он был настроен консервативно. С его женой я ладила, мы много играли на рояле и пели», — писала она. При этом у неё ещё оставалось время на зубрёжку латыни, без чего нельзя было поступить в Медицинский институт.

В 1900 году Елена Евстифеева сдала экзамен по латинскому языку при Псковской мужской гимназии и в 1901 году поступила в Петербургский женский Медицинский институт. Елене Александровне приходилось заботиться о пропитании, поэтому время учёбы затянулось (возможно, истинной причиной было её активное, вплоть до высылки в родную губернию под надзор полиции, участие в революционном движении). Она окончила Медицинский институт *summa cum laude* (с наибольшим отличием) весной 1909 года. В каникулярное время работала сестрой милосердия в Воронеже и Твери, а летом 1908 года,

4-й класс русской школы в Каценах (на обороте: 4-й класс Покровской русской школы).
В 1 ряду сидят священник Панфилов, учителя Стучка и Каркунов

будучи студенткой последнего курса, исполняла обязанности врача в Лихославле Тверской губернии.

В 1908 году Елена Александровна Евстифеева вышла замуж за Артура Яковлевича Дзейвера, студента историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, эсера по политическим взглядам и партийной принадлежности, латыша по национальности. Сама Елена Александровна разделяла социал-демократические убеждения. В Российской Социал-Демократической Рабочей партии состояла чуть не со дня её основания, из фракции большевиков перешла во фракцию меньшевиков и, в конце концов, примкнула к группе Г.В. Плеханова, которого глубоко уважала. В 1914 году у Елены Александровны и Артура Яковлевича родилась их единственная дочь Нина.

В 1909 году, сразу по окончании института, Е.А. Евстифеева-Дзейвер приняла место земского врача в деревне Вшели Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии (ныне относится к Солецкому району Новгородской области).

«Условия работы были очень тяжёлые. В моём распоряжении была только амбулатория. Серьёзных больных не привозили, а вызывали врача на дом. Приходилось проезжать по 30 и более километров в день. ... В условиях деревни, используя только амбулаторные средства, я не могла быть удовлетворена своей работой», — вспоминала позднее Елена Александровна.

Неоднократно ей доводилось принимать роды и обрабатывать раны. После одного из таких случаев, когда, несмотря на все усилия, скончался раненый в живот молодой парень, она решила стать хирургом.

«Практическая работа побудила меня избрать хирургическую специальность, о которой я не думала в период обучения. Я хотела стать психиатром. ... В 1910 году я решила оставить деревню и приняла место врача-эпидемиолога в Смоленске. И там работать было нелегко. Я сама заболела сыпным тифом», — писала Елена Александровна.

Заболела, но поправилась, а поправившись, вернулась к работе в Смоленской губернской больнице. «Три года я работала с большим воодушевлением, поскольку там был огромный хирургический материал, и я много приобрела на ниве хирургии», — писала она.

В Смоленске учителями Елены Александровны стали два выдающихся хирурга: директор губернской больницы, гинеколог, хирург, доктор медицины А.А. Александров и руководитель хирургического отделения этой больницы, доктор медицины Н.И. Гуревич. Сначала Елена Александровна работала у Александрова в гинекологическом отделении, а через полгода её пригласили перейти ассистентом в хирургическое отделение, где она и проработала три года, с 1911 по 1914 год.

«Перед моими глазами прошло огромное число операций, оперировала я и самостоятельно и привыкла к тяжёлым переживаниям, которые неизбежны в хирургической практике. Хирург должен быть человеком определённого характера: быстро принимать решение, как действовать», — отмечала Елена Александровна.

К этому периоду относится две её научные публикации: реферат «К вопросу о травматических повреждениях брюшной полости», прочитанный на заседании Смоленского врачебного общества 31 октября 1911 года и опубликованный в № 12 журнала «Русский врач» за 1913 год, и реферат «26 случаев внутривенного эфирного наркоза», прочитанный в Смоленском врачебном обществе 12 мая 1912 года и опубликованный в № 36 журнала «Русский Врач» за 1912 год.

Е.А. Евстифеева-Дзейвер в своём рабочем кабинете в Риге. Публикуется впервые

Работа в Смоленске явилась основательной школой и открыла ей дорогу в Подольскую больницу (Московская губерния), где Елена Александровна работала в 1914 — 1917 годах сразу в двух отделениях — хирургическом и родильном. Перед самой войной хирургическое отделение было расширено, и именно на плечи Елены Александровны легли все организационные хлопоты. С началом Первой мировой войны работы ещё прибавилось.

«В Подольске открыли четыре больших госпиталя для раненых. В военных госпиталях были свои врачи, но, когда требовалась операция, раненых размещали в моём хирургическом отделении. Всероссийский Земский Союз назначил меня хирургом-консультантом. Время от времени я посещала госпитали, определяла больных, которым необходима операция и помещала их в больницу. Операционный материал у врача был очень интересный. О выдающихся операциях я докладывала на Конференции врачей московских госпиталей 14–15 марта 1916 года», — писала Е.А. Евстифеева-Дзейвер.

Речь идёт о конференции Московского комитета госпитальных врачей Всероссийского Земского Союза, на которой ею был прочитан доклад «14 случаев огнестрельных ранений кровеносных сосудов, леченных в хирургическом бараче Подольской земской больницы».

К этому же периоду относится статья «Промышленный травматизм и борьба с его последствиями», напечатанная в №№ 6–8 журнала «Вестник Социального Страхования» в апреле 1918 года (стр. 4–11).

В 1918 году вместе с семьёй Елена Александровна переехала в Москву, где до 1919 года работала в московской Всеобщей городской больничной кассе, сначала врачом-контролёром, затем хирургом в амбулатории и, наконец, ординатором Лефортовской больницы, выполняя обязанности не только хирурга, но и гинеколога. В 1920 году её мобилизовали и определили заведующей хирургическим баракком Бобруйского военного госпиталя в Москве. В 1921 году клиника пропедевтической хирургии Московского Медицинского института пригласила Евстифееву-Дзейвер на должность ординатора, а полгода спустя её избрали ассистентом кафедры профессора Н.Н. Терebinского (1880 — 1959), где она проработала три последних года перед отъездом из Советского Союза в Латвию.

Летние месяцы 1924 года Е.А. Евстифеева-Дзейвер провела в Крыму. Надо было поправить здоровье дочери, у которой обнаружили бронхиальный туберкулёз. Лечение дочери Елена Александровна совмещала с работой врача-исследователя на детской экскурсионной базе в Алуште.

В августе 1924 года Е.А. Евстифеева-Дзейвер оптимизировала латвийское гражданство и переехала в Латвию, на родину мужа, где и провела всю оставшуюся жизнь. С сентября 1924-го по сентябрь 1925 года Елена Александровна вместе с супругом и дочерью Ниной жила у родителей мужа в местечке Кацены (Качаново, до революции — село Покровское) бывшего Пыталовского уезда, который с 1920 по 1944 год входил в состав Латвии.

В Каценах, где в то время не было даже амбулатории, ей пришлось заняться частной практикой, чего она избегала раньше. На 10 000 жителей целого уезда приходился всего один врач, обслуживавший единственную больницу в Радаве (Радове). По договору с Лудзенской уездной управой Елена Александровна дважды в неделю ездила в эту расположенную в 17 километрах от её дома больницу и проводила там хирургические и гинекологические операции. Ассистировал ей тогдашний заведующий Радавской больницей врач Евграфов. За шесть месяцев 1925 года Елена Александровна сделала 37 операций.

16 марта 1925 года она писала в Ригу: «Сегодня волостной совет обсудил проект медицинского бюджета. Принял решение: устроить в Каценах амбулаторию со своим врачом, фельдшером и аптекой. Радовской больнице присвоить ранг уездной. В последние 4 месяца эту больницу, действительно, можно признать учреждением уездного (не волостного) масштаба. Она обслуживает 4 волости».

7 мая 1925 года по направлению Яунлатгальской уездной управы, но за свой счёт, Елена Александровна выехала в шестинедельную командировку в Берлин. В её удостоверении за № 296 от 28 апреля 1925 года сказано, что радовский врач-хирург Дзейвер-Евстифеева с 1 мая по 1 июля командирована в Германию для пополнения хирургических знаний. В Берлине она посещала клиники профессоров Биера, Гильдебранта и Краузе. По возвращении в Латвию, Елена Александровна выступила с докладом «Современное состояние вопроса об arthritis deformans» на хирургической секции Первого латвийского съезда врачей.

В сентябре 1925 года Дзейверы окончательно поселились в Риге. Елена Александровна устроилась на работу в больничную кассу, но в качестве гинеколога, а не хирурга, что ею очень болезненно переживалось. Число больничных касс постепенно росло, но было подвержено большим колебаниям, особенно в период с 1934 по 1939 год, в период диктатуры Карлиса Ульманиса. Обслуживала Е.А. Евстифеева-Дзейвер главным образом Латгальское предместье, бывший Московский форштадт, где с дореволюционных времён проживало в основном русскоговорящее население.

Недостаток хирургической практики Евстифеева-Дзейвер отчасти восполняла в больнице Коллегии русских врачей, где она без перерыва работала с 1 октября 1925 года по 16 июля 1941 года, когда весь персонал больницы был передан оккупационными немецкими властями больнице для военнопленных, располагавшейся в рижском Задвинье. Подводя итог 17-летней работы Русской больницы, ещё до немецкой оккупации, крупнейшая в Латвии русская газета «Сегодня» писала: «Семнадцатилетнее существование Русской больницы показало её способность и при скромных средствах служить своему общественному назначению...» («Сегодня» // 1939, 10 янв.).

Переехав в Латвию, Елена Александровна тут же взялась за изучение латышского языка. Весной 1926 года она сдала соответствующий экзамен при Главной школьной управе, но свободно латышским так и

Семья Дзейвер. Рига. Слева направо Нина, Е.А., Анна, А.Я.
(на обороте — 35–36 после Рождества). Публикуется впервые

не овладела, что очень стесняло её. При этом французский язык Евстифеева-Дзейвер знала в совершенстве, расширяла свои познания в немецком языке, а со временем взялась за английский язык, что позволило ей следить также за англо-американской медицинской литературой. Где бы ни жила Елена Александровна, она считала своей общественной обязанностью популяризировать медицину, особенно хирургию, в народной среде. Читала лекции, делала доклады, устраивала выставки, писала статьи для русской и латышской периодической печати.

Судя по дневниковым записям и воспоминаниям близких, бездельность претила Елене Александровне. Предпочитая рабочие дни воскресным, она и в выходные дни находила себе занятие. Отпуск брала редко, используя его для повышения квалификации. С этой целью она отправлялась за границу, в разные годы побывала в Париже, Берлине, Праге, Вене, Каунасе и Тарту, внимательно изучая практику и достижения тамошних хирургов и гинекологов.

Евстифеева-Дзейвер вступила в ряды Латвийской Социал-Демократической Рабочей партии, возглавляла Русскую секцию ЛСДРП.

По этой линии она дважды избежала ареста. Первый раз ещё в Москве, в 1924 году, когда из-за болезни дочери (тот самый бронхиальный туберкулёз) она не пошла на подпольное собрание социал-демократов, все участники которого были взяты сотрудниками ГПУ. Второй — уже после вхождения Латвии в состав СССР в 1940 году, когда компетентные органы запросили на почте информацию о лицах, абонировавших русскую эмигрантскую прессу. Елену Александровну, которая была подписчицей многих эмигрантских изданий, вычеркнула из списка сотрудница почты, её пациентка.

«Обязанность врача не только лечить, но и обеспечить развитие медицины. В этом случае у него будет работа с раннего утра до позднего вечера. Врач должен идти по каждому вызову больного, даже ночью. Каждому врачу приходится переживать трудные моменты. Умершие больные оставляют очень тяжёлое впечатление. ... Только веря в развитие медицины, можно вытерпеть тяжёлые переживания врача. Врачам, которые работают в государственном или общественном [медицинском] учреждении, следует предоставлять установленный законом отпуск, чтобы они могли отдохнуть от своих трудных обязанностей. А самый лучший отдых для врача — какое-либо путешествие и смена впечатлений», — писала Елена Александровна, обобщая свой опыт.

Жизнь Елены Александровны оборвалась в период немецкой оккупации. Еще 20 августа 1942 года она написала лаконичное завещание: «В случае моей смерти всё имущество оставляю мужу моему и другу Артуру Яковлевичу. Он не обидит Нину и не забудет моих сестёр», — говорилось в нём по-русски. Подлинность документа удостоверяла подпись «Е. Дзейвер-Евстифеева» и её врачебная печать «Dr. Ū. Dzeiver-Jevstifejeva».

Весь февраль 1943 года она чувствовала себя нездоровой, но работу не оставляла. Последний раз провела приём в поликлинике в субботу, 20 февраля. Дома принимала ещё 1 марта, а 2 марта поехала в Больницу Красного Креста, где после операции на кишечнике 3 марта 1943 года скончалась.

Прах Елены Александровны Евстифеевой-Дзейвер покоится на Кладбище Райниса в Риге, а память хранят благодарные потомки. Трое из них — внуки-близнецы Андрей и Юрис Германысы и правнучка Олита Гулбе-Германе — стали художниками, хорошо известными в Латвии.

ИВАН СОКОЛОВ И НИКОЛАЙ ЯСНЕЦКИЙ: ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ ЭСТОНИИ

Валк Н.А.

(Тарту, Эстония)

магистр филологии и психологии

Иван Соколов (1884 — 1972) известен как тартуский художник, создавший множество прекрасных пейзажей, портретов, видов Тарту и его окрестностей. С юных лет он увлёкся рисованием и за свою непростую жизнь создал более тысячи работ, которые в большинстве находятся в руках частных лиц — любителей искусства, друзей, родственников и наследников художника. Некоторые работы были приобретены, подарены и переданы наследниками на хранение эстонским музеям. Картины хранятся в Тартуском Художественном музее, Русском музее Эстонии, Тартуском Городском музее, в Эстонском Национальном музее.

Самое крупное собрание работ Ивана Соколова хранится в спецхране Эстонского Исторического архива. Все 242 работы размещены в крупноформатном альбоме, созданном другом, художником-реставратором Николаем Яснецким в 1962 году. После смерти Яснецкого альбом был передан в архив вдовой реставратора Раисой Яснецкой. В архиве хранятся следующие документы: записка архива, поясняющая содержание альбома, и письмо Раисы Яснецкой, адресованное хранителям архива.

Дружба Ивана Соколова и Николая Яснецкого началась после войны — они жили по соседству: Соколовы снимали квартиру в Тарту на улице Эха, д. 19, Николай Яснецкий жил в нескольких шагах — за углом, на улице Тяхе. Они вместе ездили на этюды, заходили друг к другу в гости, вместе входили в Союз художников Эстонской ССР и,

И.А. Соколов с женой. 1923 г. Из семейного архива Ф. И. Муромцевой

несмотря на 25 лет разницы в возрасте, хорошо понимали друг друга и дружили почти 30 лет. К моменту их знакомства оба прошли непростой жизненный путь.

Иван Соколов родился 29 января 1884 года в Юрьеве (с 1030 по 1224 гг. — Юрьев; с 1224 — 1893 — Дерпт; 1893 — 1919 — Юрьев; с 1919 г. — Тарту) в семье староверов, где талант художника, данный свыше, следовало употребить на написание святых ликов, а Иван рисовал соседских детей, мать, отца за работой, лес и заснеженные дома. Семья с детства не понимала его увлечения, считала это баловством, но он упорно развивал свои творческие способности.

В Тарту в Историческом архиве имеются данные о семье его отца Александра Соколова, состоявшей из восьми человек. Мать художника Прасковья Журавлёва была из Причудья, из Красных Гор, которые ныне называются городом Калласте. В семье росли три сына и три дочери. Отец Ивана Соколова зарабатывал тяжёлым физическим трудом на стройках: он был каменщиком и штукатуром, был занят ремонтными работами на стройках в тёплое время года, зимой же ремонтировал обувь, продавал на рынке овощи, брался за любую работу, чтобы прокормить семью.

Несмотря на то, что творения рук старOVERОВ — каменные постройки из тёсаных валунов — до сих пор служат людям, украшая эстонские и старOVERские деревни, те, кто их строил, жили в бедности. Как у отца, так позднее у самого художника, никогда не было своего дома: семьи отца, а потом и сына-художника жили в Тарту на съёмных квартирах в Заречном районе на левом берегу реки Эмайыги, которую — по старой немецкой традиции — жители ещё долго называли Эмбах. Легче было тем старOVERам, кто жил у озера, в Причудье, имел землю, которая их и кормила. СтарOVERы до сих пор известны как хорошие огородники, выращивающие на высоких грядках знаменитый причудский лук. Не только земля, но и Чудское озеро, богатое рыбой, кормили старOVERов в приозерье и жили они безбедно, но те, кто был городскими мещанами, нуждались, жили скромно. Чтобы постоянно иметь работу, соглашались на низкие расценки за свой нелёгкий труд. Тартуская старOVERческая община в конце XIX века насчитывала более 500 человек.

В семье Соколовых, где росло шестеро детей, выделить деньги на учёбу Ивана семья не имела никакой возможности — отец сам обучил мальчика буквам и основам чтения. Будучи в семье старшим сыном, Иван рано начал помогать отцу на стройках и приносить в дом первые деньги. Отец, как было принято у старOVERов, отдал на лето семилетнего Ваню в семью к старенькой родственнице в Причудье, в деревню Вороньё, где мальчик усвоил чтение и письмо. Вернувшись в город, он стал читать на службе в Юрьевском моленном доме, храме старOVERов, церковные старообрядческие книги. Он зарабатывал в церкви 30–40 рублей в год и мог на часть этих денег купить себе бумагу и карандаши для рисования. Его первые рисунки были маленьких размеров — из-за нехватки бумаги.

Семья И.А. Соколова в 1936 году: слева в 1 ряду жена Анфиса, дочь Вера, жена друга, дочь Фаина, сын Дмитрий, тёща. Во втором ряду слева сын Александр, И.А. Соколов, друг, брат жены.

Художественное дарование маленького Ивана проявилось очень рано. В зимнее время, когда прекращались строительные работы, Ване вменили в обязанность сопровождать в школу Ивана Белоброва, сына соседа, — зажиточного мещанина-старовера. Ребёнок был горбун и часто болел. Родители мальчика боялись отпускать его одного в город и Ваня Соколов возил мальчика-горбуна на салазках в школу и опекал его. Они вместе играли и занимались языками. Ваня помогал болезненному тёзке делать домашние задания, хотя сам ни одного дня не учился в школе.

Ваня Белобров хорошо рисовал и родители поддерживали его художественные наклонности. У мальчика-горбуна Иван Соколов впервые увидел, как рисуют карандашом и красками. Дети подружились и остались друзьями на долгие годы.

Увидев впервые, как друг рисует карандашом и акварелью, Иван попробовал сам рисовать и с тех пор до конца жизни, в перерывах между тяжёлым физическим трудом, постоянно рисовал. На его первых карандашных рисунках жили лица окружающих его людей: увлечённые чтением дети, дремлющий после тяжёлой работы отец, мать и сестра за рукоделием. Сохранившиеся рисунки датируются началом XX века. Они передают быт тартуской староверческой семьи, занятия взрослых, игры детей, обстановку в доме, одежду и причёски того

времени. На рисунках юному художнику удалось запечатлеть эмоции изображаемых людей: озорные и любознательные детские взгляды, набожные лица старшего поколения, раздумья и печаль стариков.

Подрастали младшие дети — семья встала на ноги и уже имела возможность отдать их в школу. Иван помогал младшим делать домашние задания и сам занимался по их учебникам — он освоил вместе с ними всю школьную программу, много читал и работал над собой, как и положено было староверу, но документа об образовании так и не имел, что стало в дальнейшем препятствием к получению академического художественного образования.

Желая совершенствоваться в живописи, Иван обращается к известному эстонскому художнику Кристьяну Рауду с просьбой взять его на учёбу в студию начинающих художников, но после нескольких занятий, просмотрев рисунки Соколова, Рауд заявляет, что ему в этой студии учиться нечему: «Вы, молодой человек, уже владеете всем, чему бы я мог Вас научить».

Кристьян Рауд посоветовал разместить рисунки молодого художника-самоучки на выставке, которая состоялась в 1906 году в Юрве. Это была Первая объединённая выставка эстонских художников, проводимая во время сельскохозяйственного праздника в помещении Юрьевского студенческого конвента. Иван Соколов представил двадцать карандашных рисунков — все они экспонировались на выставке, но в каталог выставки попали только 11 работ.

Сам Соколов считал, что его рисунки на фоне работ известных художников Иоганна Кёлера, Аугуста Вейценберга, Антса Лайкмаа и других мэтров эстонской живописи, не привлекли к себе большого внимания. Самокритичность и скромность заставляла так думать начинающего художника, но на самом деле организаторами выставки Иван Соколов был замечен и отмечен: сам Кристьян Рауд посоветовал молодому дарованию продолжить образование в Петербурге, сопроводив пожелание рекомендательным письмом к Амандусу Адамсону.

На собранные с большим трудом деньги в конце 1908 года Соколов приезжает в столицу, но, как оказалось, Адамсон ещё не вернулся из Финляндии, а профессор Архип Куинджи, известный своей заботой о молодых талантах, был в эти дни тяжело болен и не смог принять юрьевского художника. Деньги вскоре закончились и Иван был вынужден вернуться в родной город.

Открытие выставки Ивана Соколова
в 1959 году. Слева Николай Яснецкий,
справа Иван Соколов

Открытие выставки Ивана Соколова.
Выступает Николай Яснецкий.
1959 год

Поездка в Петербург позволила ему посетить несколько музеев и художественных выставок, приобрести кисти и краски, купить у букиниста несколько книг и журналов по искусству.

Обратил бы на него внимание Амандус Адамсон — думается, несомненно, но смог бы Соколов учиться в Петербурге, не имея документов о каком-либо школьном образовании, — весьма сомнительно, известно только то, что дважды судьба ему такого шанса встретиться с Амандусом Адамсоном уже не предоставила. Вот как вспоминает об этом времени Иван Соколов: «Я вернулся домой из Петербурга, отец был рад и всё пошло по-старому. Зимой я всё свободное время занимался рисованием. Я купил в Петербурге ящик пастелей и с наслаждением работал новым для меня материалом. Пастель давала возможность схватывать быстро преходящие эффекты закатов и восходов солнца».

Летом с утра до вечера Иван трудился с отцом на стройках. Их рабочий день начинался в 5 утра и заканчивался в 8 часов вечера, и только с 1907 года отец принимает решение работать с 7 утра до 7 вечера с перерывом для обеда и отдыха на 1 час. На картинах Ивана часто изображены рассветы и закаты, поскольку он мог заниматься

рисованием только в ранние утренние часы до работы или вечером после трудового дня.

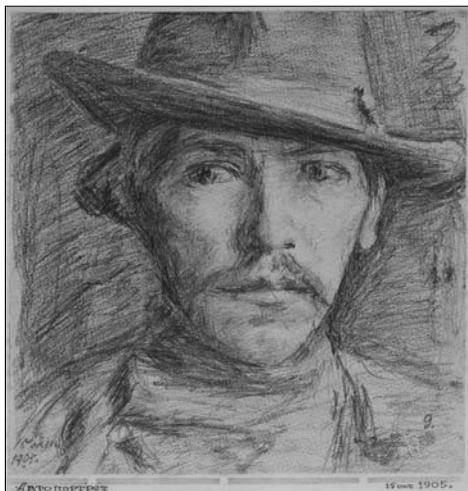
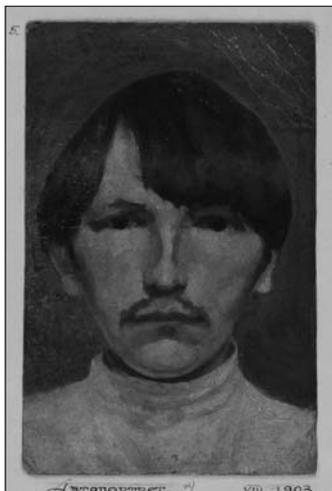
Первая мировая война принесла много потерь в семью Соколовых: в 1915 году умирает отец, основной кормилец; пропадают без вести на войне два младших брата Митрофан и Григорий. Иван призван в армию и служит в запасном полку в Финляндии. Его мать Прасковья Соколова с младшей дочерью Капитолиной и внучкой-сиротой остаются без всякой поддержки. В Историческом архиве Эстонии хранится переписка матери с городскими властями, где она обращается с просьбой о материальной помощи, но ей в этом было отказано.

Служил Иван Соколов недолго. Его комиссовали весной 1917 года по состоянию здоровья и он снова вернулся в Юрьев. Из периода службы в Финляндии, где, как всегда, любая свободная минута посвящалась рисованию, сохранились рисунки однополчан, грустные пейзажи Финляндии и бытовые сцены армейской жизни.

Случайные заработки сына поддержали семью, но шла война — заказов на ремонт зданий было мало, и Иван теперь рисовал даже летом. Его излюбленным местом была окраина Юрьева на излучке реки Эмбах — место нынешнего живописного района Нового Ихасте. В те далёкие годы Пориметс представлял собой окружённую лесом поляну, одинокий хутор, речку и берёзы на фоне тёмного елового леса. Соколов пишет: «Вернувшись в Юрьев, всё лето проработал в лесу, рисовал свежие солнечные этюды под далёкий гул пушек, долетавший из-под Риги, где в то время шли бои. Лето 1917 года было плодотворное как по количеству, так и по качеству работ».

Тем же летом 1917 года Иван Соколов знакомится с учителем рисования Юрьевского реального училища Модестовым и пишет, что «Он первый принял во мне участие, да не свысока, а как равный. Узнав, что я нуждаюсь, он устроил у себя на квартире выставку моих этюдов. Большая часть их была продана и вырученную сумму — больше двухсот рублей — я получил на руки. Это был мой первый успех». Модестов советовал молодому художнику поехать в Москву в Третьяковскую галерею, одно посещение которой даст больше, чем годы ученья где-нибудь в школе. Модестов подарил Соколову несколько книг по искусству, в их числе — альбом Куинджи и монографию о Врубеле.

Всё начинало налаживаться, но немцы наступали, началась эвакуация. «25 февраля 1918 года немцы заняли Юрьев. Опасаясь высылки

в Германию, я с двумя товарищами 19 марта ушёл через Чудское озеро пешком в Россию. Добрались до Петрограда, но оттуда пришлось ехать дальше, так как оставаться там было нельзя — не было продовольствия. Поехали на Москву, там тоже самое. И так всё дальше и дальше. В поисках работы и квартиры добрались мы до Челябинска», — так описывает это время Иван Соколов в своих воспоминаниях.

Помогли им опять же земляки: ранее эвакуированный из Юрьева почтальон Фёдор Кукин дал им угол на своей кухне, где они спали на полатах и, заработав летом первые деньги, нашли другое жильё.

Иван Соколов проводит в Челябинске три года: с апреля 1918 до мая 1921 года. Он и его земляки, как и дома, работали до поздней осени как каменщики на строительстве, прокладывали улицы, зарабатывали хорошо и заработанные летом деньги аккуратно тратили, чтобы пережить зиму и дотянуть до весны. Зимой стали чеботарить — сапожничать, но Ивану удалось устроиться чертёжником в Военно-Инженерной Дистанции.

Между делом Иван, как всегда, постоянно рисовал — вначале карандашом, потом поменял сахар, выданный в пайке, на краски и рисовал красками. Ему удалось посещать занятия художественной студии Челябинска, познакомиться с другими художниками и поверить в то, что он сможет реализовать себя как художник.

В 1920 году в Екатеринбурге устраивалась областная художественная выставка и Соколов представил на неё 15 работ красками и 26 — карандашом. Результатом выставки было то, что на его работу, где его знали как чертёжника, пришло распоряжение отпустить Ивана Соколова в округ в качестве инструктора по изобразительному искусству.

Имена тех, с кем пришлось художнику общаться в Челябинске, можно найти в его воспоминаниях и картинах. Это земляки: Мухин и Большов, изображённые на рисунке в июле 1920 года, Крендин и Кузнецов С.М. за сапожной работой — на апрельских рисунках 1918 года. Есть также рисунки и портреты маслом, где изображены те, с кем сводила художника судьба в эти годы: карандашный портрет Варьки — девочки в платочке с выразительным, грустным взглядом; коллеги-чертёжника Цапова; акварельный портрет белокурой Анны Павловны, два рисунка с изображением комбата А.Д. Романовича. В этом периоде жизни художника были ещё два человека: Фёдор Кукин — тартуский почтальон, приютивший художника и его друзей у себя на кухне до лета. Он же помог Соколову получить документы на

возврат в Эстонию, поскольку ездил в Омск за документами на свою семью и там же получил и переслал в Москву документы Ивана Соколова. Второй персонаж — Гвидис, начальник Военно-Инженерной Дистанции, отказавший Ивану Соколову в увольнении и переводе на работу в округ в качестве инструктора по изобразительному искусству ввиду того, что Соколов незаменим как чертёжник.

12 марта 1918 года, готовясь к эвакуации в Россию, он рисует мать одинокой и несчастной, назвав рисунок «Мрачные мысли». Думать вдалеке о том, что она ждёт его, было невыносимо тяжело. Находясь вдалеке от родного дома, он рисует по памяти «Воспоминания о Пориметсе».

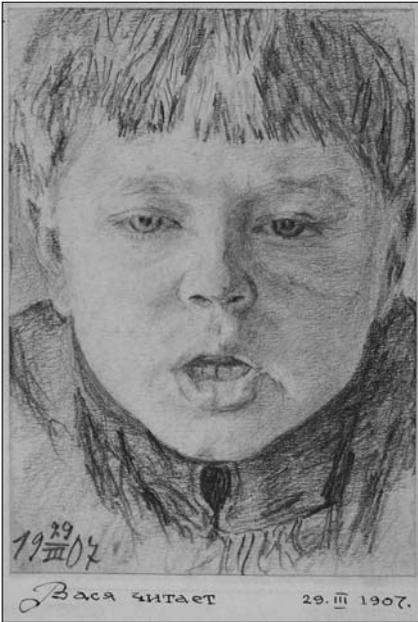
Несмотря на то, что в Челябинске Соколов имел хорошую работу, где его считали незаменимым; несмотря на прекрасные перспективы творческой работы и успех на выставке в Екатеринбурге, где его признали и высоко оценили как художника, тоска по родному городу, одинокой матери и сёстрам заставляет его уже в 1920 году подать

прошение о возвращении в Эстонию. В мае 1921 года он едет в Москву через Екатеринбург, где надеется получить свои картины с выставки, а затем в Москве в оптационной комиссии получить документы на возвращение в Эстонию.

Картины получить не удалось, в Москве оказалось, что документы не готовы и находятся в Омске. Пришлось ждать десять дней. В Москве Иван Соколов останавливался у мужа старшей сестры Бориса Ивановича Гливенко, который жил на станции Славянка. Всё время, проведённое в Москве, художник посвятил посещению художественных музеев и выставок. Он впервые побывал в Третьяковской галерее и был сражён работами русских пейзажистов. На обратном пути в Эстонию он ехал через Петербург, где также посетил выставки и музеи.

Карантин для тех, кто хотел вернуться в Эстонию, был в Нарве. В Эстонию И. Соколову удалось перевезти несколько работ челябинского периода. Вернувшись, он всё-таки жалел, что не смог остаться

в Екатеринбурге, но обязанности старшего сына перед матерью и сёстрами не позволили ему принять такое решение.

В 1922 году, сразу после возвращения, он участвует в Сельскохозяйственной выставке, но продаёт только 4 работы. Он опять продолжает работать на стройке и писать картины только ранним утром и вечером. Вскоре, в 1923 году, он женится на соседской девушке — староверке Анфисе Колбасовой. Художнику в это время было 39 лет, Анфисе — всего 16. Она была подружкой его племянницы Антониды, жила с матерью и братом в доме напротив. Они прожили вместе 19 счастливых лет в любви и согласии. У них родилось четверо детей: Александр, Фаина, Назарий и Вера. Первые годы семейной жизни прошли на улице Уус. Дом стоял на берегу реки Эмайыги, рядом с домом находился дровяной рынок. Сюда до наступления зимних холодов приплывали большие ладьи, гружёные дровами, — весь город топили дровами и под окнами их дома, напротив дрожжевого завода, целый год шла бойкая торговля. Весной весь район заливала река. В начале 30-х годов семья переезжает на новую квартиру из Зареч-

ного района, с улицы Уус (Новой), где жили старoverы, на другую сторону реки, в центр на улицу Туру, 70.

Соколов много работает и в 1933 году в помещении Русской гимназии устраивает свою двухдневную выставку, на которой продаёт более 300 произведений. Через год снова была большая персональная выставка в Тарту, где купили 27 работ, и в двух газетах появились положительные рецензии. Затем была выставка в 1936 году.

Вторая половина 30-х годов была сложной. Заказов было мало. Кризис нарастал. Вышел закон, запрещающий организовывать выставки художникам, не состоящим в Союзе художников Эстонии. Семья Соколова никогда не жила богато, но в середине 30-х годов они бедствовали, жили только с продажи картин и с выполнения портретных заказов. Старших детей отдали летом на хутора в пастухи.

В эти годы художник задумывается о сущности жизни и религии, о справедливости и праве простых людей на образование и культуру, достойную жизнь. Будучи с девяти лет церковным человеком, входя с молодых лет в состав совета Юрьевской приходской старoverческой общины, в середине 30-х Иван Александрович отходит от веры.

В 1940 году по пакту Молотова/ Риббентропа в Эстонию вошли советские войска. Сопротивление маленького государства было бес-

46

Читающий мальчик.

1906.

ковно-славянски.

Закончив таким образом свое образование я вступил в клирос своего Юрьевского молитвенного дома, стал сначала псаломщиком, потом канонархом, а потом и головщиком клироса.

Стал у староверов грамотеем.

??

Стал И.А.Соколов уругих ребят учить грамоте ?

А - аэз

Б - бѣки

В - вѣди

--- --

аэз - ааз земля ерзз =

= ааз

47

1907

Вася читает

29. III 1907.

Бѣки -

- бѣки ик = бѣвѣ, како иже: ки =

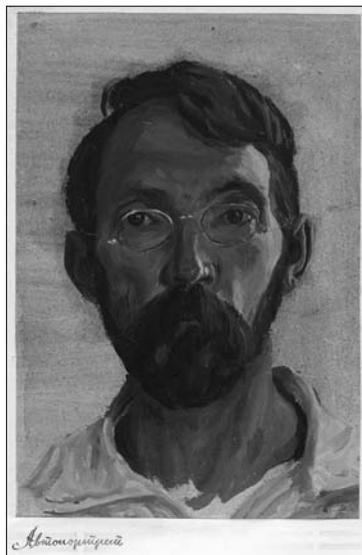
= бѣки

48

« Она пишет! »

5. III 1907.

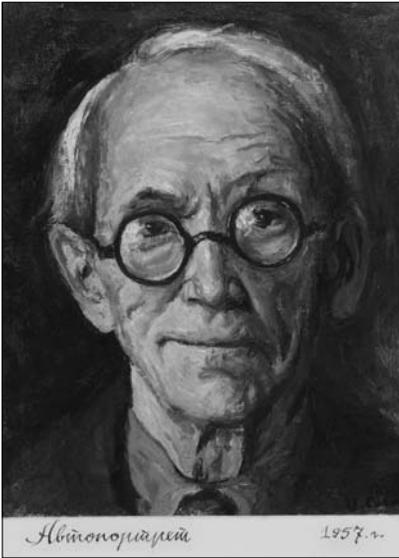

смысленным и правительство Эстонской Республики согласилось на капитуляцию в надежде обойтись бескровно.

Но новая власть оказалась жестокой. Все, кто служил в правительственных учреждениях и органах власти, были арестованы и либо расстреляны, либо вывезены в Сибирь. Депортации подверглись не только эстонцы, но и русские. Это были бывшие белогвардейцы и люди дворянского сословия, кому удалось в дни революции спастись в Эстонии, а также богатые крестьяне и мещане, использовавшие наёмную рабочую силу.

Ивану Александровичу Соколову, бедному художнику, работавшему на случайных заказах маляром, терять было нечего — он был далёк от политики, живопись была его основным занятием — и власти его не тронули.

Шёл 1941 год. И.А. Соколов получает приглашение участвовать в осенней выставке в Москве. В июне 1941 года он готовит выставку в стенах Художественной школы Паллас, но в день открытия выставки начинается война. По воспоминаниям дочери художника, в Палласе были выставлены работы крупного формата — они все погибли во время бомбёжки и больше отец почти не писал крупноформатных работ.

Иван Соколов пытается продавать картины, но кто их купит — идёт война?! Семья бедствует. Они снимают половину дома на улице Туру, 70. В первые годы войны жена в возрасте 35 лет умирает от туберкулёза и художник один воспитывает четверых детей. Немцы выгоняют его с детьми из дома и Соколовы живут на хуторе за городом, где их приютили добрые люди. Во время войны сгорел дом — в пожаре погибла основная коллекция довоенных работ художника. В первые послевоенные дни, простудившись, умирает 15-летняя дочь Вера.

На автопортретах этого времени изображён убитый горем и лишениями старик. После освобождения Тарту от фашистов, Соколову удалось найти на улице Эха полуразрушенный дом, получить в нём квартиру, восстановить её, отремонтировать — там он и жил до конца своих дней с детьми и внуками.

Иван Соколов был одержим творчеством и оно помогло ему пережить потери и вернуться к жизни. Все, кто знал Ивана Александровича, видели в нём высокообразованного, интеллигентного, начитанного человека, владеющего несколькими иностранными языками, и трудно было представить, что человек может достичь

такого высокого уровня развития благодаря исключительно самообразованию.

В послевоенные годы Иван Соколов знакомится с Николаем Яснецким, демобилизованным после войны из Советской Армии. Николай Васильевич Яснецкий был родом из Псковской губернии, но уже много лет, с 1927 года, жил в Тарту. Он родился 1909 году в д. Жижицы Псковской губернии в семье священника. В 1914 году отец получил новое назначение в Шемерицкую церковь и семья переехала в деревню Лавры, что находилась в 30 километрах от Печор.

По Тартускому мирному договору 1920 года Печорский край отошёл к Эстонии и Яснецкий стал гражданином Эстонской Республики. Он учился в Печорской гимназии, где рисованию обучал известный художник Александр Промет. После школы в 1927 году Николай поступил на естественно–математический факультет Тартуского университета, но душой был привязан к рисованию и поменял университет на Высшую художественную школу «Паллас», где преподавали лучшие художники Эстонии.

После третьего курса Яснецкий попадает в живописную мастерскую Николая Трийка, знаменитого портретиста, одного из создателей общества «Паллас».

Лето Николай Яснецкий проводил в экспедициях Харри Моора, основоположника эстонской археологии, изучавшего, среди прочего, происхождение и жизненный уклад русского населения Причудья и Печорского края. Рисунки с археологических раскопок вошли в книгу «Древние городища Эстонии». В 1939/41 годах по заданию Этнографического музея Яснецкий объезжает русские поселения Печорского края в поисках сохранившихся старинных деревенских построек. Краткий обзор этого бесценного исследования ему удалось только в 1960 году опубликовать в Трудях Института этнографии. В Историческом архиве Тарту хранится объёмная рукопись Николая Яснецкого на 70 листах — машинописный текст с рисунками, озаглавленный «Деревенское строительство в Печорском крае».

Затем война, служба в Эстонском корпусе, демобилизация и направление в Эстонский Художественный музей на должность реставратора картин, где Николай Яснецкий и проработает до выхода на пенсию. Получив назначение на работу реставратором, Николай Яснецкий едет в Ленинград и поступает в Институт жи-

Николай Яснецкий с семьёй

вописи, скульптуры и архитектуры на факультет теории и истории искусств. Он учится заочно и на 5 курсе (в 1953 г.) пишет контрольную работу, где впервые описывает жизнь и анализирует творчество Ивана Соколова.

В 1957 году Николай Яснецкий составляет хронологический список работ И.А. Соколова, начиная с 1903 по 1957 год. Список содержит 822 произведения с указанием наименования, техники и размеров работ. Список включает 302 пастели, 238 — работы маслом и темперой, 208 карандашных рисунков, 19 акварелей и 55 работ без указания техники.

К наибольшему удачам реставрационной работы сам Яснецкий относил реставрацию картины Иоганна Кёлера «Приидите ко мне» в церкви Святого Петра в Тарту.

Кроме реставрационной деятельности, Яснецкий писал картины, вёл работу с молодёжью — будущими художниками, одним из которых был Борис Пушкин, ставший впоследствии мастером акварель-

Н. Яснецкий. Калласте. Улица счастья

ных зарисовок Тарту. В середине 50-х годов они втроём — Соколов, Яснецкий и Пушкин — часто ездили на этюды.

Николай Яснецкий познакомил Ивана Соколова с Печорским краем и в творчестве Соколова, по утверждению его дочери, нашли отражение пейзажи, написанные в Лаврах и Печорах. К сожалению, многие картины художник тут же либо дарил, либо совсем недорого продавал и они осели и хранятся в частных собраниях.

Почти каждый год летом Соколов гостил у Яснецкого в Лаврах и вполне вероятно, что некоторые из работ Соколова находятся в Псковской области. Известно также, что в 1955 году Иван Соколов участвовал в художественной выставке в Печорах и в 1958 году в художественной выставке в Пскове. Одна из картин Ивана Соколова хранится в Печорском Краеведческом музее.

Николай Яснецкий восхищался талантом и кругозором художника-самоучки, он считал, что «Если бы в своё время Иван Соколов прошёл специальную профессиональную школу, то вероятно, что

Иван Соколов с внучками 1960 год во дворе на Эха 19, Тарту 1960 год

Тарту. Дом на ул. Эха, в котором жил И.А. Соколов

его способности нивелировались бы и произведения не отличались самобытностью. Можно радоваться, что в его произведениях нет ни заученной, ни заимствованной, ни выдуманной манерности. Его изображения трогательны искренней правдивостью».

Ещё при жизни И. Соколова Н. Яснецкий задумал создать три рукописных альбома, посвящённых его творчеству и содержащих биографию автора, анализ его творчества, а также работы Соколова в оригиналах: рисунки, акварели, пастели и картины, написанные маслом. Первый альбом был готов при жизни художника и сам Соколов принимал в его создании активное участие. Создавая первый альбом, Яснецкий писал, что «альбом создан с целью обеспечить долговечную сохранность собранным в нём произведениям». Выбор произведений был обусловлен размерами переплёта. Размеры работ Ивана Соколова, особенно в начале его творческого пути, редко превышали А-4 и позволяли хранить их в альбоме. Несколько крупных работ представлены в альбоме фотокопиями.

В первом альбоме всего 184 страницы — он содержит 244 произведения, из них 146 карандашных рисунков, 69 этюдов маслом, 13 пастелей, 12 акварелей, 8 рисунков пером, 2 работы темперой и 12 снимков крупноформатных работ.

По содержанию работы первого альбома делятся на 50 сюжетных изображений и картин, 76 портретов (из них 18 автопортретов), 111 пейзажей, 6 натюрмортов, одна карикатура.

Яснецкий пишет, что, несмотря на то, что в альбоме представлены работы художника с 1903 года до 1962-й, это только десятая часть творчества Ивана Соколова. Первый альбом начинается словами Ивана Соколова «Искусство для меня было всегда праздником».

Яснецкий продолжал работать над альбомами и после смерти Соколова. Первый из альбомов экспонировался на выставке 1969 года, когда праздновалось 85-летие художника и на посмертной выставке в честь 100-летия со дня его рождения в 1984 году. Первый альбом находится в спецхране Исторического архива Эстонии в Тарту, два других — у наследников Ивана Соколова. В первом альбоме особое внимание уделяется карандашным рисункам и работам маслом, второй альбом содержит работы пастелью; в третьем — под названием «Искусство — праздник» — находятся портреты и пейзажи, выполненные в различной технике.

Тарту, кладбище старOVEROV

Историческим архивом Эстонии летом 2015 года был оцифрован первый альбом и с ним в Интернете может ознакомиться каждый, интересующийся творчеством Ивана Соколова.

Завершённым является только первый альбом, второй и третий остались незаконченными, поскольку Николай Яснецкий в 1987 году ушёл из жизни.

В настоящее время в Тарту живут две женщины, которые могли бы многое рассказать о дружбе двух художников. В первую очередь, это Раиса Яснецкая (в девичестве Крайнева), уроженка деревни Лавры Печорского района, вдова Николая Яснецкого, передавшая в архив уникальный альбом и наставления о его хранении: она знала, что делает, поскольку сама всю жизнь работала в том самом Историческом архиве Эстонии. Вторая женщина — хранительница творческого наследия художника, его дочь Фаина Ивановна Муромцева. Из-за плохого самочувствия Раиса Яснецкая не смогла, к сожалению, встретиться со мною. Фаина Ивановна Муромцева, которой в 2016 году исполнится 90 лет, пребывает, слава Богу, в добром здравии и дала мне несколько интервью, показала тартуские места, где жил и любил бывать в разные времена её отец. Она позволила сделать копии с фотографий и материалов из своего домашнего архива, связанных с биографией и творчеством Ивана Соколова и Николая Яснецкого, за что я приношу ей сердечную благодарность.

Источники:

1. *Иван Соколов*. Автобиография. 10 стр. Рукопись из домашнего архива Фаины Муромцевой. Тарту, 1950 г.
2. *Фаина Муромцева*. Воспоминания об отце. Художник Иван Соколов. Рукопись из домашнего архива. Тарту, 2004 — 2015 гг.
3. *Николай Яснецкий*. Иван Александрович Соколов. Художник-самоучка. Жизнь и творчество. Первый рукописный альбом. Тарту. 1953 — 1984. Исторический архив Эстонии, EAA 5250; альбом в Интернете: http://www.ra.ee/dgs/_purl.php?shc=EAA.5250.1.6:1
4. *Сергей Исаков*. Иван Александрович Соколов. Газета «Эстония» № 296, 23.12. 1994 г.
5. *Галина Пономарёва, Татьяна Шор*. Староверы Эстонии. Тарту, 2006 г.
6. *Ю. Вялых*. Встреча с чародеем красок. Газета «Советская Эстония», № 70, 25.03.1965 г.
7. *Николай Яснецкий*. И кистью остановленное время. Газета «Советская Эстония», № 43 , 18.02.1984 г.
8. *N. Jasnetski*. Pintslist poole ta kunagi loobunud. Edasi, 26.01.1964. a.
9. *Valter Lenk*. Väravpall. «Edasi», 28.01.1984.a.
10. Русское искусство Эстонии XX века. Русский музей Эстонии, Каталог выставки в Музее г. Валга, Таллин, 1915 г.
11. Luunjasse tuleb unikaalne näitus. Toim. Mari Kartau. Eer.ee. Kultuur 29.05.2014.a.
12. Беседы, переписка, интервью с Фаиной Ивановной Муромцевой, Борисом Пушкиным, Зоей Кузнецовой, Татьяной Богдановой, Валентином Островским, Алёной Аксикайнен, Ниной Яковлевой. Архив Н.А. Катаевой-Валк.

«В НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ВЗОЙДЁТ, КАК СОЛНЦЕ, МОЯ ВСЕЛЕНСКАЯ ДУША!»

(К 110-летию творческой деятельности Игоря Северянина)

В.А. Банникова

(Таллин, Эстония),

*член Объединения русских литераторов Эстонии,
учредитель НКО «Северянинское общество культуры Эстонии»,
лауреат Северянинской премии по культуре*

Так предсказать своё будущее мог только талантливый человек, познавший при жизни и громкую славу, и горечь забвения.

Поэт Игорь Северянин (1887–1941) — представитель Серебряного века русской литературы, прошёл путь от громкой эстрадной известности до горького самопризнания в ироническом интервью в год своего творческого юбилея (1940):

«Почти ничего Издателей на настоящие стихи теперь нет. На них нет и читателя. Я теперь пишу стихи, не записывая их, и потом навсегда забываю».

Жизнь Игоря Северянина (Игоря Лотарева) словно расколота надвое: жизнь в России и вне её — Эстонии.

Россия — это Петербург, где он родился (16 мая 1887 г.), заботливые родители:

Отец мой, офицер сапёрный,
Был из владимирских мещан.
А мать моя была курянка,
Из рода древнего дворянка...

Это книги, посещение театров, дом на Гороховой и Гатчина — поэт Фофанов, и большая любовь к Евгении Гучан — Злате.

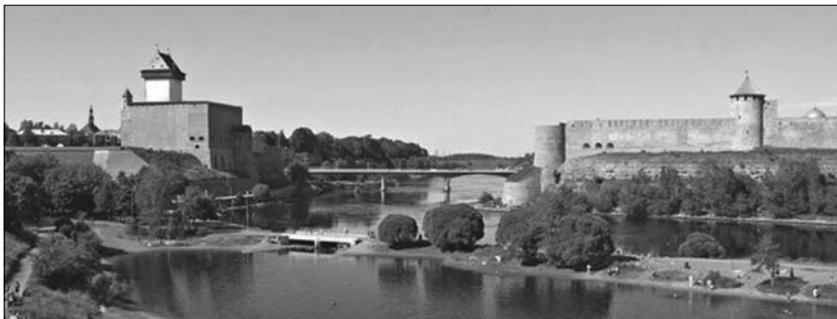

Это Череповец, где учился будущий поэт; Владимировка, где были усадьбы и земельные владения М. Лотарева и тётушки Е. Журовой. Это Москва, где на конкурсе собратьев по перу он был избран «королём поэтов».

И Эстония — «страна моя вторая», где он прожил более двадцати лет и закончил свой земной путь 20 декабря 1941 года в оккупированном фашистами Таллине. Его могила находится на Александро-Невском кладбище.

В Эстонии жили и творили многие деятели культуры. Но именно поэт Игорь Северянин, поэт Серебряного века, был долгие годы связан с нашим краем своей творческой и жизненной биографией.

Как вспоминал Игорь Северянин в своей поэме детства «Роса оранжевого часа», его отец с братом и сестрой провёл годы юности в немецком пансионе в Таллине. Игорь же в детстве одно лето отдыхал с семьёй в Гунгербурге (Нарва-Йьэсуу), в ту пору модном курорте. С начала 1910-х Северянин время от времени проводил лето в Тойле, маленьком селении на берегу Финского залива (В Тойле находилась вилла Орро купца Г. Елисеева, знаменитый парк. В 30-е годы в ней же — летняя резиденция президента ЭР К.Пятса) . Здесь поэт писал

Нарва и Иван-город

стихи, отдыхал от шумных поэзовечеров, общался с представителями мира искусства и литературы.

Эстонский период сам поэт исчислял с 28 января 1918 года, когда он свою семью (больная мать, гражданская жена Мария Домбровская, дочь Валерия) вывез из голодного, холодного Петрограда в рыбацкий посёлок Тойла, чтобы переждать разруху и голод. Да так и «задержался» здесь более чем на 20 лет. Отсюда он выезжал в Москву, где в феврале 1918 года на поэтическом соревновании собратьев по перу завоевал титул Короля поэтов.

А в 1920 году Эстония обрела независимость от России и статус суверенной республики. Так оказались за кордоном неожиданно для себя многие россияне, в том числе и Игорь Северянин. Он стал эмигрантом. Хотя таковым себя не считал. В 1930 году поэт уточнял: «Прежде всего, я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник — дачник с 1918 года».

... Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой:
Не предавал тебя ни мыслью, ни душой,
А если в чуждый край физически ушёл,
Давно уж понял я, как то нехорошо...

Наболевшее. 1939 г.

Из записи А. Блока в своём дневнике 26.08.1918 г.: «Издательство в Смольном... запретило печатать Игоря Северянина. Меня пока не тронули».

Дворец в Кадриорге, где проходил вечер памяти И. Северянина

Прожив в «стране моей второй» более двадцати лет, поэт оставил богатое литературное наследие. Он был первым, кто в столь широком масштабе познакомил русских читателей с эстонской поэзией — в 1929 году выпустил сборник «Поэты Эстонии. Антология за сто лет (1803–1902 гг.)»

По выражению Н. Рериха, выезжая в концертные турне со своей женой Фелиссой Круут по Европе, Северянин «напитал своими образами и созвучиями многие страны».

Да, интерес к творчеству Игоря Северянина (в силу суровых реалий) временами ослабевал, но не исчезал окончательно. Потому что он был поэтом «с открытой душой» (А. Блок), больших линий и больших вещей (М. Цветаева), умевший во всех проявлениях находить «сиянье жизни и тепла».

Начало 1920-х для Северянина были насыщены творческими и личными событиями. Поэт женится на эстонке Фелиссе Круут, умирает мать, рождается сын Вакх (1922), он принимает эстонское гражданство.

Из его восемнадцати книг двенадцать написаны в Эстонии (Письмо к Шенгели. 15.06. 1941). Вершиной лирики поэта стал сборник стихов

«Классические розы» (1931 г.). Несомненный интерес представляет и сборник «Медальоны» (Белград /1934/, составленный из 100 сонетов — характеристик, посвящённых поэтам, писателям и композиторам.

Выходят в свет одно за другим его автобиографические произведения в стихах: «Падучая стремнина», «Роса оранжевого часа», «Колокола собора чувств». Он впервые обращается к прозе и драматургии.

Любимым занятием поэта, кроме творчества, становятся рыбалка, прогулки в природу, в Пюхтицкий женский монастырь. Изредка наезжает в Таллин, чаще — в Тарту. Там выступал с поэзоконцертами, гостил у друзей. Остановливался обычно у Бориса Правдина или в семье Шумаковых.

Игорь Северянин устанавливает связи с эстонскими коллегами по перу, главным образом с поэтами из литературного объединения «Сиуру». Он стал первым крупным переводчиком эстонской поэзии на русский язык. Ему принадлежит антология эстонской поэзии на русском языке «Поэты Эстонии», включающая 143 стихотворения тридцати трёх поэтов, начиная от Ф. Крейцвальда и кончая поэзией В. Адамса 1920-х годов (Юрьев, 1928).

Северянин закончил свой земной путь 20 декабря 1941 года в оккупированном немецкими фашистами Таллине. Его прах покоится на Александро-Невском кладбище.

На надгробной плите у могилы поэта выбиты строки из его стихотворения:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Возле дома в Тойла, где жил Игорь Васильевич, установлен памятный камень с надписью на эстонском и русском языках: «**Здесь жил и работал в 1918–1936 гг. русский поэт Игорь Северянин. 1887–1941**».

В Эстонии Северянин познал сполна творческие взлёты и шумные восторги, полупустые залы и безденежье, «равнодушие и неотзывчивость русской колонии». Хотя были и праздники, приносящие нравственное удовлетворение. И еще: характерной чертой его музыки вне России стала пронзительная ностальгия, усиливающаяся с годами. Свидетельства тому — десятки стихотворений. Вот некоторые строки — признания из них, трогательные в своей искренности: «**Я Россию**

И. Северянин. Портрет работы Б. Линде

люблю — свой родительский дом — даже с грязью со всею и пылью», «О России петь — что стремиться в храм», «И вот мы остались без родины, и дом наш и жалок и пуст»...

Каждый год, начиная с 1905-го, 1 февраля Игорь Северянин отмечал годовщину начала своей литературной деятельности, хотя стихи стал писать много раньше (см. «Образцовые основы»). Однако свой творческий стаж он исчислял именно с этой даты, когда состоялся его дебют в солдатском журнале «Досуг и дело», где было опубликовано стихотворение «Гибель «Рюрика» (подписано: Игорь Лотарев).

После этого он придумал себе красивый псевдоним «Игорь-Северянин»; по другой версии, его придумал известный поэт К. Фофанов.

Годы двадцатого десятилетия стали для поэта временем творческого взлёта, состоялись его длительные путешествия (вместе с женой) в Европу: Германия, Франция, Финляндия, Польша, Югославия, Румыния, Чехия ... Северянин, пожалуй, жил больше за границей, чем в Эстонии. По подсчётам самого Северянина, он до 19 июня 1939 года

публично выступал с чтением своих произведений 301 раз, из них после 1918 года 59 состоялись в Эстонии и 107 — за границей (остальные, до 1918 года, — в России).

Эти же годы были успешны и в профессиональном отношении. Поэзия Северянина приобретает предельную искренность: «простота и естественность становятся характерной особенностью большинства его стихотворений». Кроме стихов, он пишет прозу. Меняется и манера его выступлений перед зрителями.

Обратимся к газетным публикациям и воспоминаниям самого поэта в письмах к друзьям, повествующим о юбилейных датах его творчества.

1925 год... 20-летие творческой деятельности.

Из письма к Августе Барановой в Швецию (меценатка и друг Игоря Северянина, познакомились в Москве): *«К 1-му февраля... издательство Бергмана выпускает в свет две новые книги. Если удастся, вышлю и вам»* (Имеются в виду поэма «Роса оранжевого часа» и роман в стихах «Колокола собора чувств» — В.Б.). Тойла. 5.1.1925 г.

В другом послании он сообщает: *«Юбилей прошёл более чем тихо. Этот день провёл в Тойле. Служили на могиле мамы панихиду и молебен. Никого из городов не приглашал. Тем более своих «односельчан». Получил пять телеграмм и семь писем. В четырёх газетах меня вспомнили немного. Вот и всё. Да, впрочем, в наше время и быть иначе не может... Офокстроттились все слишком»*. Järve, 5.02.1925 .

Примечательно по этому случаю «Открытое письмо» Северянина редактору «Последних известий» Р. Ляхницкому. В нём он просит «оттиснуть следующее: *«...но больше всего благодарен я... неизвестно мне лично мальчику, Вите из Ревеля, приславшему сто эстонских крон. Я горжусь, что ещё (или уже?) существуют такие мудрые русские мальчики; он же может гордиться в свою очередь, что подарил русскому — своему — поэту день творческий жизни»*.

1935 год. 30-летие поэтического творчества Игоря Северянина прошло в Нарве. Поздравительные статьи были опубликованы в газетах «Старый Нарвский листок», «Рахва лехт», «Вести дня» (за 12 марта 1935 г.). Газета «Вести дня» сообщает: «Чествование Игоря Северянина в Нарве по случаю 30-летия его поэтического творчества прошло с подъёмом. Во время исполнения концертной программы Игорь Северянин выступил с чтением своих стихов, восторженно принятых

Фелисса Круут и Игорь Северянин

публикой. Вызовам не было конца. После концерта состоялся банкет... К большому сожалению, зал Русского общественного собрания во время концерта был далеко не полон». Эта же газета сообщает, что «... из многочисленных прочитанных им произведений особенно понравились стихи о России: «Много видел я стран», «Ты потерял свою Россию», «Я чувствую, видится судное время», «Бывают дни»... Каждое из этих прекрасных стихотворений вызывало шумные аплодисменты».

Из письма к Августе Барановой, Тойла 1.02.1935 г.: «Дорогая Августа Дмитриевна, пишу вам в день своего 30-летнего юбилея. Статьи в газетах уже появились... Сейчас приехал опять Шульц из Ревеля, а через ½ часа из имения в 12 км «Онтика» наш сосед — помещик, капитан 1-го ранга К.К. Клапье-де-Колонг. Ему 76 лет, и дворец его на побережье славится на весь округ: громадный дом Николаевской эпохи. Мы все страшно тронуты его вниманием, тем более, что вьюга и мороз. Вскоре садимся обедать.

Газета «Вести дня», 1935. 6 фев.: «1 февраля маленький домик поэта посетило много народа, поздравить юбиляра приехал и местный адмирал К. Клапье, постоянно проживающий в своём имении в 12 км от Тойла».

Фелисса Круут

Фелисса Круут. 1921

...В этот день до поздней ночи в уютном кабинете поэта, при лампе под синим абажуром гости и хозяева вспоминали прежние годы, начало творческой деятельности юбиляра, его триумфальный успех, горячие споры критиков по поводу его первых книг».

В письме к Августе Барановой 5 марта Северянин сообщает, что его чествование в Ревеле пока отложили... *«Зовут и в Печоры и в Валк. Веду переговоры, но вряд ли что выйдет; уж очень дёшево теперь платят везде: по 30 крон! В эту сумму входят и поезда, и лошади, и отэли !.. А один билет до Печор — туда и обратно — 10 крон! НЕТ заработков хронически, а когда предлагают, «курам на смех». И живи — как хочешь!»* И далее:

«Разослал по всей Европе 150 экз. /Кн. «Рояль Леандра»/ на сумму 150 крон, но пока получил только 50 франков чеком из Белграда от одной богатой дамы за проданные ею 10 книг. И больше ни от кого. А жизнь идёт вперёд, и уже у нас в Тойле накопилось около 100 крон долга. Всё это удручает...»

4 мая выступление Северянина состоялось и в Печорах. Газета «Вести дня» (1935, 6 мая) сообщала: «Из многочисленных прочитанных им произведений особенно понравились стихи о России: «Много видел я стран», «Ты потерял свою Россию», «Я чувствую, близится судное время» и «Бывают дни — я ненавижу свою отчизну». Каждое из этих прекрасных стихотворений вызывало шумные аплодисменты».

Его новые стихи посвящены гражданским мотивам: поэт скорбит об умученной родине, верит в её близкое возрождение. Северянин утверждает, что Россию мало любить, надо её и «заслужить»:

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить -
Россию нужно заслужить!

1925. Тойла

Во второй половине 1930-х годов многое изменилось в жизни поэта. Весной 1935 года Северянин расстался с Фелиссой Круут и покинул Тойлу. Брак их официально не был расторгнут. Спутницей последних лет жизни стала учительница Вера Коренди. В 1935–1937 годах анти-урбанист Северянин живёт преимущественно в Таллине, периодически — в Пайде, Усть-Нарве, Сааркюле. Кризис в личной жизни совпал с материальным. Он практически перестал писать стихи и занимался в основном переводческой работой — за неё эстонское правительство назначило Северянину пожизненную пенсию в 8 долларов.

Из письма к Августе Барановой, 30.04.1937. Тойла: *«Ни о каких заграничных поездках не может быть и речи... НЕ может быть речи и о творчестве: больше года ничего не создал: не для кого, это во первых, а во вторых — душа петь перестала, вконец умученная заботами и дрязгами дня...». Живу случайными дарами добрых знакомых Белграда и Бухареста. Конечно, всё это капля в море, но без этой «капли» и жить нельзя было бы. И всегда хронически ежемесячно не хватает, т.к. самая убогая даже жизнь всё же стоит денег, а их, увы, очень немного присылают.»... «16 мая исполняется 50 лет со дня моего рождения. Грустная дата...»*

1940... 35-летний юбилей творчества поэта отмечался в Таллине 14 марта 1940 года в здании Братства Черноголовых. Северянин, по-

лагая, что давно всеми забыт, а его поэзия никого уже не интересует, 15 февраля 1940 г. писал Г. Рустейкес: *«14 марта меня чествуют в Таллинне в большом зале Черноголовых (550 чел. вместимостью). Человек 25 будет... Не верю ни во что больше!»*.

К тому времени поэт расстался с Фелиссой Круут, ухудшились здоровье и материальное положение. Одолевала ностальгия, «душа петь перестала». Тем радостнее ему было сообщить, что концерт прошёл *«с большой помпой. В зале было 570 человек — полно! Преимущественно, в громадном большинстве — эсты. Ах, уж эти соотечественники! Слава Эстонии. Инициаторами вечера были: эстонский художник-миллионер Борис Линде и Алексис Раннит. С начала и до конца в зале было вдохновенно, и это самое ценное. Я прочитал много пацифистского, встреченного непередаваемыми овациями. Горжусь»* (Собрание М. Лесмана).

«Президент мин. нар. проsv. и внутр. дел прислали подарки, и это были самые крупные суммы. И это нас поддержало», — писал Северянин С. Карузо из Нарвы-Йыэсуу. Президент государства Константин Пятс подарил Игорю Северянину по случаю юбилея 400 крон.

Портрет поэта, выполненный «к этому празднеству» эстонским графиком Борисом Линде, был помещён на программе вечера.

В заметке «Сегодня — чествование Игоря Северянина в Таллине» (газ. «Сегодня», 1940, № 73, Рига) говорится: «Примадонна театра «Эстония» Мильви Лайд исполнит, между прочим, песню на слова Северянина «Виктория Регия» на музыку С. Прохорова. Солист «Эстонии» В. Вейкат споёт «Поэзу об Эстонии». Музыка для неё специально для этого вечера написана эстонским композитором проф. Адо Ведро. Участвует в этом вечере и лучший эстонский пианист Бруно Лукк, как и многие другие деятели эстонской литературы и музыки».

Летом 1940 года Эстония вошла в состав СССР. Северянин воспринял это с воодушевлением.

После двенадцатилетнего перерыва возобновилась переписка его с Георгием Шенгели. Северянин сообщает в письме за 2 сентября 1940 года: *«Я очень рад, что мы с Вами граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твёрдо. И я рад, что произошло это при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенёс воспаление левого легкого в трудной форме...»*.

Поэт увидел для себя в данном событии возможность вернуться в Россию — гастролировать, печататься, издаваться.

Из Пайде в октябре 1940 года он сообщал Шенгели: *«Я почти 3 года ничего не писал вовсе... только это лето оказалось для меня плодотворным. Я написал целый ряд стихов, ожив и воспрянув духом».*

Переписка с Шенгели была для Северянина действительно весьма целебна. Шенгели посылал ему книги, размещал его стихи в московских журналах, заказывал переводы.

Все это приносило нравственное удовлетворение, радовало, окрыляло, вдохновляло, скрашивало печальный колорит последних лет жизни Северянина. Так, в июне 1941-го в очередном письме к тому же адресату он сообщал: *«... я энергично (понемногу!) работаю... С сегодняшним присылом стихов у Вас уже накопится 62. Мне кажется, что Вы уже утомились от них. А они всё идут... как дождь!»*

Воссоединение с Россией означало для Северянина обретение самосознания и духовного бессмертия:

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я — русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

В России долго замалчивали имя Игоря Северянина. Первый литературный вечер, посвященный поэту, организовал Георгий Шенгели в Доме актёра в мае 1946 года. Однако после знаменитого доклада Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и постановления ЦК ВКП/б/ в области литературы стихи Северянина никак не могли появляться на страницах советских изданий, быть читаны с эстрады. Поэзию его «заморозили». И только к 100-летию поэта имя его возвратилось в литературный обиход.

Северянинское общество культуры Эстонии (создано в 2002 г.) совместно с Объединением русских литераторов, Литклубом «Гармония» провели в дни памятной даты -110-й годовщины — несколько интересных мероприятий: конкурс чтецов произведений Игоря Северянина среди учащихся гимназий Таллина, Республиканскую юбилейную викторину по творчеству «Короля поэтов», состоялись поэзовечера «Стихи в музыке и музыка в стихах» в Таллинне и Нарве-Йыэсуу,

«Стихи эстонских поэтов в переводе Северянина» в Кадриоргском дворце Таллина; прошли экскурсии по памятным местам пребывания поэта в Эстонии и России. В мае к нам приезжала из Владимировки, где действует литературный музей имени Северянина, его директор В. Сумарокова — музей находится в усадьбе Лотаревых во Владимировке, в 30 километрах от Череповца. Любители поэзии Тойлы совместно с Управой посёлка разработали так называемый «километр поэзии» (идея Леи Ранд, заведующей Тойлаской библиотекой). От бульвара Мере до улицы Пикк установлено пять скамеек. На пластине, прикреплённой к спинке скамьи, воспроизведена первая строфа стихотворения Северянина «Эст-Тойла». Чтобы прочесть всё стихотворение, надо прогуляться от скамейки до скамейки, и, отдохнув, продолжить путь к памятному камню у дома, где жил Игорь Северянин.

1. За двести вёрст от Петрограда,
От станции в семи верстах,
Тебе душа поэта рада,
Селенье в еловых лесах!

5. Давно я местность эту знаю,
Её я вижу часто в снах...
О, сердце! к солнцу! к морю! к маю!
К Эст-Тойле в еловых лесах!

1918. *Тойла*

Интерес к творчеству Игоря Северянина временами ослабевал, но никогда не исчезал окончательно: именно потому, что он был истинный поэт, «поэт с открытой душой»; у него было замечательное чувство поэзии не только как формы самовыражения, но и как способа существования в мире. Он обладал замечательной способностью находить во всех проявлениях действительности «сиянье жизни и тепла»:

О, наслаждайтесь красочной зарёю
И славословьте жизнь: она нова!
Творите вдохновенные слова!
И пусть планета, что зовут Землёю,
Пребудет ввек прекрасна и жива!

Тойла. У дома, в котором жил И. Северянин

Игорь Северянин продолжает жить в памяти людей самых разных национальностей, но особенно русских и эстонцев.

С 2002 года в Эстонии действует НКО «Северянинское общество культуры». В 1995 году Русская фракция Эстонского парламента учредила ежегодную премию по культуре для поощрения тех, кто внёс существенный вклад в развитие русской культуры Эстонии и популяризацию эстонской культуры среди русских в Эстонской Республике.

Вот только памятника, о чём так мечтал Северянин, нет ни в Эстонии, ни в России:

...Но будет день — и в русской голове
Забродят снова мысли золотые,
И памятник воздвигнет мне в Москве,
Изжив «Рассею», вечная Россия!

Остаётся надеяться, что 110-я годовщина творческой деятельности в своё время полузабытого Северянина послужит для более

Могила И. Северянина
на Александрo-Невском кладбище

Памятник на могиле Ф. Круут-Лотаревой

углублённого изучения и восприятия той истинной его поэзии, о свойствах которой писал Георгий Адамович (1931 г.) после выступления Игоря Васильевича в Париже: «... этот фонтан, бьющий стихами неудержимо, показался чем-то волшебным. Не хотелось говорить о недостатках. Хотелось только благодарить за эту «Божьей милостью» поэзию...»

В Эстонии о Северяnine издано несколько книг и монографий — вот некоторые из них: Сочинения. (Составители С. Исаков и Р. Круус). Издательство «Ээсти раамат», Таллинн, 1990; Ю Шумаков. «Пристать бы мне к родному берегу...». 1992; *Игорь Северянин*. «Жизнь прожита большая, неповторяемая на Земле!» Таллинн. Издательство «Тарбеинфо-Русский Телеграф». 2002; «Певцу весны и радостных тревог» (120-летию со дня рождения Игоря Северянина посвящается, составитель В. Банникова). Таллинн, НКО «Северянинское общество культуры». 2007.

ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВЫПУСКНИКОВ ПСКОВСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ 1901 ГОДА

А.П. Векшин

(Санкт-Петербург),

Действительный член Русского Географического общества

Выдающийся деятель русской культуры Владимир Васильевич Стасов в 1881 году писал: «У нас все любят откладывать, особенно то, что поважнее ... и люди, которые могли бы сообщить много интересного о замечательных деятелях, замыкаются в упорное молчание: по их мнению, это — признак скромности, благоразумия и солидности. „Поспеем, — говорит обыкновенно большинство, — не я, так другой кто-нибудь сделает. А, если и вовсе ничего не будет, что ж за важность!“ И, вследствие такой логики, наше Отечество так скудно сведениями о самых выдающихся по таланту сынах своих, как ни одна страна в Европе. Сначала тянут и медлят, потом окончательно забывают, а позже не остаётся никакой возможности собрать не только устные какие-нибудь рассказы, но даже письма того исторического русского человека, который, наверное, заслужил бы лучшей участи. Какая печальная система, какая недостойная привычка!» [1]. Последуем же доброму совету и передадим потомкам то немногое, что сохранило нам ушедшее время.

Как известно, ценнейшим историческим источником являются фотографии из личных архивов. Именно они создают представление об атмосфере прошлых лет и облике людей ушедших эпох. Возможность познакомиться с обликом преподавателей и учеников Псковской учительской семинарии начала XX века по фотографическим

снимкам стала осуществима благодаря сохранившейся в частном архиве коллективной фотографии выпуска 1901 года.

Педагогическое учреждение «Псковская учительская семинария» была открыта в Пскове 1 сентября 1874 года для подготовки учителей начальных школ. Сюда принимали юношей православного вероисповедания всех сословий в возрасте с 16 до 18 лет после приёмных испытаний в объёме знаний 5 — 6-летней школьной программы обучения. Учились в семинарии три года. Малообеспеченные воспитанники получали стипендии. В этом случае они должны были отработать четыре года земскими учителями в школе не по своему выбору, а по направлению [2]. Учительская семинария располагалась по Георгиевской улице в деревянном доме с флигелями и имела учебно-показательный сад. В 1914 году она переехала в новое, специально построенное, каменное здание. В 1919 году Учительская семинария была

объединена с Учительским институтом, под общим названием — Институт народного образования, а в 1923 году Народный Комиссариат просвещения преобразовал Институт в Педагогический техникум, который готовил кадры школьных учителей.

Вернёмся во времена Учительской семинарии. Первым её директором был назначен коллежский советник Владимир Александрович Ауновский, который из-за болезни проработал меньше года. Его сменил надворный советник Фёдор Васильевич Кестнер, который работал в должности директора 20 лет. В семинарии преподавали Закон Божий (законоучитель протоиерей Григорий Иванович Тарасов), русский язык и историю (Митрофан Егорович Маккавеев), физику (Владимир Иванович Благовещенский), чистописание и черчение (Николай Иванович Тильтин), гимнастику (Иван Андреевич Введенский), пение (Ковалевский), основы педагогики. В составе семинарии был врач Александр Васильевич Беляев. С 1891 года в Псковскую Учительскую семинарию стали принимать молодых людей лютеранского вероисповедания — для подготовки учителей в евангелическо-лютеранские школы — и в штате семинарии появились две новые должности: пастор и учитель лютеранской церковной музыки и пения. При семинарии, с первого года её существования, была открыта начальная школа для мальчиков и девочек.

В 1897 году к семинарии была причислена православная церковь во имя святых Иоакима и Анны, которая годом раньше была отремонтирована на пожертвования почётного попечителя Учительской семинарии статского советника Николая Фёдоровича Фан-дер-Флита. 30 ноября 1895 года по приказу гражданского ведомства директором Псковской учительской семинарии был назначен статский советник Александр Иванович Константиновский. Его портрет представлен в самом центре общей фотографии выпуска 1901 года.

Следует отметить, что после открытия в отрасли фотографии возможности с одного негатива делать несколько фотографий, стало возможным массовое производство фотографической продукции. Групповые фотографии выпускников средних и высших учебных заведений выполнялись на листах фотобумаги большого формата, которые наклеивались на паспорт ещё большего формата для лучшей сохранности самой фотографии. Паспорту имело фирменную марку,

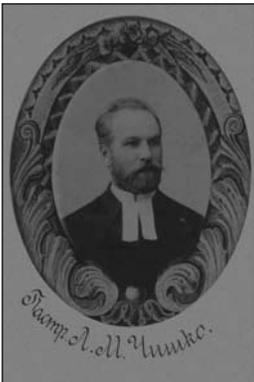
А.И. Константиновский,
директор

Д.И. Невдачин —
законоучитель, священник

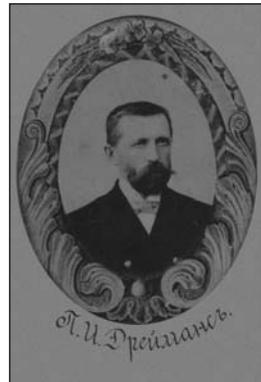
И.С. Никитин —
учитель музыки и пения

А.М. Чижко,
пастор

В.К. Гайкис —
учитель лютеранской
церковной музыки и пения

П.И. Дрейманс —
учитель музыки и пения

напечатанную типографским способом. Тиснением была нанесена фамилия фотографа, владевшего фотоателье и год съёмки. Фотографии делались исключительно в фотоателье и относятся к истории портретной фотографии России. Они давали возможность совершить путешествие в своё прошлое, сохранить память о себе и об однокурсниках.

Автор рассматриваемой нами фотографии — известный псковский фотограф Парли Отто-Иоганн (Отто Иванович: 1867 — после 1926 г). Родился в Риге, русский подданный, немец по национальности. Он переехал в Псков, будучи приглашён к сотрудничеству вдовой псковского фотографа И.В. Дмитриева, — Юлией Адамовной, сохранившей ателье мужа. В 1898 году ателье полностью перешло в собственность О.И. Парли. Отто Иванович занимался портретной и видовой съёмками — сохранились его фотографии псковских улиц, отдельных зданий, интерьеров. Издавал открытки, альбомы. Сотрудничал с Псковским Археологическим обществом (ПАО): занимался съёмкой археологических находок и древних псковских достопримечательностей. В 1911 году за заслуги перед ПАО был избран его почётным членом [3]. Только благодаря высокому мастерству фотографа-портретиста Отто Парли и его совершенно уникальной технике химической обработки и выбора фотобумаги, фотография выпускников Учительской семинарии дошла до нашего времени в первоизданном виде, чему так же содействовало и правильное хранение этой огромной по формату фотографии.

Итак, галерею фотопортретов открывает действительный статский советник Александр Иванович Константиновский — директор Учительской семинарии с 30 ноября 1895 года по 30 июня 1909 года. Он проживал в казённом здании по Георгиевской улице (1901, 1905) [4]. От Министерства народного просвещения был представителем в Псковском губернском училищном совете (1901, с. 24). В 1898 году по его инициативе при семинарии была открыта столовая для учащихся на средства губернской и уездной земских управ. При нём по Высочайшему повелению Министерство народного просвещения от 15 октября 1898 года в учительских семинариях была введена форменная одежда (гимназическая блуза, ремень с инициалами на медной пряжке и фуражка с металлическим значком).

В.И. Волошинов —
учитель естествознания
и географии

И.Ф. Жданко —
учитель чистописания
и рисования

И.В. Малышев —
учитель русского языка
и словесности

М.И. Миновский —
сведений о нём не
обнаружено

А.И. Порфиридов —
учитель чистописания и
рисования

А.С. Семёнов —
сведений о нём
не найдено

Деревянные строения, в которых располагалась Учительская семинария, были плохо приспособлены для ведения занятий. По ходатайству А.И. Константиновского в 1899 году начал обсуждаться вопрос о строительстве нового здания семинарии (в новое, специально построенное, каменное здание семинария переехала только в 1914 г.). При нём же земством были утверждены повышенные стипендии для успешных семинаристов в честь выдающихся деятелей земского движения Н.А. Ваганова в размере 150 руб., М.С. Каханова — 120 руб., П.П. Елагина — 60 руб., имени Д.А. Философова — 100 руб. В 1905 году 12-ти нуждающимся семинаристам, уроженцам Псковского уезда, была назначена стипендия, по 150 рублей каждая, имени почётного попечителя Псковской Учительской семинарии, статского советника, владельца имения в селе Быстрецово Псковской губернии и уезда, выдающегося земского деятеля и благотворителя Николая Фёдоровича Фан-дер-Флита (1840—1896) [2].

Законоучителем семинарии был Невдачин Димитрий Иоаннович — священник (протоиерей в церкви Святителя и Чудотворца Николая от Кожина монастыря в Пскове, до этого священник Свято-Троицкой церкви в Опочке), (1901, с. 27). С 1896 года вёл службу в церкви св. Иоакима и Анны (в 1897 г. этот храм был причислен к Учительской семинарии). Жил на Иоакимо-Анненской улице в собственном доме (1903, с. 41). Его отец И.И. Невдачин был священником Успенской церкви города Опочки и входил в состав Опочецкого Епархиального училищного совета (1901, с. 91). После 1922 года судьба Димитрия Иоанновича Невдачина неизвестна [5].

Все сведения об учителях и продвижении по службе выпускников взяты из Памятных книжек Псковской губернии (год издания и страница справочника указаны в скобках). Орфография источников сохранена.

Никитин Иван Семёнович — учитель музыки и пения (1899, с. 45), учитель светского и православного церковного пения, надворный советник (1901, с. 28).

Чишко Людвиг Мартинович — пастор, был вторым пастором при Евангелическо-лютеранской церкви Св. Иакова в Пскове (1901, с. 31), пастор Псковской губернской гимназии (1905, с. 80), пастор Сергиевского реального училища (1905, с. 82), законоучитель лютеранского

Д.П. Соболев —
инспектор народных
училищ

В.И. Степановский —
учитель садоводства и
огородничества

А.М. Тепляков —
учитель начального
училища при семинарии

А.А. Шмаров —
учитель арифметики
и геометрии

А.В. Беляев —
врач

В.М. Григорьев —
учитель Сергиевской
приходской школы

вероисповедания (1899, с. 45; 1901, с. 27). Жил на Успенской улице в доме Лепковского (1905, с. 81).

Гайкис (Гайки) Вильгельм Карлович — учитель лютеранской церковной музыки и пения (1901, с. 28), одновременно был учителем латышского и эстонского приходов (1905, с. 91). Жил на Гоголевской улице в доме лютеранской церкви (1905, с. 81).

Дрейманс Пётр Иванович — учитель музыки и пения (1899, с. 45).

Волошинов Виктор Ипполитович — учитель естествознания и географии (1899, с. 44; 1901, с. 27).

Жданко Иван Фёдорович — учитель чистописания и рисования (1899, с. 45).

Малышев Иван Васильевич — учитель русского языка и словесности, истории, арифметики и пр. в подготовительном классе (1901, с. 27). Жил в Поганкином переулке в доме Черехинского (1905); на Великолуцкой ул. в доме Вознесенского монастыря (1911, 1913 гг.).

Миновский М.И. — сведений нет.

Порфиридов Алекс. Михайлович — учитель чистописания и рисования. Жил на Великолуцкой ул. в доме Сутоцкого (1905); на Георгиевской ул. в доме Вериго (1911) и в доме № 3 (1913).

Семёнов Александр Семёнович — учитель русского языка и истории (1901, с. 27).

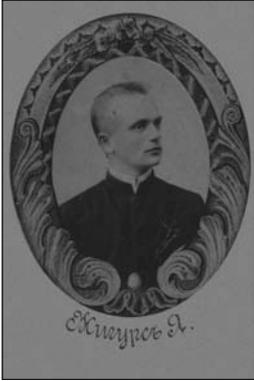
Соболев Дмитрий Платонович — инспектор народных училищ Псковской губернии 1-го района (1901, с. 24). Входил в Совет Холмского уездного попечительства Кушелевского детского приюта (1901, с. 140).

Стехновский Василий Иванович — учитель садоводства и огородничества. Жил на Успенской улице в доме Лепковского (1905, с. 81); на Гоголевской ул. в доме Плавского (1911).

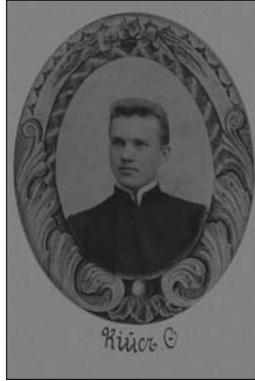
Тепляков Алексей Михайлович — учитель начального училища при семинарии (1899, с. 45; 1901—1913, то же). Учитель начальной школы при семинарии и преподаватель гимнастики (1905). Личный почётный гражданин (1901, с. 27).

Шмаров Алексей Александрович — учитель арифметики и геометрии (1899, с. 44; 1901, с. 27).

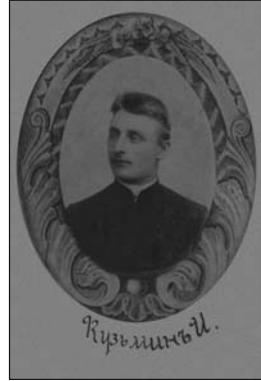
Беляев Александр Васильевич — врач (1899, с. 45; 1901, с. 28). Жил в доме Кадетского корпуса (1905, с. 81).

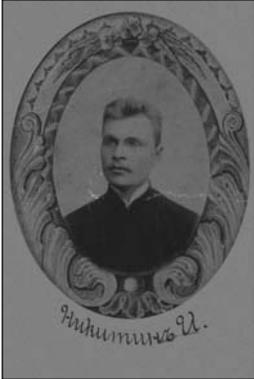
А.К. Жигурс —
помощник учителя
Покровского училища
Островского уезда

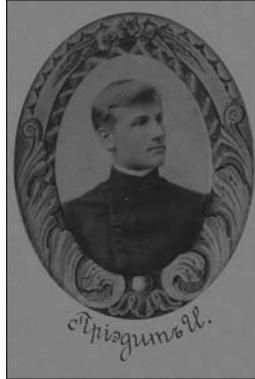
Ф.А. Кийс —
учитель Иваново-
Болотнинской школы
Печерского уезда

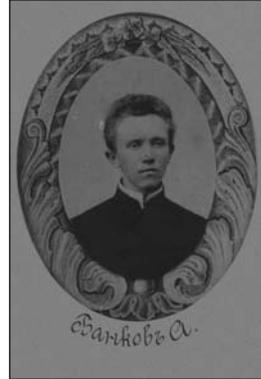
И.К. Кузьмин —
земский врач
Холмского уезда

И.С. Никитин-Громов —
учитель Бежанецкой
земской школы

И.П. Приэдит —
завед. приходским
училищем в В. Луках

А. Банков

В 1914—1918 годах из прежнего учительского состава в штате семинарии значился учитель начальной школы А.М. Тепляков, а по найму работал учитель игры на фисгармонии и лютеранского церковного пения В. К. Гайки [6]. Преемственность педагогической деятельности в псковском «Институте Народного Образования», открытом в 1919 году, продолжил Иван Васильевич Малышев, имевший большой опыт работы в дореволюционной учительской семинарии [7].

На общей фотографии помещены также портреты 19-ти семинаристов выпуска 1901 года. Надо отметить, что фотографии — как учителей, так и семинаристов — заключены в овальную рамку-медальон одинакового размера, чем подчеркнута их профессиональное равенство как молодых, уже дипломированных учителей. Только портрет директора А.И. Константиновского выделен большим по размеру. Мы воспроизводим фотографию каждого выпускника и сообщаем биографические сведения о тех, кого удалось найти в Памятных книжках Псковской губернии и других источниках.

Банков А.

Бредис Э.

Григорьев В., Владимир Михайлович — учитель Сергиевской приходской министерской одноклассной школы (1905). Заведующий (1907). Учитель Сергиевского двухклассного министерского училища (1909—1914), в селе Сергиево Баранецко-Озерецкой волости Торопецкого уезда. В этой же школе работала учительницей его жена — Надежда Николаевна Григорьева (1905, с. 265; 1907, с. 245; 1909, с. 277; 1910, с. 294; 1913—1914, с. 387).

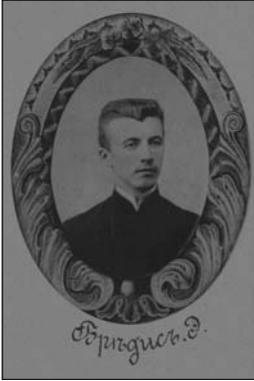
Жигурс А., Жигур Александр Карлович — помощник учителя Покровского евангелическо-лютеранского церковного училища Островского уезда (1907, с. 145).

Калнин С.

Караулов М. .

Кийс Ф., Фёдор Адамович — учитель Иваново-Болотнинской школы в деревне Иваново-Болоты Печерской волости (1903, с. 34; 1905, с. 29). Заведующий (1907, с. 85) и учитель Славковского двухклассного министерского училища в селе Славковичи Славковской волости Псковского уезда (1909, с. 82).

Кох Э.

Э. Бредис

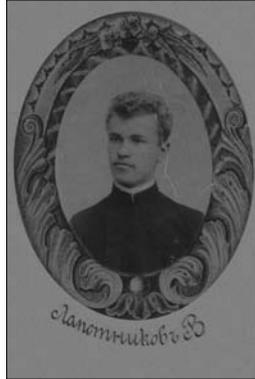
С. Калнынь

Караулов М.

Э. Кох

В. Лапотников

Ж. Мачин

Кузьмин И., Иван Кузьмич — земский ветврач. Холмский уезд (1910, с. 315). Фельдшер, Ветеринарный пункт села Тухомичи (1913—1914, с. 353).

Лапотников В.

Мачин Ж..

Молчанов С.

Никитин И., Иван Никитич (Громов, Громов-Никитин); 07.04.1877, дер. Черепово Псковской губернии и уезда, — 27.01.1945, село Вязье Дедовичский район, — учитель Пушкинской земской школы в селе Плёсы Захонской волости Новоржевского уезда (1903, с. 147—148; 1905, с. 206; 1907, с. 191). Заведующий и учитель Бежаницкой земской школой в селе Бежаницы с 1910 по 1917 гг. (1913—1914, с. 258). После 1917 г. продолжал работать в Бежаницкой школе крестьянской молодежи (ШКМ) до 1932 г. включительно в должности заведующего и учителя. В 1933—1941 гг. работал учителем в начальной школе села Вязье Дедовичского района Псковской области (8).

Покровский Н.

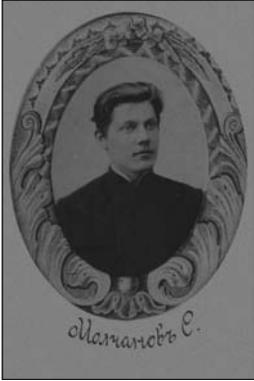
Приэдит И., Иван Петрович — учитель, заведующий училищем (приходское министерское одноклассное училище) в городе Великие Луки (1907, с. 212); исполняющий обязанности помощника классного наставника в Реальном училище Торопецкого уезда (1909, с. 274; 1910, с. 292), состоял в обществе вспомоществования нуждающимся воспитанникам Торопецкого реального училища (1910, с. 309). В приходском министерском одноклассном училище г. Великие Луки работала в должности помощника учителя его жена Вера Гавриловна Приэдит (1907, с. 212); в должности учителя — в Вязовской (село Вязь) земской школе Великолуцкого уезда (1909, с. 248); в 1910 г. она работала учительницей Апимаховской школы Великолуцкого уезда (1910, с. 265). Сестра Ивана Петровича Зинаида Петровна Приэдит была учительницей Зайцевской церковно-приходской школы в деревне Тупицыно Паниковской волости Псковского уезда (1910, с. 115).

Себбер Вл.

Тентель Т.

Трумис М.

Тыкин А.

С. Молчанов

Н.И. Покровский

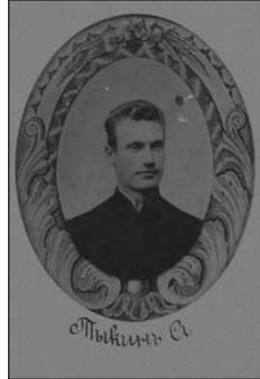
В. Себбер

Т. Тентель

М. Трумпе (Трумис)

А. Тыкин

На основании вышеизложенного мы видим, что выпускники 1901 г. Псковской учительской семинарии работали по всей губернии в школах разных ведомств. Возможно, что те, кто не был включен в справочники по Псковской губернии, работали учителями в сопредельных губерниях.

Большинство из тех, кто работал на ниве просвещения, продолжали многолетние традиции учительства в общей атмосфере духовности и интеллигентности, которые были свойственны выпускникам Псковской учительской семинарии.

Фотографии публикуются впервые и являются ценным визуально-документальным историческим материалом рубежа XIX—XX вв.

Источники:

1. Цитата по: Вестник Европы. 1881. Кн. V. Т. III. С. 285.
2. Историческая справка. Псковская учительская семинария, г. Псков Псковской губернии /1874—1919/. Архив ГКУ ПО «ГАПО» — Государственный архив Псковской области. <http://forum.ru/1405/60961/>
3. *Старилова Л.И.* Краткий обзор фотографических коллекций в Государственном музейно-выставочном центре РОС ФОТО. // Сб. Докладов международной конференции «Фотография в музее», 2—4 октября 2012 г.
4. Здесь и далее в скобках указаны ссылки на год издания и страницы в Памятных книжках Псковской губернии за 1896—1913—14 гг.
5. [www/pskov-ellink.ru/browse/](http://pskov-ellink.ru/browse/)
6. <http://forum.vgd.ru/1405/60961/>
7. *Филимонов А.В.* От Учительской семинарии до Педагогического института. // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2007. № 1. С.5.
8. *Векшин А.П.* И.Н. Никитин-Громов — учитель земской школы в Бежаницах. // Пятые Псковские региональные краеведческие чтения. Великие Луки 15—17 октября 2014 г. Псков; М., 2015. С. 413—433.

КАМЕРА-ОБСКУРА В ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМ НЕВЕЛЕ. ДНЕВНИК ЭМИГРАНТА, 1916–1917 ГОДЫ

О.Н. Петровская
(Невель — Москва)

Предчувствия великой трагедии России высказывали многие, в том числе Фёдор Достоевский и Владимир Соловьёв. Хотелось бы добавить к ним давно забытое имя философа, переводчика, поэта, эссеиста Николая Николаевича Белоцветова, творчески связанного с нашей землёй. В зарубежных сборниках антологии русской духовной лирики его имя значилось рядом с именами Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Белого, Аксакова, Баратынского, Вяземского, Жуковского.

В жестокое для России время Белоцветов не мог опубликовать свои произведения на исконной Русской земле. Но он всегда мыслил как человек духовный, православный, как патриот своего Отечества. Поневоле став представителем русского зарубежья, он сказал не только о своём времени бытия, но и о будущем потерянной для него страны. Во многом угадавший пути России, он становится актуальным сегодня: ведь мы опять стоим на пороге возможных потрясений.

В «Дневнике изгнания», эссе «Пути России», стихах и прозе он анализирует наши заблуждения, слабости, проблемы. Но за этим чувствуется глубокая вера в воскресение Руси. Он считал, что «восхождение русской культуры на более высокую духовную ступень могло бы искупить кровь и слёзы»...

Вспоминая о друге, Юрий Иваск написал: «Его почти невозможно было увидеть en face. Уж очень узким было его лицо, и поэтому он всегда был видим в профиль. Отсюда впечатление некоторой призрачности, которая была и в бесплотных его стихах»¹.

Николай Николаевич Белоцветов

Через 3 года после смерти в Париже вышла третья книга его стихов. Предисловие написала жена Николая Николаевича: «Ушёл из жизни большой поэт. Он пролетел через жизнь. Он пел, как Орфей в преисподней. Поэт божьей милостью сознавал, откуда его дарование, и не искал для себя славы. В этом — секрет его шапки-невидимки, в которой он, поэт и философ, прошёл по жизни».

Как жемчуг, в уксус брошенный, мгновенно
И навсегда растаю, растворюсь
В твоих просторах, край мой незабвенный,
Злосчастная, истерзанная Русь!

Шепча твоё поруганное имя,
Развеюсь я в тоске твоей как дым.
О, родина немая, научи мя
Небесным оправданием твоим!²

Предки Белоцветова — люди духовного сословия: дед Алексей Васильевич — протоиерей из города Киржач Владимирской губернии, духовный писатель. У протоиерея было 2 сына: Николай и Сергей. Николай Алексеевич Белоцветов и Варвара Андреевна Тикстон, отпрыск старинного английского рода, переехавшего в Россию при Екатерине, — родители Николая Николаевича. Место его рождения — Петербург. Кроме него, в семье были ещё брат Андрей и три сестры — Екатерина, Елена и Людмила. Летом жили в Царском Селе или выезжали за границу.

Закончив немецкую школу, в 1909 году Николай поступает в Петербургский университет, выбрав отделение философии историко-филологического факультета. Он уже пишет стихи. Николай освоил семь языков, но особое влечение испытывал к немецкой литературе и философии.

Сохранились его дневники с 1910 года. Много стихов о любви, записей по вопросам философии, русской поэзии. Среди заметок — шуточная басня, сказка. Он пишет «Рыцаря святого Грааля». Выписки из Евангелия чередуются с письмами к некой Лере. Упоминаются также Коля, Вовик, Андрей, Борис, Лиза, Лида, Вера, Сара ³.

В последний год перед Первой мировой состоялась его знакомства с Андреем Белым, путешествие в Мюнхен, Лейпциг, лекции философа-мистика Рудольфа Штейнера, основателя антропософии.

1914-й он встретил в России. Война. Николай был призван в армию и направлен в Михайловское артиллерийское училище, после чего — на фронт. И, тем не менее, у него в следующем году — первая публикация в петербургском сборнике «Перун», работа над статьями «Над истиной и заблуждением», «Голос миров», «Возвращение Заратустры» и другими. Задумал «Мир и миф».

1 января 1916-го. Запись в дневнике: «В этом году буду опять вести записки. Надо контролировать свою работу. <...> появилась моя «Религия творческой воли». Начало литературной деятельности... Два последних месяца я — юнкер. (Далее — о фальши знакомой Леры, — прим. авт.) Зачем скарлатина не прикончила меня? Лучше было бы мне умереть, чем желать смерти от германской пули⁴.

24 января 1916. За юношеским максимализмом и страстями — горькое сожаление о том, что «нет ни минутки для великих книг и для людей, живущих духом»

28 февраля 1916: «Тяжёлый был месяц... Напереживался от казарменной обстановки, безысходности и сырости»⁵.

В равнинах тяжкий пуль и гари едкий запах.
Там небывалый зверь, таящий в лапах смерть,
Сугулится во мгле на искривлённых лапах,
Гремучим пламенем отплёвывая твердь.
Но тяжки и страшны чудовища угрозы...⁶

В словах уже чувствуется зашифрованный код его поэзии и философии. Когда никто ещё не верил в поражение русских, молодой юнкер чутьём угадал, кто будет нашим грозным противником в тот век. Как будто он видит будущее всей страны через телескоп.

Почерк владельца дневника довольно неразборчив, но вот совершенно чётко видна запись: «4 сентября. Невель». Вот это да! Он воевал и писал в нашем городе. С этого момента, как говорится, поподробнее. Ведь до сих пор это было неизвестно и потому чрезвычайно важно. Невель в Первую мировую был прифронтовым городом, здесь стояло немало воинских частей, в том числе артиллеристы. Автор пишет с большой долей самокритики, чувствуя себя одиноким. Поэт во стане русских воинов!

«С испугом оглядываюсь на четыре месяца офицерской службы. Я ли это? Что за пошлость, тупость. Трагедия превращается в фарс... Вот я оглядываюсь теперь и не нахожу никаких оправданий. Что, если кто-нибудь считает меня своим учителем. Каким жалким опровержением явился бы я ему. Но если я написал такую книгу, значит, я раньше жил... значит, я был человеком, а не таким животным, как теперь. Зорким оком буду вглядываться в себя»⁷. Судя по его фразе «учишь, как лучше убивать», — все его страдания на этой христианской почве.

Через год, 15 февраля 1917 года (место не указано), появляется запись о службе: «Сегодня очень замечательный день. Константин Митрофанович <...>, мой начальник, командир 1 отдельной <...> штурмовой батареи, уезжает завтра в отпуск по болезни. С завтрашнего дня я — командир батареи. Карьера головокружительная. И очень полезно для меня в смысле опыта». При этом он ставит перед собой задачи: «неуклонно работать над книгой хотя бы по часу в день, быть на высоте своего служебного положения — вести списки распоряжений»⁸.

Чем это закончилось, мы можем догадаться. Россию захлестнула февральская революция. Но что суждено было Николаю Белоцветову, связанному своим военным прошлым с Невелем, так это философски осмыслить происходящее и, высказав пророческие предположения, заглянуть в будущее. Его мысли не устарели, а приобрели ещё большее значение. Просто раньше мы соглашались со всем, как с неизбежностью, читали сухую статистику и чуть ли не гордились этим. Так было проще власти и тем, кто от неё зависел.

В 1917 году появляются заметки и планы к роману «Михаил». Он содержит 6 глав и 2 отрывка, посвящённых духовным проблемам России. Части имели названия:

1. Камера-обскура
2. Лея Нэйн
3. Особняк на Поварской
4. Великий интеллект
5. Легенда о зерне Эдемском (Масонский крест)
6. Коммуна пролетарских миссионеров
7. Сознательный умалишённый
8. Всем в России известный писатель

Полностью роман напечатан так и не был, хотя при издании в Берлине отрывков под общим названием «Коммуна пролетарских миссионеров» было объявлено о том, что роман «Михаил» готовится к публикации.

Глава «Камера-обскура» вошла в публикацию первым и самым главным номером.

В начале романа действие происходит в столовой штаба части, где офицеры, выпивая, обсуждают новости и спрашивают подошедшего поручика Михаила Архангельского, действительно ли он не знает, что в городе и во всей стране делается?

А город, где очевидцем, ставшим позже философом-эмигрантом, описывается революция 1917 года, является город Невель (тогда — Витебской губернии, а ныне — Псковской области). Так как мы читаем, что, выходя, поручик скомандовал: «В Невель!» — и пустил галопом. Вслед за описанием неоштукатуренных кирпичных домиков с красными фасадами цвета фабричных труб сообщается: «Всадники въехали в Невель». Автор этих строк действительно служил в Неве-

ле, что подтверждается записью в дневнике. Так как он закончил артиллерийское училище, упоминаемая в тексте батарея, скорее всего, артиллерийская. Кроме того, дом главной героини романа Шейнелеи (Леи) Нейн, «происходившей из рода Бен-Акибы, расположен около Полоцкого шоссе, сад спускался к озеру». Действительно, в месте, где из озера вытекает река Еменка, начинается Полоцкое шоссе (старое название).

В дореволюционное время еврейское население в городе чуть ли не преобладало, его было много среди участников стачек, поэтому неудивительно упоминания о них в романе: «Вывески на лавках: «Эссенция из-под Соломона Фледермауза», «Мужской портной Гузик — он же мадам». Евреи и солдаты, до революции не бывшие вместе, слились в одну толпу.

Лея, юношеская любовь Михаила Архангельского, приводит его в тёмную комнату дома, освещённую красным светом камеры-обскуры и представляет «каркающую полумаску», задающую гостю вопросы о русской сказке про Ивана-царевича и Серого волка. Разговор был остро-политический, хоть и выдавался за розыгрыш. Почему Иван выбирает дорогу, где погибает конь, но наездник остаётся жив; почему Иван соглашается выкрасть Жар-птицу, коня и Елену Прекрасную, а потом обманывает? Маска представляет русского Ивана как бессовестного, алчного спекулянта. Елену — предательницей, продажной, малодушной.

— Какая ужасная пародия, — сказал поручик.

Ему ответила маска (как объяснила Лея, это её патрон, больной по зрению, живущий при красном свете):

— Мы исподволь искали доступ к русской душе... История творится втайне... Мы в своей камере-обскуре не переменим ход мировой истории...

Простившись с фотографом, Михаил Владимирович Архангельский с Леей зашагали по Полоцкому шоссе. Дошли до небольшого сквера около моста через шоссе. Тут, в этом сквере, обдумывал он перед отправкой батареи на позиции последнее возвращённое ему письмо к Лее Нэйн.

— Как вы могли отослать письмо, когда я написал его перед лицом смерти, Великой вечности?

— Мне запретил мой патрон, да, Михаил, — ответила она.

В это время на соседней улице раздались выстрелы и на шоссе хлынула группа солдат, гнавших перед собой окровавленного офицера. У него были сорваны погоны. По согнутой спине глухо раздавались удары солдатских кулаков.

— Ты называешь народ богоносцем и пророчествуешь. Пришёл пафос революции. Неужели ты так слаб, что жалеешь офицера? — спросила Лея. — Бросайся вместе со мной в мировую политику. Покоряй, властвуй!...расстреливают не теории, а жизнь, негодующая на их бессилие, тупое упрямство и трусость. Стань его вождем! Ты будешь двигать массами и народами! Под знаменем пролетариата готовимся перестроить мир»⁹.

Надо сказать, что в этом отрывке выражена очень важная черта любого страшного потрясения в обществе: сталкиваются интересы представителей разных национальностей, обостряя межэтнические противоречия, зачастую с проявлениями агрессии, что всегда несёт в себе опасные последствия на фоне полного разрыва социального и культурного слоя общества. И для этого разрыва использовались еретики в разного рода масках. И здесь автором поднимается не национальный вопрос, как может показаться, а полноты веры, истинности её. В скептицизме, осмеянии народных героев он видит не безобидную шутку, а намерения раскатать ситуацию. Сам автор не готов уступить ни пяди нашей общей имперской культуры, которую он рассматривает как скрижаль государства, поэтому любую насмешку или желание заменить Правду на Кривду, как измену, будет встречать во всеоружии своего литературного дара. Это — его версия, изображённая с помощью мистической камеры-обскуры и маски. Но то, что катаклизмы происходили в кровавом красном свете и под разными масками, — в этом чутьё не подвело большого художника. Мы не знаем доподлинно, как протекали революционные дни в уездных городах NN: все написанное по этому поводу в брошюрах безнадёжно устарело.

«Поручик вскочил на Серого и карьером помчался по многолюдным невельским улицам... Всадники выезжали из города..Только уже совсем недалеко от Гагарино (или существующее ныне Гагрино — прим. авт.), въезжая в берёзовую аллею, я спросил у Ивана, знает ли он сказку про Ивана-царевича и Серого волка. Так подъехали к воротам усадьбы. Двое солдат конвоировали штабс-капитана Разжигательного. В усадьбе был двор батареи. Здесь и арестовали Архангельского».

Не случайно в эмиграции автор романа пишет такие строки:

Красный флаг на улице, красный флаг!
И за флагом идут, идут,
Вожделя отмщенья, расправ и благ
И взывая: — на суд, на суд!

Красный флаг на улице, красный флаг!
И за флагом дремучий люд!
Развевается, вьётся зловещий знак,
Знак свержений, восстаний, смут!

Красный флаг, красный флаг вопиёт, кричит
Вот уж столько взметённых лет:
Стоп! Крушенье! Проезд закрыт!
Человеку дороги нет.¹⁰

Читая эти стихи, каждый человек догадается, на чьей стороне их автор. Красный флаг, как и красный свет камеры-обскуры, — это знак большой крови, которая потоками залила всю Россию. Свою артиллерийскую жизнь он не забудет никогда:

Томится ночь под звёздным колпаком
И бег часов — как сердца перебои.
Трещит мотор, как чёткий пулемёт.
Заполнен сумрак уханьем орудий.
Далёкий зов. О, кто его поймёт!
Услышит кто тоскующих о чуде!

В стихотворении «Молитва» эти воспоминания становятся рефреном:

Невыразима,
Непредставима,
Неисцелима
Печаль Земли!

Под гул орудий,
Моля о чуде,
Тоскуют люди.
Господь, внемли!¹¹

Но вернёмся к роману «Михаил», где описываются события с 1917 года и далее, происходящие с теми же героями уже в Москве. В главе «Коммуна пролетарских миссионеров» рассказывается, как бывший поручик Михаил пришёл с подругой Марией на собрание известной ложи. Выступает товарищ Лея Иосифовна Нэйн: «Я — коммунистка по убеждению. Мы, кремлёвские коммунисты, строим свою религию на новой революционной действительности». В речи она упоминает своего патрона и условия соглашения Филадельфийского братства с советским правительством. На дворе — декабрь 1918-го.

Советская власть предлагает братству подчинить внешнее выражение своих идей революционной необходимости. Требуются переименования: братства — в коммуну, ангела Филадельфийского — в пролетарских миссионеров. При этом коммуна вносится в число советских организаций. Надо придерживаться советской терминологии. Соборность заменена на коллектив, человечество — на интернационал, человек — это исключительно пролетариат, Бог заменён прогрессом и т.д. Все были за сотрудничество с большевиками. Михаил один воздержался против предложения Нэйн.

Автор ухватил нечто очень важное в истории большевизма: ересь, масонство, но за этим прослеживается много мистического, неисследованного. 100 лет потребовалось обществу, чтобы осознать путь «от смуты до великой победы».

Как же сложилась дальше судьба молодого философа-артиллериста? В 1917 году пережил газовую атаку у Двинска той же Витебской губернии и возвратился в Петербург. (Судя по письму, где-то в конце ноября). Скрывался от ареста, переехал в Москву. Там встречался с Андреем Белым.

1918–1919 — продолжение работы над романом. Это идёт параллельно с философскими размышлениями о революции. В 1920 году женился на пианистке Марии Эмильевне Пейтнеккер-Демской, дочери польского графа на русской службе. Она провела детство в имении в Белоруссии, после революции находилась в родительском поместье, где отца расстреляли.

В такой ситуации и был подготовлен побег Белоцветова на рыбацкой лодке в Финляндию. Его спутником стал А.П. Ваулин, композитор, позже оказавшийся в Праге. А Николай Николаевич нашёл при-

станции в Берлине. Там в 1921 году выходит его книга «Пути России». Об издании подобного в России не могло быть и речи в те годы.

Читаем его почти пророческие мысли:

«Момент свержения большевизма близится...Очередная задача будущей русской власти — воссоединение Великороссии, Малороссии, включая Крым и Кубань, и Сибири до Читы и Кабула в одно целое и, если судьба продиктует самостоятельное существование этих частей бывшей России, — о спайке их путём тесного союза¹².

Его мысли, как видим, подтвердились. Ошибся про Кабул? Но ведь был же в нашей истории Афганистан.

Как и современные политики, Николай Белоцветов рассуждает о друзьях и врагах русского народа, о пролитой им крови за освобождение других стран. «А результат? Россия ограблена в территориальном отношении более, чем побеждённая Германия. Англичане отняли Эстонию и Латвию, желая создать форпост на Балтийском море... Антанта присудила Бессарабию Румынии, подготавливается захват Восточной Сибири Японией. Даже не предусматривается никаких вознаграждений за жертвы России». И это в то время, когда на фоне интернациональных песен народ не имел права вспоминать о своих жертвах.

«Великий народ должен думать о себе», — вот слова Николая Николаевича. Но до сих пор ни мы о себе не думаем, ни о нас не думает никто. Или думают плохо. Он предупреждал о том, что «у иностранцев явится желание смотреть на Россию, как на колонию, беззащитную против вторгнувшихся». Но хотя бы говорим так же, как он говорил 95 лет назад.

Когда нам все казались друзьями, он заявлял, что Англия, Франция и Германия стараются разделить и ослабить нас. Друзьями Николай Белоцветов считал только королевство сербов, хорватов и словенцев. «Пора русскому народу сделаться русофильским и стать на путь здоровой национальной политики, отказавшись от альтруизма. Или Россия вообще не возродится как великое государство».

Отрицание большевиками религии и морали философ расценивал как развращение человеческой души и внушение ядовитых начал. Все, кроме коммунистов, вне закона. Пролетариату — безнаказанность. В своё время услышанным у нас он стать не мог. Но правда всё же восторжествовала. Большевизм ушёл из политической жизни.

В самом начале 1922 года Белоцветов становится членом «Русского научного института в Берлине». После приезда А. Белого в Берлин основывается местное отделение Вольной философской ассоциации (Вольфила). Николай Николаевич был действительным членом общества. Он перевёл 4 драмы-мистерии Рудольфа Штейнера. Последний разрешил переводчику читать общественные лекции для русских о Блоке, Чаадаеве, Вл. Соловьёве. Николай Николаевич много сделал для разрешения духовных задач эмиграции. Перевёл «Ангела Силезского» Иоганна Шефлера (избранные двустихия из «Херувимского странника», 1926 г.). Публикацию осуществил директор берлинского издательства «Гамаюн» Н.С. Арбузов, который знал семью Николая Николаевича.

Белоцветов состоял в антропософском кружке — «Клубе поэтов» Раисы Блох, секретарём которого был Сергей Селаври.

В 1930-м в Берлине вышел его сборник «Дикий мёд». Несмотря на благоприятное начало заграничной литературной карьеры (известно, что после отъезда Николая Николаевича из Берлина там вышел в свет сборник поэтов «Невод»), сгущающиеся и зловещие с 1933 года тучи нацизма вынудили поэта-философа уехать из Берлина в Ревель, где он хотел поселиться. Но там ему было отказано в праве на жительство. В Риге с 1912 года проживал дядя, Сергей Белоцветов, там же позже поселился и его брат, то есть отец поэта, который был человеком энергичным и состоятельным. Он владел двумя домами в центре Риги. Белоцветовы-старшие занялись в Риге издательским делом, в конце двадцатых организовали страховое общество «Саламандра», субсидировали газету «Слово», еженедельный литературно-художественный журнал «Перезвоны». Мать, Варвара Андреевна, основала в Риге в 1928–29 годах антропософский кружок. На окраине Риги появилась богатая усадьба Варино, названная отцом Белоцветова в честь матери. В нём поэт прожил 8 лет вплоть до 41-го года.

В Риге в 1933 году по православному обычаю состоялась свадьба Николая Николаевича и Анны Фёдоровны Штокмар, с которой он познакомился ещё в «Клубе поэтов». В Риге под псевдонимом Фёдор Короткий Николай Николаевич выпустил песню о Григории Распутине. Там же в 1936-м вышел последний прижизненный сборник Белоцветова «Шелест».

Жизнь и интересы родителей, конечно, сильно повлияли на сына. В Латвии Белоцветов выступал с докладами и литературными чтениями. Одно время он был председателем рижской группы антропософов. Нелепая случайность — падение с гамака и повреждение позвоночника — стала причиной продолжительной болезни.

После пакта Молотова -Риббентропа началась репатриация балтийских немцев из Латвии, ввод туда советских войск. Мать поэта и философа уехала в Берлин. Власти отказывали Николаю Николаевичу в эвакуации, но в марте семья покинула Ригу. Осталась сестра Людмила с мужем, которого расстреляло НКВД. Скоро все ближайшие родственники поэта перебрались в Америку, он же по состоянию здоровья сделать этого не смог.

За 10 дней до вторжения Гитлера в СССР Белоцветовы оказались в Штутгардте. Чинили плащи в санатории — другой работы не было. С 1943 он и дочь Людмила стали гражданами Германии. Там шла мобилизации мужчин, но для службы он был непригоден. Его судьба была трагической. Бежав из Советов, он попал в логово зверя. Во время войны Белоцветовы ютились на чердаке кладбищенской постройки, иногда они видели, как по ночам из гестапо привозили расстрелянных.

Опять расстрелянных несут!
Могильщик тащится унылый.
Когда ж настанет Страшный суд?
Когда разверзнутся могилы?

Как беспощаден этот век
И как он к смертным безучастен!
Как мог быть счастлив человек
И как безмерно он несчастен!¹³

Николай Николаевич в среде родных уверенно говорил, что Берлин будет занят Советами.

Поэт с его верой в божественную справедливость так и не нашёл на земле своего уголка. Его огромная страна оставалась «покинутой, молчаливой», а песня о ней — «сиротливой».

С тем ветром родины моей
Лети, печаль моя ночная¹⁴

После войны он переехал в город Мюльгейм Северо-Рейнской области, где в 1948 заболел неизлечимой болезнью и 12 мая 1950 умер в местной больнице.

«Дневник изгнания» Н. Белоцветова подготовил к изданию Фёдор Поляков.

В главе «Положительный смысл эмиграции» автор пишет: «России нам не видать! — мысль, с которой надо жить. Наше пребывание за границей должно носить положительный смысл... Смысл эмигрантской судьбы... в развитии сверхнародного вселенского сознания и в служении этому...Мы стали странниками, которые исстари блуждали по стране в поисках Божьей правды. А разве есть что-нибудь, что выражало бы ярче особенности русской души, чем это странничество? Искать правду сверхнародную и стало ныне реальной судьбой.

Другая задача — пробуждение в себе мировой совести. Наша русская совесть нужна миру. Без нашего русского сердца мир не может жить ¹⁵.

Автор считал вопиющим отсутствие знаний о духовной жизни современной России. Один критик сказал о Белоцветове, как о «большом певучем сердце, отзывавшемся на всю боль нашего разорванного мира» ¹⁶.

Славою обетованного
Купола золотоглавого,
Мученическим предстательством
Праведников и святителей,
Подвигами и молитвами
Голубя любвеобильного,
Дивными, необъяснимыми
Милостями Богоматери
Русь жива!¹⁷

Русь жива, но помнит ли его? «Пророков нет в Отечестве своём, да и в других Отечествах не густо», — сказал другой поэт. Для преодоления кризиса нужно такое вмешательство духовных сил, что даже России с её тысячелетней соборностью требуются долгие и долгие годы. Теперь против Бога и соборности выступают либералы. В Москве против названий улиц, станций метро, связанных с именами

цареубийц, развернулось народное движение. Оно наткнулось на организованное сопротивление. А в Невеле, описанном в «Камере-обскуре»? Как и везде, до сих пор ходим по улицам, названным именами тех, кто совершал насилие над Россией, попирали в народе чувство жалости, справедливости, религиозности. Не считая улиц Ленина и Маркса, Либкнехта и Люксембург, не имеющих никакого отношения к этой земле, остаются улицы Рошаля, Урицкого, Войкова и других. Не пришла ли пора снять табу с революционной тематики и вернуть исторические названия?

Источники:

1. Ю.Иваск. На западе //Новый журнал. Нью-Йорк.1950.Т.24.С.226
2. Н. Белоцветов. Жатва. Париж.1953.С.6
3. ОР РГБ. Ф.24. К.2.Ед. 6,8,13; К.3. Ед.11
4. там же. Ф.24.К.1.Ед.8.С.55
5. там же. С.61
6. К.1.Ед.8.С.22
7. К.1.Ед.8. С.76.
8. Ф.24. К.1. Ед.10.
9. там же. С.20
10. Н.Белоцветов. Дикий мед. Стихи. Берлин. 1930.С.38
11. Н.Белоцветов. Жатва.С.10; С.34
12. Н.Белоцветов. Пути России. Берлин. 1921. С.3
13. Н.Белоцветов. Жатва. С.40
14. Роща. 2-й сборник берлинских поэтов. Берлин. 1932. С.17
15. Н. Белоцветов. Дневник изгнания. Франфуркт-на-Майне. 2006. С.180–182
16. Источник. Антология русской духовной лирики. Чикаго. 1998
17. Н. Белоцветов. Жатва. 3-я книга стихов. Париж. 1953. С.17

СЕКРЕТЫ СТАРОГО ЧЕМОДАНА

(Предварительные результаты изучения
рабочего архива А.А. Подчекаева)

В.И. Васильев

(Псков),

ведущий архитектор НИИ «Псковгражданпроект»

В конце марта 2015-го, возвращаясь из командировки в Петербург, я привёз домой тяжёлый, как смерть, чёрный чемодан. Около 30 лет он неподвижно лежал на антресолях небольшой типовой квартиры в Автово, и вот теперь хозяйка квартиры — Светлана Михайловна Подчекаева — согласилась передать его мне, чтобы я разобрал лежащие в нём документы, подготовив наиболее ценные из них к передаче на хранение в один из псковских музеев. Когда-то, в начале 1980-х, её муж — ныне покойный — Владимир Анатольевич Подчекаев (сын известного псковского архитектора Анатолия Подчекаева) нашёл этот чемодан на чердаке старого дома в Тарту, в котором находилась квартира Подчекаевых. К тому времени Елены Викторовны (вдовы Анатолия Подчекаева) уже не было в живых, её дочь Ирина Анатольевна собиралась переезжать в новую квартиру, и чемодан никому не был нужен. У Владимира Анатольевича содержимое чемодана тоже большого энтузиазма не вызвало: несколько старых папок с какими-то протоколами, деловые письма, счета, пара старых справочников на немецком языке... Ознакомившись с этими бумагами, он, по словам Светланы Михайловны, больше никогда чемодана не открывал.

Однако все эти письма и документы, на первый взгляд не связанные между собой и не представляющие интереса для большинства людей, при внимательном изучении могут подарить неожиданные находки кропотливому исследователю. Остаётся только сожалеть о том, что обнаруженный Владимиром Анатольевичем чемодан хранит

А.А. Подчекаев.
Публикуется впервые

А. Подчекаев и Т. фон Тизенгаузен.
Публикуется впервые.

лишь оставшуюся (и, вероятнее всего, меньшую) часть рабочего архива архитектора Подчекаева. Что-то, наверное, хранится в фондах архитектурного музея в Таллине. Но большая часть, скорее всего, безвозвратно утрачена.

Несколько папок, составляющих существенную часть содержимого упомянутого чемодана, представляют собой материалы по так называемому «делу Рютли». Эта судебная тяжба, длившаяся около четырёх лет — с 1930 по 1934 годы, — завершилась заключением мирового соглашения, которое Анатолий Подчекаев называл своей победой (возможно, Рютли имел другое мнение). Но это был классический случай «пирровой победы», разрушившей бизнес совместной фирмы Подчекаева и братьев Зубченковых, а также подорвавшей здоровье Анатолия Алексеевича (вполне возможно, что именно тяжёлые переживания во время длительного судебного процесса запустили механизм онкологического заболевания, приведшего вскоре к смерти Подчекаева).

История этого спора восходит к 1929 году, когда известный в Тарту присяжный поверенный Оскар Рютли заказал Подчекаеву выпол-

нение работ по перестройке своего дома на углу Садовой и Пеплеровской улиц. Названия улиц здесь даны со слов Подчекаева, а вообще на рубеже двадцатых-тридцатых годов прошлого века в деловой и обывательской переписке царила удивительная мешанина из русских, эстонских и немецких названий. Возвращаясь к дому Рютли, отметим, что проект его перестройки был одобрен заказчиком и городской управой, но чем ближе шло дело к окончанию строительных работ, выполнявшихся фирмой «Зубченков и Подчекаев», тем большее недовольство высказывал Рютли. Суть его претензий состояла в том, что, во-первых, он стал считать согласованную заранее смету завышенной, а во-вторых, его насторожили трещины, появившиеся на потолках в нескольких комнатах строящегося дома.

Вряд ли мы сможем сейчас, по прошествии восьмидесяти пяти лет, не имея в руках проекта, объективно судить о том, насколько справедливы были претензии заказчика. Однако репутационные издержки для бизнеса Подчекаева и Зубченковых были колоссальны. К началу 1930-х годов их совместная проектно-строительная фирма достигла наивысшего подъёма, олицетворением которого стало успешное выполнение подряда на возведение общественно-административного центра в Печорах. Но процесс Рютли-Подчекаев, совпавший по времени с пришедшей в Эстонию волной Великой депрессии, практически похоронил их фирму. Кроме того, именно с начала 1930-х годов в Эстонии началось постепенное оттеснение русских специалистов и созданных ими предприятий на второстепенные позиции. Анатолию Подчекаеву, так до конца жизни и не освоившему эстонский язык, было всё сложнее вести архитектурно-строительную практику.

Материалы по «делу Рютли», помимо прочего, подарили два неожиданных открытия. Первое из них связано с именем Бориса Крюммера — российского архитектора немецкого происхождения, известного печерянам как автора проекта Кайтселийду майа (Дом Кайтселийта). Его судьба после 1930 года оставалась до недавнего времени загадкой. В архиве архитектора Подчекаева обнаружены копии показаний Крюммера, составленные им в марте 1933 года и присланные из Парижа, куда он переехал после развода со своей первой женой Ольгой Обольяниновой. Кстати, процесс Рютли-Подчекаев, судя по всему, стал чёрной кошкой, пробежавшей между двумя архитекторами — Анатолием Алексеевичем и Борисом Рудольфо-

А.А. Подчекаев, Е.В. Подчекаева (Родионова, слева), И. Зубченкова с дочерью.
Публикуется впервые.

вичем. Подобно известным гоголевским персонажам Бобчинскому и Добчинскому, каждый из них настойчиво отдавал своему партнёру пальму авторства проекта дома Рютли (а вместе с авторством — ответственность за возможные ошибки). Основной чертёж проекта, утверждённый городской управой, подписан обоими архитекторами. Анатолий Алексеевич утверждал, что он обязан был его подписать как человек, принимающий на себя ответственность за осуществление строительства в точном соответствии с проектом и действующими нормами (таковы были законодательные требования, скопированные с Городового и Строительного Уложений Российской Империи и действовавшие в Эстонской Республике до середины 1930-х годов). С другой стороны, Рютли в своих показаниях вспоминал, какими словами Подчекаев убедил его отдать подряд представляемой им фирме: дескать, Борис Крюммер сумеет создать высокохудожественный проект, а фирма Подчекаева берётся осуществить его с наилучшим качеством за разумные деньги.

Михаил Ефимович Зубченков (стоит), Пётр Ефимович Зубченков (сидит на дальнем плане), неизвестный (Борис Крюммер?). Публикуется впервые

Следует сказать, что Светлана Михайловна вместе с рабочим архивом архитектора Подчекаева передала мне около двух дюжин пробных фотокарточек, подавляющее большинство которых сделано, судя по всему, самим Анатолием Алексеевичем. На одной из этих фотографий запечатлён неизвестный пока человек, выполняющий поправки к некоему чертежу, лежащему перед ним на столе. За его действиями внимательно следят братья Зубченковы: Пётр Ефимович (сидит на дальнем плане) и Михаил Ефимович (стоит). Фотография сделана в квартире П.Е. Зубченкова.

Все фотографии, относящиеся к архиву Подчекаева, сделаны около 1927–1934 годов. В этот период в Тарту Анатолий Алексеевич сотрудничал только с Адоффом (автором проекта общественно-административного центра в Печорах) и Крюммером. У Адоффа, судя по его немногочисленным известным фотопортретам, были более тёмные волосы, и он был ниже среднего роста. Портретов Крюммера обнару-

Предположительно, отпевание В.А. Пушкиной.
Справа со свечой (?) стоит В.Л. Назимов. Публикуется впервые

жить пока не удалось. Возможно, на данной фотографии запечатлён именно Борис Рудольфович?

Завершая этот краткий очерк о Борисе Крюммере, следует сказать, что он умер в Париже в 1941 году и похоронен на известном всем русским людям кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Рядом с ним, согласно каталогу Грезина (Grezine I., 1995, с. 201), находится надгробие с надписью: «Крюммер Тамара. 1900–1960». По её поводу мы можем лишь перефразировать финальную реплику из горинско-захаровского фильма «Формула любви»: «Кто был этот человек и какую роль он сыграл в судьбе архитектора — остаётся неизвестным...»

Второй интересной и неожиданной находкой, сделанной при изучении материалов «дела Рютли», стала информация о судьбе Владимира Леонидовича Назимова — псковского дворянина, архитектора, сведения о котором обрываются 1916 годом, когда он подал в отставку с должности архитектора Императорского Придворного оркестра

Празднование Пасхи Христовой, около 1933–34 гг.
Крайний справа — В.Л. Назимов (?). Публикуется впервые

и вернулся из Петербурга в Псков. Выяснилось, что В.Л. Назимов был одним из четырёх членов Третьей инстанции по тяжбе «Рютли против Подчекаева» (вторым членом суда со стороны Подчекаева был Г.И. Ленциус — инженер отдела городского и дорожного строительства Тартуской городской управы). В одном из писем Анатолия Алексеевича находим такие строки: *«Единственное затруднение будет с вызовом Назимова, т. к. он как эмигрант должен иметь визы и все таки значительный расход»*. В другом месте (на обороте обложки одной из папок) рукой Подчекаева написан адрес: «Polska Vilno m. Markucie V. Nasimov».

Таким неожиданным образом выяснилось, что душеприказчик Варвары Алексеевны Пушкиной (урождённой Мельниковой — последней владелицы имения Пушкиных Маркучай под Вильнюсом), ставший последним управляющим в Маркучае, и «пропавший» псковский архитектор Владимир Леонидович Назимов — один и тот же человек! Недостающий пазл нашёлся неожиданно: управляющего имением Маркучай хорошо знают пушкинисты, но они даже не подозревали, что это — безуспешно разыскиваемый краеведами архитектор!

Само появление Назимова в Маркучае нельзя назвать неожиданным: ведь мы знаем, что тесть В.Л. Назимова — Павел Фёдорович Карпов, — был не только крупным землевладельцем Островского уезда, но и заместителем барона Г.В. Розена в комитете по управлению имением «Михайловское». Вполне вероятно, что Владимир Леонидович Назимов познакомился с В.А. Пушкиной ещё в конце 1890-х годов, когда при активном участии П.Ф. Карпова происходила передача Михайловского в казну. Собираясь в 1919 году возвращаться в имение Маркучай, разграбленное и разрушенное во время германской оккупации Литвы, Варвара Алексеевна, вероятно, искала человека, который смог бы организовать восстановление повреждённых зданий. Нет пока ответа на вопрос: когда Назимов приехал в Маркучай — вместе с В.А. Пушкиной в 1919 году или позднее? Все запросы, отправленные на официальные адреса музея «Маркучай» и лично его директору Татьяне Михнёвой, остались, увы, без ответа.

Владимир Леонидович пережил В.А. Пушкину, скончавшуюся в декабре 1935, на пять с половиной лет. Он так и не смог освободить имение, завещанное Вильнюсскому русскому обществу, от огромных долгов, накопившихся вследствие непрактичного хозяйствования Варвары Алексеевны. При его жизни имение было национализировано в марте 1941 года, после установления Советской власти в Литве. Спустя некоторое время, в том же 1941 году, Назимов умер. Известно, что он был похоронен на территории имения Маркучай. Местные исследователи предполагают, что безымянная могила рядом с могилой В.А. Пушкиной, недалеко от часовни Святой Варвары, — и есть место последнего упокоения псковского дворянина Назимова.

А вот его жена, Надежда Павловна, ещё в 1919 году уехала в эмиграцию вместе с отцом и дочерью Ольгой. Их могилы находятся на том же кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Grezine I., 1995, с. 201).

Возвращаясь к архиву Анатолия Алексеевича Подчекаева, отметим, что на нескольких фотографиях, сделанных в день празднования Пасхи Христовой в 1933 или 1934 годах, возможно, запечатлён В.Л. Назимов. В нашем распоряжении пока нет достоверных его портретов, однако есть нечёткая фотография отпевания В.А. Пушкиной. Человек в мундире чиновника Российской Империи (Назимов имел чин коллежского асессора — РГИА, ф.500, оп.1, д.865, л.11), стоящий со свечой на фотографии справа, весьма вероятно, и есть Владимир

Анатолий Подчекаев (слева) с сестрой Антониной Богушевской (урожд. Подчекаевой) и зятем Александром Богушевским. Публикуется впервые

Леонидович — ведь он был, напомним, фактическим управляющим именина и душеприказчиком завещания Варвары Алексеевны.

Третья находка обнаружилась не в материалах «дела Рютли», а в одном из писем, которые регулярно посылал Анатолию Алексеевичу некий давний и близкий его знакомый, служивший в конце 1920-х годов инженером на сланцевых рудниках в Киви-Ыли. Имя его, к сожалению, установить пока не удалось. В письме этого человека от 27.04.1928 есть такие строки: *«Вы сообщаете разныя грустныя новости о смерти Вашего зятя Богушевс. и тяжелом положении сына П. Е.. К сожалению, чаще теперь как-то случаются грустныя новости, чем веселыя. Не знаю уж чем это объяснить. Года ли наши такие, или время такое подлое. Вероятно и то и другое вместе».*

Естественно, прочтя слова о «зяте Богушевс.», нельзя не задать естественным вопросом: «Неужели?» Ведь мы теперь знаем, что

Анатолий Алексеевич Подчекаев (в центре) с сестрой Антониной Богушевской (урожд. Подчекаевой) и зятем Александром Казимировичем Богушевским. Публикуется впервые

у Анатолия Алексеевича был не только старший брат Владимир (об этом известно давно), но и старшие братья Дмитрий, Валериан и сестра Антонина. Неужели действительно Антонина Алексеевна Подчекаева вышла замуж за Александра Казимировича Богушевского — известного псковского дворянина? В конце концов, фамилия Богушевский широко распространена...

Архивные поиски увенчались успехом и полностью подтвердили первые предположения. Сначала в документах Псковской Мариинской гимназии обнаружилось упоминание о том, что 22.10.1917 Антонина Алексеевна Богушевская, мать ученицы V класса Веры Богушевской, избрана членом родительского комитета (ГАПО, ф.7, оп.1, д.186, л.3об, л.23об). А затем в материалах переписи, проведённой в конце декабря того же 1917 года (ГАПО, ф.116, оп.1, д.54, л.64, 64об), обнаружен список всех членов семьи Богушевских, проживающих

в их собственном доме № 28 по улице Застенной (на самом деле Стенной — современный адрес: улица Свердлова, 64, однако в страховых документах 1913 г. улица ошибочно названа Застенной — В.В.):

Богушевский Александр Казимирович, русский, 47 лет, [образование] реальное училище. 7 кл., пенсционер;

Богушевская Антонина Алексеевна, жена, 42 лет (явная ошибка — Антонине Алексеевне было в это время 47 лет — В.В.), [образование] Смол. инст. 7 кл., «по хозяйству»;

Богушевская Вера, дочь, 13 лет, Мар. гимн., 5 к.;

Подчекаева Августа Александровна, мать, 72 лет, домаш. обр., пенсионер.

Присутствие в этом списке Августы Александровны (матери Анатолия и Антонины Подчекаевых) снимает все сомнения в том, что указанная А.А. Богушевская и есть родная сестра архитектора Анатолия Подчекаева. Августа Александровна поселилась вместе с семьёй дочери, судя по всему, сразу после того, как была закончена перестройка дома, купленного А.К. Богушевским в 1913 году (ранее А.А. Подчекаева жила в доме Родиона Гришакова на Лесной улице — см. ГАПО, ф.116, оп.1, д.44, л.37об). То, что это была действительно капитальная перестройка, а не косметический ремонт, обнаружилось в процессе наблюдения за реставрационными работами, которые были проведены на ОКН РЗ «Дом А.К. Богушевского» в 2010/11 годах. По удивительному совпадению, автор этих строк участвовал в научно-методическом сопровождении реставрационных работ вместе с автором проекта — архитектором А.Б. Васильевой. После демонтажа внутренней отделки, части перегородок и полов отчётливо проявилась структура первоначальной («добогушевской») планировки дома, который имел асимметричный главный фасад с парадным входом, расположенным на месте современного крайнего правого (при взгляде на фасад) окна.

Сравнивая первоначальную планировку дома с более поздней, а также анализируя упомянутый выше переписной лист 1917 года (кроме членов семьи Богушевского, там были перечислены прислуга и двое квартирантов), понимаешь цель, которую поставил А.К. Богушевский перед архитектором — автором проекта: выделить в доме две комнаты с отдельным входом, предназначенные для сдачи внаём. Семье Богушевского, за несколько лет до этого распродавшей все

Августа Александровна Подчекаева (сидит слева) вместе с И.А. Подчекаевой (ур. Грюнберг — сидит справа), Ф.А. Грюнбергом (стоит за спиной А.А. Подчекаевой), Еленой Подчекаевой (стоит за спиной матери — И.А. Подчекаевой), Костей Подчекаевым (сидит на корточках, в матроске) и двумя неизвестными мальчиками (внуками А.А. Подчекаевой — ?) в мундирах Псковского кадетского корпуса. Псков, около 1912 г. Публикуется впервые

свои земли в Псковском уезде (ГАПО, ф.35, оп.1, д.4, л.15об, 16) и не имевшей постоянного дохода, предстояло научиться жить в соответствии с имеющимися скромными средствами... Поэтому взамен одного парадного входа (его место заняла небольшая комната) появились два скромных входа с торцов здания, ведущие непосредственно в центральный коридор.

А теперь зададимся вопросом: кому Александр Казимирович мог поручить перестройку только что купленного дома, как не своему шурину — архитектору Анатолию Подчекаеву? Судя по семейной переписке, отношения у них были прекрасные. Подчекаев, незадолго до этого блестяще завершивший свою учёбу в Рижском политехническом институте, находился в расцвете творческих и жизненных сил. Таким образом, с очень большой долей вероятности можно ут-

Дом Богушевских, 2009 г.

верждать, что нами обнаружен ещё один объект, к возведению которого имеет непосредственное отношение архитектор А.А. Подчекаев. А «нитью Ариадны» в этом поиске стал обрывок фразы из письма...

Что касается судьбы А.К. Богушевского, о смерти которого А.А. Подчекаев узнал, судя по всему, в начале 1928 года, то об этом удалось узнать совсем недавно и совершенно случайно. «Книга памяти Псковской области» (см. инертнет-ресурс «Узнал.орг») бесстрастно сообщает нам, что *«Богушевский Александр Казимирович: 1869 года рождения (место рождения: Псков), счетовод, арестован 15.06.1927, осуждён 23.09.1927 ОС при коллегии ОГПУ, обвинён по ст. 58-4 УК РСФСР, приговорён к трём годам ссылки в Сибирь, реабилитирован 23.07.1996»*. Замена буквы «ш» на «щ» не играет роли при полном соответствии остальных данных (в Псковской губернии не было другого Александра Казимировича Богушевского или Богушевского, родившегося в 1869 году). Что касается записи «счетовод», то вполне естественно, что Александр Казимирович, не афишируя своё дворянское происхождение и помещичье прошлое, должен был хоть как-то зарабатывать на жизнь. Сознательное понижение своего статуса с целью избежать репрессий было в те годы обычным явлением. Например, Алексей Осипович Гузынин, сын личного почётного псковского

Дом Богушевских, 2011 г.

гражданина, дослужившийся до чина титулярного советника в Кабинете Его Императорского Величества, на допросе в ЧК в 1918 году скромно назвал себя писарем. Это, впрочем, не спасло его от обвинительного приговора, причём даже без предъявления какой-либо конкретной статьи...

Нам пока неизвестна судьба Антонины Алексеевны и Веры Богушевских: были они репрессированы вместе с Александром Казимировичем или умерли раньше, в лихолетье Гражданской войны? Анатолий Алексеевич Подчекаев, по словам его дочери Ирины Калитс, считал свою сестру погибшей, а о существовании своей двоюродной сестры Веры Ирина Анатольевна ничего не знала.

Но всё тайное когда-нибудь становится явным. Например, сегодня в нашем распоряжении впервые появились фотографии, на которых чета Богушевских запечатлена вместе с А.А. Подчекаевым. Возможно, это единственные сохранившиеся до наших дней фотографии Антонины Алексеевны и Александра Казимировича — они сканированы из семейного альбома В.А. Подчекаева (старшего брата Анатолия Алексеевича) и публикуются впервые с разрешения его внуков, Е.К. Клопской и Н.К. Романовой. Теперь мы можем, пожалуй, согласиться со словами Ирмы Артуровны Грюнберг из её письма к своему

возлюбленному — будущему мужу Владимиру Алексеевичу Подчекаеву: «...твоя сестра такая красивая...»

Завершая эту тему, представим вниманию общественности ещё одну уникальную фотографию из упомянутого семейного альбома (фото 6), публикуемую впервые. Это единственный (пока) известный на сегодня портрет Августы Александровны Подчекаевой — матери Владимира, Антонины и Анатолия (а также Дмитрия и Валериана) Подчекаевых.

К сожалению, рассказать здесь же о других находках, сделанных при изучении бумаг из старого чёрного чемодана, не позволяет формат статьи...

Источники:

1. *Grezine I.* «Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière du Sainte-Geneviève-des-Bois». — Paris, 1995.
2. ГАПО, ф.7, оп.1, д.186 «Дело об избрании родительского комитета при гимназии. Списки учащихся и их родителей за 1906–1918 годы».
3. ГАПО, ф.35, оп.1, д.4 «Список земельных участков, принадлежащих Псковскому отделению крестьянского поземельного банка».
4. ГАПО, ф.116, оп.1, д.44 «Списки лиц, проживающих в городе Пскове в 1910 г.».
5. ГАПО, ф.116, оп.1, д.54 «Листы переписи (поквартирные карточки) г. Пскова и прилегающих к нему слобод по фамилиям домовладельцев на букву “Б”».
6. РГИА, ф.500, оп.1, д.865 «Личное дело гражданского инженера Назимова», 1908–14 гг.
7. Электронный интернет-ресурс «Узнал.орг» (http://www.uznal.org/book_of_memory.php?bukva=1&name=85&surname=121&repression=0)

«КОМУ Ж ПИСАТЬ Я БУДУ ОДЫ?»

(О поэтах Лавров 20-х — 30-х годов XX века)

Коль хочешь то писать,
Так прежде ты влюбись.

А.П. Сумароков

З.И. Кузнецова

(Тарту, Эстония),

краевед

Деревня Лавры Печорского уезда находится на западе Псковской области и граничит с Латвией и Эстонией (три километра до Латвии и девять — до Эстонии). Основана во второй половине XIX века переселенцами из Латвии, а потому было в старых Лаврах два прихода — православный и лютеранский, две церкви и два кладбища. Старые люди говорили на четырёх языках: русском, латышском, эстонском и немецком. В 1921 году газета «Печорский вестник» в сообщении за подписью Лавровца сообщает: «На днях Лавры посетил английский вице-консул. Он очень интересовался краем и был поражён тем, что очень многие из граждан Лавровского района владеют несколькими языками». Славилась Лавры своими ярмарками, проводившимися каждый месяц 10 и 25 числа. Жизнь в Лаврах кипела, и есть сведения, что Лаврам даже хотели присвоить статус города (Трахова Т.В.). По Тартускому Мирному договору 1920 года Печорский край (значит, и Лавры) находился в составе Эстонской Республики.

Мой рассказ, написанный «под управлением любви» к родной деревне, посвящён трём лавровским поэтам. Поэтов в наших краях, конечно, больше, но размеры статьи не позволяют «размахнуться», как хотелось бы, и многое остаётся за рамками повествования. Так, не будет рассказа о творчестве замечательного поэта Бориса Константи-

новича Семёнова, входившего в пражский «Скит Поэтов» и бывшего инструктором Союза русских просветительных и благотворительных обществ Эстонии. Его просветительная работа была тесно связана с Печорским уездом и Лаврами. Три года он работал учителем в частной лавровской гимназии, где преподавал русский язык и философскую пропедевтику, оставив по себе добрую память (Исаков С.Г. Очерки, с.355). О его жизни и творчестве написано много — в моём же очерке речь пойдёт о забытых (или почти забытых) поэтах, которые были так или иначе связаны с Лаврами.

Есть и четвёртый герой моего повествования — это писатель и журналист Никифоров-Волгин Василий Акимович (1901–1941), живший в 20–40-е годы прошлого века в Эстонии и ставший одним из ведущих русских прозаиков Эстонской Республики. (Исаков С.Г. Очерки, с.221). В 1927 году на конкурсе молодых авторов в Таллине был удостоен первой премии за рассказ «Земной поклон». В 1930 году редактирует (вместе с Л. Аксом) нарвский журнал «Полевые цветы» — орган русской литературной молодёжи в Эстонии. Удостоен премии журнала «Иллюстрированная Россия» за рассказ «Архиерей». В мае 1941 года арестован органами НКВД, в июне — расстрелян «за издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания» (Балтийский архив, XIII, с.142). Имя его было долго скрыто от русского читателя, но сейчас он возвращается к нам. Здесь мы будем говорить о нём, как о журналисте, о его публикациях в русских газетах Эстонии того времени о деревенских поэтах-самоучках или об изъятых поэтах. Благодаря его статьям я и узнала о Ларионе Садовникове.

1. Ларион Кузьмич Садовников (1904–1984). В заглавие статьи вынесена цитата из его поэмы «Кому ж писать я буду оды?». Ответ простой — Пушкину Александру Сергеевичу. В 1937 году в Эстонии был проведён литературный конкурс, посвящённый поэту, и все оды слагались в его честь. Листая старые газеты в читальном зале библиотеки Тартуского университета, сначала не обращаешь внимания на статьи Никифорова-Волгина о деревенских поэтах-самоучках, но, увидев, что в этом конкурсе одно из трёх лучших мест было отдано Лариону Садовникову, поэту из Лавров, читаешь уже все статьи В.А. Никифорова-Волгина об «изъятых поэтах». Победителям литературного конкурса были присуждены премии: каждому подарено полное собрание сочинений А.С. Пушкина. В этой же статье «Русский

вестник» (1937 г.) дал портреты авторов — их собственное жизнеописание-автобиографии, сохранив почти в полной неприкосновенности их слог и изложение.

Из поэмы Лариона Садовникова о Пушкине:

Сто лет, как ты с арены жизни
Ушёл во мрак земли сырой,
Но не унёс ты из Отчизны
Любимый нами образ свой.
 Бежали годы за годами,
 Кто в горе жил, кто без беды, —
 Смывало время, как волнами,
 Всего минувшего следы.

Исчезли знатные вельможи,
Исчез монархов грозный след,
И скоро в памяти, быть может,
Исчезнет слава их побед.

 Лишь ты, монарх родной культуры,
 В прекрасном образе цветёшь.
 Лишь ты, герой литературы,
 В народной памяти живёшь.

Лишь ты, лишь ты в числе немногих
Чаруешь рифмою своей
В дворцах и хижинах убогих
Сердца теперешних людей..

.....

 Ты быт народа улучшаешь,
 Вводя культуру в круг людей;
 Ты сердце чёрствое смягчаешь
 Литературою своей.

Твоя поэзия и проза
На первом месте и всегда
Цветёт цветами яркой розы
И не завянет никогда.

 Ты не провёл в бездельи годы,
 Ты удивил талантом свет —
 Кому ж писать я буду оды,
 Коль не тебе, родной поэт?

Павел Илларионович Садовников

Илларион Кузьмич Садовников

Из жизнеописания Лариона Садовникова, родившегося в Лавровской волости [тогда это была Паниковская волость — З.К.], в деревне Говзино: «Родился я... в 1904 году шестым сыном у отца. Кроме братьев у меня шесть сестёр. ... Отец мой, сын отставного солдата времён Николая I, писал мужикам во время их тяжбы всевозможные прошения, заявления и т.д. Но главное его занятие было земледелие. Меня воспитывала природа и приличное поведение отца. Мальчиком я был тихим, боязливым и любил держаться в одиночку. Любил я восхищаться устным эпосом, т.е. рассказами мужиков, собиравшихся к отцу на беседу. Так как отец мой не имел достаточных средств даже на пропитание детей, то я в семь лет должен был отбывать обязанности наёмного пастуха у различных ближних и дальних хуторян. Потом я поступил в Сирецкое [Сырцкое, рядом с Шумилкином — З.К.] начальное училище; окончил только два класса, так как пришлось оставить учёбу сначала из-за продолжительной болезни, а впоследствии по случаю образования в наших местах «красного фронта». Таким образом, я должен был довершать своё знание чтением русской литературы. Особенно восхищался я поэзией Пушкина, но точного её смысла ещё не понимал. Потом (всё это только в свободные досуги) читал Толстого, Достоевского, Лескова и других русских писателей, и даже

несколько переводов с иностранного, но иностранные писатели мне как-то не нравились, потому что их культура не есть культура сердца, и они (за некоторым исключением) — материалисты. Такова была моя первая ступень жизни» (Победители литературного конкурса, *Интл.*).

Второй ступенью жизни Ларион Садовников называет ту, «когда в семнадцатилетнем возрасте мы начинаем заглядывать в иной мир; когда от прикосновения красивой девушки мы чувствуем сладостную истому, ... когда спешим на свидание». В этот период жизни он был «несказанно счастлив»: «Был любим девицами за хорошее с ними обхождение, за весёлые, меткие шутки, а ещё больше был любим друзьями за свои удалые песни, при исполнении которых всегда состоял главарём всех певцов». И в этот период жизни Ларион Садовников никогда не забывал чтения.

Третий этап был менее радужным, так как в это время «... пришлось испытать одно тяжёлое и печальное переживание, о котором говорить не хочется. Мир мне как-то опостылел. Я скоро начал подмечать худые стороны людей. Я думал так: чтобы человеку быть совершенно красивым, надо иметь три красоты — умственную, физическую и нравственную. Это меня вдохновило написать первый раз в жизни поэму «На свежем сене», о которой был отзыв в «Русском вестнике». Я знаю, что в ней отсутствуют грамматика и стиль, но ведь с грамматикой и теорией словесности я был вовсе не знаком и начал изучать их только нынче. После я коснулся в стихах некоторых тёмных сторон нашей местной жизни, особенно больно поразивших меня (выборы). Я выразил в них моё искреннее чувство. Это была борьба против невежества и зла.

Вот такова моя жизнь: землепашествую, считаюсь мелким середняком, реально — счастлив, душевно — нет, верую в Бога, в добрые дела, горячо люблю русский народ.

Под судом не был, и не приведи Господи».

Теперь о поэме «На свежем сене». Василий Акимович Никифоров-Волгин, внимательно и бережно относившийся ко всем присланным в газету стихам и рассказам, в статье об «Избятных поэтах и писателях» пишет: «Первое, что чувствуешь в нескладных порой, но вдохновенных строках деревенских авторов — искренность. Читаешь их — и видишь словно наяву: глухая деревенская ночь, чадит керосиновая лампа, и заскорузлая натруженная рука избяного поэта скользит по

бумаге. .. Многое у него не согласуется с грамматикой, формой и литературными правилами, но зато — от души, от жизни, от неосознанного высочайшего порыва «творить». Поэма Лариона Садовникова «На свежем сене» — поэма большого формата на 14 страницах. В предисловии автор пишет:

Я долго спал, уж много лет настало,
Спал много лет не телом, а душой.
В душе моей поэзия дремала,
Как дремлет до рассвета мрак ночной.

Очень ярко переданы в поэме-романе картинки деревенской жизни, простота взаимоотношений, песенный склад русской речи:

Ах ты сено, моё сено,
Сено свежее моё,
Муравое, луговое
И душистое оно.

Фотографий Лариона Садовникова не было, кроме той единственной из «Русского вестника», где он «на втором этапе своей жизни». Оказалось, что его сын Павел живёт на хуторе, недалеко от Лавров, а внучка живёт в Лаврах. Было решено разыскать сына поэта Садовникова. Встреча с ним состоялась, но не сразу. Дорогу на хутор мы не знали, а потому заблудились и заехали на хутор к соседу Павла Ларионовича Садовникова. Сосед оказался разговорчивым, Садовниковых он знал и о Ларионе рассказал: «Вот это был поэт! На праздниках стихи читал! Писал он стихи легко, писал всю жизнь, а не только в молодости». Вспомнил, что, когда сын Лариона Кузьмича служил в армии где-то под Питером, отец написал ему стихи для командира: «Мы к вам пришли служить ... с гажьего болота ». Больше ни одной строчки он не вспомнил. Но и то хорошо! Рассказал нам, как проехать на хутор к Садовникову.

Дорогу нашли быстро. Павел Ларионович живёт один. Помогает ему дочка: приезжает из Лавров. Хозяйство — коза да кошка Катька. У крыльца лежала мышка, пойманная Катькой. Подарили было Павлу Ларионовичу семь курочек, но их всех почти сразу перетаскала лиса.

Рассказал, как отважная Катька гоняет лис: «Вон горка, видите? Разгляжу, гонит наша Катька с той горки лису, шерсть распушила, шипит, глаза сверкают. И лиса убежала. А уж игривая наша Катька!». Рассказал об отце. На войне Ларион Кузьмич не был из-за болезни, работал в колхозе фуражиром — отвечал за поставки и распределение фуража, вроде кладовщика. Павел Ларионович принёс старый альбом.

Но портрета Лариона Садовникова там не было, а были фотографии только групповые, размытые и нечёткие. Стихотворения, где есть строка про «гажье болото», он не вспомнил. Зато дальше произошло то радостное событие, от которого сердце стало биться чаще: Павел Садовников показал нам ещё одну поэму отца, ранее нигде не публиковавшуюся, которую разрешил нам сфотографировать, что и было сделано, и мы назвали её условно «На мельнице». Это поэма также большого формата, занимающая двенадцать страниц простой школьной тетрадки в линейку. Нашему счастью не было предела! Подумать только: новая поэма. Но радовались мы рано. Распечатывая поэму с фотографий, мы не обнаружили ни начала, ни конца. Или она не была закончена? Незавершённость поэмы была очевидна. Или мы чего-то не поняли?

Вспомнив бережное отношение к поэтическим текстам В.А. Никифорова-Волгина, слог и изложение вновь найденной поэмы Лариона Садовникова был сохранён в полной неприкосновенности. Сюжет поэмы очень жизненный: из деревни Железово в Вастселийну (а это больше двадцати километров) едет женщина на мельницу молотить хлеб. Едет быстро, чтобы скорее вернуться домой. Её переживания связаны с беспокойством за дочку, которая осталась в деревне на хозяйстве одна-одинёшенька, а к ней может прийти парень: как бы он девушку не обманул. Вот отрывки из поэмы «На мельнице»:

Баба ехала не тихо,
Надо было ей спешить
Хлеб смолоть и непременно
Домой мигом укатить.

Она мигом пролетела
Сквозь деревню Русский Бор
И вкатилась в пределы
Чудных Мегузицких гор.

Вот мелькнул перед зарёю
Церкви Мегузицкой крест
И мелькнул густой стеною
Городецкий смурый лес.

Вот на встречу ей попался
Полуверец пожилой.
С города он пробирался,
Вёз муку в мешках домой.

Тут она остановилась,
Увидавши воз мешков,
И у встречника спросила,
Много ль в мельнице мельцов.

Далее идёт описание тех мест, которые встречаются на пути нашей героини:

Она скоро очутилась
В том поместье, в городке.
Прямо к мельнице спустилась,
Что стояла на реке.

Городок — это поместье
Так зовётся городком.
Все эстонцы в этом месте
Населились кругом.

И поэтому два имя
Месту дал сегу народ:
По-эстонски — Вастселийна,
А по-русски — городок.

Непростое это место.
В отдалённые времена
У оврага близ речонки
Крепость сооружена.

Здесь ливонцам долги годы
Городок границей был,
Когда Псков с своим народом
Независимостью слыл.

А помещьем этим строго
Сам помещик управлял,
Свою мельницу построил
И в аренду отдавал.

И вот этот самый мельник,
Что давно арендовал,
Человек был не бездельник,
Знай, деньжонки подкоплял.

Долго он в поместье этом
Арендатором прожил,
Но недавно одним летом
Эту мельницу купил.

Я о мельнике, как автор,
Вам немного напишу,
И не только что характер,
Даже личность опишу.

Человек он очень добрый,
Век свой правдою прожил.
С виду он довольно бодрый
И шутить весьма любил...

Заканчивается поэма тем, что героиня благополучно смолола рожь и быстро умчалась назад в Железово, а вот что было в Железове с её дочкой — неизвестно. Надо будет снова съездить в Говзино за недостающими частями поэмы. Добавлю, что мельница, о которой идёт речь, находится в местечке Илли, и летом мы там побывали. Это недалеко от Вастселийны и Нейгаузена, упомянутых в поэме Лариона Садовникова, и там столько достопримечательностей!

2. **Гейнрихсен Николай Георгиевич** (1882–1952). Моя знакомая, тартуский филолог Татьяна Сигалова (она и сама пишет замечательные стихи), которая занимается забытыми поэтами, сказала мне, что издана книга Александра Львовича Соболева «Летейская библиотека» и что там есть глава о поэте, который был в 20-е годы директором Лавровской школы. Автор прислал эту книгу ей в подарок. И (о счастье!) в библиотеке университета эта книга есть, она посвящена забытым страницам истории русской литературы и в ней даны биографии малоизвестных поэтов.

Лучи Психеи, титул сборника.
Нежин, 1910

Гейнрихсен Н.Г. с женой Ольгой
и детьми Леонидом и Зинаидой. 1926

Из аннотации М.А. Кучерской на книгу А.Л. Соболева: «Если вы забыли, что такое острое наслаждение от чтения, настоящее на интонационной непринуждённости, энциклопедической эрудиции и ласковой иронии автора-собеседника (к самому себе и ко всему свету), если вам кажется, что о 1910–1930-х гг. вы знаете всё, а незначительные поэты — не вашего романа, то вам, несомненно, показан, нет, жизненно необходим двухтомник Александра Соболева «Летейская библиотека». Библиофил, филолог, знаток Серебряного века Александр Соболев разгонит вашу скуку и уверенность в собственных знаниях сведениями столь экзотическими, описаниями событий столь трагических, хотя и комических тоже, что, позабыв приличия, вы только тихо приоткроете рот. И опомнитесь ещё не скоро». Всё так! Лучше не скажешь.

Но прежде всего обратимся к долавровской биографии поэта по «Летейской библиотеке» А.Л. Соболева. Портретов Н.Г. Гейнрихсена не осталось, но один из благодарных учеников в нескольких штри-

хах увековечил его внешность: «Был он высокого роста, плечистый, с крупными чертами лица, лысый. Сколько милых добрых воспоминаний связано с этим замечательным человеком» (Соболев, с. 80). Родился он 24 сентября 1882 года в семье Ревельского цехового Георга Фердинанда Гейнрихсена евангелическо-лютеранского вероисповедания. В одном из документов Гейнрихсена указано, что закончил он среднее образование во 2-й Тифлисской гимназии.

В 1905 году Гейнрихсен поступил на юридический факультет Петербургского университета, где проучился три года. В 1908 году его, как не внёсшего вовремя плату за обучение, из университета исключили, и он поступил в историко-филологический институт в украинском Нежине. Здесь же два года спустя вышла его первая книга «Лучи Психеи». Творчество Н.Г. Гейнрихсена автор «Летейской библиотеки» относит к футуризму. Н.Г. Гейнрихсена называют также предтечей будетлян (Молодяков В. — из *Интернета*)

Институт он заканчивает в 1912 году. По распределению Гейнрихсен был отправлен в город Верный (бывшая и будущая Алма-Ата) — сорокатысячный южный форпост России. В здешней гимназии он проработал шесть лет, преподавая историю и географию и выпустив три книги стихов. Одна из них датирована 1913 годом. Третья книга стихов, «Русь», представляет собой чрезвычайно любопытную вещь — стихотворную импровизацию на основе «Слова о полку Игореве».

Общеизвестно, что в истории поэтических переводов «Слова» есть труднообъяснимый хронологический провал: за всё время экспансии и торжества модернизма в русской литературе (грубо говоря, между 1890 и 1920 годами) не было создано ни одного сколько-нибудь существенного переложения главного памятника славянской поэтической древности — за единственным исключением (благодарные потомки удостоили нашего героя помещением в соответствующую энциклопедию: «ГЕЙНРИХСЕН Николай Г. (биограф. данные не установлены) — поэт»). Тяжеловесная образность «Слова» оказалась соприродной своеобразному дару Гейнрихсена (советские исследователи с привычной пронизательностью отмечали «отсутствие у автора таланта и понимания художественных образов «Слова»: Энциклопедия — *Интернет*).

Ещё один отзыв о переводе Н.Г. Гейнрихсена: «В дореволюционной поэзии XX в. «Слово о полку Игореве» не оставило заметного следа. Никаких новых горизонтов переводы ряда провинциальных поэтов не

открывали. Такие направления нашей поэзии первого и второго десятилетий XX в., как символизм и акмеизм, прошли мимо «Слова»: новых переводов они не дали. Исключение представляют футуристы, в поэтическом наследии которых числится один перевод «Слова о полку Игореве». Перевод этот принадлежит поэту Николаю Гейнрихсену. В жанровом отношении этот перевод, вышедший под заглавием «Русь» (в скобках «Слово о полку Игореве»), без указания года и места издания (по-видимому, в 1914 г.), представляет собой род инсценировки на сюжет «Слова» в рамках лиро-эпической поэмы. Ломающиеся ритмы, метафоры, построенные по принципу «отдалённых аналогий», не соответствующие синтаксическим нормам словосочетания, неологизмы — всеми этими приёмами футуристической поэтики Н.Гейнрихсен злоупотребляет в достаточной степени» (Ерёмин, 130).

Досталось Николаю Георгиевичу Гейнрихсену за это переложение «Слова»!

Но познакомимся с его переводом хотя бы по этому отрывку:

С зари до вечера густого,
А там — до самого утра —
Летит калёная стрела, -
И сабли вьются над шлемами,
Гремя грозою над полками,
Да копыта кованые встать
Трещат да реют роем в рать, -
В краю далёком от Руси,
В полях незнаемой страны,
В земле постылой, Половецкой,
Богатой девой молодецкой,
Борьбой пылающей в брони...
Земь чёрная в копытах рыта,
Густа костями, понакрыта,
Поляна кровью залита,
Трава взбагрилася, липка,
Тужится — вянет до земли...

В 1918 году срок службы Гейнрихсена в гимназии заканчивается, после чего три года он вместе с семьёй живёт где-то в Средней Азии.

По всей вероятности, часть этого времени они живут в Пишкеке (совр. Бишкек) — в одной из анкет он упоминает о трёхлетнем там пребывании.

Вскоре Гейнрихсен с семьёй оказывается на родине, в Эстонии. 20 июля 1921 года газета «Последние известия» в «Хронике» сообщает: «Приезжий из России туркестанский поэт Николай Гейнрихсен устраивает в четверг, 21 июля, в помещении Общества Благоустройства в Немме, литературный вечер. <...> В ближайшем времени Н. Гейнрихсен предполагает прочесть ряд лекций о «Разрешении космических и культурных вопросов» (космогония вселенная и земная, культура быта, религии и духа, политика объективная и личная); попутно будут читаться и беллетристические произведения литератора. Николай Гейнрихсен имеет намерение объехать города Эстии и популяризовать новое мировоззрение».

Ещё через полгода газета «Печорский вестник» упоминает в хронике, что нежинский выпускник Н.Г. Гейнрихсен назначен директором гимназии в Лаврах (близ Печор), — но прослужил он там недолго, вскорости сделавшись исполняющим обязанности директора в шестиклассной школе деревни Скамья. Директор Лавровской школы Григорий Михайлович Валькевич Гейнрихсена вспоминает, но под фамилией Хейнрихсен. О том, что он писал стихи, в воспоминаниях Валькевича ничего не сказано, как не сказано ни слова и о Борисе Константиновиче Семёнове. Г.М. Валькевич пишет: «В том же, 1920 году, с первого августа в Лаврах открылась реальная гимназия — полное среднее учебное заведение с пятилетним сроком обучения. Это событие, казалось бы, не имело прямого отношения к школе, но на самом деле это не так. Дело в том, что гимназия разместилась в здании школы и работала во вторую смену, пользовалась учебными пособиями школы. Имела она отдельно своего директора и прочую администрацию. Лавровское волостное правление арендовало от А.П. Зарри школьный дом. Последний был передан в распоряжение завшколой А.А. Витта. Однако, с водворением туда гимназии, А.А. Витт был выселен из школьного здания, а в квартиру Витта вселили директора гимназии Хейнрихсена (латыш). Уже школе вольно или невольно стали отводить роль пасынка. Порчу школьных пособий школа взваливала на гимназию, а та, в свою очередь, на школу. Антагонизм развивался и между учителями. Свысока смотрели на учителей начальной школы

учителя гимназии. ...Министерство Народного просвещения издало циркулярное распоряжение, требующее от всех заведующих школами и директоров знания эстонского языка. Нужно было изучать этот довольно тяжёлый язык, для этого требовалось желание и напряжение сил. А Витт изучать его не стал и с 1 августа 1924 года отказался от заведования школой, но просил оставить его учителем в этой же школе. Лавровский волостной совет удовлетворил его просьбу. К этому времени ушёл со своего поста и директор гимназии. Он оказался столь слабовольным, что не мог справиться со своими учителями и убегал с заседаний педсовета. Об этом мне рассказывал инспектор школ Печерского уезда Август Осипович Узай. И вот, чтобы прекратить антагонизм в обеих школах, учебный отдел Печерской уездной управы и Министерство просвещения пришли к заключению, что нужен один директор для обеих школ. Выбор их остановился на мне, Григории Михайловиче Валькевиче. ...К этому времени я успел уже изучить эстонский язык и выдержал соответствующие экзамены».

В 1924 году Гейнрихсен был выбран в Скамью, сначала простым учителем, а с 1927 года стал заведующим школой. В этой должности он оставался долгие годы и оставил большой след в памяти жителей деревни. Особенно запомнились его литературные вечера и театральные постановки. В России Скамейская церковно-приходская школа занимала ведущее положение в образовании населения Принаровья. Пополнение её шло за счёт учащихся многих деревень. Долгие годы её заведующим был учитель с высшим образованием Николай Георгиевич Гейнрихсен, совсем не похожий на своих коллег из соседних школ, — натура экзальтированная, увлекающаяся философией, литературой, театром. Любил шахматы, музыку, старался привить детям интерес к ручному труду, увлекал их историей и географией. ...Будучи поклонником драматургии Гоголя, он не побоялся с малолетними артистами сыграть постановки «Тарас Бульба» и «Вий»... (Рацевич, с.104).

В 1935 году Гейнрихсены меняют фамилию на Heina; два года спустя глава семьи по не вполне понятной причине был от преподавания отстранён, а ещё через несколько лет деревня Скамья была разрушена фашистами и прекратила своё существование. Гейнрихсены же уцелели и, оставшись на территории Эстонии, прожили — Николай Георгиевич до 1952 года, его жена до 1979-го, сын до 1995, а дочь — до 1996 года (История Принаровья — *Инт.*)

* * *

Из воспоминаний учеников Н.Г. Гейнрихсена.

И.Т. Любомудров: «Было у нас 2 учителя и третий эстонский. Один это Николай Георгиевич Хейна, его ещё Гейнрихсон звали. У него сын был кулинаром на площади Виру в кафе, и он угощал нас с Олегом Васильевым, это когда я в Копли жил, то заходили к нему. Николай Георгиевич был простой души человек, бывало, накажет, а сам или забудет или сделает вид, что забыл. Если балуешься на уроке или не выучил что-нибудь, то оставляли после уроков. Он оставит и дверь замнёт, а двери двойные и открывались нараспашку, а наверху защёлка. Мы защёлку сбросим, дверь приоткроем и ушли домой. А он даже больше и не вспомнит. Хороший души человек был! Здоровый такой был» (*Инт.*).

И.Г. Фаронов: «В Скамье я учился в 5-м и 6-м классах. До сих пор я с большой благодарностью вспоминаю своих учителей — это Николай Георгиевич Генрихен (правильно — Гейнрихсен-Heinrichsen, в 1935 году он поменял фамилию на Heina), его жена Ольга Фёдоровна и учительница истории Александра Ивановна Васильева. Николай Георгиевич, какой это был интересный человек! У него была необыкновенно добрая душа, но и были у него какие-то странности. В свободное от занятий время он всегда писал, и как потом уже после войны, когда я встречал его, он говорил мне, что это доставляло ему удовольствие. Спал я тогда один в учительской, где стоял длинный стол, и я помню Николай Георгиевич, не выпуская изо рта папиросы, всё о чём-то писал. Был он высокого роста, плечистый, с крупными чертами лица» (*Инт.*).

Согласно преданию, которое сохранилось в семье Генрихсена, его работа в должности заведующего школы завершилась по прихоти какого-то полицейского чиновника в 1937 году. Этот чиновник из окна школы обратил внимание на клумбу в виде пятиконечной звезды в школьном палисаднике. Разумеется, заведующий был обвинён в политической близорукости и лишён должности. С таким «волчьим билетом» путь в другие школы был закрыт. С 1938-го до сентября 1944 года работал на Балтийской Мануфактуре сторожем на воротах. После войны, однако, ему удалось ещё поработать по своей любимой специальности — учителем в школе. Умер 28.11.1952, похоронен на Таллинском кладбище Сисселинна (История Принаровья — *Инт.*).

3. Стейкс Янис (1855–1932) учился в Дерптском университете на теологическом отделении. Пастор-адъюнкт Псковского евангелическо-лютеранского прихода святого Иакова в 1891 году. С 1899 по 1904 год Янис Стейкс служил пастором-адъюнктом в селе Лавры Псковского уезда. До сих пор известен в Латвии как поэт. Имел оригинальные взгляды на историю Латвии и латышский язык. Такое же сообщение о Стейксе слово в слово повторяется у В.В. Солодовникова.

Из книги Пауля Донберга о лютеранском приходе в селе Лавры: «Приходу больше всего нравился пастор Янис Стейкс, который в июне 1888 года был избран Конвентом пастором Лавровского лютеранского прихода. К этому времени в Лаврах уже сложилась довольно мощная лютеранская община, бывшая филиальной по отношению к приходу Святого Иакова в Пскове, где пасторское служение нёс Герман Карлович Брезинский».

Янис Стейкс был великолепным проповедником и очень одарённым человеком. По началу все члены прихода любили его и уважали, но из-за его резкого характера часть прихода изменила к нему своё отношение. У Стейкса были конфликты с верховным пастором прихода Г.Брезинским, все предписания и замечания которого он игнорировал. Наставник Лавровского прихода Петер Зарри (основатель Лавров) также не был доволен служебной деятельностью Стейкса. В 1893 году в Лавры прибыли с ревизией представители Петербургской консистории в связи с тем, что на пастора Стейкса было подано много жалоб. Следствием ревизии было отстранение Яниса Стейкса от занимаемой должности. Но, учитывая его заслуги и то уважение, которым он пользовался у прихожан, дирекция народных школ разрешила Стейксу работать в качестве учителя. В это время школу, которая находилась в Личникове (в пяти километрах от Лавров), посещали 250 учеников. В школе работали восемь учителей. Добрыми словами поминали заботу о школе Яниса Стейкса прихожане лютеранской общины. Заботился Янис Стейкс также и о внешкольной работе: он был организатором молодёжных вечеров, познавательных вечеров вопросов и ответов. Кроме этого, он создал большой хор, который многократно выступал с концертами в Алуксненской и Псковской церквях. Работой школы Стейкс руководил два неполных года. После ревизии латышская школа в Личникове была закрыта будто бы из-за царящего в ней «латышского либерального духа». С закрыти-

Портрет Стейкса
из интернета

Стейкс
(из интернета)

ем школы были уволены Янис Стейкс и все учителя. Стейкс уехал из Лавров (Донберг П.). К слову: школа и молитвенный дом в Личникове были уничтожены пожаром в 1916 году.

Что же за поэт был Янис Стейкс? Вот два ответа из Риги на мой запрос.

1. «Янис Стейкс родился в 1855 году в местечке Тиегажу Пикос, умер в 1932 году и похоронен в Риге на Лесном кладбище. Поэт, учитель, священник. Окончил Тартуский университет (1880–1885, теолог). В качестве пастора-священника и учителя побывал в Лимбажи, Тукумсе, Пскове и на Кавказе. В 1905 году уехал в США, был пастором в Бостоне (1905–1921) и Нью-Йорке (1921–23), вернулся в Латвию, жил в Юрмале, писал стихи, публиковался и, по отзывам критиков, «Стейкс — самообытный латышский лирик 80-х годов, но тогда был мало известен» (П.Эрманис)».

Информация составлена по энциклопедии «Латвиешу рактиеницибас биографияс» — книге биографий латышских писателей.

2. «Янис Стейкс (1885–1932), поэт и пастор, родом из города Лимбажи. В Дерптском университете изучал теологию. В 1889 году направился в Псковскую губернию, где в поселении Лаури 400 латышами

Обложка книги Стейкса

Обложка книги о Стейксе

была организована колония Лаури, и работал там помощником пастора. В 1902 году вернулся в Латвию. Но через три года из-за очень вольнодумных речей был вынужден эмигрировать в Америку. Там работал пастором. В 1923 году вернулся в Латвию, но из-за странностей поведения (не носил платье священника, читал странные проповеди и вообще вёл себя недостойно священника) в конце жизни был отстранён от обязанностей священника. У него вышел только один сборник: *Steiks J. Izlase*. — Rīga: Zinātne, 2003. Составители сборника Янина Курсите и Яна Вердина. Некоторое время Я.Стейкс работал с Райнисом, но полностью был забыт (может, запрещён). Именно Янина Курсите его «вытащила на солнышко». Очень экстравагантен со своей странной этимологией; например, слово «Одесса» происходит по Стейксу от того, что однажды латыш увидел там мясо и воскликнул: «O, desa!» (О, мясо!). В латышской литературе его считают единственным поэтом абсурда».

В этих письмах разночтения в дате и месте рождения Стейкса: родился он всё-таки в 1855 году (*Album Academicum*, с.769; 10815). Кстати, в интернете среди известных жителей города Лимбажи имени Яниса Стейкса нет. Увидеть бы хоть одно его стихотворение! На русский язык его стихи не переводились. В интернете приведены только два стихотворения Стейкса: послание спикеру Сейма и послание

президенту Улманису на латышском языке (Стихи Стейкса, *инт.*). По моей просьбе тартуские филологи пробовали сделать подстрочник, но ... не получилось.

Лавры Янис Стейкс не забыл, и Лавры его не забыли: до конца жизни он поддерживал с Лаврами связь и был в курсе всех событий в жизни лютеранского прихода. Стейкс приезжал в Лавры 26 июня 1925 года на торжественное освящение фундамента лютеранской кирхи Лавровского прихода. Был ли он в Лаврах на освящении лютеранской кирхи — неизвестно.

Источники:

1. А.С. Пушкину — деревенские поэты-самоучки. / Русский вестник, 1937.
2. Английский вице-консул в Лаврах / Печорский вестник, 1921, 19.10., № 46.
3. *Валькевич Г.М.* Лавровская школа. Воспоминания. Рукопись (печатный текст). — 1966. — 88 с. Архив МБОУ «Лавровская гимназия».
4. *Донберг П.* Лавровский приход. Обзорение, посвящённое 65-й годовщине прихода и 40-летнему юбилею учителя-кёстера П. Донберга / перевёл с латышского Бруно Явойш. — Издание совета лавровской ев.-лют. церкви, 1932.
5. *Ерёмин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Изд. второе, доп.- Л: Изд-во ЛГУ, 1987. — 328 с.
6. *Иваск Ю.* Похвала российской поэзии. Эссе / сост. Уно Шульц. — Таллинн: Александра, 2002. — 251 с.
7. *Исаков С.Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн: Александра, 2005. 450 с.
8. *Никифоров-Волгин В.А.* Избяные поэты и писатели. / Русский вестник, 1936.
9. Победители литературного конкурса «Русского вестника». Ларион Садовников. / Русский вестник, 1937, 23.01., № 7.
10. Последние известия. 1921, 20.07, № 175. Хроника (Н.Гейнрихсен).
11. Преголя / Калининград. Приложение к «Балтийскому альманаху». Калининградский региональный общественный фонд культуры, Калининградский клуб краеведов / Сост. А.Б. Губин. — Калининград, 2009. — № 4. — 99 с.

12. *Рацевич С.В.* Глазами артиста и актёра. Из виденного и пережитого. Скамья. — с.104 // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. — Таллинн, 1998. — 164 с.
13. *Соболев А.Л.* Летейская библиотека: очерки и материалы по истории русской литературы XX века. — Т. 1. — М.: Трутень, 2013.
14. Album Academicum der Kaiserlichen Universitat Dorpat/ — Dorpat, 1889.
15. <http://horatius.ru/index.xps?9.1.50>
16. <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es2/es2-0181.htm>
17. *Гейнрихсен Н.Г.* Лучи Психеи. — Нежин, 1910.
18. История Принаровья. Учителя. Гейнрихсон.
19. <http://www.narova.eu/istoria-prinarova/poestonieij/ucitela>
20. *Кучерская М.А.* «Летейская библиотека» Александра Соболева оживляет забытых поэтов начала XX века. <http://www.vedomosti.ru/lifestyle/news/23702321/iz-mgly#ixzz3D6aX0bFe>
21. Лавры (Печорский район) // <http://wiki.pskovedu.ru/index.php/>
22. *Любомудров И.Г.* Воспоминания. / Скамья, ч.2. <http://www.narova.eu/skamja-2>
23. *Молодяков В.* Обратно из Леты. <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/25m.html>
24. *Солодовников В.В.* Лютеранская диадема. Исторические очерки о евангелическо-лютеранских приходах Пскова и Псковской области. — Псков, 2010. — 199 с. http://www.krotov.info/libr_min/18_s/ol/odovnikov_ia.htm
25. Стихи Стейкса. http://www.eraksti.lv/autori/janis_steiks.html
26. *Трахова Т.В.* От конкурса красоты до Щемерицкой свадьбы // Печорская правда. 2008 г. № 41. 23 мая. с.7.
27. *Фаронов И.Г.* Воспоминания. <http://www.narova.eu/farонов-1>
28. Чужая жизнь всегда занимательна, а жизнь поэта — стократ. Глеб Морев и Александр Соболев поговорили о «Летейской библиотеке», посмертной литературной справедливости и филологии будущего. <http://www.colta.ru/articles/literature/3598>
29. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Гейнрихсен Николай Г. <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es2/es2-0181.htm>

О КОНТАКТАХ ЛЕОНИДА ЗУРОВА С ЖИТЕЛЯМИ ПЕЧОР

(По печатным и архивным материалам)

А.В. Громова

(Москва),

доктор филологических наук,

профессор Кафедры русской литературы

Московского городского педагогического университета

Леонид Зуров был уроженцем города Острова Псковской губернии. Он с ученических лет испытывал интерес к истории Древней Руси и особенно родного Псковского края. Под влиянием трагических событий начала XX века — Первой мировой, а затем и гражданской войны, в которой Зурову пришлось участвовать с 16-летнего возраста, — оформилось также его стремление запечатлеть и сохранить историю современную, — историю Северо-Западной Армии. Эти две тенденции, вкупе с его неподдельным интересом к жизни простых русских людей — крестьян, солдат, впоследствии беженцев — определили доминанты литературного творчества Зурова, создателя таких произведений, как «Отчина», написанная по канве древнерусских литературных памятников, «Кадет», «Древний путь», «Поле», запечатлевшие атмосферу кровавой междоусобицы и разлада русской жизни в 1917–1918 годах, повесть «Иван-да-марья», посвященная началу Первой мировой войны, и незавершённый труд всей его жизни — эпопея «Зимний дворец», документальные материалы для которой Зуров собирал до последних дней.

Друг и корреспондент Зурова, историк Н.Е. Андреев в статье, посвящённой творчеству писателя, определил его мировоззрение как почвенническое, подчеркнув, что оно поддерживалось «непосредственной близостью к осколкам подлинной России» [1]. В 1958 году

в письме к профессору П.А. Сорокину в США Зуров писал: «Я был счастливее многих других эмигрантов, так как до войны неоднократно ездил работать в Прибалтийский край, где я вёл археологическую разведку (для Музея Человека). <...> Встреча с родиной (а это принаровье, чудской край, берега озёр, изборские холмы), встречи с простыми русскими людьми, ночёвки в избах, беседы с рыбаками и крестьянами (я бережно слова их храню). Это дорогое наследство» [2].

Действительно, оказавшись в эмиграции (сначала в Риге, затем во Франции), Зуров пользовался любой возможностью побывать на родной Псковщине — в тех частях бывшей Псковской губернии, которые в 1919 и 1920 годах были присоединены к Эстонии и Латвии. Особой притягательностью для Зурова обладали Печоры, где находился один из самых известных православных монастырей и где на каждом участке земли можно было найти напоминание о героической древней истории Руси: «Через Печоры проходит Ливонская дорога, дорога рыцарских и польских походов. В двадцати верстах от монастыря стоят развалины замка Нейгаузена, построенного в XIV веке на боевом рубеже Псковского государства... На русской стороне, на насыпанном руками ратных холме, на котором стояли обстреливающие замок пушки, теперь растут великолепные березы» [3].

Кроме того, в 1920–1930-е годы здесь проживало немало представителей эмигрантской интеллигенции, издавались русские книги, функционировали русские культурно-просветительные общества, работали кружки любителей русской старины, литературный кружок Русского Студенческого Христианского движения. Печоры, наряду с Таллинном, Тарту и Нарвой, считались одним из центров русской культуры в Эстонии. Как справедливо отметил профессор С.Г. Исаков: «Печоры с монастырём и Печорский край с его древностями и русскими деревнями влекли к себе россиян со всех стран русского “рассеяния”. Они находили здесь то, чего не было и не могло быть ни во Франции, главном ареале русской эмиграции на Западе, ни в Германии, Чехословакии или Югославии, — кусок родной земли, старой России» [4].

До недавнего времени сведения о поездках Зурова в Печоры и его контактах с местным населением в основном покоились в архивах. В настоящее время стараниями исследователей некоторые материалы опубликованы. Из мемуарных источников, содержащих ценные

сведения, можно назвать воспоминания Н.В. Синайской «Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского» [5], Н.Е. Андреева «То, что вспоминается» [6], Г.В. Векшина «Мой дедушка» (о Г.В. Свидзинском, рукопись), из эпистолярных — отдельные публикации писем Зурова [7], его переписку с Н.Е. Андреевым, подготовленную к печати И.З. Белобровцевой и Е.Н. Андреевой [8], материалы, относящиеся к экспедициям Зурова в Печоры, изданные А.Ю. Пономарёвым [9]. В совокупности с научными публикациями [10] и архивными документами (неопубликованными письмами, научными отчётами и экспедиционными материалами) эти источники дают представление о работе Зурова в Печорах и о круге лиц, с которыми он общался во время своих поездок: это духовные лица (епископ Иоанн Булин), представители печорской интеллигенции (доктора Александр Евгеньевич Розов, Михаил Михайлович Гроздов, Георгий Владимирович Свидзинский), молодые спутники Зурова в путешествиях по деревням (А. Андронов, Женя Розов, Вася Титов), информанты Зурова — жители Печор и окрестных деревень.

Зуров бывал в Печорах четырежды, каждый раз с определённой миссией.

В 1928 году он был направлен в монастырь с группой рижан для подготовки альбома «Псково-Печерский монастырь» (издан в Риге в 1929 г.). В поездке участвовали профессор права Латвийского университета В.И. Синайский и художник С.А. Виноградов. Зуров составлял опись древностей библиотеки и ризницы монастыря, а также обследовал окрестности Печор. В позднейшей записке-отчёте Зуров писал: «За весну и лето мною были обследованы памятники церковного и крепостного зодчества, богатейшая ризница монастыря, находящаяся над ней библиотека, монастырские чердаки и погреб, крепостные стены и башни, подземный некрополь с керамидами XVI, XVII, XVIII веков, избы посада, часовни и погосты Изборска и Обозерья» [11].

Дочь В.И. Синайского Наталия Васильевна Синайская вспоминала: «Когда рижский купец-меценат С.А. Кузубов пожертвовал довольно значительную сумму на издание монографии о Псково-Печерском монастыре, чистый доход от которой предназначался монастырю, Василию Ивановичу было поручено составить Общий культурно-исторический очерк, запечатлеть виды монастыря маслом и зарис-

совками... всем, безвозмездно работавшим для монографии, отвели комнаты в монастырской гостинице. В этой работе участвовал и Л.Ф. Зуров — молодой писатель, занимавшийся изучением Печорского края с точки зрения исторической и этнографической. Впоследствии он опубликовал повесть под заглавием “Отчина”, введя Печоры и Псковщину в современную художественную литературу. Стараниями Л.Ф. Зурова храм Николы Ратного был очищен от уродовавших его деревянных надстроек, и предстал во всей красе своей церковной архитектуры XVI века» [12].

В реставрации надвратной церкви свт. Николая Псково-Печерского монастыря Зуров участвовал в 1935 году. Реставрация была организована отделом по охране памятников старины Министерства народного просвещения Эстонской республики, для чего был произведён сбор пожертвований. «Были сняты все позднейшие пристройки, доложены фронтоны, звонница освобождена от деревянного футляра и покрыта по старинному образцу, сохранившемуся на древней иконе <...> Открыли древние бойницы, ведущие из оружейной палаты, восстановили замурованные окна и стенной узор» [13]. Это принесло Зурову широкую известность в русской Прибалтике, что было отмечено Н.Е. Андреевым во время их совместной экспедиции 1937 года: «Основной мотив — “Зуров словами и делами приукрасил нашу Печорскую обитель” — звучал, по праву, в каждом доме гостеприимных печерян <...>» [14]. Тогда же Зуров обследовал Печорский уезд, и открыл Митковицкий Городачек — древнее славянское поселение, а также сделал ряд археологических находок каменного века, о чём сообщил в Министерство просвещения Эстонии.

Желая придать своим экспедициям официальный статус и получить финансовую поддержку, Зуров обратился в недавно открывшийся Парижский Музей Человека (бывший этнографический музей Трокадеро) через русского поэта-эмигранта Б.В. Вильде, студента Этнологического института. В результате в 1937 году Парижским Музеем Человека и Министерством Просвещения Франции была организована официальная миссия в Печорский край, где Вильде проводил этнографическую, а Зуров — археологическую разведку. Одновременно там работали ещё две исследовательские группы: группа Н.Е. Андреева из Археологического института им. Н.П. Кондакова в Праге обследовала церковные древности; группа профессора Э.Э. Малер из

Базельского университета Швейцарии делала фонографические записи народных песен.

Во время совместной экспедиции Н.Е. Андреев отметил два таланта Зурова: «Во-первых, он очень хорошо знал край: какие церкви древние, в каких деревнях есть люди, которые что-то понимают в старине, где есть частные собрания» [15]; во-вторых, «располагал к себе... всех русских его собеседников, начиная от серьёзных неторопливых рыбаков до “князя церкви”, епископа печерского Иоанна, молитвенника и “народного трибуна”, понимавшего значение исторического исследования и покровительствовавшего многим поискам Л.Ф. Зурова» [16].

На следующий год (1938) Зуров вновь получил командировку, обследовал Изборск, Малы и Печорский уезд, собрал большую коллекцию предметов материальной культуры для Музея Человека. Зуров собирался отправиться в Печоры и на следующий год, но политическая ситуация в Европе начала меняться: в 1939 году «ассигновки пошли на оборону» [17], затем разразилась война, а с 1940 года Эстония была присоединена к СССР и доступ на её землю для белоэмигранта Зурова оказался закрыт.

В рапорте, который хранится в Париже, Зуров писал об экспедиции 1937 года: «В Эстонии мы работали по принципу научного сотрудничества: имели в Печорах общий центр, склад, общую фотографическую лабораторию». Экспедиционный центр находился на квартире доктора медицины А.Е. Розова. «Война сорвала начатую нами работу» [18].

Когда началась Вторая мировая война, Зуров вступил в ряды Французской армии, но был освобождён от службы из-за открывшегося туберкулёза и с октября 1940 года жил у Буниных в Грассе. Приморские Альпы оставались свободной зоной и лишь незадолго до конца войны были оккупированы немцами.

Зуров писал А.К. Бабореко 4 апреля 1962 года: «Во время оккупации немцы привезли в Грасс советских военнопленных... Вот эти солдаты (из Ленинграда, Москвы, Донецкого бассейна, Белоруссии, Украины) бывали у нас... Все они после освобождения Грасса уехали в Марсель к советскому полковнику Пастухову. Вернулись в СССР» [19]. Зуров расспрашивал их о судьбе Печорского края. В Парижском рапорте он писал: «Во время войны работая в Резистанс в районе

Грасса..., войдя в нелегальную связь с партией только что пригнанных немцами из-под Ленинграда и из-под Нарвы советских военнопленных... я от них, замученных пленом, ещё недавно дравшихся на побережье Псковского озера узнал о страшной судьбе, постигшей Печерский уезд — место нашей экспедиционной работы — о том как немцами был выжжен и разорён древний край, как население насильно угоняли в Германию на работы, как умирали от голода старики и старухи, а среди них и те, среди которых работали мы, получая от них ценнейшие сведения» [20].

Рапорт, составленный Зуровым для Парижского Музея Человека, содержит два листа, которых нет в московском архиве: на одном — посвящение: «памяти всех научных работников, погибших во время войны и немецкой оккупации» (л. 4). На следующем листе Зуров перечисляет своих коллег поимённо: «Из работавшей в Прибалтике в 1937–38 гг экспедиционной группы уцелело лишь два человека... Борис Владимирович Вильде начал движение Сопротивления в Париже и погиб геройской смертью на Мон Валериан. Доктор Карлова университета Ирина Окунева... спасая архив Пражского Института, бежала из Чехословакии с мужем, археологом Росовским, в Белград — там они и погибли во время немецкой бомбардировки. Доктор Кондаковского Института Николай Андреев пропал во время пражских боёв. О его судьбе ничего не известно. Доктор медицины А.Е. Розов, у которого мы на квартире основали экспедиционный центр, был мобилизован в Советскую Армию и погиб в её рядах, во время отступления на восток, при переходе под обстрелом через реку. Помогавший мне во время археологической разведки Печерский гимназист Василий Титов, сын крестьянина (в 1939 г. учитель сельской школы) принял участие в партизанском движении, как лейтенант Красной Армии он дрался против немцев на местах, где когда-то работали мы, тяжело раненным в бою был взят немцами в плен и был ими расстрелян в Печорах» (л. 5–6). Сходно пишет Зуров о своих соратниках по научной работе в художественно-документальном очерке «Обитель» (1940), посвящённом экспедиции по Печорскому краю 1928 года.

Сохранившиеся у него экспедиционные материалы Зуров хотел передать в Советский Союз. 22 декабря 1944 года он письменно обратился к представителю СССР во Франции с просьбой передать

статью с результатами его исследований Печорского края советским научным учреждениям и выражал готовность продолжить полевую работу, однако ни письмо, ни научные отчёты не дошли до адреса-та [21].

После войны Зуров продолжал внимательно следить за развитием исторической науки в России, за обследованием Псковского края. В 1950–60-е годы он вступил в переписку с советскими историками, изучавшими русский Северо-Запад: В.В. Седовым, В.И. Малышевым, В.В. Косточкиным, П.А. Раппопортом, М.И. Рабиновичем. Они присылали ему новые материалы по истории края, сообщали о знакомстве с его собственными археологическими разысканиями. Зуров передавал им ценные материалы и продолжал интересоваться судьбой своих знакомых печерян.

Так, тема Печор является центральной в переписке Зурова с В.И. Малышевым. 10.12.1957 г. Зуров написал ему о своём участии в реставрации Никольской церкви в 1935 году. В ответном письме от 02.01.1958 г. Малышев писал Зурову: «Я сделал выписки из Вашего письма о церкви Псково-Печерского монастыря и послал археологу Рабиновичу... и директору музея г. Печор. Музею поручено наблюдать, чтобы реставрация построек Псково-Печерского монастыря проходила строго научно» [22]. В последующих письмах Зуров сообщал ему подробности о монастырских строениях. Малышев писал Зурову 17.03.1958 г.: «Ваше письмо со сведениями о постройках Псково-Печерского монастыря получил. В тот же день снял с него копии, переснял фотографии и послал в музей г. Печор (Псковской области), Академию архитектуры и археологам М.Г. Рабиновичу и П.А. Раппопорту» [23]. Зуров благодарит и интересуется: «Что Вам ответили из Печор?» [24] Позже он сам обращается к директору Печорского краеведческого музея М.С. Вильницу с вопросами о судьбе ценностей из Ризницы Псково-Печерского монастыря [25].

В ответном письме Вильница, сообщавшего о том, что судьба вещей из Ризницы неизвестна, содержатся сведения о Печорском музее: «Музей организован по ходатайству трудящихся края 01.06.1949 г. <...> До прошлого года в нашем распоряжении было три маленькие комнатки в бывшем клубе — “Кайтселийт”. Начинали мы работу со сбора материалов. Вначале ни одного экспоната не было. В прошлом году получили отдельный дом на Юрьевской

улице, угол Рыночной площади (в Вашу бытность в Печорах в этом доме помещался кредитный банк). Сейчас у нас экспонатов около 5000, кроме того, около 7000 негативов. Больше всего экспонатов по природе края, в том числе 2 окаменелых дерева, значительно меньше экспонатов по истории края, с большим трудом удалось взять из монастыря 2 пушки и окованный железом большой дубовый сундук, видимо, “кирилловской” работы, примерно конец XVI — начало XVII в. Много случайных археологических находок, в том числе и оружие: бердыш, боевые топоры, палаш шведского воина времени Северной войны и т.п.» [26].

Зуров вместе с письмами посылал в Печоры сведения и материалы, касавшиеся истории Псково-Печерского монастыря. Однако 16.03.1963 г. из Печорского музея Зурову было направлено письмо за подписью директора музея А. Таратушко и старшего научного сотрудника М. Шувалова, где сообщалось, что присланные им материалы в музее отсутствуют: «Уважаемый Леонид Фёдорович, нам известно, что Вы любезно предоставили бывшему директору Печорского краеведческого музея (Псковская область) много ценных сведений по истории Печорского края. К нашему большому огорчению эти сведения для музея утрачены и не использованы. Принимая во внимание большую ценность этих сведений, мы обращаемся к Вам с этой просьбой. Если Вас это особенно не затруднит, просим прислать для Печорского краеведческого музея имеющиеся у Вас материалы по истории и быту Печорского края. А также Ваши произведения, где в них это отражено. Со своей стороны мы будем рады выполнить Ваши поручения в указанной области» [27].

В конце 1950 — начале 1960-х годов из писем с родины Зуров постепенно начинает узнавать о судьбе своих прежних знакомых. Обращаясь с письмом к М.С. Вильницу, Зуров интересовался судьбой не только исторических артефактов, но и своих знакомых печерян. В ответном письме от 25.07.1958 г. М.С. Вильниц писал: «Розова Е.А. нет в живых. А Георгий Владимирович Свидзинский работает главным ветеринарным врачом в нашем крае. Просил меня передать Вам свои наилучшие пожелания. Его адрес: Печоры. Псковская улица» [28]. Зуров отвечает: «Долго я горевал, узнав о смерти Жени Розова. Я его знал гимназистом. Потом, будучи студентом-математиком, он сопровождал меня в 1937 и 1938 гг. во время моего археологическо-

го обследования Печерского края и Обозерья. Ночевали мы в сараях, а иногда и под открытым небом. Питались хлебом и огурцами. Его невеста, тогда студентка-филологичка, Нина Волькевич, помогала собирать топонимику. Когда Женя Розов умер? Где его похоронили? Жаль мне его, как и безвременно погибшего Васю Титова, что в 1928 г. сопровождал меня во время обследования Мегузиц и Нейгаузена. Где могила Васи Титова?» [29]

Упомянутый в письмах Георгий Владимирович Свидзинский — бывший северо-западник, ветеринарный врач, в 1920–1950-е годы проживавший в Печорах, где Зуров познакомился с ним во время своих экспедиций. Как пишет профессор С.Г. Исаков, дом Г.В. Свидзинского в Печорах был своеобразным салоном, который посещали печеряне, таллинцы и тартусцы: Ю. Иваск, поэт и печерский общественник Б. Семенов, художник А. Кайгородов, учителя местной гимназии Д. Суйгусаар и А. Гессе, русские общественные деятели тех лет в Эстонии А. Булатов и П. Богданов, доктор Розов, молодые печорские деятели Г. Назимов и Б. Дондуков и др. Этот дом посещали и русские из-за рубежа: писатели Н. Евреинов, В. Корсак, З. Шаховская, Иоанн Шаховской, о. С.Булгаков, видные деятели РСХД мать Мария, Л. Зандер, С. Четвериков, И. Лаговский, певец Д. Смирнов, художница из Берлина М. Шпис, будущий герой французского Сопротивления поэт Б. Вильде [30]. В доме Свидзинских Зуров познакомился с молодой художницей Кирой Борисовной Иртель-Брендорф, которая стала прототипом Киры в написанной значительно позже повести Зурова «Иван-да-марья». В основу сюжета повести положена трагическая история гибели во время Первой мировой войны Владимира Свидзинского (старшего брата Георгия Свидзинского) и его жены.

В начале 1960-х годов Зурову в Париж отправила письмо старшая дочь Г.В. Свидзинского Татьяна Вайно. В письме от 12 мая 1961 года из Таллина она писала: «Дорогой Леонид Фёдорович, узнала, что Вы разыскивали папу, что Вы живы и здоровы и хочется написать Вам. Я о Вас часто думаю, читала о Вас в “Новом мире” в письмах Бунина. <...> Папа два года тому назад вышел на пенсию. Они с мамой живут в Печорах, в том же доме; в той же квартире, что и раньше. У них уютно и тихо. Много книг. Очень много. Сад разросся, в саду стол и скамейка и летом, когда мы к ним приезжаем, на столе пышет самовар

и мама угощает своим замечательным вареньем и пирогами. Папа все еще красивый, такой же ласковый и живой» [31]. В ответном письме Зуров писал: «Очень меня опечалила болезнь Георгия Владимировича. Я его люблю. Помню наши долгие беседы. Ведь он знал мою мать. И ваш сад, варенье и пироги гостеприимной Екатерины Михайловны я помню отлично. Сколько друзей сидело за столом. Георгия Владимировича я нежно люблю. Всегда ценил его исключительную деликатность, лирическую глубину. Знаю, как народ был ему благодарен за врачебную помощь» [32].

Наряду с тёплыми воспоминаниями о довоенном периоде в Печорах в письмах Зурова содержатся вопросы о революционном времени в Пскове и Псковском крае. Это было связано с писательскими интересами Зурова, который на протяжении многих лет работал над эпопеей «Зимний дворец». Согласно авторскому замыслу, книга должна была строиться на основе документальных свидетельств участников событий революции и гражданской войны. Так, в цитированном письме к Т. Вайно Зуров сообщал: «С большим интересом прочитал воспоминания Бонч-Бруевича. Это ценная для историков книга. Пишет он и о революции во Пскове. Милая Таня, спросите, пожалуйста, папу, конечно, если это возможно, помнит ли он первый революционный парад во Пскове. Запишите с его слов и пришлите мне, буду очень благодарен... Меня очень интересует эта эпоха» [33].

Можно сделать вывод, насколько дороги были Зурову дни, проведённые в Печорах. Здесь он имел возможность заниматься любимым делом — изучать русскую историю, жизнь и быт русских крестьян, а также собирать материалы для будущих художественных произведений; здесь он познакомился с людьми, которые стали дороги ему на долгие годы, и, главное, — здесь он чувствовал себя на родине, преодолевая вынужденный трагический разрыв с ней, обусловленный социально-политическими обстоятельствами.

На основании собранных по крупицам разрозненных документальных свидетельств постепенно воссоздаётся научная биография Зурова — писателя, историка-любителя, общественного деятеля, посвятившего себя делу сохранения русской культуры за рубежом, чьё имя после долгого забвения возвращается в сознание современного читателя.

Примечания:

1. *Андреев Н.Е.* Отчина и её автор // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971. № 105. С. 140.
2. *Зуров Л.* Письмо проф. П.А. Сорокину от 10.09.1958 г. // Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. Л.Ф. Зуров. К. 2. Ед. хр. 137. Л. 19.
3. Печеры. Очерк и фотографии Л.Зурова (1936) // Иллюстрированная Россия. 1936. № 33. С. 12.
4. *Исаков С.* Салон в Petseri: Неопубликованное письмо Зурова // Вышгород, Таллин, 1998. № 5. С. 131.
5. *Синайская Н.В.* Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского: воспоминания дочери Н.В. Синайской, восстановленные по записям и памяти. Рига: РГСО, 1998. <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/natalya-sinaiskaya-memoires/sinaiskaya-p2q-3.html>
6. *Андреев Н.Е.* «То, что вспоминается»: Из семейных воспоминаний Н.Е. Андреева (1908–1982) / Под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
7. *Исаков С.* Салон в Petseri: Неопубликованное письмо Зурова // Вышгород, Таллин, 1998. № 5. С. 130–138.
8. «Только Вы поймёте следующий текст...»: Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова // Балтийский архив. Вып. 13. Таллин, 2013.
9. *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма / [ред.-сост. А. Пономарёв]. М., 2014. (Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова; вып. 1)
10. *Белобровцева И.З.* Л. Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.
11. Записка Л. Зурова о произведенном им обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг. // Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. Л.Ф. Зуров. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.
12. *Синайская Н.В.* Указ. соч.
13. *И.* В Печерском крае // Журнал Содружества. Viipurin (Выборг). 1935. № 10. С. 35.
14. *Андреев Н.Е.* Отчина и её автор. С. 146.
15. *Андреев Н.Е.* «То, что вспоминается». С. 354.

16. *Андреев Н.Е.* Отчина и её автор. С. 146.
17. Записка Л. Зурова о произведённом им обследовании древностей Печерского и Изборского края... Л. 57.
18. *Зуров Л.* Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. // Архив Музея естественной истории (Париж). Л. 5.
19. *Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 353.
20. *Зуров Л.* Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. // Архив Музея естественной истории (Париж). Л. 6.
21. *Зуров Л.* Копия письма представителю СССР во Франции // Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. Л.Ф. Зуров. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 3. Также:
22. *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма / [ред.-сост. А. Пономарев]. М., 2014. С. 314.
23. Там же. С. 314.
24. Там же. С. 49.
25. Там же. С. 74–78.
26. Там же. С. 337
27. Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. Л.Ф. Зуров. К. 2. Ед. хр. 109. Л. 17.
28. *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма / [ред.-сост. А. Пономарев]. М., 2014. С. 337.
29. Там же. С. 74.
30. *Исаков С.* Салон в Petseri: Неопубликованное письмо Зурова. С. 133–134.
31. Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. Л.Ф. Зуров. К. 2. Ед.хр. 102. Л. 32.
32. *Исаков С.* Салон в Petseri: Неопубликованное письмо Зурова. С. 135.
33. Там же. С. 136

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ В ПЕРЕПИСКЕ ЛЕОНИДА ЗУРОВА И НИКОЛАЯ АНДРЕЕВА

А.Г. Разумовская,

*доктор филологических наук, руководитель
Открытого института русского языка и культуры
им. Е.А. Маймина
Псковского Государственного университета*

Переписка писателя Леонида Фёдоровича Зурова (1902 — 1971) и историка, преподавателя Кембриджского университета Николая Ефремовича Андреева (1908 — 1981), опубликованная в серии «Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике» (Таллин, 2013), представляет собой большую историческую и культурную ценность, позволяя лучше понять трагедию русской эмиграции в аспекте конкретных человеческих судеб. Познакомившись путем переписки, они дважды (в 1937 и 1938 годах) встречались в Печорах, после чего общение долгие годы носило в основном эпистолярный характер.

Переписка длилась с ноября 1936 по сентябрь 1971 — более 30 лет. За такой длительный период происходили важные исторические события, многое менялось в личной и семейной жизни корреспондентов (Н.Андреев из Центральной Европы переехал в Англию, женился, воспитывал детей), в их состоянии здоровья, но неизменно сохранялся взаимный интерес адресатов друг к другу, их стремление к диалогу. Более того, заметно нарастала личная симпатия, задушевность, взаимопонимание. Переписка Зурова и Андреева сохранилась далеко не полностью, однако, как пишут составители, «и сохранившееся свидетельствует, как они держатся друг за друга, не просто читают письма, но знают, что именно стоит за этими письмами, и каждый ощущает присутствие в его жизни другого. <...> И символично, что последнее

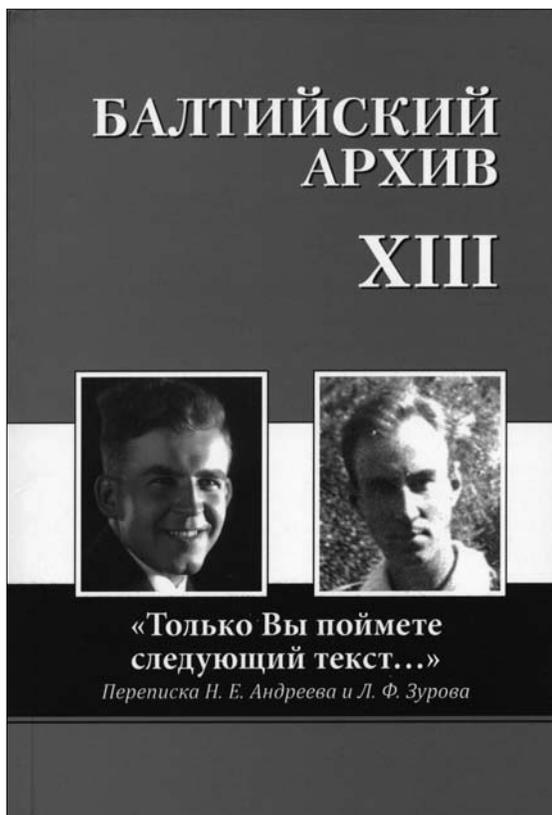
письмо Н.Андреев написал Зурову в день его внезапной кончины в санатории, 9 сентября 1971 года».¹

В этой переключке двух родственных душ, рассеянных в эмиграции, социальный, исторический фон отражён скупой, зато подробно обсуждаются вопросы русской истории и культуры. Так, Зуров неоднократно упоминает о своей работе вместе с В.Н. Буниной над архивом И.А. Бунина, делится впечатлениями от встреч с друзьями, рассказывает об увиденных в Норвегии новгородских иконах, в 1960-е годы сообщает о переписке с советскими археологами, литературоведами. Андреев излагает свои научные гипотезы, делится планами, рассказывает о новых исторических изданиях, передаёт впечатления от прочитанных книг. Но неизменно скрепляющими являются воспоминания о Печорском крае, где они вместе занимались исследовательской работой, неоднократно проводили археолого-этнографические экспедиции.

В переписке выделяются следующие тематические блоки, связанные с Печорским краем: экспедиции, обследование уезда; печорские знакомые, их судьбы; Печорский монастырь; проза Зурова о Печорском монастыре и её оценка читателями, историками и филологами. Если этнографические реалии, почерпнутые в экспедициях, отражены в письмах 1936 — 1948 годов, то к Печорскому монастырю, сохраняя верность теме, корреспонденты обращались на протяжении всей своей переписки с 1937 до 1970 года. Наиболее активно обсуждалась ими история обители, сохранение монастырских ценностей, реставрация Печорского монастыря и его изображение в книге Л.Зурова «Отчина».

В одном из первых писем Зуров излагает Андрееву, сотруднику Кондаковского института в Праге, свой проект экспедиции по Печорскому краю в 1937 году: *«Мы предполагаем выехать из Парижа в начале мая месяца, чтобы застать кладбищенские тризны чудин на берегу Псковского озера в погосте Верхоустье. (<В>Верхоустье у меня зарегистрирован интересный чудской могильник с избяным срубом*

¹ Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. XIII. «Только Вы поймете следующий текст...» Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова. Сост. Е.Н. Андреева, И.З. Белобровцева. Таллин, 2013. С.9. Далее все цитаты из писем приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

*и не могильными длинными валунами; а поставленными стоямя.)
Верхоустинская церковь поставлена на месте древней. Интересен
малый образ Георгия Победоносца. На колокольне колокола 1548 года.
По преданию в Верхоустье до построения Печерского монастыря
находился мужской монастырек на ключе, живом источнике, и мо-
нашеский живорыбный садок, но в давние времена, через войну, как
говорят старухи, монастырь разорили и разогнали. Неподалеку от
Верхоустья, на острове Колпино, находится одна из самых близких к
псковскому боевому рубежу церквей — Христа Спасителя, родствен-
ная по архитектуре древним церквам псковских погостов. Постав-
лена по преданию русским князем, спасшимся после боя под деревней*

Клавшино. Она существовала уже в 1462 году. В псковской летописи о ней упомянуто в связи с боем псковичей с рыцарями Ливонского Ордена. Остров Колпино лежал на пути Александра Невского в 1242 году. На острове отдыхала Софья Палеолог во время пути к Пскову. К сожалению, церковь изуродована пристроенной в мирное время четырехгранной колокольней. Древняя звонница была в мирное время сломана, и из ее камней сложили изуродовавшую малую древнюю церковь тупую колокольню. Я эти места осматривал, теперь мы обследуем церковь внимательно и подробнее» (31–32). Л. Зуров, хорошо зная эту землю, сообщает немало исторических подробностей; он испытывает неподдельный интерес к прошлому Печорского края, одержим сохранением его древних памятников. В другом письме Зуров пишет: «Трокадеро интересует главным образом этнографическая граница и сетские деревни. Мы должны сделать для музея закупки (костюмы, утварь и т.д.), надо будет описать языческие обряды чуди и сделать много фотографических снимков. Придется произвести ряд раскопок древних могильников. Наряду с этим произвести археологическую разведку по берегу Псковского озера, обследовать бассейны впадающих в озеро рек и зарегистрировать сделанные крестьянами археологические находки, нанести на карту распаханные могильники и не зарегистрированные до сих пор курганы» (37–38). О научной продуктивности экспедиций 1937 и 1938 годов свидетельствует изданный А.Ю. Пономарёвым сборник статей и писем Зурова с уникальным фотоматериалом.² В письмах Н. Андреева упоминается «поход на Печки» (43), о котором Зуров сообщал в письме В.Н. Буниной 22.07.1937: «Открыл 2 древних стоянки на берегу Псковского озера у дер. Печки и 1 стоянку неолитического периода» (43). По результатам экспедиции Н. Андреев подготовил научные доклады «Из истории Печерского монастыря в связи с резной статуей Св. Николая и с изображением преподобного Корнилия», «Из истории Печерского монастыря в 16 веке», популярный доклад с демонстрацией фотографий «Печерский монастырь, Изборск, Причудье, Нарва — путешествие по русским окраинам Эстонии».

² Зуров Л.Ф. Статьи и письма (ред.-сост. А. Ю. Пономарев). Серия «Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф.Зурова»; вып. I. М., 2014.

В начале переписки, 10.12.1936, Андреев обратился к Зурову с просьбой прислать в пражский Институт им. Н.П. Кондакова также и *«материалы о древностях Печерской обители»* (33). В ответ на это Зуров сообщает о своём плане изучения монастыря. В первую очередь это исследование надгробных керамид *«Печерского Некрополя»*, о которых он пишет: *«Замечательные керамиды зеленого облива, цвета речных водорослей. Иногда под глазурью видна киноварь и позолота. Зверинный и травный узор окружает славянскую вязь, травы расцветают церковными главами»* (35). Он отмечает также необходимость обследования библиотеки, в которой *«многие из переплетов — орденского происхождения. В свое время срисовал водяные знаки и снял много копий с кожаных тиснений»* (35). Ждут внимания и *«древние образа»* (36), иконы.

Письма отражают большую организационную и научную работу Зурова накануне поездок. Он охотно рассказывает также о своих выступлениях по следам экспедиций перед историками, археологами, общественными деятелями в эмигрантской среде, цитирует отрывки из собственных очерков, необходимые для исследований Андреева. Зуров с готовностью делится своими знаниями об исторических личностях, связанных с Печорским монастырем. Несмотря на любительский подход Зурова к прошлому, 10.04.1955 Андреев, профессиональный историк, сообщает ему о своём «открытии»: *«три послания князя Курбского к старицу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву <...> написаны не после бегства Курбского в Литву, но до бегства, а именно в Юрьеве в период декабрь 1563 и апрель 1564. Эта передатировка идет вразрез с общепринятым мнением. <...> В ходе этой работы мне удалось наметить точные контуры военной карьеры П.П. Заболоцкого, сведения о которой обрываются в 1565 году, когда он, очевидно, ушел в монастырь»* (90–91). Зуров в своей гипотезе относительно смерти Вассияна Муромцева основывается на народном предании, как истинный литератор, доверяя памяти народной: *«На берегу Псковского озера рыбаки мне указали, где были побиты и погребены псковичи. Я сверял их показания с псковской летописью. Старики оказались правы. Старики прекрасно помнили древнюю русскую границу, мосты в болотах, которые были проложены во время Ливонской войны и лесную засеку под Нейгаузенем. Я предполагаю, что Корнилий и старец Вассиан действительно были*

схвачены Грозным, когда они вышли царя встречать (так рассказывает народ). Где происходила расправа? Возможно, что за стенами монастыря, на месте гостиницы, где тогда стоял дворец на царский приезд. Возможно же, что все произошло тут же, у Святых ворот, в Остроге, или же в одной из острожных башен. Во всяком случае дорога крови обозначена народом точно: она идет древним путем, начиная от Святых ворот, пересекая острог, проходя под Николаевской башней и церковью» (94). Попутно Зуров добавляет: «Относительно же Вассиана Муромцова. Он назывался — Муромец. Не его ли это было село, расположенное недалеко от Пскова у устья Великой — Муромицы? В синодике Печерского монастыря сказано, что игумен Корнилий (изо Пскова) пскович. Не из окрестностей ли Пскова был и старец Вассиан? Село Муромицы очень древнее, издавна связано оно путями со Снетогорским монастырем и с Елизарьевым монастырем (с игуменом которого переписывался Мисюрь Мунехин)» (94). В письмах, как это видно, раскрывается глубина погружения Зурова в историю, умение сопоставлять и сводить воедино факты истории, фольклора, топонимики, литературы, творческое мышление Зурова. И хотя Андреев убедительно оспаривает предположения писателя о судьбе Вассиана, версия Зурова выглядит вполне возможной. Для него далёкое средневековье было рядом, люди прошлого — живыми и во многом понятными.

Отдельная тема переписки — реставрация звонницы храма Николы Ратного, «жемчужины псковского зодчества», «Слова в камне и линиях», по определению Н. Андреева (116). Зуров 9.05.1956 рассказывает: «... в издании Академии архитектуры есть неточности. Там сказано, что образцом для звонничного покрытия послужила Пароменская церковь, что в Пскове. Это не так — звонницу я реставрировал по древнему иконному рисунку, а узор (брови), к счастью, сохранились и на Большой Успенской звоннице. На Никольской — верхи были обломаны, уцелели только концы бровей. Крыльцо потребовало большой работы. Мои каменщики, (старообрядческая артель из посада Черного), мне говорили: «Ну, Л.Ф., вы нас теперь испортили. На работу городскую не возьмут». — «Почему?» — «Да, мы все время работали под правило, привыкли по-новому строение класть, а вы заставили нас по-старому класть, неровно, да еще мокрыми тряпками известковый раствор приглаживать»» (117). В разные годы Зуров

неоднократно указывает, что реставрировал звонницу «на основе старинных икон с изображением подробностей монастыря» (23). Так в письмах раскрываются не только археологические, этнографические, исторические интересы Зурова, но и его реставрационная деятельность.

Андреев не раз обращается к своему корреспонденту как к авторитетному источнику сведений о Печорском крае. Например, на вопрос о староверах в Petserimaа и их языке Зуров даёт пространный ответ: «В Печорском краю издревле проживало православное население (включая сюда и крещеных сетукезов). Несколько старообрядческих семейств проживало в Печорах, но это были беженцы, псковичи или же явившиеся из Причудья. В Лавровском краю, может быть, и проживало несколько старообрядческих семейств, но это все выходцы из Латгалии <...>. Латгальские же старообрядцы, как мне удалось выяснить (есть у меня и официальные данные) являются потомками сосланных после казни Пугачева, помилованных Екатериной яицких казаков, принимавших участие в бунте.

<...> Старообрядцы проживали в Юрьеве, в Причудье и на острове Меже. Население Печорского края является авангардом кривичей, которые заняли эти места в незапамятные для нас времена. Говор акающий, великорусский, не родственен говору кривичей, осевших в нынешней Белоруссии, т.к. псковичи, судя по археологическим раскопкам и данным топонимики, медленно поднимались когда-то по Днепру, проходя через Белоруссию (мне даже удалось найти в Приднепровье такие названия, как Изборск, Сенне, озеро Велье и т.д.) По мере продвижения кривичи переносили приднепровские названия на встреченные в новом краю озера и городища. В Белоруссии в древности осел обоз второго разряда (мирные крестьянские семьи). Передовой отряд добрался до Псковского озера. В курганах псковских кривичей мы всегда встречаем боевое оружие, а в такого же типа белорусских курганах — погребальные горшки, поминальные деревянные ведерочки (там всегда была бедность страшная)» (123–124).

Андреев по праву называет Зурова «открывателем Печорского края» (75). И не только в качестве исследователя, но и в качестве писателя, беллетриста: «По совести: «Отчина» — особняком во всей литературе», «у Вас свой путь и единственный в своем роде» (129). Николаю Ефремовичу вторит его мать Е.А. Андреева: «Вы так глубо-

ко знаете Русь, ее древнюю старину, так любите все русское, простое, русский многострадальный народ, с его мятущимися душами. Это совсем редкое явление среди эмиграции...» (208–209).

Печорский край ассоциируется у обоих авторов с родиной, Россией, которую Андреев потерял в 11 лет, Зуров — в 17. Потому Н. Андреев под впечатлением приезда Л. Зурова вспомнил «о Печорах — «отчине», о барашках на Псковском озере, гонимых русским ветром» (108). А после прочтения «Владимирских просёлков» В.Солоухина ему «пришли на память печорские поля и дороги и, конечно, Вы» (162). По признанию Н. Андреева, ему шотландские «холмы напоминают Изборск» (с. 206)

Спустя годы, а тем более десятилетия Печоры всё отчетливее представляются идиллическим пространством, «волшебным краем» (52). На Пасху 1964 года Зуров признается: «Вспоминаю далёкие времена. Ревель, Изборск, Печоры и берега Псковского озера. Как тогда дышалось легко» (246). А через два года, в тот же Светлый Праздник, он опять мысленно обращён к священному и дорогому: «*Завтра я приобщаюсь Св.Тайн. Вспоминаю Печоры, Изборск, Нарву, Ревель. <...> Далекое края!*» (250).

К образу Печорского края и Андреев, и Зуров возвращались своей памятью на протяжении долгих лет изгнания. Идиллический ореол древней Печорской земли усиливался ностальгией по России. Это чувство родных корней, кровной связи с Россией нашло отражение в научных трудах Николая Андреева о Псково-Печерском монастыре и эпохе И.Грозного, в книге его воспоминаний и в богатом литературном наследии Леонида Зурова.

ЛЕОНИД ЗУРОВ — ХРАНИТЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ В ЗАРУБЕЖЬЕ

Т.Н. Жуковская

(Москва),

*научный сотрудник Литературно-художественного музея
Марины и Анастасии Цветаевых (г. Александров Владимирской обл.)*

Имя Леонида Фёдоровича Зурова выходит из тени с некоторым запозданием к хлынувшим с конца 1980-х материалам Русского зарубежья. И открывается перед нами замечательная личность: писатель, этнограф, добрый и справедливый человек.

Начнём с того, что впечатления, сохранившиеся с детства и юности, проведённые среди псковской природы, запечатлены в его произведениях.

В 1918 году в шестнадцатилетнем возрасте вместе с отцом он записался добровольцем в формирующийся в Острове 2-й стрелковый полк Северной армии, в отряд князя А.П. Ливена¹, позже включённой в состав Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. Участвуя в наступлении на Петроград, Леонид был контужен и дважды ранен. В 1919 году разбитые остатки армии Юденича отступили за реку Нарова, в Эстонию, где были разоружены и интернированы эстонским правительством. Некоторые отголоски эстонской жизни позже найдём в повести «Кадет». Потеряв отца в январе 1920 года, Зуров поступает санитаром в русский военный госпиталь Нарвы, где и сам переболел дважды тифом — сыпным и возвратным. Летом уезжает в Таллин и далее в Ригу, где завершает школьное образование. С недолгим перерывом (осень 1922 — 1924) для изучения архитектуры в Пражской высшей технической школе и археологии в Карловом университете в семинаре известного византолога академика Н.П. Кондакова², Зуров проживёт в Латвии до конца 1929 года. Природа и ду-

ховные силы Латгалии, близость родной Псковщины поддерживали и здоровье, и творчество начинающего писателя. Он активно включился в общественную и литературную жизнь, вступил в Общество русского студенчества в Латвии, ездил на эмигрантские молодёжные конференции в Прагу, Париж. На общем собрании Общества Зуров выступил с докладом о необходимости захоронений в Братской могиле павших в Гражданскую войну. Этой теме были посвящены его первые статьи³, рассказ «Вечерний звон» и стихотворение «Цветы на могилу»⁴.

В 1925 году он помогал в подготовке материалов для «Архива гражданской войны с большевиками»⁵ для сборника «Белое дело», а в 1927 — в альманахе «Белое дело» был опубликован его очерк «Даниловы»⁶, написанный на основе рассказов и воспоминаний очевидцев.

Зуров сам был, хоть и недолго, участником Белого движения, и история тех событий, и сбор материалов на эту тему остались важной вехой для него на протяжении всей жизни. Эти материалы ныне хранятся в архиве Дома Русского Зарубежья (Ф. 39. «Северо-Западная армия»). С 1926 года Л.Ф. сотрудничал в журнале «Перезвон», где был и секретарём, и автором. Мне приятно об этом напомнить, так как именно в этом журнале были посмертно опубликованы «Подвальные очерки» Адедаиды Герцык со вступительной статьёй Бориса Зайцева⁷. В 1928 году Зуров впервые получил командировку в Псковско-Печерский монастырь, где составил опись древностей библиотеки и ризницы. Он много путешествует и в Латгалии, ездит в усадьбу к своему другу, барону Л.Н. Нольде⁸, где собираются русские художники. Именно в эти годы Зуров сформировался как писатель (около 40 очерков и рассказов, опубликованных в рижской периодике). Определились и главные темы: история Гражданской войны и добровольчество («Этап в Нарве», «Плевок» «Напоминание», «Герой», «Смерть Бориса», повесть «Кадет» и т.д.), жизнь латгальских крестьян-старообрядцев («В крестьянском доме», «Режицкий базар», «Гребенщиковский молитвенный дом» и т.д.), история древностей Псковско-Печерского монастыря.

«Его влечёт та таинственная соборность, которая составляет силу и прелесть необъятного русского поля, исторического древнего пути России, та первозданная суровость, почти инстинктивная слитность с природой, которая присуща русскому человеку. Отсюда острейшее

внимание писателя к стихийным явлениям человеческой психологии, порождаемым от века любовью, соприкосновением со смертью, ненавистью, подвигом, войной, революцией»⁹, — писал Николай Андреев в посмертной статье о Зурове и его творческом пути.

Но особенно ярко имя Леонида Зурова прозвучало, когда в издательстве «Саламандра» (Рига) в 1928 году вышли его книги «Кадет» и «Отчина». Повесть «Кадет»¹⁰ о событиях Ярославского восстания в июне 1918 года по психологическим переживаниям молодого человека была близка к состоянию самого автора, когда он «16-летним реалистом» оказался в армии Юденича и пережил её разгром. Можно подозревать реконструкцию собственных переживаний десятилетней давности. Вторая книга «Отчина: Сказание о древнем Пскове»¹¹ посвящена истории обители и Псковского края во времена Иоанна Грозного. Книга была оформлена архитектурными зарисовками автора. Эти две первые книги определили его дальнейшую судьбу: его заметили ведущие критики и писатели Зарубежья, о нём писали в парижской периодике Г. Адамович, А. Амфитеатров, Б. Зайцев¹². Также И.А. Бунин опубликовал статью «Л. Зуров»¹³ и по переписке пригласил молодого писателя во Францию — центр литературной жизни русского зарубежья.

Поколебавшись в принятии решения о переезде в страну, языка которой он не знал, Зуров приехал всё же в Грасс к Бунину 23 ноября 1929 года — как вестник из краёв, близких к Родине: с лукошками клюквы, антоновскими яблоками, чёрным хлебом. Он сразу произвёл впечатление: и В.Н. Бунина, и Г.Н. Кузнецова отметили это в своих дневниках. Творческая среда, сформировавшаяся вокруг Бунина, была благотворна для молодого писателя, он восхищался южными видами, ароматами, французским порядком. Живя на бунинской (съёмной) вилле, он сразу попадает в эмигрантский круг высшего разряда: Бунина навещают — встречи с выдающимися россиянами происходят в кафе Грасса, Ниццы, Канн. Но Зурова угнетала необходимость жить в чужом доме, отсутствие работы для заработка, незнание французского языка. Делая попытки разводить огород на бунинской вилле, устраиваться на временные работы, он как-то пытался преодолеть положение «нахлебника», но, видимо, страдал от зависимости, иногда уезжал в Париж, но отсутствие полной свободы вызывало частые заболевания, и в 1932 году ему поставили диагноз «туберкулёз».

Нелёгкая эмигрантская жизнь, хотя и в привилегированном сообществе писателей, описана и в дневниках Буниных и Галины Кузнецовой. «Л, — записала последняя 31 января 1932 года — ещё сам того не зная, счастливей всех, потому что у него есть его любовь к псковским озёрам, мужикам, избам и церковкам, и он мечтает о них с каким-то даже остервенением»¹⁴. Вместе с Буниными в 1933 году Зуров переживал преддверие (1931, 1932, 1933) и радость получения Иваном Алексеевичем Нобелевской премии.

Приезжая в Париж, Зуров вскоре сделался активным участником литературной жизни русского зарубежья: в 1937–39 годах был председателем Объединения молодых русских писателей и поэтов, посещал мероприятия, печатался в периодике («Последние новости», «Иллюстрированная Россия», «Современные записки») и альманахах «Круг», «Новь». У завсегдатаев литературного русского Парижа отношение к нему сложилось доброжелательное. «... Зурова все любили. Да и трудно было его не любить. На Монпарнасе Леонид Зуров предстал, как добрый русский молодец, высокий, румяный, сероглазый, русый... Говорил он спокойно и благожелательно, в литературных склоках и интригах не участвовал... шёл своей дорогой»¹³, — писала З.А. Шаховская. Не забывают его и в Прибалтике, — он автор в журналах «Старое и новое»¹⁶ (Эстония), в рижских газетах, в рижском старообрядческом журнале «Родная старина».

В 1930-е годы Зуровым написаны произведения малой прозы и два романа «Древний путь» (1934) и «Поле» (1938). Роман «Древний путь», опубликованный изначально в журнале «Современные записки» в 1933 году (№ 51 и № 52), вскоре был издан отдельной книгой, а через четыре года появился и второй его роман¹⁷. Сюжеты обоих романов разворачиваются на фоне событий Первой мировой и Гражданской войн. На второй книге стояло посвящение В.Н. Буниной. Произведения Зурова получили значительный резонанс в критике (Варшавский, В.С., Мандельштам Ю., Адамович Г.В.). «Из всех своих сверстников Зуров один постоянно обращён к родной земле и не страдает никаким отрывом. Его язык блещет оборотами, которые мало-помалу исчезают из нашего городского, а особенно эмигрантского городского оборота. Его замыслы уходят вглубь народной жизни и как будто растворяются в ней»¹⁸, — писал Г. Адамович в рецензии на роман «Поле».

Исследовательские поездки в южную Эстонию, в родные края, породили ряд очерков: «Старинная икона» («Слово», 1928), «О древностях Изборского и Печерского края» («Последние новости», 1935), «Дыхание России» («Последние новости», 1936), «Дороги Эстонии» (газета Союза культурно-просветительских и благотворительных обществ Эстонии «День русского просвещения», 1936), «Изборская земля» («Последние новости», 1936), «Пещеры» («Иллюстрированная Россия», 1936), «Вифляндская пещера» («Последние новости», 1936), «Обитель» («Сегодня», 1940).

С конца 1930-х годов Л.Ф. начал работу над романом «Зимний дворец» — первой части задуманной трилогии-эпопеи о событиях революции в столицах и провинции России, продолжавшихся и после войны. Но, к сожалению, и эта, и последующие части трилогии — «Большое Вознесение» и «Перекасти-поле» — не были завершены. Зуров трудился над этим огромным проектом до конца жизни. Его также неоконченный роман о любви в годы Первой мировой войны «Иван-да-марья» (1969) был реконструирован И. Белобровцевой и издан уже в наши дни, сперва в журнале¹⁹, а затем и отдельной книгой.

С началом Второй мировой войны Зуров вступил в ряды добровольцев французской армии, но в 1940 был освобождён по болезни и отправлен в санаторий Красного Креста Овернь, в течение войны дважды был арестован. Вернувшись в Грасс к Буниным, вплоть до нападения Германии на СССР, у него зреет намерение возвращения на Родину. Да и после войны он принимал участие в «Союзе друзей Советской Родины», сотрудничал в газете «Советский патриот» и осуществлял попытки действий для передачи материалов своих этнографических исследований. Но вскоре стало понятно, что советское правительство — так же, как и прежде, — враждебно настроено к русской эмиграции, так что пришло очередное разочарование. После войны Зуров недолго — секретарь Исторической секции Научного общества при Союзе советских патриотов; в 1947-м работал сторожем в Буживале — бывшей усадьбе Тургенева под Парижем, а в тот момент американском гараже. Он снова включился в литературную жизнь, стал печататься в альманахах и даже в журналах США «Новоселье» и «Новый журнал», заканчивал роман «Зимний дворец». И снова этнографически-историческая тема монастыря, простых бедных людей Псковщины, которых он наблюдал и в детстве, и во время

своих экспедиций. Это новое белетризованное эссе «Обитель», появившееся в журнале «Новоселье»²⁰. С любовью и сочувствием описывает он и нищих, и церковь Николы Ратного с экскурсом в далёкое прошлое, но для него такое близкое. «Я слушаю, как широкая у земли, но устремленная к небу легчайшей стрелой большая звонница, вся, от креста до подошвы гудит от разливающейся по ней волнами дрожи... Как ежи лежат в лесах по холмам. Снега блестят, Нейгаузские леса в голубоватом тумане. На крепостной стене припекает...»²¹, — он будто рядом с объектом, теперь уже недоступным, отошедшим в СССР. Табу. Зуров легко переходит от исторических событий как бы в настоящий день, он как будто видит и те события, и идёт по лестницам храма, и вечеряет у владыки. Вспомнил в этом очерке и тех, с кем ходил по Печерской земле и кто не пережил войну: мальчик Вася Титов, расстрелянный немцами, как партизан; Борис Дикой, расстрелянный на Монт Сент-Валерьян; погибшая под бомбами в Белграде доктор Карлова университета Ирина Окунева. Он описывает, как пленные русские на юге Франции приходили к ним слушать русское радио. Это, несомненно, его личные пережитые воспоминания от поездок в 1930-е годы, впечатления пережитой войны, но художественно преобразённые. «А по выходе из пещерной сырости на морозную волю с запахом подмерзшего снега охватывает и внезапно пьянит, над головой разверзается небо и живая чистота его, не зная предела, властно и великолепно течет»²².

С конца 1940-х Зуров совершал ежегодные поездки в Шотландию, ведя исследование корней семьи М.Ю. Лермонтова (Герб Лермонтова).

После войны стали налаживаться, не всегда гладкие, отношения с И.А. Буниным — с болезнью последнего именно Зуров с 1952 года ухаживал за ним, помогал в этом Вере Николаевне, а после смерти писателя — разбирать архив и готовить к публикации последнюю книгу Бунина «О Чехове»²³. В 1953 году Зуров и сам серьёзно заболел психически и лечился в лечебнице, в промежутках приезжая в Париж к В.Н., которая заботилась о нём, как о родном сыне. Об этом периоде можно прочесть в письмах их обоим к Г. Кузнецовой «...Когда переписываются близкие люди»²⁴. В.Н. собирала деньги на подписку для издания зуровского «Зимнего дворца», но деньги ушли на лечение. А подписчикам выслали вышедшую в 1958 году книгу рассказов Зурова «Марьянка»²⁵.

После кончины вдовы Бунина в 1961 году, Зуров похоронил и Веру Николаевну, по её завещанию, в одной могиле с мужем. По его рисунку А.Н. Бенуа сделал крест по образцу старинных псковских крестов, зарисовки которых сохранились в зуровских бумагах времён экспедиций, установленный на общей могиле Буниных в Сент-Женевьеве-де-Буа под Парижем. Л.Ф. Зуров унаследовал бунинский архив и стал главным консультантом биографов писателя как в СССР (Бабореко²⁶, Макашина²⁷ и др.), так и за рубежом. В конце 1950-х он переписывался также с советскими историками и готовил обзор своих исследований по истории Псковского края для Академии наук СССР.

В «Записке о произведённом обследовании древностей» включены описания его, Л.Ф. Зурова, четырёх поездок в Псковский край — в ту его часть, которая была тогда в составе Эстонии. Последовательно изложены наблюдения, произведённые работы, сделаны зарисовки и фотографии. Всё это — бесценный материал для исследователей архитектуры и этнографии края.

Первая исследовательская поездка состоялась в 1928 году из Риги; вторая была посвящена в основном восстановлению церкви Николая Ратного и состоялась уже из Парижа в 1935 году. В 1937 году благодаря усилиям Зурова была собрана международная экспедиция: из Карлова университета, из Базеля и группа от Музея Человека в Париже, включавшая самого Зурова. Работы продолжились и в 1938 году. Исследованиями и богатейшими находками заинтересовались в Швейцарии, французское Министерство народного образования финансово поддержал П.Н. Милюков. Был собран интереснейший этнографический материал, но отъезд из Эстонии был уже под напором шовинистических настроений, проявлявшихся в Эстонии под влиянием Германии. В Европе шла уже мобилизация. Запланированная на лето 1939 года экспедиция не состоялась. Зуров подробно описывает этапы работ и места, куда переданы материалы. Благодаря этому современный исследователь А. Пономарёв (Москва) смог собрать в архивах воедино итоги зуровских поездок на Псковщину в 1928, 1935, 1937 и 1938 годах. Эта кропотливая работа по изучению архивов вылилась в красочный альбом²⁸ с фотографиями, схемами и рисунками Зурова. Записки снабжены 618-ю подробнейшими комментариями. В книгу включена переписка с советскими учёными в 1958–59 годы по теме исследований — это было уже время, когда Печоры и Из-

борск вернулись в состав СССР и РФ. Кроме того, включены статьи и рассказы Зурова из довоенной зарубежной периодики, касающиеся указанных мест. Всё вместе производит очень большое впечатление. И это только первый том.

Делая обобщение о творческом пути Л.Ф. Зурова, можно сказать, что мы видим перед собой человека, всей душой преданного русской природе, культуре, русскому духу. Его связь с русской историей и народной культурой «сформировала неповторимый писательский облик Зурова»²⁹.

В.С. Варшавский, сам относящийся к поколению Зурова — «детей» русской эмиграции, лично хорошо его знавший, в своей книге «Незамеченное поколение» пишет: «...нельзя назвать «эмигрантским писателем» Леонида Зурова. Он всегда писал о России, о русских полях и озёрах, о народе на войне и в революции. Древние стихи народной жизни он чувствовал даже глубже, чем кто-либо из старших писателей, разумеется, кроме Бунина»³⁰.

Примечания и источники:

1. Ливен Анатолий Павлович (1872–1937) — успешный участник 1-й Мировой войны, в начале 1918 года был арестован большевиками вместе семьей и заключен в тюрьму. В марте 1919 согласно Брест-Литовскому мирному договору передан германцам в Орше. В январе 1919 года сформировал и возглавил Либавский добровольческий стрелковый отряд. После войны жил в Латвии.
2. Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), византолог и археолог, с 1922 в Праге был почётным доктором Карлова университета. Читал лекции на философском факультете.
3. *Зуров Л. Вечерний звон // Маяк. Рига. 1922, № 7; Говор могил...: На Покровском кладбище // Слово. Рига. 1925. 27 декабря (№ 38).*
4. *Л.З. Цветы на могилу (Когда тают снега, зеленеют поля...)* // Маяк. Рига, 1922, № 7 (Подпись: Л.З.).
5. Белое дело. Летопись белой борьбы. Сб. материалов по истории и литературе борьбы, революции, большевизма, Белого движения. Под ред. А.А. фон Лампе. Берлин: Медный всадник. Кн. 1–7. 1926–1933.

6. Даниловы. Очерк // Белое дело. — Берлин: Медный всадник, 1927, № 2. С. 158–196.
7. А.Г. Подвальные очерки. Вступ. Статья Б. Зайцева «Светлый путь» // Перезвоны. — Рига, 1926, № 25, 26, 27..
8. Нольде Леонид Николаевич (1899–1962), писатель и художник. Окончил Псковский кадетский корпус. С 1939 года в эмиграции (Германия, Бразилия)
9. Андреев Н.Е. Отчина и её автор // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971, № 105. С. 139–147.
10. Кадет. Рига: Саламандра, 1928. — 176 с.
11. Отчина. Сказание о Псково-Печерском монастыре. Рига: Саламандра, 1928. — 112 с.
12. Адамович Г. (Рец. На кн. «Кадет») // Последние новости. П., 1929, 9 мая (№ 2969). С. 3; Амфитеатров А. Души полные и души опустошенные (Рец. На кн. «Кадет») // Возрождение, П., 1929, 9 марта (№ 1376). С. 3–4; Зайцев Б.Л. Зуров // Россия и Славянство. П., 1929, 9 марта (№ 15).
13. Бунин И. Л. Зуров // Россия и Славянство. П., 1929, 12 января (№ 7). С. 3.
14. Кузнецова Г. Грасский дневник. М.: Изд. дом «Мир». 2009. С. 272.
15. Шаховская З. в поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 274.
16. Зуров Л. Уездное // «Старое и новое. Нарва, 1931, № 1. С. 69–73.
17. Зуров Л. Древний путь: Роман. Париж: Современные записки, 1934. — 168 с.; Зуров Л. Поле: Роман. Париж: Дом книги, 1938. — 150 с.
18. Адамович Г.В. Л. Зуров. «Поле» (Рец.) // Последние новости. П., 1938, 24 марта. С. 3.
19. Зуров Л. Иван-да-марья. Повесть // Звезда. 2005. № 8. С. 61–113; № 9. С. 99–145.
20. Зуров Л. Обитель // Новоселье. Н.-Й. 1946. № 29–30 (окт.-нояб.) С. 35–54.
21. Там же. С. 40, 46–47.
22. Там же. С. 52.
23. Бунин И. О Чехове. Предисловие М. Алданова. Н.-Й.: изд-во им. Чехова. 1955.

24. *И.А. Бунин*. Новые материалы. Вып. 3 «...Когда переписываются близкие люди». Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова, Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961. М.: Русский путь. 2014
25. *Зуров Л.* Марьянка. Париж: 1958. — 164 с.
26. *Бабореко Александр Кузьмич* (1913 — 1999) практически всю жизнь собирал сведения о жизни Бунина, издал «Материалы для биографии», а в 1983 году в серии ЖЗЛ (Молодая гвардия) вышла его книга «Бунин».
27. *Макашин Семен Александрович* (1906–1989), советский литературовед.
28. *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма. Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова. Выпуск 1 (ред.-сост. А.Пономарёв). М. 2014.
29. *Громова А.В.* Леонид Фёдорович Зуров. // Там же. С. 10.
30. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Н.-Й.: Изд-во им. Чехова. 1956. С. 183.

ПСКОВИЧ ТИМОФЕЙ АНТРОПОВ — ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛЕНИЕМ ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ

А.И. Кондратенко

(Орёл),

кандидат политических наук,

доцент Кафедры журналистики и связей с общественностью

Орловского Государственного университета

Изучение ряда архивных документов, в частности, в государственных архивах Орла и Курска, помогает больше узнать о биографии незаурядного уроженца Псковской губернии, одного из крупных организаторов журналистского образования в СССР в 1930-х-1940-х годах. Тимофей Иванович Антропов родился 3/15 января 1905 года в деревне Родионово Новосокольнического района Калининской области (по административному делению конца 1930-х гг.[7]). Отец Тимофея Антропова был плотником-отходником, мать — крестьянкой. В 1922–1923 гг. учился в губернской совпартшколе в Пскове, затем — секретарь Уездного Комитета комсомола в городах Холм, Себеж (здесь в ноябре 1924 года вступил в компартию), секретарь Горкома комсомола в Пскове (1925–1926). С 1926 года Антропов — на партийной работе: заместитель заведующего организационным отделом уездного комитета ВКП(б) в Великих Луках; через год, в связи с переходом на окружное административное деление, назначен на должность инструктора Окружного Комитета ВКП(б) в тех же Великих Луках (1927–1928).

Однако работа в родных местах не была продолжительной. В 1928 году Антропова направляют в Среднюю Азию — он становится заведующим организационным отделом Райкома партии в посёлке Каахка (100 километров восточнее Ашхабада, 15 километ-

ров от границы с Ираном). Карьерный рост был быстрым — с января 1930 года Антропов работал ответственным инструктором ЦК КП(б) Туркмении, был избран членом (депутатом) Ашхабадского горсовета.

Бурная среднеазиатская деятельность Антропова, однако, вскоре удостоивается нелицеприятной оценки. Уже в июне 1930 года молодой партиец был снят с работы и получил строгий выговор с предупреждением Центральной контрольной комиссии Туркмении «за командование, выразившееся в подмене фракции при непартийных выборных организациях», и прочие прегрешения («поступил легкомысленно, стреляя из револьвера в неизвестного ему человека, якобы предупреждая тем самым нападение на него» [7, л. 16]). «Почётной ссылкой» стало заведывание учебной частью центральной совпартшколы Туркмении. Уже в 1931 году Антропов навсегда прощается с негостеприимной южной республикой — его направили на учёбу в Москву, в Коммунистический институт журналистики. По окончании в 1934 году Антропова оставляют в этом вузе — заведует первым курсом и подготовительным отделением, кабинетом печати, преподаёт в КИЖе, в 1936–1937 гг. параллельно учится в аспирантуре. Как потом заметил Антропов, «изучал язык и стиль передовых статей газеты «Волжская коммуна» (Куйбышев), а также районных газет, в частности, их словарный запас».

Однако защитить диссертацию не удалось. В августе 1937 года ЦК ВКП(б) направляет Антропова в Курскую область — в её состав тогда входил Орёл (Орловская область была образована 27 сентября 1937 года). В протоколе заседания бюро Курского обкома ВКП(б) от 2 сентября записано: «Утвердить директором Орловской областной школы газетных работников тов. Антропова Тимофея Ивановича, присланного Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б)» [7, л. 13].

По состоянию на 1 января 1937 года в СССР действовало 19 газетных партшкол, Курская областная (г. Орёл) газетная школа занимала второе место в стране по численности студентов (190 человек) [9, с. 4]. Руководство Курского обкома ВКП(б) вынашивало планы повышения её статуса — об этом, в частности, писал в докладной записке в ЦК ВКП(б) «Об организации в г. Орле Областного Коммунистического Института Журналистики (КИЖ)» секретарь обкома И.У. Иванов 4 августа 1936 года [6, л. 42]. Однако центральное партийное руковод-

На снимке: Т.И. Антропов (слева) со студентами Отделения журналистики МГУ.

ство не поддержало инициативу курских коммунистов — статус партшколы в Орле остался неизменным.

Партшкола в Орле располагала отличным зданием (до революции здесь размещалось губернское земство, ныне — Орловский государственный институт экономики и торговли), достаточно крупной библиотекой.

То, что Антропов был в Орле человеком новым, создавало ему некое алиби в процессе начавшихся массовых репрессий в отношении местных журналистов и иных идеологических работников. Спустя всего семь недель после приезда в Орёл он получил новый карт-бланш — заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) по Орловской области постановило 23 октября 1937 года: «Утвердить т. Антропова Заведующим отделом Печати по совместительству. Просить ЦК ВКП(б) утвердить данное решение. Поручить Отделу Пропаганды и Агитации укрепить руководящими работниками Школу газетных работников» [7, л. 14].

Жёсткое (и жестокое) отношение Антропова к орловским журналистам в итоге расчищало место для выпускников руководимой им партшколы. Однако, несмотря на большую потребность в кадрах, её вес постоянно снижался. Так, в связи с образованием Орловской области партшколу выселили из занимаемого здания (оно было пере-

БК1060 Р 47 КР104 Р-72	Антропов, Тимофей Иванович. Сост. Решения Партии о печати. [1898-1940 гг. Сборник. М.] Политиздат. 1941. 236 с. 23 см. 15.000 экз. 4 р. 50 к. в пер. В выпуск. данных указан составитель: Т. И. Антропов. В кн. также выдержки из статей В. И. Ленина и И. В. Сталина печати. Тематич. указатель, с. 223-7.
I. Антропов, Тимофей Иванович. II. ВКП(б). III. РСДРП. — — I. Печать СССР. 2. Большевицкая печать.	
№ 3446 [41-6016] 26 Всес. кн. палата 18 П. 41	07(47) P47

card_5460_50

дано для размещения аппарата формировавшегося Обкома партии). Взамен было предоставлено помещение неподалёку, «малопригодное и крайне тесное» [3, л. 13]. А в середине 1938 года журнал «Большевицкая печать» сообщил о том, что ЦК рассмотрел вопрос о переподготовке газетных работников и признал организацию особых газетных курсов и школ нецелесообразной [2, с. 1] (в документах отдела (сектора) печати Орловского обкома ВКП(б) последующего периода речь шла не о газетной партшколе, а в основном об организации краткосрочных курсов повышения квалификации газетных работников).

Антропов всё более сосредотачивался в Орле на аппаратной работе. 11–12 октября 1938 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где рассматривался вопрос о постановке партийной пропаганды в печати в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Вёл заседание И.В. Сталин, с докладом выступил А.А. Жданов, в прениях — 19 человек, в том числе и Антропов, причём на его выступление живо откликнулся сам генеральный секретарь. 10 января 1939 года на заседании бюро Орловского обкома принимается решение: «Утвердить секретарём обкома ВКП(б) по партпропаганде и агитации тов. Антропова Тимофея Ивановича, работавшего ранее заведующим отделом печати. Внести данное решение на утверждение

очередного пленума обкома ВКП(б)» [7, л. 17]. 25 января пленум утвердил назначение. Антропов был также избран делегатом XVIII съезда ВКП(б), работавшего в Москве в марте 1939 года.

В издательстве Орловского обкома ВКП(б) и Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Орловской области в 1939 году вышла в свет небольшая (50 страниц) книга Антропова «Язык большевистской печати». Он подчеркнул необходимость отказа от характерного для периода 1937–1938 гг. показа окружающей жизни только в негативном свете: «В ряде газет встречается злоупотребление «крепкими», «сильными» выражениями (негодяй, оппортунист, головотяп, бюрократ, бездельник, либерал, судить, привлечь к ответственности и т.п.)... Нередко даётся неправильная оценка фактов, явлений, событий, действий, поступков, что приводит к неверным обобщениям, к извращению действительности... Язык многих газет страдает серьёзными недостатками. Наблюдается однообразие, шаблонность и сухость изложения, налёт канцеляризма, сказывается бедность словаря, недостаточная грамотность, отвлечённость и непоследовательность изложения» [1, с. 36, 48]. В Госархиве Орловской области до сих пор хранится объёмистая папка с черновиками выступлений Антропова на темы пропаганды и агитации [5].

Пост главного орловского идеолога Антропов занимал до октября 1939 года — как указано в личном деле, «выбыл на работу в ЦК ВКП(б)». Здесь он получил должность в Управлении пропаганды и агитации ЦК — с конца марта 1940 года был заведующим Отделом печати и одновременно заместителем начальника Управления. Одним из самых крупных поручений для Антропова стали организация и проведение Всесоюзного совещания редакторов районных газет. По итогам этого форума издал книгу «Выборы в местные Советы депутатов трудящихся и задачи печати» (М., 1939). Вскоре вышел в свет составленный им сборник документов «Решения Партии о печати. 1898 — 1940» (М., 1941).

В годы Великой Отечественной войны Антропов был военным корреспондентом Совинформбюро, газеты «Известия», редактором газет: Юго-Западного фронта — «Советский воин», 23-й армии — «Знамя победы», 1-й Гвардейской армии — «Советский воин» [8, с. 405, 406, 410]. Представляя в сентябре 1943 года Антропова к ордену Красной Звезды, начальник политуправления Юго-Западного

фронта Рудаков так характеризовал его в наградном листе: «Работая ответственным редактором фронтовой газеты «Советский воин» тов. Антропов сумел создать крепкий коллектив редакции газеты» [10]. А год спустя начальник политотдела 23-й армии Степченко отмечал в представлении к ордену Отечественной войны 2-й степени: «Выезжая в 281, 381, 92, 142 сд [стрелковые дивизии], тов. Антропов написал несколько текстов политических листовок о героях армии, изданных ПОАРМом [политотделом армии]. Принимал активное участие в обобщении материалов о новых фактах зверств белофиннов, опубликованных впоследствии в газете» [11].

В первые послевоенные годы Т.И. Антропов — редактор республиканской газеты «Советская Латвия» (в 1947 году была издана его книга «Выборы в местные Советы депутатов трудящихся Латвийской ССР и задачи организационной и агитационно-массовой работы»). А когда в сентябре 1947 года на филологическом факультете Московского государственного университета было создано Отделение журналистики, его заведующим стал Антропов.

О работе Тимофея Ивановича в этой должности (до создания в 1952 году факультета) сохранились разные, порой диаметрально противоположные по оценкам воспоминания первых студентов — их сопоставление и анализ не входят в задачи данной публикации. Отметим только, что Антропов стал во главе подготовки журналистов в МГУ, имея богатый опыт — опыт работы на редакторских постах, опыт преподавания в КИЖе, опыт руководства Орловской газетной партшколой и Отделом печати в ЦК ВКП(б). Коммунист «ленинского призыва» и партработник сталинской школы, на последнем в своей карьере посту он проработал несколько лет, защитил в 1954 году диссертацию «Газета «Правда» в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции и упрочение Советской власти (март 1917 — июнь 1918 гг.)» на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

Т.И. Антропов стоял у истоков формирования системы журналистского образования в СССР, которая, пережив значительную трансформацию в 1990-е годы, продолжает своё развитие в современной России. При всех идеологических издержках времени сделанное Тимофеем Ивановичем Антроповым заслуживает изучения, объективной оценки и сохранения в памяти.

Источники:

1. *Антропов Т.* Язык большевистской печати. — Орёл, 1939.
2. Большевистская печать. — 1938. — № 13.
3. Докладная записка директора Орловской областной газетной партийной школы в отдел печати ЦК ВКП(б), 27 декабря 1937 г. // Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. П-52. Оп. 1. Д. 147. Л. 13.
4. ГАОО. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 55. Л. 7.
5. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 764 на 125 л.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 599. Лл. 42, 42 об.
7. Личное дело Т.И. Антропова // ГАОО. Ф.П-52. Оп. 11. Д. 127.
8. *Попов Н., Горохов Н.* Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945. — М., 1981.
9. *Фатеева И.* Среднее специальное образование для журналистов: российский опыт // Медиаобразование. — 2008. — № 1.
10. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 48. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=12058528>.
11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 5398. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=28914158>

ОТЕЦ ИОАНН КРЕСТЬЯНКИН. 1946 ГОД

В.Н. Сергеев

(Москва — Ростов Великий),

искусствовед, член Союза писателей России

У моего краткого рассказа о встрече в 1946 году с отцом Иоанном Крестьянкиным имеется своя предыстория, без которой непонятны обстоятельства и детали происходившего. С них и начинаю своё повествование...

Первым моим детским церковным впечатлением был древний храм Рождества Христова в подмосковном тогда селе Измайлове. Под низкими сводами его северного придела в июле 1942 года меня крестили в возрасте более чем двух лет. Столь позднее совершение таинства объясняется следующим: моя мама, Дмитриева Наталия Яковлевна, врач по профессии, долго откладывала крещение, как потом сама объясняла, из-за профессионального предрассудка — боязни, что я ненароком простужусь или заражусь от общей ложки во время причастия. Думается, причиной тому был ещё и элементарный страх. Главврач местной амбулатории — человек заметный: она боялась возможных за это преследований по религиозной линии, так как в то время ещё не произошёл известный поворот в политике советского государства по отношению к Церкви. Причиной страха, очевидно, было и то обстоятельство, что мой отец Николай Фёдорович Сергеев, по профессии юрист, был арестован на седьмом месяце её беременности мною. Будучи верующей, мама и многие годы спустя причащалась только в других городах, куда уезжала в отпуск. Так запуганы были тогда многие православные люди.

Но возвращаюсь к истории моего крещения. Однажды я тяжело заболел корью. Надежд на выздоровление не было никаких. Укоряе-

Иоанн Крестьянкин в первые годы служения.
Фото из фондов Свято-Успенского монастыря

мая совестью, что ребёнок умрёт некрещёным, мама горячо молилась о моём выздоровлении и дала обет в случае благополучного исхода болезни незамедлительно меня крестить. Вскоре болезнь чудесным образом миновала.

Несмотря на малый возраст, я хорошо запомнил тот жаркий солнечный летний день и совершавшего таинство крещения старенького батюшку отца Алексия Дёмина с длинными распущенными волосами, про которого я спросил: «Это Бог?» (он похоронен у алтаря измайловской церкви, с левой стороны; на его могиле, которую я многие годы посещал, поставлен памятник с фотографией).

Кажется, с тех пор церковь Рождества Христова в Измайлове стала приходом всей нашей семьи. Это был ближайший к нам действующий храм — с началом немецких бомбардировок Москвы семья покинула город и переехала в подмосковную усадьбу Раисино, располагавшуюся на закрытой территории Центральной научно-исследовательской лаборатории звероводства (на месте нынешнего выхода из метро «Щёлковская», автовокзала и начала Уральской улицы).

Прошло без малого четыре года после моего крещения . В феврале 1946 года тяжело заболела моя бабушка Епистимия Евграфовна и встал вопрос о её немедленном соборовании. Взяв меня с собой, мой дедушка Яков Дорофеевич отправился в измайловскую церковь договариваться о совершении требы.

Так, как будто это было вчера, помню себя перед свечным ящиком и стоявшую за ним интеллигентного вида старушку в очках, которая объявила, что в ближайшие дни всё духовенство занято. «Впрочем, — добавила она, — попробуйте договориться завтра с нашим новым священником, отцом Иваном, только учтите, что он какой-то странный и ни с кого не берёт денег за требы». Дедушка понял намёк и заплатил в церковную кассу. На следующее утро, когда я ещё спал, он отправился на поиски этого «странного» священника и, вернувшись, сказал маме, что тот придёт завтра и что батюшка «очень худой и заморенный», и его хорошо бы как следует угостить.

В то время было очень трудно с продуктами, но мама в тот же день достала где-то по благу большого судака, который решено было подать заливным. Помню, были трудности с лимоном для заливного, которые оказались как- то быстро разрешёнными.

Под вечер следующего, очень холодного и промозглого, дня в дверь нашего деревянного жилища постучали, и на пороге появился весь продрогший, худенький, небольшого роста темноволосый священник в каком- то лёгоньком, «подбитым ветром» пальтишке с маленьким меховым воротничком «шалкой» (в то время духовенство обычно одевалось уже добротнo и даже богато — в меха, драпы и габардины). Пришедший батюшка по своей худобе и «прозрачности» показался мне очень молодым, хотя, как теперь понимаю, ему было далеко за тридцать. Таким я впервые увидел отца Иоанна Крестьянкина.

Все наше довольно большое семейство ютилось тогда в одной-единственной комнате, где лежала больная бабушка. Пока отец Иоанн совершал долгое соборование, мы все сидели в узком коридоре на расставленных в ряд стульях. По окончании таинства была предложена трапеза, но батюшка, выпив стакан чаю с одним сухариком, от рыбы вежливо, но твёрдо отказался — должно быть, мои взрослые не учли, что время было постное.

Той же весной 1946 года бабушка умерла. С дедом они прожили более полувека. То были совсем простые люди, из зажиточных кре-

Валера Сергеев, за ним — дом, в котором жил иерей Иоанн Крестьянкин. Измайлово. 1946

Иоанн Крестьянкин, 1946. Измайлово.
Фото из фондов Свято-Успенского
монастыря

стьян, но настоящие верующие христиане. Перед свадьбой они, по обету, пешком ходили из своего воронежского села Дроскова на поклонение мощам киевских угодников, вырастили шестерых детей и воспитали шестерых сирот — бабушкиных племянников. Это был подвиг, если учесть, что их время пришлось на Первую мировую и Гражданскую войны, две революции, зверскую коллективизацию, террор 30-х годов, жертвой которого стал их старший сын Ипатий, и, наконец, трудные годы Великой Отечественной, когда на их плечи частично легли заботы о внуках.

Пишу так подробно о своих родственниках, чтобы дать хотя бы маленький «срез» судеб тех людей, которых довелось духовно окормлять отцу Иоанну Крестьянкину во время его служения в Измайлово...

На Пасху 1946 года мы с дедушкой вдвоём пошли на утреннее богослужение в нашу церковь и увидели там бледного, как тень, исхудавшего от поста отца Иоанна. Совершая каждение храма, он с трудом шёл, держась одной рукой за стену и едва не падая...

От тех пасхальных дней 1946 года у меня сохранилась фотография, снятая бродячим фотографом: я, шестилетний, сижу на большом

камне-валуне, который лежал около деревенских домов, прямо за оградой измайловского храма, напротив входа в церковь, и с которого был виден маленький деревянный домик, где отдыхал между службами отец Иоанн.

За те пять лет, которые он прослужил в Измайлове, среди верующего народа всё больше распространялась слава о его абсолютном бесребренничестве, постнических и молитвенных подвигах. Среди прихожан Рождественского храма о нём ходили легенды, иногда, быть может, и вздорные. Так, священники-целибаты были тогда для многих в диковинку, и про отца Иоанна рассказывали, будто бы он кровью подписал клятву умирающей матери никогда не жениться. Подобные слухи (сам слышал) распространяли досужие старухи, сидя на скамейках в церковном дворе. Такова была обратная сторона заслуженной его славы великого аскета уже в ранние времена священнического служения. Теперь почти не осталось в живых людей, которые помнят батюшку в период его служения в церкви Рождества Христова в Измайлове.

Как известно, в 1950 году отец Иоанн был арестован, около этого времени подвергся аресту и настоятель храма отец Виктор Жуков. Вскоре сюда был назначен новый настоятель (помню, но не хочу называть его имени), импозантного вида священник из обновленцев, при котором в церкви пошли новые порядки: возрос до неприличия интерес к церковным доходам, сильно стало сокращаться богослужение, и дедушка, хорошо его знавший (в молодости он пел в церковном хоре), и я вместе с ним, всё реже посещали этот приход.

С тех пор я ничего не слышал о судьбе отца Иоанна. Кажется, в 1968 году я вместе с друзьями посетил на праздник Успения Божией Матери Псково-Печерский монастырь. И здесь произошло, как считаю, чудо: в бодром седовласом иеромонахе, произносившем вдохновенную проповедь, я сразу же узнал дорогого батюшку из далёкого своего детства...

АРХИМАНДРИТ ПИМЕН — НАМЕСТНИК ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

А.В. Филимонов

(Псков),

кандидат исторических наук,

заведующий Кафедрой отечественной истории ПсковГУ

Из шести Патриархов Московских и всея Руси, занимавших этот пост после восстановления Патриаршества в 1917 году, трое (Тихон, Алексей I и Пимен) оказались различными путями связанными с Псковской землёй. Настоящий рассказ — о более чем четырёхлетнем отрезке жизни и деятельности в то время ещё будущего Патриарха Пимена (в миру Сергей Михайлович Извеков, 10/23 июля 1910 — 3 мая 1990 гг., Патриарх в 1971–1990 гг.) — времени, когда он являлся наместником Псково-Печерского монастыря.

Родился он в городе Богородске Московской губернии в семье рабочего, с 1923 года пел в церковном хоре, а в 1925 году принял монашеский постриг. В 1932 году Пимен был рукоположен в иеромонахи, а в 1937-м был арестован и отбывал заключение в Средней Азии. В 1941–1943 годах он находился на фронте, а в 1944–1946 гг. вновь отбывал наказание в тюрьме и ссылке. Затем служил в храмах Москвы, Мурома, в Одесской и Ростовской епархиях, в 1947-м был удостоен сана игумена, а в 1949 году получил назначение в Псковскую епархию — в Псково-Печерский монастырь.

В большинстве справочных и краеведческих изданий этот период жизни и деятельности будущего Патриарха не получил достаточного освещения. Как правило, авторы ограничивались лишь упоминанием, что в 1949–1954 годах он являлся наместником Псково-Печерского монастыря,¹ в лучшем случае отмечали, что «в годы своего наместничества в Псково-Печерском монастыре архимандрит Пимен про-

Архимандрит Пимен Извеков

должил работы по благоустройству обители».² Несколько больше сведений о деятельности Пимена в качестве наместника содержится в обстоятельном труде по истории Псково-Печерского монастыря нынешнего наместника обители архимандрита Тихона (Секретарёва),³ которые, однако, могут быть дополнены свидетельствами, почерпнутыми из ежегодных отчётов монастыря и Псковской епархии, а также сводок и докладов уполномоченного по делам Русской Православной церкви при Псковском облисполкоме А.И. Лузина. Они и положены в основу настоящего сообщения, которое, однако, тоже не претендует на исчерпывающее освещение вопроса.

Игумен Пимен принял обитель через несколько лет после освобождения Печор от немецко-фашистских захватчиков, нанёсших монастырю немалый ущерб. Побывавший здесь в 1946 году Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), управлявший тогда и Псковской епархией, делился, например, своими впечатлениями

от увиденного: «Здесь было так плохо, что я затруднился что-либо посоветовать для улучшения; здесь абсолютно всё требовало улучшения». И даже в начале 1947 года, при встрече нового наместника архимандрита Владимира (Кобец), в монастыре продолжали «царить запущенность, хозяйственный беспорядок и духовное уныние»: сельского хозяйства почти не существовало, все здания требовали капитального ремонта, но о восстановлении их пока не приходилось и думать, так как доходы монастыря были ничтожными — их едва хватало на пропитание братии (на 1 января 1948 года численность иеромонахов, монахов и послушников составляла 45 человек).

Архимандрит Владимир, приняв монастырь, пришёл к заключению, что необходимым условием выхода обители из такого состояния является только строжайшая экономия во всём, поднятие на должную высоту сельского хозяйства и перевод монастыря на общежитскую форму. В январе 1948 года монастырю были возвращены средства, изъятые при аресте бывшего настоятеля игумена Павла (Горшкова), — 46330 рублей. Они и стали основным фондом средств на приобретение строительных материалов и ремонт монастырских зданий, что позволило в течение 1948 года починить Михайловский и Успенский соборы, Никольскую церковь, Святые ворота, настоятельский и трапезный корпуса и другое. Ремонт древней звонницы, Среденской церкви и Ризницы был отложен на 1949 год. Тогда же монастырь получил 37,96 га земли: 6,78 га — непосредственно за оградой, 18,6 га — на Куничинной горе и 12,58 га — в Завидове.⁴

В такое время и прибыл в монастырь по направлению Московской Патриархии из Ростова-на-Дону игумен Пимен, которому предстояло продолжить обустройство обители. Настоятелем пока оставался Владимир (Кобец), с марта 1948 года являвшийся одновременно и викарием Псковской епархии с постоянным местом проживания в Печерской обители. В 1949 году была предпринята попытка создания самостоятельного Псковского епархиального управления: Указом Патриарха Алексия от 11 августа управление епархией было поручено епископу Вологодскому Иустину (Мальцеву) с титулом «Псковского и Порховского», который приступил к исполнению обязанностей 11 сентября. Местом своего пребывания он временно избрал Псково-Печерский монастырь. Но Иустин управлял Псковской епархией только до 21 октября 1949 года, после чего последовало перемещение его на кафедру

епископа Казанского и Чистопольского. Поскольку в период управления епархией Иустином Епархиальное управление сформировано так и не было, обязанности его секретаря исполнял игумен Псково-Печерского монастыря Сергей, а в его отсутствие — игумен Пимен. После отъезда Иустина управление Псковской епархией вновь было поручено Митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию, викарием же по-прежнему оставался Владимир (Кобец). Но в декабре 1949 года он отправился в длительную заграничную командировку в Палестину и деятельного участия в управлении епархией не принимал. Обязанности настоятеля монастыря в его отсутствие стал исполнять Пимен, в 1950 году возведённый Митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием в сан архимандрита.⁵

Начало его служения в качестве наместника было сопряжено с небольшими трудностями, связанными не только с необходимостью продолжения больших восстановительных работ, но порой и с непредвиденными обстоятельствами стихийного и субъективного характера. Так, в «Троицын день» 1949 года монастырь постигло стихийное бедствие: разразился сильный ливень, длившийся несколько часов, и вода по руслу ручья, протекавшего через монастырскую территорию, с шумом устремилась в обитель. В результате сильного её напора произошёл размыв крепостной стены и каменной облицовки канала, в которую был заключён ручей, снесены два каменных моста. Появилось опасение, что при наплыве большого количества народа почва может провалиться, поэтому потребовалось срочно приступить к ремонту канала. Была вновь устроена опорная стенка у основания башни, исправлены и вновь поставлены заградительные решётки, что потребовало дополнительных расходов в сумме 27448 руб. В ноябре того же года решением Печорского райисполкома у монастыря была отобрана огородная земля, а участок был заменён другим, худшим по качеству и более отдалённым. Пришлось это решение обжаловать в вышестоящих инстанциях, в результате земля осталась за монастырём. В декабре монастырь лишился своей единственной грузовой машины: по приговору суда она была изъята, как «незаконно приобретённая», и к началу полевых работ 1950 года у обители не оказалось транспорта, за исключением лошадей. Между тем, пахотные земли находились в 7 километрах от монастыря, затруднилась вывозка дров, склад которых располагался в 15 километрах. Не приходится говорить уже о том,

что плохо обстояли дела с обеспечением братии обувью и бельём, а из-за отсутствия тёплой одежды 12 человек в зимнее время заболели гриппом в тяжёлой форме. В сложившихся обстоятельствах опять же необходима была самая жёсткая экономия во всём.⁶

Но даже в таких условиях работы по ремонту и благоустройству в монастыре продолжались. Самым трудоёмким ремонтным объектом в 1949 году был Лазаревский корпус с домовою церковью при нём, который капитально ремонтировался и приспособлялся под богадельню для престарелой иноческой братии. Неоценимую помощь оказал Патриарх Алексий, пожертвовавший монастырю на устройство богадельни 100 тысяч рублей. Монастырь же затратил из них на богадельню 45961 рубль, сэкономив, таким образом, средства на восстановление других объектов. У выхода на пасеку был снесён старый сгнивший коридор-крыльцо и выстроен новый, в ряде помещений переложены печи, выкрашены полы, производился ремонт дома на территории скотного двора, предназначенного для размещения в нём братии, обслуживающей скот, и для зерновых кладовых. Этот дом представлял собой жилую одноэтажную постройку с мезонином, изрядно обветшавшую, поэтому он подвергся полному переоборудованию и капитальной реконструкции: была произведена надстройка второго этажа, произведена перепланировка комнат, покрыта крыша... Можно сказать, что дом строился заново, а на реконструкцию его было затрачено 43451 рубль. На верхнем этаже дома поселились послушники, связанные с работой на скотном дворе; здесь же разместился медицинский пункт с квартирой фельдшера. Всего же в 1949 году в монастыре было произведено ремонтных и восстановительных работ на 121559 рублей.⁷

Остаётся только предполагать, сколько усилий пришлось приложить для проведения этих работ новому наместнику Пимену, показавшему себя умелым предпринимателем. Для решения целого ряда вопросов он предпринял несколько поездок в Псков, Ленинград и Москву. По свидетельству Уполномоченного по делам РПЦ А.И. Лузина, некоторая часть братии даже выражала недовольство частым отсутствием настоятеля в обители, а между тем Пимену удалось заручиться обещанием Патриарха Алексия о получении финансовой поддержки и в 1950 году. Но по какой-то причине её не последовало, а монастырь, тем не менее, за летний строительный сезон смог про-

вести ряд крупных ремонтов за счёт собственных средств: проведена была полная реставрация Сретенского и Никольского храмов, восстановлен бездействовавший в течение 40 лет Покровский храм, приспособлена под общежитие переоборудованная братская кухня, — всего на сумму 70751 рубль.⁸

В начале 1951 года Патриарх Алексий на производство неотложных работ в монастыре вновь выделил дотацию в сумме 127 тысяч рублей, предназначенную для капитального ремонта братского корпуса, восстановления разрушенной сети водопровода и артезианской скважины. Ремонт был закончен своевременно на сумму 252464 руб. — даже с некоторой экономией. В результате братия получила прекрасно оборудованный братский корпус с новыми лестницами, печами, коридором и светёлкой с двойными рамами, что существенно улучшило её быт. Монастырь получил также водопровод, снабжавший водой важнейшие объекты обители — кухню, моечную, временную баню, трапезную, богадельню, настоятельский корпус... Улучшилась в результате этого и пожарная безопасность. Требовалось, однако, построить новую баню, так как имевшаяся стационарная баня несколько лет назад сгорела, и приходилось обходиться временной, устроенной в трапезном корпусе рядом с кузницей, что было крайне неудобно и антисанитарно. Оборудована была новая баня в 1952 году в помещении бывшей столярной мастерской.⁹

Итак, монастырь под руководством архимандрита Пимена постепенно обзаводился всем необходимым для нормальной жизнедеятельности. Изменился и облик обители: она становится более ухоженной и благоустроенной. Уже в 1950 году силами монашествующих и прихожан началась расчистка фруктового сада, посадка декоративных кустарников и деревьев, разбивка клумб с цветниками, к главному празднику обители — Успению — взамен сгнившего был сооружён от Северных ворот до Михайловского собора новый фигурный забор с тремя узорчатыми воротами. Через два года (опять же к празднику Успения) на территории монастыря был открыт и освящён фонтан в виде источника: возле артезианского колодца установлена цементная чаша диаметром в 1 м, посреди её — пьедестал в форме церковного купола, а сверху — металлический крест высотой 25–30 сантиметров. Внутри креста была проведена труба, и вода, поступающая из водопровода, вытекала из трёх мест креста. Верующие воспринимали это

сооружение в качестве святого источника и стремились подставить под струю ладонь, смочить водой голову, глотнуть «святой воды», набрать её в бутылки и увезти с собой. Тогда же закончился ремонт каменной стены вокруг фруктового сада, где был сооружён и пчельник, на Святой горе отстроена ажурная деревянная беседка с железной крышей, через главную звонницу в монастырский сад построена новая деревянная лестница, закончен ремонт в Никольской и Благовещенской церквях, заменена крыша Михайловского собора, достроены скотный двор и птичник.¹⁰

Перемены, происходившие в монастыре, замечали и многочисленные посетители. «Я живу в Печорах 30 с лишним лет, — говорил, например, старейший врач города Г.В. Свизинский, — и всегда посещал и любил монастырь, но так, как хорош и красив он сейчас, раньше он никогда не был!».¹¹

Немало хлопот доставляло наместнику и монастырское хозяйство, прежде всего вопросы, связанные с землепользованием и налогообложением. В 1950 году монастырь успешно провёл уборку и обмолот урожая, полностью рассчитался по госпоставкам, но Пимен вынужден был обратиться во властные структуры за разъяснением причин чрезмерно высокого обложения обители натуральными поставками, и главным образом — продукции животноводства: монастырь вынужден был с каждой коровы сдать по 650 литров молока, а с каждой свиньи — по 30 килограммов мяса. На это последовало объяснение, что по продуктивности животноводства монастырь приравнен при обложении к подсобным хозяйствам предприятий и учреждений, а по оплате сданной продукции — к частным лицам (за сданный литр молока монастырь получал всего 30 копеек, в то время как подсобное хозяйство — 90 копеек), и потому размер обложения вполне законен. В конечном итоге монастырь вынужден был отказаться от содержания свиней (ранее он содержал 4–5 голов), а на 1951 год подоходный налог ему тем не менее увеличили на 6 тысяч рублей.¹²

Для успешного ведения сельского хозяйства монастыря Пимен первым делом нанял агронома, который, однако, не проявил нужной распорядительности и заинтересованности в налаживании хозяйства, допустил ряд ошибок, поэтому в следующем (1951) году с ним пришлось расстаться. Дело поручили послушнику монастыря, имевшему высшее образование.¹³ Пимен неоднократно ставил вопрос об

отводе земли для монастыря в одном месте, и желательно — поближе к обители. Особенно много неудобств доставляли сенокосные угодья, расположенные аж на территории соседнего Ряпинского района Эстонской ССР. В начале июля 1951 года была даже попытка местных колхозников сенокоса на лугах, принадлежавших монастырю, поэтому пришлось обращаться с жалобой в Совет Министров Эстонии, и вопрос в конечном итоге решился в пользу обители. Но поскольку подобные инциденты с сенокосением неоднократно повторялись, то монастырь ставил вопрос об обмене сенокосного участка на равноценный, но более для него удобный. Длившийся в течение четырёх лет вопрос о сенокосных угодьях удалось при содействии правительства Эстонии решить лишь в ноябре 1953 года, но полученный монастырём новый участок оказался по качеству хуже прежнего. Аналогичным образом в январе 1953 года была сделана попытка обменять расположенные в Завидове пашню, лес и выгон на другой участок, прилежавший к восточной стороне Вырусского шоссе и граничивший с колхозом «Аврора». Необходимость обмена мотивировалась тем, что завидовский участок оказался в результате укрупнения колхоза «Аврора» в середине его угодий.¹⁴

Проблемы землепользования оказались наиболее сложными, но настоятелю приходилось решать и массу более мелких вопросов — о топливе, горючем, запчастях, тем более, что техническое оснащение монастырского хозяйства тоже постоянно улучшалось. В марте 1950 года, например, монастырь приобрёл новую грузовую автомашину ГАЗ-51, затем — легковой автомобиль «Победа», новый двигатель, конную жатку, сенокосилку, молотилку, веялку, сортировку, плуги, триер, ещё одну лошадь (их стало 4), к началу 1952 года имелось 11 голов крупного рогатого скота и 25 кур.¹⁵ Укрепление материально-технической базы обители способствовало налаживанию хозяйства и повышало её доходность: в 1949 году все доходы монастыря (с дотациями Патриарха) достигли 456775 рублей, в 1950 году (при отсутствии дотаций) они составили 374713 рублей, в 1951-м (снова с учётом дотаций) — 649 тысяч. Значит, монастырь получал гораздо больше возможностей увеличить расходы на питание монашествующих, приобретение кроватей, белья и других необходимых вещей. Численность же братии в период наместничества Пимена почти не менялась и оставалась относительно стабильной: в 1949 году —

51 человек (34 монашествующих и 17 послушников), к началу 1952 года — 45 (32 монашествующих и 13 послушников), к началу 1953-го — 47 (30 монашествующих и 17 послушников), к началу 1954 года — 44 (26 монашествующих и 18 послушников).¹⁶

Доходы монастыря складывались не только от хозяйственной деятельности и дотаций, но и от растущего числа посетителей богослужений и паломников. Так, в праздник Успения Божией Матери в 1949 года, длившийся три дня, молящихся в монастыре было до 30 тысяч человек. Массовым оказался и праздник в 1950 году, после чего «Пимен, — по свидетельству Уполномоченного А.И. Лузина, — стал известен всей области, как хороший проповедник и умеющий хорошо служить. Для привлечения верующих к церкви некоторые настоятели стали приглашать его на особые праздники послужить. В Печорском районе он проводил богослужения в 4 — 5 приходах, а также в Пскове, Пушкинских Горах и Острове...».¹⁷ 10 сентября 1951 года по поручению Митрополита Григория архимандрит Пимен провёл чин освящения придела в честь Святого Благоверного князя Александра Невского в Троицком соборе Пскова, в один из праздников 1952 года («Петров день») он совершил богослужение в псковской Казанской церкви.¹⁸ Наиболее массовым стало богослужение в монастыре в праздник Успения в 1952 году: оно началось с 18 часов 27 августа во всех пяти его храмах, а в крестном ходе участвовало до 12 тысяч человек — не помешал ему и случившийся обильный дождь. На богослужение прибыл из Ленинграда в сопровождении двух студентов Духовной академии епископ Таллиннский Роман, а для православных эстонцев его проводил наместник Пимен на эстонском языке, который он усиленно тогда изучал.¹⁹ Об этом празднестве подробно писал «Журнал Московской Патриархии».²⁰

Для проведения богослужения в очередной праздник Успения 28 августа 1953 года в монастырь прибыл из Ленинграда Митрополит Григорий, пробывший здесь два дня и совершивший также богослужение в Троицком соборе Пскова. В монастыре верующих собралось до 15 тысяч человек, особенно большой наплыв их наблюдался из других областей, — из Эстонии, например, они приехали на двух автобусах. Богослужение закончилось крестным ходом вокруг монастыря. Митрополит был доволен руководством обители и наместника Пимена наградил посохом.²¹

«В отношении церковной жизни монастыря наместник Пимен со своим помощником Сергеем Гавриловым стараются поддерживать строгий монастырский порядок, — отмечал в 1952 году Уполномоченный А.И. Лузин. — Ведут обширную переписку с духовенством и верующими других областей».²² Но связь поддерживалась не только путём переписки: монастырь неоднократно посещали целые делегации и отдельные знатные гости. Так, в одно из воскресений осени 1950 года здесь побывала группа сестёр-хористок (20 чел.) Пюхтицкой обители со своей чудотворной иконой «Успение»; в 1951 году четыре раза приезжал епископ Таллиннский и всей Эстонии Роман, частыми гостями были священники из Ленинграда; проводил богослужение епископ Архангельский Леонтий.²³ Из светских особ особенно значимым было посещение обители в качестве экскурсанта Маршалом Советского Союза И.С. Коневым.²⁴

Количество экскурсантов особенно увеличивалось в летнее время, и прежде всего — из Латвии и Эстонии. Приезжавшие желали ознакомиться с историей монастыря, а предложить им зачастую было нечего: приходилось предлагать лишь брошюру 1909 года издания. Интересовались посетители и «пещерами, Богом зданными», тем более что там разыскивали места, где были погребены родственники А.С. Пушкина. Но власти усмотрели в этом интересе «один из приёмов распространения влияния монастыря» и способов увеличения его доходности: каждый посетитель приобретал при посещении пещер свечу, и иногда в день их продавалось до 200 штук. Поэтому секретарь Псковского обкома ВКП(б) П.А. Матюшин предлагал Уполномоченному А.И. Лузину «найти предмет для закрытия этих пещер», чего, однако, так и не произошло. Точно также А.И. Лузин договорился с наместником Пименом о том, что экскурсии в монастыре будут проводить исключительно сотрудники Печорского музея (объявление об этом было вывешено при входе), но посетители нередко обращались с этим и к монахам. Руководство монастыря поручило проведение экскурсий послушнику В.А. Баталину — человеку с высшим образованием (он окончил филологический факультет Ленинградского университета) и прибывшему в монастырь после отбытия наказания в апреле 1952 года.²⁵

Архимандрит Пимен не только выезжал для проведения богослужений в различные приходы епархии сам, но и решал вопросы о на-

правлении с этими целями представителей братии, — особенно в те приходы, где не было священников. В начале 1952 года в Псковской области, например, по этой причине не функционировало 9 храмов, и Митрополит Григорий обратился с просьбой к наместнику Пимену направить туда монашествующих обители. Желаящих, однако, оказалось немного: выехали только двое, да и то один лишь на срок до 1 мая, а иеромонах Сергей (Лосяков) был откомандирован для совершения богослужений в Георгиевскую церковь деревни Палицы Новосельского района только в выходные и праздничные дни; в остальные же дни он находился в монастыре. После этого предписание Митрополита стало более жёстким: он потребовал от Пимена увеличить число иеромонахов из состава иеродьяконов, каких в монастыре насчитывалось 9 человек. Но никто из вызванных на беседу к Пимену не согласился принять сан иеромонаха, боясь оказаться на приходе. Тогда Пимен получил указание направить в приходы всех иеромонахов, оставив в монастыре лишь самый минимум, необходимый для проведения богослужений. В результате в конце 1952 года иеромонахи монастыря проводили богослужения уже в шести церквях епархии, а из 91 имевшихся в области церквей не функционировало только пять.²⁶ Таким образом, настоятелю пришлось заниматься не только убеждением и увещеваниями, но и «власть употребить».

С начала 1954 года Псково-Печерский монастырь временно остался без наместника: Пимен был переведён настоятелем Троице-Сергиевой лавры в Загорск и выбыл к новому месту службы. «За последнее время авторитет Пимена возрос, и каждый верующий старался быть, когда служил Пимен, — отмечал Уполномоченный А.И. Лузин. — Я был свидетелем прощального богослужения, которое проводилось в обычный день, вечером. Народу собралась полная церковь и все ждали его прощальную проповедь, которую он не произносил, а сказал, что уезжает, и просил не забывать «святой обители». Большинство верующих, конечно, женщины, пролили обильную слезу. В настоящее время многие из его поклонниц иногда выезжают помолиться в Троице-Сергиеву лавру».²⁷

21 февраля 1954 года в должность вступил вновь назначенный наместник Сергей (Гаврилов), 1897 года рождения, окончивший в 1921 году историко-филологический факультет Киевского универ-

ситета, а в 1932 году осуждённый на 10 лет по ст.58–7, и с 1948 года находившийся в Псково-Печерском монастыре. «Между Пименом и Сергием, — докладывал А.И. Лузин, — все время велась борьба за влияние над монашествующими и верующими. Пимен одержал верх, Сергию пришлось оставить монастырь, его место занял Баталин. Примерно год Сергей находился в Старой Руссе».²⁸ Так это было в действительности или же это домыслы чиновника, но бесспорно одно: Сергей вернулся в Печоры и сменил на посту настоятеля Пимена.

Уполномоченный А.И. Лузин, отмечая «некоторый спад» в деятельности монастыря в 1956 году, в качестве одной из причин этого усматривал отсутствие в нём «хорошего служителя-проповедника». В качестве положительного примера он снова вспоминал о Пимене: «В бытность наместника настоятеля монастыря Пимена (Извекова) все внимание в деятельности монастыря было направлено на церковную деятельность, создание обстановки, способствующей религиозному настроению верующих, как, например, введение всеобщего пения, службы акафистов и молебнов при участии всех монашествующих и под непосредственным своим руководством. Особое внимание уделялось проповедям, которые сочетались с настроением верующих. В особенности в проповедничестве отличался архимандрит Пимен. Не случайно, что некоторые верующие Псковской области посещают Троице-Сергиеву лавру, с целью послушать службу Пимена, наместником настоятелем которой он является».²⁹

В 1957 году Пимену вновь довелось побывать в Печорах: ввиду возникшей в монастыре конфликтной ситуации Патриарх Алексий прислал сюда комиссию для расследования, в состав которой был включён и недавний наместник обители.³⁰

Вскоре, в ноябре того же 1957 года, Пимен после нескольких лет служения наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры был определён епископом Балтским, затем епископом Дмитровским, архиепископом Тульским, позднее — Митрополитом Ленинградским, с 1963 года — Митрополитом Крутицким и Коломенским, а 18 апреля 1970 года после кончины Патриарха Алексия стал местоблюстителем Московского Патриаршего престола. 2 июня того же года Поместный собор Русской Православной Церкви единогласно избрал его Патриархом Московским и всея Руси. На этом посту Пимен находился до своей кончины в 1990 году.

Источники:

1. Псковская энциклопедия. Изд. второе, дополненное. Псков, 2007. С.625
2. *Петров Г.В.* Предания и были Псково-Печерского монастыря. Псков, 2000. С.153
3. *Архимандрит Тихон (Секретарёв)*. Врата небесные: История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры, 2007. Сс.135–140
4. ГАПО. Ф.1776. оп.1. д.27. лл.58–59, 62–67
5. Там же. Д.30. л.39; д.31. л.4; д.35. л.15; д.39. л.2
6. Там же. Д.30. л.39; д.31. лл.41,44,45
7. Там же. Д.31. лл.40,42
8. Там же. Д.35, л.15; д.36. лл.6,41–43
9. Там же. Д.39. лл.17–18,22; д. 41. л.13; д.42. лл.33–34
10. Там же. Д.35. л.18; д.36. л.42; д. 41. л.38; д. 42. л.32; д. 45. л.15
11. Там же. Д.36. л.46
12. Там же. Д.35. л.16; д.36. л.51; д.38. л.12
13. Там же. Д.35. л.15; д.39. л.21
14. Там же. Д.38. л.12; д.39. л.22; д.43. л.5; д.45. лл.29–30
15. Там же. Д.35. л.15; д.36. л.48; д.41. лл.13,34; д.43. лл.1,6; д.45. л.15
16. Там же. Д.31. л.46; д.36. л.47; д.39. лл.27–29; д.41. л.34; д.42. лл.41–43; д.45. л.5; д.47. л.5
17. Там же. Д.31. л.43; д.35. л.28
18. Там же. Д.39. л.3; д.41. д.27
19. Там же. Д. 41. лл.37,38
20. *Архимандрит Тихон (Секретарёв)*. Указ. соч., сс. 614–616
21. ГАПО. Ф.1776. оп.1. д.45. л.47
22. Там же. Д. 41. л.14
23. Там же. Д.36. л.45–46; д.38. л.18; д.39. л.18
24. *Архимандрит Тихон (Секретарёв)*. Указ соч., с.128
25. ГАПО. Ф.1776. оп.1. д.38. л.17; д.41. лл.34–35; д.47. л.22
26. Там же. Д.41. лл.17,23; д.45. лл.7,9
27. Там же. Д. 47. л.21
28. Там же. Л.19
29. ГАНИПО. Ф.1219. оп.2. д.1005. л.16
30. Там же. Д.1031. л.15

И КОРНИ И ВЕТВИ В ПЕЧОРСКОМ КРАЮ

(К 100-летию со дня рождения М.В. Лашина)

Е.В. Мокриковская

(Печоры),

заведующая отделом Администрации

Печорского района

Михаил Васильевич Лашин — свидетель и участник событий — печальных и радостных, — проходивших на Печорской земле с начала XX века. Своими воспоминаниями, собранными по капельке материалами, накопившимися в течение многих лет, — об истории деревень, людях, живших в них, о героях и исторических событиях — Михаил Васильевич делится с нами в своих краеведческих статьях и рассказах.

М.В. Лашин родился в 1915 году в небольшой деревне Луки Новоизборской волости Печорского уезда Псковской губернии. Его отец — Василий Степанович — был крестьянином и церковным старостой, закончил всего три класса начальной школы, но много читал, хорошо знал русскую историю и литературу, любил старину и берёт её. Он рано скончался, когда Михаилу было всего 12 лет, но успел привить сыну интерес и уважение к родному краю. В семье рос ещё сын Николай, на пять лет моложе Михаила, поэтому старший помогал матери зарабатывать на хлеб.

Мать, Варвара Ивановна, умерла спустя два года после смерти отца. Познал Михаил тяжёлый крестьянский труд, но любовь к земле сохранил на всю жизнь. Окончил он шесть классов начальной школы. Хотелось учиться дальше, но учёба была платной, да и школа в деревне Луки была только начальная. Но не хлебом единым жив человек. Жажда знаний заставляла мальчика много читать, столкнула с хорошо образованными людьми. С детских лет участвовал он в художественной самодеятельности — пел в хоре, выступал в спектаклях.

М.В. Лашин, 1980 г.

На Подгорной улице

История жизни Михаила Васильевича интересна ещё и тем, что родился он в Российской империи, детство и юность его прошли в буржуазной Эстонии, а молодость и зрелость — в СССР.

Вот что он вспоминает о жизни в буржуазной Эстонии: «Большая деревня Луки раскинулась у самой границы, отделяющей когда-то буржуазную Эстонию от Советской России. Поэтому жители её постоянно чувствовали влияние страны Советов, где люди без помещиков и капиталистов строили новую жизнь.

В это время здесь из бывших участников гражданской войны и других активистов образовалась группа, которая доставляла запрещённые советские книги и газеты, читала их людям, а также проводила работу по разоблачению буржуазной власти в Эстонии. Всё это сыграло большую роль в воспитании местных жителей.

Вот почему, когда советские войска в июне 1940 года вступили на территорию Эстонии, жители деревни Луки организованно, большой колонной, с красным флагом вышли встречать их, устраивали короткие митинги и братание с воинами Красной Армии.

В этот же день лукинцы, увлекая за собой жителей окрестных деревень, в Новом Изборске на глазах местной буржуазии, полиции и эстонских пограничников организовали демонстрацию, которая прошла под лозунгом «Долой буржуазную власть в Эстонии!», «Да здравствует власть Советов!».

В августе 1940 года в деревне Луки была организована партийная организация, в нее вступило 22 человека. Большинство было принято сразу без прохождения кандидатского стажа. Навсегда мне запомнился день 13 октября 1940 года. Мы решили создать комсомольскую организацию. Указаний свыше не получали и никто к нам не приезжал. Достали Устав ВЛКСМ и на основании этого решили создать комсомольскую организацию. На первом собрании стали членами ВЛКСМ 25 человек. Меня избрали секретарём. В течение месяца в комсомол вступила почти вся молодёжь деревни. Так в Луках стало 32 коммуниста и около 50 комсомольцев.

После вступления советских войск в Эстонию развернулись большие события. Трудовой народ на собраниях, митингах требовал свержения буржуазного правительства, присоединения к Советскому Союзу. Вскоре эти требования были удовлетворены».

...Началась Великая Отечественная война. Молодой человек, выросший в буржуазной Эстонии, идёт воевать за свою новую, теперь уже социалистическую Родину. Государство было для него новым, но идеи социализма и коммунизма новыми для него не были. В начале Великой Отечественной Михаил Васильевич добровольцем вступает в истребительный батальон. Два месяца он участвовал в непрерывных боях в обороне Нарвы, защите Таллина, в героическом прорыве Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Во время этого легендарного перехода многие корабли пострадали от бомбёжки. Чудесным образом (иначе не скажешь) Михаил Васильевич остался жив: в корабль, на котором он находился, попала бомба. Михаил Васильевич и многие из тех, кто был на этом корабле, оказались в ледяной воде Балтийского моря. Вскоре подоспела помощь. Однако и новый корабль, который подобрал уцелевших после бомбёжки людей, постигла та же участь. И этот корабль тоже подвергся бомбёжке. Михаил Васильевич снова оказался в ледяной воде, дрейфовал на каком-то обломке. И снова его спасли. Была осень. В общей сложности, Михаил Васильевич провёл в ледяной воде около двух часов. Затем его отправили

в глубокий тыл — он долго и тяжело болел. Немного окрепнув, снова был в армии, но в строевую часть его уже не приняли.

После войны он вернулся в родные, теперь уже советские, Луки. Работал в Новоизборском Доме культуры, затем в райкоме партии, председателем районного Комитета народного контроля, заведующим Отделом социального обеспечения. Более 20 лет руководил районной Общественной инспекцией по охране памятников истории и культуры.

Печорский край — удивительная земля, связанная с историей Отечества. Изучение истории, судеб людей, живущих на родной земле, доступно не каждому. Для этого нужно быть человеком с обострённым чувством любви к Родине.

Михаил Васильевич жил в разных эпохах, разных государствах и при разных общественных строях, но он всегда одинаково любил родной край.

Вот что он писал в своих воспоминаниях: «Когда проезжаешь по дорогам родного края, видишь, как последние годы неузнаваемо изменился облик нашего района: на месте старинных деревушек с бревенчатыми, крытыми соломой избами выросли колхозные и совхозные центры с каменными благоустроенными домами, новыми школами, детскими садами, клубами и другими общественными постройками.

Да, изменилась жизнь! Сколько сделано хорошего и доброго для человека. И мы настолько к этому привыкли, что подчас не замечаем, считаем, что так и должно быть, не думая о том, что всё сделано большим человеческим трудом.

Потянулись люди из деревень на постоянное жительство в колхозные и совхозные центры, оставляя в деревнях пустые избы с усадьбами, где они жили раньше. И это закономерно. Здесь в этих новых посёлках с удобствами лучше жить и работать. Многие жители разъехались по городам.

И обезлюдели старинные деревни, а некоторые маленькие деревушки совсем опустели и прекратили своё существование. Когда проходишь по этим деревням и видишь осиротелые, с заколоченными окнами избы, с грустью думаешь о том, как приостановить процесс вымирания старинных деревень. И если это уже нельзя сделать, то хотя бы сохранить память о них, по возможности написать историю этих деревень и собрать эти материалы в наших музеях и школах.

Ведь каждая старинная деревня — это своеобразный памятник, страничка истории нашего края и в целом — нашей Родины. И мы должны к ним относиться с глубоким уважением.

Здесь веками жили наши предки. Они в поте лица обживали эту землю, превращали болота и леса в плодородные поля, защищали край от набега врагов, которые часто сжигали эти деревни, а их снова отстраивали.

Сколько погибло героев при защите родного очага! В этих деревнях создавалась самобытная культура, народные традиции, они передавались из поколения в поколение и ныне живут в преданиях, легендах, сказах, старинных песнях, рассказах стариков».

Михаил Васильевич был очень талантливым человеком. Многие печеряне знают его как увлечённого и преданного своей малой Родине краеведа, защитника памятников старины, неутомимого организатора. Но не все знают о том, что он был ещё художником и актёром.

После себя Михаил Васильевич оставил большое количество статей, заметок, материалов о родном крае, простых людях, выдающихся героях и современниках, об исторических событиях и интересных уголках нашего района. Собирал он и преданья старины глубокой. Особенно интересными мне показались записанные им рассказы о кладах, спрятанных в Печорской земле в разные времена. Так и хочется после такого рассказа взять лопату, фонарь и отправиться на поиск приключений.

Некоторые из его материалов вошли в книгу «И корни, и ветви в Печорском краю», изданную нашей библиотекой в 2002 году; некоторые статьи вошли в краеведческие сборники и брошюры, издававшиеся библиотекой в разные годы, но многие бумаги, которые достались мне в составе его личного архива, ещё не обработаны. Поэтому я считаю своим долгом сохранить этот ценнейший материал и дать ему новую жизнь.

Общение с талантливыми и творческими людьми, художниками, которые приезжали на Печорскую и Изборскую земли черпать вдохновение, подтолкнуло Михаила Васильевича к живописи. Как в литературном, так и в художественном творчестве, главной темой была его малая родина. К сожалению, сохранилось не так много его художественных работ, но до сих пор в действующей часовне его родной деревни Луки находятся написанные им иконы.

Барабаново, 1980 г.

Активно занимался Михаил Васильевич и фотографией. Он фотографировал сам и собирал фото начала века. Благодаря ему мы имеем большую коллекцию фотографий, часть из которых представлена на выставке, организованной в библиотеке к его юбилею.

А какие ставились пьесы! Пушкина, Гоголя, Островского! В 1936 году в деревне Луки, где тогда насчитывалось 175 дворов, крестьяне построили на собственные средства Народный дом. И молодой Михаил Васильевич стал руководителем драматического кружка. Сам писал декорации, сам гримировал. Костюмы были тоже самодельные. Кружок пользовался успехом, спектакли показывали даже в Печорах.

Его любовь к своей малой родине была активной и деятельной. Как я уже говорила, более 20 лет он руководил районной Инспекцией по охране памятников истории и культуры.

Сберечь сохранившиеся и восстановить разрушенные памятники, которыми так богат Печорский район, было целью жизни М.В. Лашина. Ему мы обязаны сооружением обелисков воинам, павшим в Великой Отечественной войне, восстановлением каменного креста в

деревне Халахальня (этот крест он восстанавливал за счёт собственных средств), созданием школьных краеведческих музеев.

Его организаторские способности в полной мере проявлялись не только в деятельности по охране памятников культуры, но и в творчестве. Так, знаменитый Изборский праздник на Валу, который продолжает проводиться и по сей день, организовал именно Михаил Васильевич, как и многие другие праздники, которые были популярны в то время.

Михаил Васильевич вырастил троих детей, у него 6 внуков, 8 правнуков.

Двое детей, большинство внуков и правнуков остались жить в Печорском краю, который он беззаветно и преданно любил и завещал эту любовь своим потомкам.

Своё выступление я назвала «И корни, и ветви в Печорском краю» Так называется книга, которую издала наша библиотека по краеведческим материалам М.В. Лашина и название которой полностью отражает суть жизни Михаила Васильевича Лашина.

В подготовке своего выступления я использовала эту книгу и личные архивы Михаила Васильевича.

ВОИН. ПОЭТ. БИБЛИОТЕКАРЬ

(К 100-летию со дня рождения В.В. Воронкова)

Анисьева А.Н.,

*заведующая Изборской библиотекой-филиалом
МБУК «Печорская ЦРБ»*

Наш Изборск — город старый,
Даже старше Москвы.
Но не в старости слава.
Какой век прожил ты?

Эти строки из стихотворения Василия Васильевича Воронкова о крепостных стенах древнерусского города Изборска как нельзя лучше отражают и жизнь самого автора. Ветерана Великой Отечественной войны, талантливого поэта-самородка Василия Васильевича знают далеко за пределами нашего района. Живое слово поэта слушали в Пскове, Пушкинских Горах.

Кто же он, Василий Воронков? Это простой, скромный, благородной души человек. Выходец из крестьянской семьи. Он всю жизнь, кроме военных лет, прожил в Изборске. Здесь 3 марта 1915 года он родился, здесь жили его родители и предки.

Вся его жизнь прошла под влиянием героического прошлого Изборска, под впечатлением удивительной природы, окружающей его. Ещё в детские годы, слушая легенды и предания старины, он впитывал в себя каждое слово, сказанное о родном крае. Забираясь на крепостную стену, он любовался голубой гладью озёр и речки Сходницы, красотой долины Дребель.

Василий Васильевич Воронков

РЕЧКА СХОДНИЦА

Играя, речка Сходница
Петляет меж озёр.
Кусты зелёной конницей
Спешат под косогор.

Тростник, щетинясь пиками,
Заполнил берега.
Смеётся заводь бликами,
Купая облака.

Из бронзы словно вылитый,
У речки рыболов,
В платочках белых лилии
Зовут на вальс цветов.

А соловьи стараются,
Поют здесь даже днём,
Не знаешь ты, красавица,
Как я в тебя влюблён.

Мальчишкой, катаясь на сопках с Груниной горы, что рядом с крепостью, или играя на Труворовом городище, он представлял, как здесь в далёкие времена сражались изборяне с немецкими рыцарями, как отсюда ходили походами в Прибалтику, как спешили на выручку осаждённому врагом Пскову.

В Изборске всё для него — родное и близкое. Пройдут годы, и Василий Васильевич о красоте родной земли, о его любви к Изборску расскажет в своих стихотворениях. Писать стихи он начал в юношеские годы. Тогда он писал на злободневную тему и о своих переживаниях. Эти стихи были ещё несовершенны, но правдивы и искренни.

В 1935 году в местной газете впервые помещают его стихотворение «Пастушок». В нём он отразил жизнь крестьянской молодёжи в буржуазной Эстонии, когда страшная нищета заставляла многих родителей приводить детей и подростков в Печоры и здесь, на рынке, за ничтожную плату отдавать в пастухи.

Памятным летом 1940 года В.В. Воронков вместе с изборской молодёжью активно включился в строительство новой жизни в нашем крае. И если бы не война...

Вот идёт наш отряд добровольцев
В сорок первом, под гул канонад.
Вьётся песня, как стон, у околиц
Провожают на битву солдат.

Уже в первые годы войны изборяне включились в борьбу с врагом. В Изборске был сформирован истребительный отряд, в состав которого вошёл и В.В. Воронков. В задачу отряда входили уничтожение воздушного десанта, охрана государственного имущества и мостов. Отсюда они ушли на восток, где отряд постепенно вливался в ряды Красной армии. Василий Васильевич воевал минометчиком в звании младшего сержанта в рядах Эстонского корпуса 7-й Эстонской дивизии.

«Под Великими Луками бой был одним из тяжёлых сражений.
Мало кто там остался живой.

Через трупы мы шли в наступление...» — вспоминал в стихотворении «Фронтовик» о битве под Великими Луками В.В. Воронков, участником которой был и сам.

В октябре 1944 года, освобождая Эстонию, на острове Сааремаа был ранен в руку. Под Новый 1945 год Василий Васильевич вернулся в Изборск. Три с половиной года был он оторван от родного края. Но и в тяжёлых фронтовых условиях мысль об отчем доме, о речке Смолке, древней крепости и родных просторах никогда не покидали его. И вот он дома. Хоть и без руки пришёл солдат с фронта, но живой.

Руку на войне потерял, а вот фронтовой блокнот со стихами, которые писал в перерывах между боями, сохранил. Эти стихи, сложенные в огненном 43-м, появились в газете «Печорская правда» лишь к 40-летию Великой Победы в 1985 году. Вот одно из них:

ОЖИДАНИЕ

Пролети незримою полосу мятежную —
Песней на поляночке опустишь ко мне.
Приходи, любимая, ночью белоснежную
В тёмную земляночку, улыбнись во сне.
Между нами гнусные полчища немецкие,
Из-за них не встречусь, может быть, с тобой,
Потому так грустные песни молодецкие —
Местью переполнено, сердце рвётся в бой.

Зима 1943 г.

Ещё шла война и на освобождённой от фашистов земле возрожда-лась мирная жизнь. В неё сразу и включился В.В. Воронков.

В приказе № 4 от 5 февраля 1945 года записано, что Воронков Василий Васильевич назначается заведующим Изборской сельской библиотекой. На помощь ему пришел тоже бывший фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны Павел Дмитриевич Мельников.

Неожиданной радостью была первая посылка из Москвы с книгами советских писателей, на которые был большой спрос у читателей. С тех пор начал регулярно пополняться книжный фонд. С ростом его росло и число читателей.

Проторенными тропами из дома в дом носил он по деревням книги, доносил до людей информацию об интересных событиях, происходящих в стране. Вел активную деятельность по патриотическому воспитанию молодого поколения.

При библиотеке были организованы литературный и исторический кружки. Литературный регулярно проводил читательские конференции, а исторический кружок, который работал по пятницам, и назывался «Изборская пятница». Здесь читали доклады, изучали историю Изборска, собирали документы, книги, экспонаты об истории родного края. Работа исторического кружка положила начало краеведческого музея в Изборске. Теперь — это Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск» мирового значения.

Но главное дело ветерана — увековечить память о своих друзьях, не возвратившихся с полей сражений. Эта тоска по ним звучит почти в каждом его стихотворении:

В тёплый вечер над озером нашим
Тишину нарушает баян.
Вьётся песня, как знамя над башней,
В ней звучат имена изборян.

.....

И теперь уж о них в час вечерний
Песня славы, как птица, летит.
Молодеет Изборск — город древний,
И никто никогда не забыт.

Мечта стала явью, когда 31 июля 1977 года седой древний камень вырос на перекрёстке трёх дорог, — символ бессмертия, памяти людской. В торжественной тишине звучали слова ветерана войны Василия Васильевича Воронкова:

Памяти павших в бою земляков
Памятник ставим на веки веков.
Памяти тех, что хотели так жить,
Петь и смеяться, работать, любить.

Всю жизнь, увлекаясь историей Изборска, проработав в библиотеке 35 лет, Василий Васильевич, уже пенсионером, работал в Изборском музее, где оставил о себе добрую память, занимался в художественной

самодеятельности, писал стихи. Им написана большая лиро-эпическая поэма «Сказ о постройке Изборской крепости».

Скончался Василий Васильевич Воронков 14 января 1994 года. Прах его покоится на Изборском кладбище.

Изборянину В.Воронкову, ветерану Великой Отечественной войны, поэту посвятил своё стихотворение печорский поэт Борис Егоров:

У ОБЕЛИСКА

От проезжей дороги близко
В героическом Псковском краю,
У гранитного обелиска,
Шапку сняв, молчаливо стою.

Я не знаю, кто здесь похоронен,
И читаю их по именам.
Что-то в горле мне встало комом,
А ещё подступило к глазам.

А стоящий рядом со мною
Друг, выдавший войны грозу,
Уцелевшей левой рукою
Незаметно смахнул слезу.

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНЫ МОРОЗКИНОЙ

Т.В. Вересова,

*председатель Псковского регионального отделения
Союза краеведов России*

Российской пустыни душа —
Моя желанная обитель...

Елена Морозкина, 1997

Елена Николаевна Морозкина известна нам прежде всего как автор лучшего путеводителя по нашему древнему краю — книги «Псковская земля», претерпевшей в прошлой нашей жизни два выпуска (1975 и 1986 годы) в издательстве «Искусство» (серия «Дороги к прекрасному»). Елена Николаевна, естественно, была очень рада своей первой книжке, хотя сожалела, что издательство выбросило из неё «церковные главы», — отдельной книгой, «Щит и зодчий» (Путеводитель по древнему Пскову), их удалось издать в «Отчине» (Псков) лишь в 1994 году. А в 2004 и 2009 годах «Псковская земля» вышла в первозданном своём объёме, даже в подарочном исполнении и с публикацией ранее не видевших свет её статей «Древний Псков уходит от нас», — мне удалось восстановить текст по рукописи и проиллюстрировать это удивительно искреннее признание автора в любви к нашей (не её!) малой родине. Что же связало Морозкину с Псковщиной? Вот как сама Елена Николаевна объясняет эту привязанность:

«... Когда кончилась война, трудно было прижиться, начать жить сызнова. Смогла поступить только в Строительный институт, где обещали открыть архитектурный факультет. Надеялась хоть как-то

прикоснуться к искусству. А втайне мечтала стать писателем... Льгот для пришедших с войны тогда не было, а где там сдавать тригонометрию или литературу, вылезши из землянок, из малярийных болот, в которых довелось стоять нашей части, когда мы охраняли мост через Сож.

Окончила Строительный институт со специальностью инженер-архитектор и, так как показала рвение в науках и искусствах, была определена на работу в Московскую реставрационную мастерскую, да ещё получила и рекомендацию в аспирантуру.

... исследуя и обмеряя своими руками архитектурные памятники Москвы, всем существом ощутила теплоту московского классицизма, в котором заветы античности соединились с традициями русского деревянного зодчества... А когда ещё готовила дипломную работу и потом — в аспирантуре — пользуясь «свободным посещением», бегала «зайцем» в МГУ на лекции по средневековой литературе Романа Михайловича Самарина, русскому фольклору Владимира Ивановича Чичерова, на «теорию стиха» и спецкурс по творчеству Пушкина, который вёл замечательный пушкиновец Сергей Михайлович Бонди. Бонди в конце концов создалась, что я «архитектор», но он мне разрешил посещать свои занятия и так.

Поступила в аспирантуру Московского Архитектурного института на Кафедру истории архитектуры. ...Моим научным руководителем и старшим другом стал Николай Иванович Брунов. Он-то и нацелил меня на Псков, древнему зодчеству которого была посвящена моя диссертация.

Лицом к лицу я встретила с эпическим искусством Пскова, и оно заговорило со мною...

И я постигла
Царственность болота,
Раздумье храма
И тепло избы...
Я в Русь вошла —
В раскрытые ворота,
Своей судьбы
Безвременье избыв.

Никольская ц. и башня. Фототека Е.Н.М., 60-е

Вид на Никольскую ц. и башню. Фототека Е.Н.М., 60-е

Е.Н. Морозкина у зарадной стены
Печорской крепости. Публикуется впервые

У входа в Печерский
монастырь. 1957.
Публикуется впервые

Пещеры на берегу ручья Каменец. 1957,
Обследование пещеры ведёт Е.М.

... За многие годы я изъездила и исходила Псковщину. Псков сделался моей судьбой...» (Е. Морозкина. По Руси. Стихи. СПб, 1992, стр.7–8).

Или ещё: «Моим научным руководителем был Николай Иванович Брунов — один из лучших людей, которых даровала мне жизнь. Это он нацелил меня на Псков, решив тем самым мою судьбу. Она была не простой, но и не пустой. Судьба прочно повенчала меня с Псковом...»

В натуре (!) Еленой Николаевной обследовано 85 памятников Псковской области, некоторые из них подробнейшим образом, в том числе ранее не изученные крупные архитектурные ансамбли Крыпецкого и Мальского монастырей, собор Трёх Святителей Елеазаровой обители, снетогорская церковь Вознесения под Колоколы, церковь Петра и Павла Серёткина (Сироткина) монастыря...

Елена Николаевна влюбилась в Псковскую землю с первых шагов по ней: в «разлёты русских городищ», приземистые церквушки, купеческие палаты, озёрное раздолье равнин и даже ничем не примечательный серый плитняк. И уже в первый свой приезд сюда в 1957 году написала:

Для меня, исконна росса,
Дорог камень — да не всяк:
Мрамор древнего Пароса,
Серый псковский известняк.

К этому же времени относится и первое знакомство с Печерским краем, о чём говорят не только фотографии, но и её стихи о Малах, Изборске, Свято-Успенской обители:

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ КИТЕЖ-ГРАД

Не клад жемчужин под волною
Лежит на потаённом дне,
Старинный город предо мною
Сияет в светлой глубине.

Как будто пёстрые цветы,
Цветут в узорной чаше храмы,
Колокола кивают в рамах,
Златые теплятся кресты.

Особенно её поразила Изборско-Мальская долина: «по святым местам паломник от искусства», Елена Николаевна именно эту землю сочла истоком нашей Родины; потому, увидев её однажды, постоянно возвращалась к ней; влюбила в неё всех, кого только могла: родных, друзей, студентов...

В ИЗБОРСКЕ

1960-е

Дозор веков...
Круглы у башен спины,
По ветру космы,
Камень обветшал,
И над горой твою Журавлиной
Упорным клином
Журавли спешат.

В МАЛАХ

1971

Я самых королев
Жила славней и выше:
Под сеновалом — хлев,
И звёзды смотрят в крышу.
 И с красных гор вода
 Бежит струей хрустальной,
 И стал весь мир тогда
 Моей исповедальной.
И солнце жгло мосты,
Чтоб не пустить обратно;
И древний монастырь
Крестился троекратно.
 Стоял он между гор
 Над озером пустынным.
 И солнце, словно вор,
 Макало лапу в тину.

Изборская крепость. Фото Е.Н. Морозкиной, конец 1950-х

За Труворовым крестом
Валечка Морозкина,
двоюродная племянница Е.Н.

И ветер-фантазёр
Бродил по-над горами;
И зеркала озёр
Сияли в синей раме.

В удивительной образности и точности — я бы сказала «фотографичности» — стихов Елены Николаевны можно легко убедиться, пройдя её тропами. Эти строки легко ложатся и в подрисуночные подписи её же снимков — приведу лишь одно четверостишие, иллюстрирующее снимок, сделанный Еленой Николаевной со срединного холма Мальской долины:

Земля держала озеро в ладонях
С его тёмно-зелёною водою
И удивлялась собственному лику –
Она была печальной и великой.

Елене Николаевне было так комфортно в этой тиши, что ей не хотелось никуда и никогда отсюда уходить, — и именно здесь в начале 70-х она написала своё «Завещание»:

Когда мои окончатся страданья,
Скитанья обездоленной души,
Когда пройду все двери ожиданья,
Ты лишь одно на камне напиши:
 «Здесь спит поэт».
 И будет мне наградой
 Простор полей, синеющий окрест,
 Могила за разломанной оградой
 И распростёрший руки древний крест.
Похорони меня на том кладбище,
Где под откосом озеро-стекло;
Где рваный ветер по сиреням рыщет,
А небо смотрит тихо и светло;
 Где по холмам бродил когда-то Рерих
 И где ему погрезилось с горы,
 Как выходили викинги на берег
 И русские стучали топоры.

Мальская долина. Фото Е.Н. Морозкиной

Но вернёмся к труду Елены Николаевны. Её исследования архитектурных памятников Псковской земли были не только натурными — возвращаясь в столицу, она искала подтверждения своих взглядов и расчётов в архивах, библиотеках, музеях; сверяла и сравнивала их с летописными источниками и иконописными изображениями, вновь и вновь обращаясь к натуре... Не единожды ездила в Новгород, сравнивая его памятники с псковскими; изучала храмы, построенные псковскими зодчими в Москве и Казани, других городах и сёлах России. И вновь обмеряла, снимала сама, нанимала фотографов-профессионалов, художников, чтобы запечатлеть деталь, свойственную лишь псковскому зодчеству. Вот почему на подготовку диссертации ушло не положенных два года, а почти 11 лет...

Труд Е.Н. Морозкиной вызвал искреннее изумление маститых учёных, присутствующих в марте 1968 года на его защите. Не скрывал этого удивления и Михаил Владимирович Алпатов, главный оппонент Морозкиной: «Увидев эти материалы, я подумал, что это отчёт о работе целого института за 5 лет, а это сделал один человек... Работа Е.Н. Морозкиной представляет собой серьёзное научное исследование... Тема эта имеет большое значение для истории русской архитектуры и до сих пор никем не была ещё с такой полнотой и обстоятельностью рассмотрена... Перед нами работа, представляющая собой нечто вроде ЭНЦИКЛОПЕДИИ ДРЕВНЕЙ ПСКОВСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ. В большинстве случаев автор выступает как пионер... Следует особо отметить тот факт, что работа Е.Н. Морозкиной даёт много нового и для нашей архитектурной практики в связи с реконструкцией и застройкой старых городов. Автор убедительно и авторитетно рассматривает вопрос, каким образом нужно вести строительство новых зданий в Пскове, не забывая значения драгоценных остатков старины. Она смело и принципиально вскрывает допущенные ошибки, предлагает свои решения. Те выводы, к которым Е.Н. Морозкина пришла по Пскову, не лишне принять во внимание и московским архитекторам при реконструкции центра Москвы.

РАБОТА Е.Н. МОРОЗКИНОЙ НЕПРЕМЕННО ДОЛЖНА БЫТЬ ИЗДАНА.

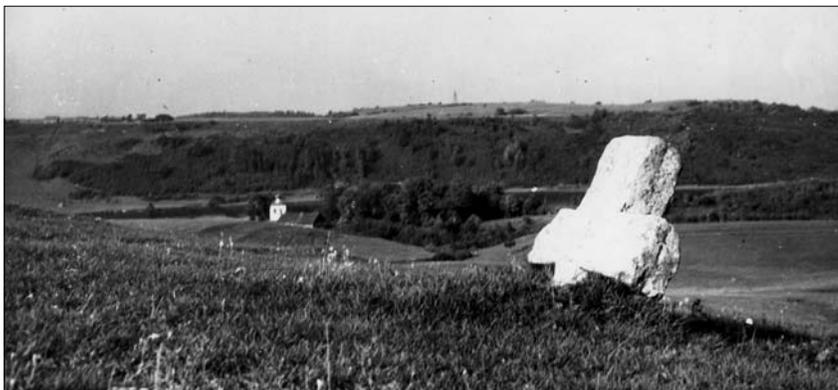
... Представленная ею диссертация имеет не только все основания для того, чтобы её автору присудить искомую научную степень кандидата искусствоведения, но и по объёму работы, по её серьёзности

Малы, у Трапезной

и зрелости, по её важности для нашей науки она даёт все основания для того, чтобы её автору была присуждена учёная степень доктора архитектуры...».

Николай Иванович Брунов: «... Высокий уровень диссертации Е.Н. Морозкиной основывается на том, что её автор — всесторонне глубокообразованный человек, обладающий очень большими знаниями в области истории культуры и, в особенности, истории искусства и истории литературы. Е.Н. Морозкина владеет совершенно свободно памятниками русской и всемирной архитектуры... Трудоспособность Е.Н. Морозкиной и волевое упорство в достижении поставленных ею себе исследовательских и вообще научных целей следует назвать совершенно исключительными. Об этом также говорит колоссальный материал, представленный в диссертации... Представленная Е.Н. Морозкиной диссертация, на мой взгляд, значительно превышает требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям». Подобного мнения придерживались все учёные, единогласно проголосовавшие за присвоение Елене Николаевне учёной степени доктора архитектуры. Однако труду Е.Н. Морозкиной была уготована иная судьба: диссертация из ВАКа пропала... Она «нашлась» спустя полтора года в реставрационных мастерских Пскова, и то благодаря обращению Елены Николаевны в Комиссию партконтроля при ЦК КПСС. Тогда же ей была «возвращена» и учёная степень кандидата искусствоведения...

Вид с холма. Фототека Е.Н.М., 60-е

Рекомендации академика Алпатова издать труд Морозкиной не были услышаны... Однако от застывшего в камне «эпического искусства» Псковской земли Елену Николаевну уже ничто не могло отвлечь — она стала выражать свою любовь другим способом и предложила издательству «Искусство» свою «Псковскую землю», которая и вышла в свет сначала в 1975 году тиражом 75 тысяч, затем повторно в 1986-м — тиражом 85 тысяч экземпляров. А вот главный её труд — «Зодчество Пскова как наследие» — так и остался «под спудом»...

Когда в альманахе «Памятники Отечества» начали выпускать серию «Вся Россия», я решила подготовить 2-томник «Псковская земля. Святыни и древности» и подключить к этому всех знакомых мне исследователей истории края. В начале 1999 года поехала в Псков к Елене Николаевне Морозкиной, однако в Древлехранилище Музея-заповедника мне дают её московский адрес... А я считала её псковичкой... Телефон мне дали неверный — лето и осень прошли даром, потому я написала Елене Николаевне — она позвонила мне тотчас по получении письма. Встречу откладывала: нездорова — не привести в порядок себя и квартиру... Однако звонила каждый день и, не заставая меня дома, долго разговаривала с моей мамой — всё о Пскове... Встречу назначила на 27 ноября. Мы проговорили весь «световой день» — точнее, говорила Елена Николаевна, но её рассказ более походил на отчёт: показала, что она готовит для передачи в Музей архитектуры им. Щусева (планшеты, оставшиеся от защиты диссер-

«Земля держала озеро в ладнях...». Фото Е.Н. Морозкиной

тации) и Древлехранилище Псковского музея-заповедника; больших размеров льняную папку с копиями клейм крыпецкой иконы «Савва Сербский...», выполненными по её заказу художником Г.А. Алексеевым-Гаем и предназначавшимися Государственному Историческому музею (крупно подписано фломастером: «В память Марфы Вячеславовны Щепкиной...» — Щепкина, дочь крупнейшего российского палеографа, работавшая в Отделе древних рукописей ГИМа, помогала Е.Н. подбирать материал к диссертации). И главное богатство книжного шкафа: старинные книги, альбомы по искусству, самое первое своё самостоятельное приобретение — дореволюционное издание И.Э. Грабаря «История русского искусства» в 15 томах («И золотые Грабари // В шкафу горят, как янтари»). Псковские и Новгородские летописи и, «под спудом», 5 объёмных льняных папок диссертации... Читает свои стихи о Пскове, сокрушаясь о том, что одно из них («Псков», 1958) почему-то не напечатано в сборнике «Осенняя песня». Я и застала Елену Николаевну за «проверкой» этого сборника: оказалось, несколько десятков экземпляров ей накануне принесли из типографии, и она просматривала каждый, бережно вкладывая его в прозрачный целлофановый пакет. Подарила мне сборнички «По Руси» и «Святогорье», а «Осеннюю песню» пообещала в следующий раз, когда проверит все, а сейчас упаковала 2 экземпляра для Древлехранилища — в общую посылочку для своих псковских друзей, с которыми я должна была встретиться в свою декабрьскую поездку в род-

Над Мальским озером, 1964. Публикуется впервые

ной город. Елена Николаевна собиралась набраться сил и ближе к Новому году отправиться в Псков, пушкинское Михайловское и сама вручить своим друзьям «Осеннюю песню»... Мой отъезд задерживался, и Елена Николаевна звонила и радостно «докладывала» о своих делах: «Принесли корректуру «Древнего Пскова» — вычитываю, но одной трудно... Приедете, сверим вместе ещё раз»... Выйдет книга — будет победа!.. «Выхожу на Шелонь» в наборе...»

Я выполнила поручения Елены Николаевны... Когда 13 декабря, в понедельник, пришла на Рижский, 57 — квартиру Елены Николаевны, меня встретили слезами: «Звонили из Москвы: вчера Елены Николаевны не стало...»

Домашний архив Елены Николаевны довелось разбирать лишь с 2002 года... Помогали мне Евдокия Александровна Александрова, подруга «кузины Зины» — Зинаиды Николаевны Морозкиной, двоюродной сестры Елены Николаевны, и иногда Володя Рыбкин, её студент, в 1960-х в числе других «детей» Е.Н. помогавший наклеивать на планшеты (к защите диссертации) фотографии. И сейчас восстанавливать биографию Елены Николаевны мне помогает Е.А. Александрова, хорошо знавшая семью Морозкиных (в 1953 году Елена Николаевна уступила ей свою комнату в родовом гнезде в Измайлове)...

К сожалению, «Древний Псков. Кром и Довмонтов город», частичку своего капитального труда, Елене Николаевне не суждено было увидеть. Набор «Выхожу на Шелонь» был утерян — я восстанавливала

её по рукописи, обнаруженной Евдокией Александровной в «бумагах» Елены Николаевны, но так и не знаю, соблюла ли я её композицию...

В 2004 и 2009 годах, готовя к печати «Псковскую землю», я восстановила её по авторской рукописи: в 2004 году она вышла в альманахе «Памятники Отечества» в серии «Вся Россия»; в январе 2009-го — в издательстве «Маросейка», с которым я в то время сотрудничала. В конце книги опубликовала ряд её статей «Древний Псков уходит от нас», в которых Елена Николаевна выразила всю свою боль по утрате исторических памятников нашего края. И стихи, говорящие о том же...

В «лихие 90-е»:

Разгрохали страну
Безжалостные власти.
Святую пелену
Разрезали на части.

И втоптана в песок
Былая позолота.
И к ней помёт присох,
И вновь ступает кто-то.

Лоскутик подыму
И на груди упрячу,
И с ним пойду сквозь тьму,
Шагая наудачу.

И станет мне теплей,
И чудо сотворится —
Над кипенью полей
Заплещет в небе птица.

И ровный тихий свет
Прольётся на откосы,
И путнику вослед
Зашелестят берёзы...

Начало 90-х:

Горит рябина, как лампада,
Пред образом Всея Руси.
Господь! Россию воскреси!
Мне больше ничего не надо...

1996 год:

Услышь меня, Господь:
Спаси мою Россию!
И стать её, и плоть,
И душу сохрани!

В предисловии к «Осенней песне», каждую страничку которой — от первой до последней, включая суперобложку, — она сама подготовила к печати, Елена Николаевна писала: «Судьба Родины — самая большая моя тревога. Её красота, душа её природы — самое большое моё утешение. Её трагическая, полная героизма биография — это наша биография, мы — часть её. И мы должны творить её достойно...»

Уверена: эти чувства Елены Николаевны Морозкиной в своей душе носит каждый из нас, здесь собравшихся...

В 2005 году, разуверившись в тех, кто обязан был (и обещал Елене Николаевне!) издать и главный её труд, я начала готовить к печати «Зодчество Пскова как наследие». Как и «Псковскую землю», решила издать в подарочном исполнении, проиллюстрировав старинными и современными фотографиями. Технически и советами по содержанию мне помогал Пономарёв Андрей Юрьевич, познакомившийся с диссертацией ещё при жизни Елены Николаевны. Подключила и псковичей, а в труднодоступные места меня возила на своём «Запорожце» Татьяна Владимировна Васютина, в то время директор ГАПО... Как мне далось издание 2-томника, вспоминать не буду: главное — он изъят «из-под спуда» и в 2008 году увидел свет.

Всего в нескольких строках Елена Николаевна выразила своё предназначение — ими я и хочу закончить свой рассказ:

Я несу эстафету,
И надо успеть
Дорогим
Передать
Дорогое.

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

ВЕРЕСОВА Тамара Васильевна —

*председатель Псковского регионального отделения СКР,
член Совета Союза краеведов России*

СОПОТОВ Дмитрий Геннадьевич —

заместитель Главы Администрации Печорского района

ИГУМЕН ХРИСАНФ (Липилин),

насельник Свято-Успенского монастыря

ШУВАЛОВА Вера Александровна —

директор Печорской Центральной районной библиотеки

ЦЕЛИКОВА Елена Владимировна —

главный методист Центральной районной библиотеки

КОЗЫРЕВА Ольга Анатольевна —

*директор Псковского филиала
Российской Международной академии туризма*

УЧАСТНИКИ VI ПСКОВСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

(гор. Печоры, 9 — 11 октября 2015 г.)

1. **АЙДА Андрей Борисович** (Печоры), гл. библиотекарь Отдела информационных технологий МБУК «Печорская центральная районная библиотека»: **Печорский край в годы Великой Отечественной войны.**
2. **АКСЕЛЬРОД Владимир Ильич** (С.-Петербург), методист Санкт-Петербургского Дворца творчества юных, декан Юношеского факультета: **Забывтый писатель (Петербургские адреса Виктора Муйжеля).**
3. **АНИТЬЕВА Алевтина Николаевна** (Изборск), заведующая Изборской библиотекой-филиалом МБУК «Печорская центральная районная библиотека»: **Воин, поэт, библиотекарь (К 100-летию со дня рождения В.В. Воронкова).**
4. **АСТРАХАНБИЕВА Ольга Александровна** (Псков), ведущий археограф Отдела информации, публикации и научного использования документов ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области»: **Деятельность Печорского магистрата Псковской губернии в конце XVIII столетия.**
5. **БАНИКОВА Валентина Алексеевна** (Таллинн, Эстония), член Общества русских литераторов Эстонии: **«В ненастный день взойдёт, как солнце, моя вселенская душа» (К 110-летней годовщине творческой деятельности Игоря Северянина).**
6. **БОЛЬШАКОВА Наталья Валентиновна** (Псков), кандидат филологических наук, зав. Научно-образовательной лабораторией региональных филологических исследований ПсковГУ; **ПЛОЩУК Галина Ивановна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник указанной выше Лаборатории; **ВОРОБЬЁВА Лина Брониславовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник указан-

- ной Лаборатории; **МИТЧЕНКО Зинаида Васильевна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории; **МУРАТОВА Мая Ильгельдыевна**, лаборант-исследователь Лаборатории: **Народные сказки Псковского края (К выходу мультимедийного издания).**
7. **БУГРОВ Борис Иванович** (Изборск), кандидат военных наук, полковник в отставке: **Православные святыни Изборска и его окрестностей.**
 8. **БУФЕЕВА Ирина Юрьевна** (Москва), искусствовед, доцент Московского Государственного университета дизайна и технологии: **Русский Север в графических работах студентов Института искусств.**
 9. **ВАЛК Надежда Алексеевна** (Тарту, Эстония), магистр филологии и психологии: доклад **Иван Соколов и Николай Яснецкий: творческое содружество русских художников Эстонии** и представление авторской книги «Там, где я родилась».
 10. **ВАСИЛЬЕВ Владимир Иванович** (Псков), ведущий архитектор института «Псковгражданпроект»: **Секреты старого чемодана (Предварительные результаты изучения рабочего архива А.А. Подчекаева).**
 11. **ВЕРЕСОВА Тамара Васильевна** (Псков — Москва), председатель Псковского регионального отделения СКР, член Совета Союза краеведов России; член Союза писателей и Союза журналистов России: доклад **Печорский край в творческой судьбе Елены Николаевны Морозкиной** и представление сборника «**Пятые Псковские региональные краеведческие чтения**».
 12. **ВЕКШИН Алексей Павлович** (Петербург), Действительный член Русского Географического общества: **Галерея портретов преподавателей и выпускников Псковской Учительской семинарии 1901 года.**
 13. **ВИТАС Анна Борисовна** (Санкт-Петербург), научный сотрудник Центральной военно-морской библиотеки: «**Дебоширы**» и **кругосветчики лейтенанты Хвостов и Давыдов.**
 14. **ВОРОБЬЁВА Лина Брониславовна** (Псков), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований ПсковГУ (содокладчик Большаковой Н.В.): **Народные сказки Псковского края (К выходу мультимедийного издания).**

15. **ГОЛУБЕВ Алексей Сергеевич** (Псков), начальник Отдела научной информации, публикаций и использования документов ГКУ ПО «Государственный архив новейшей истории Псковской области»: **Валентина Скобелева — участница разминирования Печорского района в 1945 — 1946 годах.**
16. **ГРОМОВА Алла Витальевна** (Москва), доктор филологических наук, профессор Кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета: **О контактах Л.Ф. Зурова с жителями Печор в 1920-е — 1960-е годы (По печатным и архивным материалам).**
17. **ГРУШИНА Любовь Евгеньевна** (Изборск), краевед, член ПРО СКР: **Печорский край на старых открытках. Из частных коллекций.**
18. **ГУЛИН Андрей Александрович** (Великие Луки), старший преподаватель Великолукской Государственной академии физической культуры и спорта: **Печоры на грани сословной войны на рубеже XVIII — XIX веков.**
19. **ДЕМЕНТЬЕВ Виталий Сергеевич** (Палкино — Псков), аспирант Кафедры географии ПсковГУ: **История заселения и освоения современной территории Палкинского района до XVIII века.**
20. **ДРОЗДОВ Николай Петрович** (Изборск), краевед: **Изборск в годы Великой Отечественной войны (По страницам авторской книги «А это было так»).**
21. **ЕРМАК Елена Анатольевна** (Псков), доктор педагогических наук, профессор Псковского филиала Российской Международной академии туризма (ПФ РМАТ): **Два форпоста Псковской земли — Устье и Мелётово.**
22. **ЕРМАК Дмитрий Алексеевич** (Псков), студент 4 курса ПФ РМАТ: **Дмитрий Козьяков — рядовой Бессмертного полка.**
23. **ЕФИМОВ Алексей Николаевич** (Псков), краевед: **Слободская волость. Из истории населённых мест Печорского края.**
24. **ЖЕЛАМСКИЙ Александр Гаврилович** (Невельский р-н), кандидат географических наук, Действительный член Русского Географического общества, создатель и руководитель Музея пейзажного наследия «Окоём»: **Пейзаж Псковщины в представлениях о нём.**

25. **ЖУКОВСКАЯ Татьяна Никитична** (Москва), научный сотрудник Литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых (г. Александров Владимирской обл.), член Союза писателей Москвы : **Леонид Зуров — хранитель русской истории в Зарубежье.**
26. **ЗУБОВА Инна Каримовна** (Оренбург), кандидат физико-математических наук, доцент Кафедры математического анализа Оренбургского Государственного университета: **Владимир Даль и оренбургское краеведение.**
27. **ЗУЕВ Михаил Иванович** (Псков), историк: **Тихая мелодия Малов. Из ранней истории Онуфриевой пустыни.**
28. **ИВАНОВА Алина Аркадьевна** (Псков), архивист Отдела методической и научно-справочной работы ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области»: **Собрание городских уполномоченных: вопросы городской жизни в Печорах в начале XX века.**
29. **ИВАНОВА Надежда Петровна** (Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук: **Книгопечатание и просветительская деятельность Псково-Печерского монастыря Корнилиевского периода.**
30. **КАРАУЛОВА Ирина Борисовна** (Санкт-Петербург), кандидат химических наук, доцент СПбургского Государственного университета технологии и дизайна: **Варвара Александровна Княжнина в семейном окружении.**
31. **КАЧКИНА Алевтина Николаевна** (Печоры), краевед: **Орган евангелическо-лютеранской церкви св. Петра в Печорах Псковских.**
32. **КОЗЫРЕВА Ольга Анатольевна** (Псков), кандидат педагогических наук, профессор, директор Псковского филиала Российской Международной академии туризма, член Совета ПРО СКР: **Курс краеведения в учебной программе Псковского филиала Российской Международной академии туризма.**
33. **КОНДРАТЕНКО Алексей Иванович** (Орёл), кандидат политических наук, доцент Кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского Государственного университета; председатель правления Орловского областного отделения РОИА: **Пскович Т.И. Антропов — первый заведующий Отделением журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.**

34. **КОНДРАТЕНКО Галина Ивановна** (Орёл), краевед: **Неосуществлённый проект строительства магистральной железной дороги «Орёл — Дно» (начало XX в.).**
35. **КОНДРАТЕНЯ Александр Владимирович** (Опочка), краевед, член ПРО СКР: **Опыт описания Покровского некрополя города Опочки.**
36. **КОНОВ Юрий Геннадьевич** (Псков), старший научный сотрудник Музея-заповедника: **Лётчики истребительной авиации — кавалеры ордена Александра Невского.**
37. **КОСТЮЧУК Лариса Яковлевна** (Псков), доктор филологических наук, профессор Кафедры русского языка филологического факультета ПсковГУ: **Из истории псковской письменности (На материале памятников книжности Псково-Печерского монастыря).**
38. **КРАСОТИНА Елена Викторовна** (Псков), старший преподаватель Псковского филиала Российской Международной академии туризма, заведующая Кафедрой управления: **Трактирный промысел в Псковской губернии середины XIX — начала XX века.**
39. **КРУГЛИКОВА Клара Андреевна** (Москва): **Род Кругликовых на Псковской земле.**
40. **КУЗНЕЦОВА Зоя Ивановна** (Тарту, Эстония), краевед: **«Кому ж писать я буду оды?» (О поэтах села Лавры 20-х — 30-х годов XX в.).**
41. **КУСКОВА Светлана Витальевна** (Псков), кандидат педагогических наук, доцент Кафедры естественнонаучных дисциплин и дисциплин специализации ПФ РМАТ, член ПРО СКР: **То время осталось с нами (Воспоминания о Великой Отечественной войне жителей Псковского района).**
42. **ЛЕВИН Натан Феликсович** (Псков), краевед, Почётный гражданин города Пскова, член ПРО СКР; **ШОР Татьяна Константиновна** (Тарту), главный специалист Исторического архива Эстонии: **Общественная деятельность Константина Врангеля, управляющего Псковской Казённой палатой.**
43. **ЛЕДИНИНА Татьяна Георгиевна** (Псков), главный библиограф Областной универсальной научной библиотеки, член ПРО СКР: **История улицы Лесной: Святогорский монастырь в годы гонений на православие.**

44. **МАЛНАЧ Александр Дмитриевич** (Рига, Латвия), историк: **Е.А. Евстифеева-Дзейвер: между Опочкой и Ригой.**
45. **МАСЛЕННИКОВА Любовь Владимировна** (Псков), заместитель директора по воспитательной работе Псковского филиала Российской Международной академии туризма, член ПРО СКР: **Один из немногих: к вопросу о личности Виктора Михайловича Русакова, историко-графа рода Пушкиных.**
46. **МЕНЬШОВ Николай Петрович** (Москва), кандидат исторических наук, ведущий специалист РГАДА (Российского Государственного архива древних актов): **Сведения о дворянском землевладении в Печорском уезде Псковского наместничества, отложившиеся в фонде VI Департамента Правительствующего сената за 1783 — 1797 годы.**
47. **МИТРОФАНОВА Наталья Анатольевна** (Псков), заведующая Международным центром Областной универсальной научной библиотеки: **Бытописатель человеческой жизни: возвращение писателя Виктора Муйжеля к читателям XXI века.**
48. **МИХАЙЛОВА Любовь Петровна** (Петрозаводск), Кандидат филологических наук, профессор, руководитель Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии ПетрГУ: **О влиянии иноструктурных языков на формирование лексики псковских говоров.**
49. **МОКРИКОВСКАЯ Елена Васильевна** (Печоры), зав. отделом Администрации Печорского района: **И корни и ветви в Печорском краю (К 100-летию со дня рождения М.В. Лашина).**
50. **НАМЕСТНИКОВА Татьяна Евгеньевна** (Москва), Учёный секретарь ЧУК «Культурный центр “Самолва”»: **Частное учреждение культуры как форма сохранения исторической памяти (на примере создания Музея истории сражения “Ледовое побоище” в Гдовском районе).**
51. **НЕВЗОРОВА Ирина Михайловна** (Москва), литературовед, историк русской эмиграции, член Союза писателей Москвы: **Род Кноррингов на Псковской земле.**
52. **НИКИТЕНКО Николай Васильевич** (Псков), член ПРО СКР, заместитель председателя ПРО СКР: **Виктор Павлович Обьедков: страницы жизни и деятельности.**

53. **НОВИКОВ Игорь Александрович** (Челябинск), кандидат исторических наук, доцент Кафедры отечественной истории ЧПГУ, член Совета Союза краеведов России: **Град Святого Иоанна Златоуста.**
54. **ОБОЗНЫЙ Константин Петрович** (Псков — Москва), кандидат исторических наук, заведующий Кафедрой исторических дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института: **Русское Студенческое Христианское движение в Печорах в 1930-е годы.**
55. **ПАВЛЕНКО Алла Александровна** (Москва), кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории, культурологии и молодёжной политики Московского Авиационного института, член Совета МКО (Московского Краеведческого общества): **Портрет Патриарха Никона и художники Серебряного века.**
56. **ПАВЛОВА Татьяна Евгеньевна** (село Карамышево Псковского района), Глава Карамышевской волости: **Опыт организации Культурно-просветительского историко-краеведческого центра на базе библиотеки села Карамышево.**
57. **ПЕТРОВСКАЯ Ольга Николаевна** (Невель — Москва): **Камера-обскура в военно-революционном Невеле. Дневник эмигранта, 1916 — 1917 годы.**
58. **ПЛОЩУК Галина Ивановна** (Псков), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований ПсковГУ; **БОЛЬШАКОВА Наталья Валентиновна**, заведующая выше названной Лабораторией: **Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи и фольклора (к изданию сборника архивных текстов).**
59. **ПОНОМАРЁВ Андрей Юрьевич** (Москва), культуролог: доклад **Архитектор Александр Владовский** и презентация сборника «Л.Ф. Зуров. Статьи и письма. Вып. 1, серии «Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова». М., 2014.
60. **ПОТРЕСОВ Владимир Александрович** (Москва), кандидат технических наук, директор ЧУК «Культурный центр “Самолва”», редактор отдела журнала «Наше наследие»: **Ледовое побоище: новый взгляд на события войны 1240 — 1242 годов как задачу исследования операций.**

61. **ПРИБРАЖЕНСКИЙ Андрей Владимирович** (Петрозаводск), кандидат филологических наук, доцент Кафедры русского языка Петрозаводского Государственного университета; **РУТТ Татьяна Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент Кафедры русского яз. ПетрГУ: **Конкурс «Край родной — родное слово» в работе Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии ПетрГУ.**
62. **ПУУСЕПП Людмила Владимировна** (г. Пайде, Эстония), учитель: **Малоизвестные изображения Печерского монастыря в работах Владимира Шумана/Муромца.**
63. **РАБИНОВИЧ Яков Николаевич** (Саратов), кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского Государственного университета: **Псково-Печерский монастырь и Изборск в Смутное время** (и презентация авторской книги «**Малые города Псковской земли в Смутное время**»).
64. **РАЗУМОВСКАЯ Аида Геннадьевна** (Псков), доктор филологических наук, руководитель Открытого Института русского языка и культуры им. Е.А. Маймина Псковского Государственного университета: **Печорский край в переписке Леонида Зурова и Николая Андреева.**
65. **РУСАНОВА Людмила Фёдоровна** (Псков), заведующая Краеведческой библиотекой им. И.И. Василёва, заместитель председателя ПРО СКР: **Представление сборника 3-х — 4-х Василёвских чтений (2013 — 2014 гг.).**
66. **РУТТ Татьяна Евгеньевна** (Петрозаводск), кандидат филологических наук, доцент Кафедры русского языка ПетрГУ (содокладчик Приображенского А.В.): **Конкурс «Край родной — родное слово» в работе Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии ПетрГУ.**
67. **СЕРГЕЕВ Валерий Николаевич** (Ростов Великий — Москва), искусствовед, член Союза писателей России: **Отец Иоанн Крестьянкин. 1946 год.**
68. **СИДЯКОВ Юрий Львович** (Рига, Латвия), доктор филологии, доцент Отделения русистики и славистики Латвийского университета: **Псково-Печерский монастырь в русской латвийской прессе 1920-х — 1930-х годов.**

69. **СИЗИНЦЕВА Лариса Ивановна** (Кострома), кандидат культурологии, доцент Кафедры социально-культурного сервиса и туризма Костромского Государственного технологического университета: **Выдающийся экскурсионист Арт Закс.**
70. **СОЛОДОВНИКОВ Владимир Васильевич** (Псков — Москва), кандидат исторических наук, профессор Кафедры всеобщей истории Духовной академии Содружества евангельских христиан России: **Евангельское движение в Пскове и Псковской области конца 40-х — 80-х годов XX века.**
71. **ТОКАРЕВА Людмила Леонидовна** (Нарва, Эстония), Хоровая школа, педагог фортепиано; автор-исполнитель музыкально-поэтических композиций и песен на стихи русских поэтов XIX века и Серебряного века: **«Это было у моря» (на стихи Игоря Северянина) и «Господеви поклонитесь» (песни на духовные стихи поэтов Серебряного века).**
72. **ТСОПАТАЛО Хелью Пауловна** (Печоры), руководитель ансамбля народности СЕТО: **Сетомаа — земля сето. Традиции и современность.**
73. **ТРОФИМОВА Галина Терентьевна** (Великие Луки), кандидат филологических наук, профессор Кафедры гуманитарных и социологических дисциплин ВЛГАФК, заместитель председателя ПРО СКР: **Дмитрий Михайлович Милютин об осаде Великих Лук войсками Стефана Батория в 1580 году.**
74. **ТУГАЙ Татьяна Ивановна** (Оренбург), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского Государственного университета: **Церковное краеведение в Оренбургском крае в конце XIX — начале XX века.**
75. **ФЕЙГМАНЕ Татьяна Дмитриевна** (Рига, Латвия), доктор истории, директор Института русского культурного наследия Латвии, научный редактор сайта «Русские Латвии»: **Некоторые факты из жизни русского населения бывшего Яунлатгальского уезда в межвоенной Латвии.**
76. **ФЁДОРОВА Ольга Михайловна** (Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук, Заслуженный работник культуры, зав. Отделом комплектования и обработки Центральной военно-морской библиотеки: **Образ посланника Н.П. Резанова в дневниках его спутников по кругосветному плаванию.**

77. **ФЁДОРОВ Алексей Иванович** (Санкт-Петербург — Струги Красные), краевед, член ПРО СКР: **Проблема захоронений времён Великой Отечественной войны на территории Плюсского и Стругокрасненского районов.**
78. **ФИЛИМОНОВ Анатолий Васильевич** (Псков), кандидат исторических наук, профессор, зав. Кафедрой отечественной истории ПсковГУ: **Архимандрит Пимен — наместник Псково-Печерского монастыря (1949–1954 гг.)**
79. **ФРОЛОВА Любовь Александровна** (Псков), ведущий методист Центра противопожарной пропаганды и общественных связей ФГКУ «Третий отряд ФПС по Псковской области», член ПРО СКР: **Из истории Печорской профессиональной пожарной охраны.**
80. **ЦВЕТКОВ Николай Анатольевич** (Пыталово), руководитель клуба «Поиск-97»: **Учащиеся Абренской гимназии — участники Великой Отечественной войны.**
81. **ШУВАЛОВА Вера Александровна** (Печоры), директор МБУК «Печорская центральная районная библиотека»: **Популяризация культурно-исторического наследия края в работе библиотеки.**

**ШЕСТЫЕ
ПСКОВСКИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Книга II

(Печоры, 9 — 11 октября 2015 г.)

Редактор-составитель — Т.В. Вересова

Дизайн и вёрстка — В.В. Котов

На 1-й сторонке обложки — Н.К. Рерих. Святой Николай. 1916

На 4-й сторонке — Участники конференции на экскурсии в Изборске.

Фото И.М. Невзоровой

В сборнике использованы фотографии

Владимира Шумана/Муромца (1905 — 1989).

Сборник подготовлен к печати и издан на средства Тамары Вересовой, председателя Псковского регионального отделения Союза краеведов России, с долевым участием Псковского филиала Российской Международной академии туризма (директор Ольга Козырева).

Тираж сборника определён подпиской, организованной Надеждой Валк (Тарту, Эстония), участницей VI Псковских международных краеведческих чтений.

Подписано в печать 20.04.2016 г.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Minion Pro. Объём 28 печ. л.

Бумага офсетная, печать офсетная.

Тираж 110 экз. Заказ № ____

Отпечатано в типографии Onebook

ООО «Сам Полиграфист»

Москва, Волгоградский проспект, д. 42

www.onebook.ru

ISBN 978-5-600-00062-9